

№ 24 (119) 2011
Выпуск 12

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

Основан в 1995 г.

Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Belgorod State University
Scientific bulletin

Philology Journalism Pedagogy
Psychology

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего проф-
фессионального образования «Белгородский
государственный национальный исследова-
тельский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:

НИУ «БелГУ».
Издательско-полиграфический комплекс
НИУ «БелГУ»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77-21121
от 19 мая 2005 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Л. Я. Дятченко,

ректор НИУ «БелГУ», доктор
социологических наук, профессор

Зам. главного редактора

В. В. Соколов,

проректор по научной работе
НИУ «БелГУ», кандидат педагогических
наук

Ответственные секретари:

В. М. Московкин,

доктор географических наук, профессор
кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ»

Е. Н. Кролевецкая,

доцент кафедры педагогики НИУ
«БелГУ», кандидат педагогических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

А. П. Короченский,

доктор филологических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

Заместители главного редактора:

И. А. Нагорный,

доктор филологических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

Содержание

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Церковь и художественная литература Серебряного века: диалог
и противостояние. **С. А. Колесников 5**

Литературно-критическая деятельность П.А. Вяземского 1840-х годов.
В. В. Липич, К. С. Позднякова 13

Магистерский курс «Функции русских частиц» в рамках уровневой
системы образования. **И. А. Нагорный 19**

Проблемы дискурсологии поэтической прозы. **Е. Г. Озерова 26**

Жанровые варианты концепта «пространство» в фольклорных текстах.
Т. С. Соколова 37

Соматизмы в поэзии Беллы Ахмадулиной. **В. К. Харченко,
Д. А. Плужникова 44**

Номинация героя как отражение национальной составляющей
индивидуально-авторской картины мира. **Е. В. Черкашина 51**

Континуум текста и прецедентная ситуация. **И. И. Чумак-Жуль 59**

Когнитивно-семиологическая сущность метафоры (на материале
художественной прозы писателей Черноземья). **И. А. Яроцук 67**

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Политический зоопарк или Роль зооморфной метафоры в формировании
политического образа (на материале английского языка).
О. И. Азафонова 77

Фаунонимическая лексика в системе языка и её национально-культурная
специфика (на материале лексических единиц «лошадь», «конь»,
«свинья» в русском, английском и немецком языках).
Ж. Багана, Ю. С. Михайлова 84

Временные маркеры субъективной модальности композиционно-речевой
формы «повествование» (на материале английского языка).
М. Г. Бахтиозина 94

Структурно-содержательные свойства концепта «Вооруженный
конфликт» (на материале немецкоязычного новостного интернет-
дискурса). **Д. А. Бородько 98**

Репрезентация суггестивности текстов электронной коммерческой
корреспонденции (на материале английского и немецкого языков).
А. Е. Воробьева 105

Стилистическая роль глаголов механического воздействия «stretch»,
«tugare», «fold», «tuck», используемых в переносном значении,
в романах Л. Вайсбергер. **Е. С. Данилова 113**

Концептуальные, онтологические, семантические и другие основания
исследования единиц языка и речи со значением «потеря/loss».
Е. В. Лукьянова 120

О. Н. Прохорова,
доктор филологических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

И. Ф. Исаев,
доктор педагогических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

Н. И. Исаева,
доктор психологических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

Члены редакционной коллегии:

М. Геруля,
доктор гуманитарных наук, профессор
Силезского университета, Катовице
и Высшей гуманитарной школы,
Сосновец (Польша)

К. Жиро,
доктор философии, профессор Барселон-
ского Автономного университета, директор
Департамента средств массовой информации,
коммуникации и культуры (Испания)

В. И. Лозовая,
доктор педагогических наук, профессор
Харьковского национального университе-
та, член-корреспондент Академии педаго-
гических наук (Украина)

У. Перси,
доктор филологии, профессор
Университета Бергамо (Италия)

А. А. Тертыйный,
доктор филологических наук, профессор
факультета журналистики Московского
государственного университета

А. В. Фёдоров,
доктор педагогических наук, профессор,
проректор по научной работе Таганрог-
ского государственного педагогического
института, президент Российской
ассоциации медиапедагогика

Консультант

Е. А. Кожемякин,
доктор философских наук, профессор
НИУ «БелГУ»

Ответственный секретарь

И. И. Карпенко,
доцент факультета журналистики
НИУ «БелГУ», кандидат филологических
наук

Подготовка к печати *Т.Г. Лагутина*
Оригинал-макет *И. И. Карпенко,*
Н.А. Гапоненко

e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Подписано в печать 19.12.2011
Формат 60x84/8
Гарнитура Georgia, Impact.
Усл. п. л. 33,71
Тираж 1000 экз.
Заказ 393

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81470

Оригинал-макет тиражирован в издательско-
полиграфическом комплексе НИУ «БелГУ»
Адрес: 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85

Методология полевого исследования профессионального аргю
(на материале французского языка). **Т. И. Ретинская 127**

Категория информативности в политической карикатуре США.
Е. В. Середина 136

Проблематика современного теоретического терминоведения,
достижения и недостатки терминологических исследований.
Е. Н. Таранова 142

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Медийная критика как учебная дисциплина (опыт Казанского
университета). **Р. П. Баканов 150**

СМИ в интернет-пространстве Республики Казахстан. **Т. В. Вялых 160**

Аудитория «православного Интернета» в России. **Н. С. Зимова 171**

Медиатексты в аспекте теории интертекстуальности и прецедентности.
М. Ю. Казак, А. А. Махова 175

Трансформация профессиональных компетенций журналистов
интернет-радиовещания. **И. И. Карпенко 183**

Проблема оценки доверия студенческой аудитории к различным типам
медиатекстов. **Т. Р. Красикова, Е. А. Кожемякин 188**

Православное слово: от традиции святоотеческой к массмедийной.
А. В. Полонский 197

Основные характерологические черты медийного имиджа БелГУ
как инновационного вуза. **С. И. Шатохина 206**

ПЕДАГОГИКА

Технология регулирования двигательной активности студентов
на начальном этапе обучения в вузе с учётом предрасположенности
к достижению успеха или избеганию неудач.

Е. В. Гавришова, А. А. Горелов 213

Формирование общекультурной и методологической компетенции
учащихся на основе коммуникативно-гуманитарного подхода.

Г. А. Иванова 218

Взаимодействие воспитателя с детьми дошкольного возраста: психолого-
педагогическая поддержка. **Е. Н. Лихачева 228**

Тенденции и закономерности использования сети Интернет в развитии
научного потенциала старшеклассников. **Г. В. Макотрова 233**

Лингвистические куратории (к постановке проблемы).

А. П. Пересыпкин 248

Воспитание школьников средствами спортивных единоборств.

В. Д. Сен 254

ПСИХОЛОГИЯ

Особенности субъективной картины жизненного пути женщины
на этапе поздней зрелости. **А. Н. Афанасьева 262**

Эмоциональный интеллект при шизофрении. **О. В. Рычкова,**
Н. А. Соина 272

Сведения об авторах **282**

Информация для авторов **285**

**№ 24 (119) 2011
Issue 12**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University.
Belgorod National Research University Press

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИИ № ФС 77-21121 May, 19 2005.

EDITORIAL BOARD

Chief editor

L. Y. Dyatchenko,

Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Sociological Sciences, Professor

Deputy editor-in-chief

V. V. Sokorev,

Vice-rector for scientific research of Belgorod National Research University, Candidate of Pedagogical Sciences

Assistant Editors

V. M. Moskovkin,

Doctor of Geographical Sciences, Professor of World Economy Department Belgorod National Research University

E. N. Krolevetskaya,

Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor of Pedagogics Department of Belgorod National Research University

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIE

Chief editor:

A. P. Korochenskiy,

Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Humanities

Philology Journalism Pedagogy Psychology

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

Contents

RUSSIAN PHILOLOGY

Church and Silver Age Fiction: Dialogue and Opposition.

S. A. Kolesnikov 5

Literary-critical Activity of P. A. Vjazemsky in 1840's. **V. V. Lipich, K. S. Pozdnyakova 13**

Master Course "Functions of Russian Particles" in the Level System of Education. **I. A. Nagornyy 19**

Discoursology Problems of poetic Prose. **E. G. Ozerova 26**

Genre Variants of the Concept "Space" in the folklore Texts.

T. S. Sokolova 37

Somatisms in the Poetry of Bella Akhmadulina. **V. K. Kharchenko,**

D. A. Pluzhnikova 44

Nomination of the Hero as a Reflection of the national Component of the individual author's world View. **E. V. Cherkashina 51**

Continuum of Text and precedent Situation. **I. I. Chumak-Zhun 59**

Cognitive-semiological Essence of the Metaphor (on a Material of art Prose of Writers of Chernozem Region). **I. A. Yaroshchuk 67**

ROMANIC-GERMAN PHILOLOGY

Political Zoo or the Role of animal Metaphor in political Image Creation (in English). **O. I. Agafonova 77**

Fauna Lexis in the System of Language and its national-cultural Specificity (on the Material of lexical Units "Horse", "Pig" in the Russian, English and German Languages). **J. Baghana, Y. S. Mikhailova 84**

Temporal markers of subjective modality of the compositional verbal form "narration" (in English). **K.A. Bakhtiozina 94**

Structural and semantic Characteristics of "armed Conflict" Concept (on the basis of Internet-Discourse in German-language Mass Media).

D. A. Borodko 98

Representation of the Suggestibility of electronic business Letters (in English and German). **A. E. Vorobyova 105**

Stylistic role of the verbs of physical impact "stretch", "drape", "fold", "tuck" used in figurative meaning in L. Weisberger's novels. **E. S. Danilova 113**

Conceptual, ontological, semantic and other Bases for the Study of Language and Speech Units representing «Loss». **E.V. Lukyanova 120**

Methodology of the field Study of the professional Argots (on the Material of the French Language). **T. I. Retinskaya 127**

Category of Informativity in political Caricature in the USA.

E. V. Seredina 136

Problems of modern theoretical Science of Terminology, Achievements and Shortcomings of terminological Researches. **E. N. Taranova 142**

O. N. Prohorova,
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Belgorod National Research
University)

I. F. Isaev,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Belgorod National Research
University)

N. I. Isaeva,
Doctor of Psychological Sciences,
Professor (Belgorod National Research
University)

Members of Editorial Board:

M. Gierula,
Doctor of Humanities, Professor of Sile-
sian University, Katowice, Professor
of High School of Humanities, Sosnowiec
(Poland)

X. Giro,
PhD, Professor of Autonomous University
of Barcelona, Director of Department
of Mass Media, Communication and
Culture (Spain)

V. I. Lozovaya
Doctor of Pedagogy, Professor of Kharkov
National University, Member of Academy
of Pedagogical Science (Ukraine)

H. Persi,
Doctor of Philology, Professor
of University of Bergamo (Italy)

A. A. Tertychniy,
Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of Faculty of Journalism
of Moscow State University

A. V. Fedorov,
Doctor of Pedagogy, Professor, Vice-
Rector of Taganrog State Pedagogical
Institute, President of Russian Association
of Media Pedagogy

Consultant:
E. A. Kozhemyakin,
Doctor of Philosophical Sciences,
professor (Belgorod National Research
University)

Responsible secretary:
I. I. Karpenko,
Associate Professor of the Faculty
of Journalism (Belgorod National
Research University)

Prepared for release *T. G. Lagutina*
Dummy layout by *I. I. Karpenko,*
N. A. Gaponenko

e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Passed for printing 19.12. 2011
Format 60x84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 33,71
Circulation 1000 copies
Order 393

Subscription reference in Rospechat' agency
catalogue – 81470

Dummy layout is replicated
at Belgorod National Research University
Publishing House
Address: 85, Pobedy Str., Belgorod,
Russia, 308015

JOURNALISM AND PR

Media Criticism as a university discipline (the case of the Kazan University).

R. P. Bakanov 150

Mass Media in the Internet Field of Republic of Kazakhstan.

T. V. Vyalykh 160

Audience of the Orthodox Segment of the Internet in Russia.

N. S. Zimova 171

Media Texts in Terms of the Theory of Intertextuality and precedent Texts.

M. Y. Kazak, A. A. Makhova 175

Transformation of professional Competence of Journalists in Inter-
net Broadcasting. **I. I. Karpenko 183**

Evaluating the Students' Trust for different Types of Media Texts.

E. A. Kozhemyakin, T. R. Krasikova 188

Orthodox Word: from patristic Tradition to the Tradition of Mass Media.

A. V. Polonskiy 197

General features of the media Image of the Belgorod State University as an in-
novative institution. **S. I. Shatokhina 206**

PEDAGOGICS

Regulation Technology of Students' impellent Activity at initial Stage of Study-
ing at University Accounting for Predisposition to Success Achievement
or failures Avoiding. **E. V. Gavrishova, A. A. Gorelov 213**

Formation of common Cultural and methodological Competence of Pupils on
the Basis of the communicative-humanitarian Approach. **G. A. Ivanova 218**

Interaction of Caregivers in preschool Children: psychological and pedagogical
Support. **E. N. Likhacheva 228**

Tendencies and Laws of USE of the Network Internet in Development of scien-
tific Potential of senior Pupils. **G. V. Makotrova 233**

Linguistic curatoria (to the problematization). **A. P. Peresyphkn 248**

Education of Pupils by means of fighting Arts. **V. D. Sen 254**

PSYCHOLOGY

Features of the subjective Picture of Life of the Woman at the Stage of late
Adulthood. **A. N. Afanaseva 262**

Emotional Intelligence in Schizophrenia. **O. V. Rychkova,**
N. A. Soina 272

Information about Authors **282**

Information for Authors **285**

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82'09

ЦЕРКОВЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: ДИАЛОГ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

С. А. Колесников*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:**SKolesnikov.bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются отдельные аспекты взаимоотношений между Русской православной церковью и художественной литературой в период Серебряного века. Автор отмечает наличие двух векторов в развитии этих отношений – позитивного и негативного. Особый акцент в статье делается на рассмотрении негативного вектора, способствовавшего нарастанию напряженных отношений между Церковью и литературным сообществом, с одной стороны, и усилением катастрофичности в обществе на «рубеже веков» – с другой.

Ключевые слова: Серебряный век, литература и церковь, теургия, язычество, оккультизм.

Взаимодействие Русской православной церкви и художественной литературы в решении проблемы социальной стабильности имеет развернутую историю, восходящую к духовным вербально-художественным «проектам» Кирилла и Мефодия, к созданию национальной письменности [1]. Однако процесс взаимовлияния литературно-художественного и церковного сознания, практически с самых первых этапов своего генезиса, перманентно включал в себя антиномичные векторы – взаимно «комплиментарные» и взаимно антагонистические.

Сама ситуация зарождения высокохудожественной отечественной литературы сакральна и принципиально церковна: первичные жанровые формообразования – гомилистически-ораторские [2, с. 59], первичная содержательная семантика оригинальных произведений Киевской Руси – христологична и христоцентрична [3], онтологические и этико-аксиологические цивилизационные коды [4] полностью формируются под влиянием церковной культуры...

Однако в противовес комплиментарным моделям взаимоотношений литературы и церкви все более нарастающее влияние начинают оказывать «эвдемонические» (М. М. Дунаев) [5, с. 5], материально ориентированные, а потому потенциально деструктивные стратегии. Духовно-сотериологическое «прославление Бога» (Д. Лихачев) [2, с. 75], посредством вербально-художественной культуры, обращенное к «обретению сокровищ на небесах», «форма вспомоществования спасению» (Л. В. Левшун) [6, с. 36] сменяется секулярными мотивами и негативными оценками в адрес церкви (начиная с эпохи русского Просвещения) как реально существующей, «материализованной», структуры. «Прогнозис» духовных интуиций, представленных в ранних произведениях Киевской Руси, трансформируется в рациональную проектность «оптимизации» церкви, церковь начинает представать в секуляризированной художественной литературе как «земное» образование, а, следственно, потенциально подверженное разру-



шению. В самой вербально-художественной культуре возникают «книги» как феноменально проявляемая целостность и «литеры» как манифестируемая разобранность, как комбинируемая дискретность [6, с. 6].

Можно утверждать, что интенсивность динамики противостояния вербально-художественного и церковного сознания в Серебряном веке достигает своего максимума.

На рубеже XIX – XX вв. в отечественной культуре происходит столкновение, «финальная схватка» (в рамках терминологии концепции А. Тойнби) между этими двумя генеральными культурными модусами. Церковь и литература обретают в общественном сознании эпохи равновесное звучание, церковное «слово», но, особенно, претендующее на исключительность, «слово» литературное, уже не могли придерживаться рамок своих культурных ареалов. Потенциалы церковной и вербально-художественных культур в общественно-читательском сознании Серебряного века уравнились: перед эпохой встала задача определить, какое из направлений станет доминирующим.

По существу, художественная литература предложила себя в качестве сакрального «эквивалента» литературе духовной, некоей «имитации» параметров, свойственных церковной книжности: у писателей и поэтов «рубежа веков» отчетливо проявляется стремление к имитации литургичности [подр. см. 6, с. 36], молитвенности (ранний С. Есенин, А. Блок, Д. Мережковский и др.), исповедности (трансформированной в дневниковый жанр, который в Серебряном веке, как уже отмечалось, был необычайно развит), харизматичности (практически каждый талантливый писатель эпохи – в определенной степени создатель харизматически обусловленной группы или социально резонансного явления: толстовство, «санинщина», «передоновшина»... – как одна грань проявления подобной харизматичности, и – другая – «символисты», «адамисты», «аргонавты» и пр.), теогностичности («роза ветров» богоискательства М. Горького, Л. Андреева, Л. Толстого и мн. др. поражает многонаправленностью), поучительности (яркий пример – религиозный дидактизм Л. Толстого)... Однако подобная мимикрия, естественно, не могла укрепить «охранную связь художественного образа с его идеальным подобием и «первообразом», скорее провоцировала все большее увеличение дистанции между ними.

Имитация книжной духовности, в частности, молитвенности, не могла выполнить главную «функцию» истинно духовного текста – «снятие зазора между реальным и идеальным состояниями человеческого существа» (П. Ю. Нешитов [7: 93]; в лучшем случае, благодаря высокоталантливому описанию возникала «симуляция» подобного синтеза, виртуализация читательского сознания.

Предлагая разрушить традиционную религиозность, вербально-художественная культура позиционировала себя в качестве замены Церкви, пыталась взять в свою зону ответственности духовные функции, которые на протяжении столетий выполнялись традиционными религиозными институтами. «Поэт оказывался той сакрализованной фигурой, – писал В. М. Живов о первых, предшествующих Серебряному веку, попытках художественной литературы вытеснить церковную, – который посредничает между Божеством и человечеством» [8, с. 677]. Но если в XVIII – XIX вв. подобная попытка еще предполагала совместное, параллельное с церковью сакральное «представительство», то в Серебряном веке литература предпринимает действия, предполагающие ее исключительное положение. Поэт теперь предстает не только властителем дум, но и душ, как минимум «теургом» (о теургической теме в Серебряном веке см. [9], [10], [11]) «иерофантом», «демиургом» и пр., создающим виртуальную реальность, где традиционной церковной культуре нет места. Миры Ф. Сологуба, А. Блока, В. Брюсова, Вяч. Иванова, А. Белого и др. не нуждаются в церковности как связующей с Богом формой, в текстуальной реальности потребность в этой функции отпадает: абсолютom является сам автор, который напрямую контактирует с читателем.

Конечно, сама Церковь осознавала опасность, нарастающую в начале XX в. со стороны вербально-художественной культуры. Существует достаточно большое число документов, подтверждающих, что из церковных кругов регулярно поступали в высшие органы церковного управления сигналы о нарастающем противостоянии литературы и церковности, причем противостояния как на уровне массового, так и высокоинтеллектуального сознания. Например, см. отчет Харьковской епархии 1913 г.: «В настоящее время много вреда продолжает наносить литература в виде дешевых копеечных газет... посредством которых распространяется безбожие» [12, с. 54]. Предостережения Иоанна Кронштадского в статье «Путь к Богу» об опасности чрезмерных претензий интеллектуально-творческой раздвоенности вербальной художественности – «Господа писатели... вы никогда не бываете равны сами себе», также не были четко осознаны прежде всего самой Церковью. Можно утверждать, что РПЦ, исходя, очевидно, из прошлого опыта успешного противостояния «кощунственной поэзии» (В. М. Живов) не увидела в литературе по-настоящему опасного противника, ратующего за ее полное уничтожение.

Одной из стратегий, «о-текстовывающих» нуминозность общества и предназначенной прежде всего для читателя не самого высокого интеллектуального уровня, являлась стратегия создания и внедрения суеверно-мистических парадигм сознания. Мистическая суеверность становится достаточно эффективным средством в произведениях многих писателей Серебряного века для достижения деструктивных целей. Естественно, что основной прорыв в читательское сознание суеверного мировоззрения через вербально-художественную культуру осуществлялся низкопробной, «желтой» литературой. Максимальный анти- и внецерковный размах приобретали представленные в художественных произведениях интеллектуально-эзотерические идеи. Эзотерика, взрывообразно распространившаяся в Серебряном веке, – теософы, антропософы, розенкрейцеры, спириты... – переполняет страницы высокоталантливой прозы. По сути, можно говорить об эзотерической «партийности» литературы Серебряного века, демонстративно отошедшей от партийности революционной, однако в своем противостоянии традиционной церковности подпавшей под влияние оккультизма.

Светская художественная литература в своем стремлении разрушить церковную культуру искала «союзников» в реализации разрушительных задач. И такой исконно-древний противник РПЦ был найден – язычество. Противостояние язычества и христианской церкви имеет многовековую историю: от противостояния первохристианства и античного язычества до напряженных отношений с неоязычеством XXI в. При этом показательно, что наибольшее противостояние между двумя религиозными направлениями возникает именно в художественно-текстуальном дискурсе, «битва» текстов всегда сопровождает историю антагонизма поли- и монотеизма. Раннехристианская апологетика Татиана, Афиногора, Тертулиана и др., святоотеческие философско-богословские трактаты Августина Блаженного, великих капподакийцев, антимагические, а, по сути, анти-языческие тексты позднего средневековья и т. д., – формировали в западном общественном сознании четкую линию противостояния политеизму. Эта тенденция была воспринята и отечественной культурой на самом начальном этапе возникновения РПЦ. Обширный блок противоязыческих произведений Киевской Руси (от «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона через синтез языческо-христианского мировоззрения в «Слове о полку Игореве» к анти-язычеству «Задонщины»), житийная литература (Киевско-Печерский патерик и др.), хождения («Хожение игумена Даниила»), официально-церковная литература Московского государства создали фундаментальное направление, позволяющее эффективно преодолевать деструктивные пароксизмы язычества. Империя Петра Первого в своих художественных текстах предприняла попытку «реанимировать» язычество на государственном уровне. «Золотой», XIX в., русской литературы сумел сгладить противостояние



между язычеством и РПЦ, выведя язычество за рамки пристального внимания «высокой культуры», транспонировав его в фольклор и завуалированную область «двоеверия». Однако литература Серебряного века в борьбе с РПЦ вновь актуализирует языческую художественно-вербальную традицию, имплицитно хранящуюся в культурном сознании эпохи. Вместе с тем, необходимо отметить и глубину усвоенного народным сознанием христианского мировидения. Количественное подтверждение этого тезиса обнаруживается, например, в исследовании И. М. Сироты «Параллели. Библейские тексты и отражение их в изречениях русской народной мудрости, проведенного в знаково-трагичном 1914 г., установившего, что свыше 1000 известнейших русских народных пословиц, имеют библейские «гены».

Одним из главных аргументов вербально-художественной культуры Серебряного века в апологии многобожия становился тезис о значительном творческом потенциале, скрытом в политеистическом мировосприятии. Истоки подобной позиции также обнаруживаются еще в древнерусской литературе, когда «поэзия связывалась с языческими корнями», когда «патриархально-поэтическое представление доминировало над летописным» [2, с. 81]. Возрождением творческой традиции язычества и прикрывались деструктивные стратегии «рубежа веков», направленные на разрушение РПЦ и снижение ее роли в обществе. Прочность традиционно-церковной религиозности подвергалась сомнению. Показательным является высказывание А. Чехова, суммирующее общий блок про-языческих позиций в литературе нач. XX в.: «Русский мужик никогда не был религиозен, а черта он давным-давно в баню под полоч упрятал». Все чаще языческое мировосприятие в литературе выдвигалось в качестве истинного, глубинно присущего русскому культурному сознанию.

Можно констатировать, что в отечественной литературе начала XX в. возникает ситуация появления неоязычества, предлагающего свою систему ценностей и свою онтологию, ситуация «рас-крещения» России, внесения в ее духовную жизнь, в значительной степени с помощью вербально-художественных средств, новой культурообразующей доминанты. Условно можно говорить о ре-старте политеизма, потерпевшего поражение в ходе христианизации Руси, о «прорыве» скрытых паттернов языческой культуры, приведших к глобальным разрушительным катаклизмам.

Закономерной и естественной стратегией художественной литературы, продолжающей антицерковные тенденции язычества, стало культивирование мистических инфрасмыслов в общественном сознании.

Прежде всего это выражалось в нарастании количества мистико-эзотерических тем в высокоталантливой художественной литературе, причем суеверным мистицизм и «интеллектуальным» эзотеризм можно рассматривать как различные, но конгруэнтные деструктивно ориентированные стратегии. Как и в случае с язычеством, имплицитно присущим национальному сознанию, но сублимированного христианско-церковной культурой, мистическое мировосприятие имеет, несомненно, фундаментальные основания, позволяющие ему во многом формировать духовную историю человечества. Извечное ощущение призрачности «земной» реальности, выражаемое или в суеверно-мистических, или в интеллектуально-эзотерических воззрениях и действиях, становится обоснованием и фундаментом для появления и сохранения в культурном генезисе человечества иррационального «майнстрима». Однако именно на рубеже XIX – XX вв. мистические культурные коды начинают более интенсивно проявляться в культурной жизни России. Уровень «мистификации» общества значительно вырастает, «ожидание пришествия царства Духа, вера в приближающееся наступление третьего Завета» [11, с. 456] усиливаются, и одним из важнейших «механизмов», обеспечивающим этот рост, несомненно, становится художественная литература.

Кульминацией оккультизма в литературе Серебряного века становится феномен демонизма как форма крайней антицерковной позиции. Тема дьявола, сатаны как образов, олицетворяющих свободу и независимость, – парафразы революционности – будет одной из широко представленных оккультных тематик. Основными приемами

усиления влияния демонизма на читательское сознание становится, во-первых, «снятие» традиционно негативного представления о демоническом, понижение порога интуиций зла, культивирование «эволюционного понимания зла» (Н. Бердяев «Учение о перевоплощении и проблема человека»), доминирование «относительности» сатанинских образов; во-вторых, уничтожение лимитированных пространств обыденного и inferнального, аннигиляция преград между антиномичными ментальными контекстами – дьявольски-антицерковным и традиционно-церковным.

Логическим продолжением стратегии комплиментарности в отношении демонизма являлось «диффузия inferнального и обыденного» [13]. Создание в литературе образа «дьяволчеловека» становится одним из широко представленных приемов внесения дьявольского в миропредставление, сформированное под воздействием традиционной церковности. Принципиальное принятие возможности создания «человека из колбы», тема, встречающаяся у М. Кузмина, Н. Гумилева, Ф. Сологуба [11, с. 154 – 156], яркий пример нарастающего демонизма, исходящего из литературной сферы. Inferнальные образы, врываются в реальность, провоцировали амбивалентность сакральной идентификации, выливающееся в вопрос-искушение «отличается ли служение Богу от служения дьяволу». При этом нужно отметить политическую ангажированность тотальной inferнальности, ведь даже высокопоставленные советские деятели примеряли на себя буквально маску демонизма: например, известно, что Н. Бухарин проигрывал в юности роль Антихриста. Смещение дьявольского и обыденного, часто обнаруживающее себя, например, в романах Д. Мережковского, по сути, являлась апологетикой кощунственности, В. Брюсов, берущий на себя роль «мага», разрушает границу между inferнальным и обыденным, З. Гиппиус переполнит литературу «рубежа веков» демоническими образами...

Атеистическая традиция в отечественной культуре имеет достаточно развернутое представительство, и Серебряный век в определенной степени продолжает эту традицию. Конечно, количественно атеистическая стратегия деструктивности уступает окультно-мистической, масштаб атеистических воздействий на читательское сознание значительно меньше. Однако в активации темы безверия скрыт достаточно мощный разрушительный импульс: безверие полагает, что в основании бытия лежит ничто, а следовательно, в очередной раз подчеркивает пустотность бытия и соблазняет легкостью его разрушения. Тема ничто как «провала» (М. Хайдеггер), как основы безосновности бытия встречается достаточно часто в произведениях Серебряного века. Так, тема тотального ничто возникает у А. Белого в «Петербурге», где столица империи предстает подвешенной над бездной, где пространство города лишь «метафизическая пустота», где внутри героев рождается взрыв, результатом которого только ничто... Доминирование ничто как онтологической и антропологической характеристик над всеми иными модусами экзистенции и бытия становится центральным в «Коне бледном» Б. Савенкова, где герои эвфемизируют ничто под тезисом «все – все равно», а в другом романе – «То, чего не было» – проблема ничто вынесена в заглавие; у Ф. Сологуба в ряде его романов пустотность бытия акцентируется и аргументируется в качестве основополагающего мироощущения. Примеры можно продолжить.

Общим для стратегии культивации «Ничто» и внедрения его в качестве прайминга в читательское сознание становится соблазнение креативной потенциальностью ничто, будь то любовь к «несуществующему человеку» (А. Камю) или жажда несуществующего бытия. Атеистически настроенная литература уничтожала, разрушала представление о трансцендентальном устройстве бытия, это концептуальное обоснование традиционной церковности. «Ключи к многомерности времени» (Э. Тоффлер) и бытия утрачивались литературой, пропагандирующей безверие, она придавала многомерной духовной картине мира плоскостную интерпретацию. Наиболее часто встречаемый сакральный образ в произведениях Серебряного века – «глухой», «слепой», «отсутствующий» и т. д. бог, «бог, от которого не исходит ни кары, ни воздаяния, бог, который глух» (Х. Ортегга-и-Гассет). Пустота вместо божества, или «смерть Бога»,



столь часто повторяемая писателями «рубежа веков» – четкая деструктивная стратегия, направленная в том числе на ослабление позиций церкви, теряющей право на реальное преобразование жизни, превращающейся в атактистическое явление, требующее, «естественно», уничтожения.

Примеров реального роста атеистических взглядов в обществе под воздействием вербально-художественной культуры в Серебряном веке достаточно много – и среди читателей, и среди писателей. Атеизм и безверие проникает глубоко в общественное сознание, и церковь чутко осознавала эту опасность для собственного социального существования. Ситуация безверия в Бога, в государство, в церковь возникала из-за роста числа произведений, в которых полностью отсутствовала сакральная тематика: например, в художественных мирах А. Чехова, Скитальца, А. Толстого, в целом в «реалистической школе», создаются модели а-теологического бытия, миры, в которых сакральное, священное, божественное, церковное просто не упоминается. Признание права на существование подобных внетеистических миров провоцировало читательское сознание на транспозицию подобных воззрений в реальность, что и вело к эскалации безверия. Роль писателей, признающих возможность существования внетеистичной онтологии, в условиях Серебряного века, имела преимущественно деструктивный характер, несмотря на все гуманистические апологии: пропаганда безбожия вела к агитации к антицерковности, к разрушению традиционной социальной парадигмы, куда была «вписана» РПЦ. Скачок от отрицания идеала к секуляризации идеала был закономерен: отрезание человека от Бога неизбежно вело к «вырезанию» церкви из общества. Стратегия культивирования секуляризации достаточно четко проявляется в вербально-художественной культуре Серебряного века. В ряде произведений атеистической направленности будет формироваться «риторика секуляризации», язык, оправдывающий увеличение дистанции между Церковью и социумом.

Показательна роль вербально-художественной культуры в эскалации секуляризации в истории России, начиная с эпохи Московского княжества. Приемы, используемые литературой для увеличения разрыва между обществом и Церковью, были достаточно многообразны, но наиболее распространенной стратегией становится дискредитация священства и монашества. Традиции изображения представителей Церкви в ироничных, уничижительных тонах, несомненно, присутствовали в русской литературе давно и прочно (вехи антицерковности прочно связаны с именами Аввакума, А. Кантемира, Новикова и др.), однако столь деструктивную эффективность стратегия дискредитации священства и монашества обретает именно в Серебряном веке. Трудно выделить писателя, который бы не дал «приземленное» изображение священника: А. Белый в «Серебряном голубе» опишет пьяного отца Вукола, берущего приступом «Арс»; А. Чехов будет акцентировать внимание на бюрократической структуре Церкви («Архиерей»); А. Толстой расскажет о слабостях монастырских затворников («Неверный шаг»), М. Горький будет встраивать действия священства в одну парадигму с субботней поркой, Л. Толстой «обличит» церковные таинства и лицемерие «попов», Д. Мережковский будет требовать «новой церкви», А. Грин будет высмеивать библейские сюжеты и монастырские идеалы («Капитан Дюк»), М. Пришвин отметит раздражительные «улыбочки» монахов, а А. Куприн назовет их «красивыми фазанами» («Поединок»).

Акцентирование внимания литературы преимущественно на «беспорядке в Церкви» вел ко все большему расколу между церковью и обществом, к развитию ситуации «розни» даже внутри самой Церкви. Дискредитация священства как якобы не соответствующего требованиям истинного христианства, а, следовательно, уместность и возможность устранения священства, а с ним и Церкви из реальной общественной жизни – таков ход реализации деструктивной стратегии уничтожения представителей церкви.

Негативные оценки Церкви, представленные в литературных произведениях, были направлены не только против самой Церкви, но и против ее официального госу-

дарственного положения. Лишить государство и Церковь взаимной поддержки означало осуществление масштабного разрушения стабильной социокультурной модели. Официоз церковности, негативно изображаемый в произведениях многих авторов Серебряного века (Л. Андреев, М. Горький и др.), превращался в отрицательное клише, обезличивающее индивидуальность церковного сознания. Приравнивание всей Церкви к бюрократически-официальному учреждению позволяло наносить деструктивно ориентированным стратегиям «двойной» удар и по государственно-имперским (особенно остро в этом отношении звучала тема взаимоотношений Распутина и царской семьи, мистическое суеверие царя и царицы), и по традиционно-церковным культурным стереотипам.

Разрушение традиционного представления о церкви в читательском сознании неизбежно требовало создания проектов «нео-церковности», реализации стратегий создания «новой церкви». Вербально-художественная культура, стремящаяся к разрушению традиционной церковности, стремилась создать образ ослабевшей «старой Церкви», представить ее дряхлеющей и лишенной продуктивной результативности. Значительное число негативных изображений священников в литературных произведениях М. Горького, А. Чехова, А. и Л. Толстого и мн. др. были призваны подтвердить тезис о неспособности «старой Церкви» выполнять возложенные на нее духовно-социальные функции.

Таким образом, кощунственность с помощью вербально-художественной культуры превращалась в осознанную форму антицерковности, в целенаправленную стратегию ослабления церковного влияния на общественное сознание. Ослабление церковно «оформленной» веры неминуемо вело к самому деструктивному феномену – безверию, вылившегося в беспощадные исторические катаклизмы. Ответственность за негативные процессы, переломившие естественный ход национальной истории России, лежит и на художественной литературе того времени. Осознать и проследить эти тенденции, а, главное, предупредить литературное сообщество от возможного повторения негативного сценария, – одна из насущнейших задач всех здравомыслящих сил современного общества.

Список литературы

1. Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века). – М.: Наука, 2000. – 291 с.
2. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л.: Художественная литература, 1985. – 352 с.
3. Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI–XVII века. – М.: Мысль, 1992. – 390 с.
4. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. – М.: Наука, 1970. – 186 с.
5. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. – 539 с.
6. Левшун Л. История восточнославянского книжного слова. – Минск: Экономпресс, 2001. – 320 с.
7. Нешитов П. Ю. «Человеческое» и «ангельское» в протопопе Аввакуме // Путь Востока. Традиции и современность. Материалы 5 Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия «Symposium». – Выпуск 28. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 90 – 94.
8. Из истории русской культуры. – Т. 4 (XVIII – начало XIX века). – М.: Языки культуры, 1996. – 712 с.
9. Петров А. В. Теургия: социо-культурные аспекты возникновения философски интерпретированной магии в античности: Режим доступа: http://www.centant.pu.ru/aristeas/monogr/petrov/001_0103.htm (дата обращения 20.01.2011).
10. Бычков В. В. Эстетические пророчества русского символизма // Полигнозис. – № 1. – М., 1999. – С. 83 – 104.
11. Богомолов Н. А. Русская литература начала XX в. и оккультизм. – М.: НЛЮ. – 2000. – 552 с.
12. Емелях Л. И. Происхождение христианских таинств. – М.: Совет. Россия, 1978. – 202 с.



13. Хен Ю. Сатанизм в стратегиях выживания // Стратегии выживания: космизм и экология. – Л., 1996. – 180 с.

CHURCH AND SILVER AGE FICTION: DIALOGUE AND OPPOSITION

S. A. Kolesnikov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
SKolesnikov@bsu.edu.ru*

In the article several aspects of mutual relations between Russian Orthodox Church and fiction of the Silver age are considered. The author marks two vectors in development of these relations – positive and negative ones. The author emphasizes the consideration of the negative vector of intense relations between Church and literary community, on the one hand, and strengthening conflicts in a society on «a boundary of centuries», on the other.

Key words: Silver age, literature and church, paganism, occultism.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П.А. ВЯЗЕМСКОГО 1840-Х ГОДОВ

В. В. Липич
К. С. Позднякова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
lipich_v@bsu.edu.ru
Pozdniakova_k@mail.ru*

В статье рассматривается литературно-критическая деятельность П.А. Вяземского периода 1840-х годов. Основное внимание сосредоточено на двух самых ярких статьях этого периода: «Языков и Гоголь» (1847) и «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина» (1847).

Ключевые слова: критика, статья, журнал, литературный разбор.

Многие литературоведы считают, что Вяземский-критик закончил свое творчество в 1830-х годах. Но это не так. Да, как таковые критические разборы он перестал печатать на страницах журналов, но сохранились и обширная переписка, и записные книжки Петра Андреевича. Условно этот материал можно разделить на несколько групп: письма и заметки сугубо личного характера, размышления над государственными вопросами и политическо-экономические изыскания, письма и записи в записных книжках, предназначенные для широкого круга читателей. Особый интерес представляют последние две группы.

1830-е годы сильно поменяли П. А. Вяземского: он стал терпимее и на многое смотрел другими глазами. Вера для него теперь один из атрибутов полноценной жизни. Но трагический 1840 г. стал для критика рубежом, после которого его отношение к вере поменялось резко и ощутимо. Она становится ему необходимой без всяких доказательств. 14 октября 1840 г. умер князь Петр Борисович Козловский, с которым Вяземского связывали шесть лет дружбы. Но эта дружба дала ему больше, чем иные многолетние знакомства. 22 ноября умерла дочь Петра Андреевича. Через полгода после этих событий, 26 июня 1841 г. он написал Тургеневу о своем тогдашнем состоянии: «Моя жизнь не принадлежит больше этому миру, между тем я не могу сказать, что она принадлежит иному. Я в раздумии на рубеже. Скорбь сокрушила во мне привычки жизни и веру в обещания смерти. Жить не хочу, а умирать не желаю. Здесь я по крайней мере помню, люблю и страдаю; а после, может быть, и этого не будет. Верно то, что что-нибудь да есть и будет, но не то, что думаем и чему нас учат; тут не могу свести концы с концами. Не вольнодумство, не высокоумие говорит во мне. Нет, одна скорбь, которою я убит. «Лежачего не бьют», – говорят добрые люди; у Провидения, видно, правило другое: оно лежачих и бьет. Но в моей природе нет стихий ни геройства, ни мученичества. Испытания мои выше меры моей, выше силы моей. Рим потряс меня, Баден сокрушил» [1, с. 139 – 140].

В ноябре Вяземский решает написать небольшой набросок о Козловском. Обратиться именно к этой личности он решил, потому что видел в нем себя, как ему казалось, завершившего свой путь. Очерк вышел небольшим, но образ Козловского еще долго не оставлял Вяземского, и в 1868 г. он начнет работу над его биографией.

Именно с начала 1840-х гг. Вяземский осознает себя представителем творческого поколения, ушедшего из жизни. Он постоянно возвращается к прошлому и настроен против настоящего, считая, что оно отчуждено от всей предшествующей литературной традиции. Из современных литераторов он признает только Н. В. Гоголя.



15 апреля 1841 г. Вяземский присутствует на очередных похоронах – адмирала Шишкова – одного из главных противников «Арзамаса». В своих записных книжках он признает, что Шишков «...и не умный человек, и не автор с дарованием...». Когда многие литераторы той поры смеялись над его манифестами, «...народ, Россия, читали их с восторгом и умилением, и теперь многие восхищаются их красноречием» [2, с. 217, 218].

В это же время Вяземский обращается к исследованию литературного языка. Он возмущен слогом современных писателей: «Бездарность, талантливый – новые площадные выражения, вкравшиеся в наш литературный язык. Дмитриев правду говорил, что наши новые писатели учатся языку у лабазников» [2, с. 219]. В другой записке он тонко подмечает, почему так происходит: «Наша литературная бедность объясняется тем, что наши умные и образованные люди вообще не грамотны, а наши грамотные вообще не умны и не образованы» [2, с. 223].

Что касается журналов, то Вяземского в 1940-х гг. интересовал лишь один – «Москвитянин», но даже там за десять лет он не опубликовал ни одной работы. Правда в феврале 1843 г. он решил вместе с Глинкой и Одоевским издать «драматическо-музыкально-художественный сборник», но их планы так и не осуществились. После этого он жаловался Жуковскому: «Ты не поверишь, как при этом разлив мнений, совершенно мне противоположных, трудно отстаивать свое мнение. Я один против всех. Даже сын идет на отца, и от Павлуши мне крепко достается. Впрочем, я обыкновенно отступаю на попятный двор. Жаль, что нельзя печатно перебивать эти вопросы. Тут я как-нибудь бы сладил» [1, с. 464]. Но тут надо заметить, что вопросов, которые бы вызвали у Вяземского желание их «печатно перебивать» становилось все меньше и меньше. Для него не стали событиями ни «Герой нашего времени», ни даже «Мертвые души», вокруг которых бились и спорили почти все критики. Читая эти разборы, он видел, что истины нет практически ни в одном высказывании. Но сам сообщать эту истину он не собирался. Лишь несколько крупных выступлений Вяземского в публицистике были в те годы. Они связаны с именами французского литератора Астольфа де Кюстина и Гоголя.

В 1843 г. в Париже был издан четырехтомник А. де Кюстина «Россия в 1839 году», где он расписал все социальные уродства Российской Империи. Ему не нравилось в России все – от принципа правления до климата. Это издание вызвало множество откликов и тут же было запрещено к ввозу в Москву. Но все, кто хотел прочесть книгу, все-таки нашли способ это сделать. На мысль написать своего рода отповедь Вяземского натолкнул Александр Тургенев. Критик справедливо пишет, что «Мы знаем наши собственные недостатки намного лучше, нежели наши пересудчики и хулители. Мы видим все то, что нам еще недостает как нации, являющейся дочерью великой европейской семьи. Мы знаем, что нам необходимо еще много трудиться над самими собой и многое приобрести с тем, чтобы достичь того положения, к которому влекут нас наши условия и наши обеты. Мы не ставим наше собственное движение впереди всей цивилизации: мы не претендуем быть наставниками и учителями других народов. Но мы также обладаем своим местом под солнцем, и не маркизу де Кюстину лишать его нас» [1, с. 267]. Отповедь могла бы продолжаться в гневном духе и дальше, но Вяземского отвлек указ Николая I «О дополнительных правилах на выдачу заграничных паспортов» от 15 марта 1844 года. Критик хотел закончить статью и опубликовать ее именно в Париже, но русская глупость возмущает его гораздо больше французской. В нем вновь просыпается страсть к общественно-политическим делам.

Вяземский убежден, что самые высокие должности занимают люди, абсолютно им не соответствующие. Но теперь он может лишь писать свои замечания и понимать, что от него ничего не зависит. Например, когда министр государственных имуществ Павел Дмитриевич Киселев тщетно пытался доказать Николаю I необходимость освобождения крестьян, Вяземский в записных книжках отмечает: «В отличие от других стран, у нас революционным является правительство, а консервативной – нация. Пра-

вительство способно к авантюрам, оно нетерпеливо, непостоянно, оно – новатор и разрушитель. Либо оно погружено в апатический сон и ничего не предпринимает, что бы отвечало потребностям и ожиданиям момента, либо оно пробуждается внезапно, как от мушиного укуса, разбирает по своему произволу один из жгучих вопросов, не учитывая его значения и того, что вся страна легко могла бы вспыхнуть с четырех углов, если бы не инстинкт и не здравый смысл нации, которые помогают парализовать этот порыв и считать его несостоявшимся... Правительство производит беспорядки: страна выправляет их способом непризнания; без протеста, без указаний страна упраздняет плохие мероприятия правительства. Правительство запрашивает страну, она не отзывается, на вопрос нет ответа... Но у нас власть совершенно лишена способности узнавать и чувствовать людей» [2, с. 229]. В последней фразе просматривается давняя обида Вяземского на тех, кто 15 лет назад заставил его выйти из большой политики, где он был так полезен.

1 января 1847 г. Плетнев принес Вяземскому книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», а в марте критик получил от Гоголя письмо с просьбой написать рецензию на это произведение. Так появилась обширная статья с двойным названием «Языков и Гоголь» (1847). Такое название не было случайностью. В своей книге Гоголь выделяет Языкова из всех поэтов пушкинского времени. Вяземскому это очень понравилось, а уже через час к критику пришел Плетнев и сообщил, что пять дней назад Языков умер. Это совпадение поразило Вяземского, и он решил дать своей статье двойное название.

П. А. Вяземский здесь подвел итог развитию русской поэзии на протяжении более чем столетнего ее пути – от Ломоносова до поэтов пушкинской плеяды. «Смертью Языкова, – пишет он, – русская поэзия понесла чувствительный и незабвенный урон. В нем угасла последняя звезда Пушкинского созвездия, с ним навсегда умолкли последние отголоски пушкинской лиры. Пушкин, Дельвиг, Баратынский, Языков не только по современности, но и по поэтическим соотношениям, каким-то семейным общим выражением образуют у нас нераздельное явление. Ими олицетворяется последний период поэзии нашей, ими, по крайней мере донныне, замыкается постепенное развитие ее, означенное первоначально именами Ломоносова, Петрова, Державина, после Карамзина и Дмитриева, позднее Жуковского и Батюшкова. В сих именах сосредоточивается отличительное выражение поэзии русской; это ее краеугольные, заглавные, родоначальные имена» [3, с. 163]. Если к этому перечню прибавить имена Лермонтова и Кольцова, о которых критик сочувственно отзывается, то получается довольно полная картина истории поэзии XIII-первой половины XIX в. Вяземский постарался первую часть исследования выдержать в духе некролога, но все-таки выплеснул некоторые мысли, которые в последнее время тяготили его. Например, он решил высказать свою позицию по поводу славянофильства: «Мне не входит ни в голову, ни в сердце, что можно положить себе за правило и обязанность предпочитать русскую Волгу немецкому Рейну. Не понимаю Языкова, но сочувствую ему, умиляюсь и увлекаюсь чувством его, когда вижу, что он остается волжанином в виду красивого Рейн-Гау или грозного водопада. Языков был влюблен в Россию» [3, с. 169]. Это чувство разделял и Вяземский. Но, с другой стороны, говорит, что «...невозможно отделить, отрубить чисто народное от общечеловеческого» [3, с. 169]. Этими высказываниями он поставил себя выше спора славянофилов и западников, беря на себя роль мудрого арбитра в этой схватке.

После своеобразного некролога Языкову Вяземский переходит к разбору книги Гоголя и с первых строк заявляет, что книга появилась вовремя и была нужна. Сначала Вяземский обращается к «Мертвым душам», высказывая, что ему не понравилась сосредоточенность на «хламе и нечистоте общества» [3, с. 174]. Отдельные недостатки, как отмечал П. А. Вяземский, присущи и «Выбранным местам из переписки с друзьями», но эти недостатки всего лишь частности. В целом же книга «...есть чистая, светлая хранина. Строгое и стройное убранство ее успокаивает зрение и душу. В ней протрезвляются чувства и утихают волнения, подъятые тревожными и раздражительными впе-



чатлениями, которые отовсюду осаждают нас. Она призывает к тихому размышлению, втесняет нас, сосредоточивает в самих себе. Из нее выходишь с духом умиленным, с сознательностью и с чувством любви и благодарности к ее строителю и хозяину» [3, с. 183]. Что касается художественности, то тут у П. А. Вяземского к Н. В. Гоголю претензий нет. Критик отмечает, что некоторые места в книге могут стать вровень с лучшими образцами отечественной прозы. «Везде виден человек, который духовными исследованиями над собою и жизнью доискался многого и дошел далеко», – отмечает П. А. Вяземский. Интересно, что только он отнесся к книге Гоголя с таким уважением и пониманием, поскольку литературное большинство не приняло и не поняло это произведение. Ходили даже слухи о сумасшествии автора. В ответ на свою исповедь Н. В. Гоголь выслушал обвинения в гордыне, отрицании России, противоречивости, измене. Белинский вообще считал, что этой книгой Н. В. Гоголь отрекся от лучших своих творений. Среди всех критиков и литераторов только два человека сохранили объективность и смогли по достоинству оценить «Выбранные места из переписки с друзьями» – Аполлон Григорьев и П. А. Вяземский. Последний смог почувствовать, что эта книга – не притворство, а действительно исповедь. Не соглашаясь со многими мнениями автора, он все же счел публикацию переписки мужественным поступком, равным которому не было ранее в русской литературе. П. А. Вяземский пытается защитить Н. В. Гоголя, исповедь которого не приняли и не поняли: «Он изливает перед нами сокровеннейшие тайны свои... А вы строго и самопроизвольно судите, разбираете, так ли он плачет, как следует, не притворяется ли он, не малодушничает ли?.. Вы с жестокою радостью нападаете на него, когда вам кажется, что он промолвился, что он противоречит себе, как будто скорбь может всегда рассчитывать слова свои... Мы чувствуем и толкуем о независимости, о свободе понятий, а в нас нет даже терпимости» [3, с. 177]. Так Вяземский стал невольным исповедником и защитником исповеди.

Интересно, что П.А. Вяземский обращается не только к непосредственному анализу произведения – в статье находится место и для отражения нападок других критиков на Н. В. Гоголя. Критик счел нужным полемизировать с В. Г. Белинским, который назвал книгу падением Н. В. Гоголя. П.А. Вяземский не называл имени своего противника, хотя в шпильках и уколах все узнали В. Г. Белинского. В этих выпадах читался прежний Вяземский, который в 1820-х гг. своими издевательскими стрелами давил оппонентов. Иронизируя над В. Г. Белинским, критик пишет: «В некоторых журналах имя Гоголя сделалось альфою и омегою литературного рассуждения. В духовной нищете своей, многие непризванные писатели кормились этим именем, как единым насущным хлебом своим... Теперь, оторопев, они не знают, за что и приняться. Конечно, положение их неприятно и забавно. Но что же делать? Сами накликали и накричали они беду на себя. Но, впрочем, в утешение свое, если вырвался из рук их живой, могут они удержать за собою мертвых. Пушкин, Лермонтов, Грибоедов и этот бедный, неповинный Кольцов, который бог знает как сюда попал, не могут уже вступить за себя» [3, с. 171, 172]. Эта брошенная перчатка в сторону В. Г. Белинского удивила самого Н.В. Гоголя. По прочтении статьи он пишет П. А. Вяземскому: «...Мне кажется, что выразились вы несколько сурово о некоторых моих нападателях, особенно о тех, которые прежде меня выхваляли... Бог знает, может быть, и нам будет сделан упрек в гордости за то, что мы несколько жестоко оттолкнули их, оскорбясь какою-нибудь их дерзостью, тогда как наш совет, может быть, им был бы нужен и спас бы их от многого того, за что их укорять теперь справедливо» [4, с. 385].

Далее П. А. Вяземский отмечает, что журнальная критика «...явила странные требования. Казалось ей, будто она и мы все имеем какое-то крепостное право над ним, как будто он приписан к такому-то участку земли, с которого он не волен был сойти. На эту книгу смотрели, как на возмущение, на предательство, на неблагодарность» [3, с. 176]. Скорее всего, П. А. Вяземский увидел себя в Н. В. Гоголе – писателя, не желающего поступаться своими убеждениями в угоду кому-либо, смело говорящего вслух то, что нужно сказать.

Статья была опубликована в «Санкт-Петербургских ведомостях». Сказать, что реакция публики была неоднозначна – совсем ничего не сказать. Статью не приняли ни славянофилы, ни западники. Вяземский, как и Гоголь, оказался виноват тем, что мыслил не так, как все. Одним из тех, кто встал на сторону критика, был Чаадаев, он, как нам представляется, точнее всех понял то, о чем хотел сказать Вяземский. Он пишет: «Вам, кажется, всего более хотелось показать ее (книги – авт.) важность в нравственном отношении и необходимость оборота, происшедшего в мыслях автора, и это, по моему мнению, вы исполнили прекрасно» [5, с. 283]. Возможно, этой статьей Вяземский попытался вернуться в литературу в качестве одного из самых ярких представителей критической мысли России XIX в., как это было в 1820-х годах. Чтобы упрочить свое положение, он задумывает написать еще одну литературно-критическую работу. Так появляется статья «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина» (1847), которую вполне можно назвать программной для периода 1940-х годов.

С первых страниц Вяземский отвечает на упреки в адрес дворянских писателей, раздающиеся из демократического лагеря: «Ничего нет забавнее доктринского высокомерия некоторых писателей наших, когда они с жалостью и презрением отзываются о легкомыслии, пустоте и недостатке нравственных начал нашего высшего, или аристократического общества. Во-первых, хочется спросить многих из них: а вы почему это знаете? Во-вторых, просить их указать нам на этих стойков и квакеров нашего среднего общества, которые мужеством и доблестью и смиренным благочестием могли бы пристыдить слабодушие и предосудительные поползновения грешников высшего общества. Где же эти литературные труженики, эти бенедиктинцы, святые отцы науки, которые посвятили себя исключительно подвижничеству мысли и слова, собрали сокровища науки и, мимо высшего общества, одни, сами собою, облагодетельствовали и просветили русский мир? Где они? Укажите, Бога ради» [3, с. 195]. Под пером Вяземского – одного из последних «писателей пушкинского круга» литературное обозрение десятилетия превращается в настоящий манифест литературной аристократии.

Интересно и удивительно читать следующие строки: «Журналы дело хорошее и полезное, но при соблюдении некоторых условий. Журналы должны быть дополнением к литературе, а не могут быть заменой ее. Надобно начать литературу и кончить журналистикой. У нас журналистика стала впереди. Это незаконное завладение чужою собственностью. Это самозванство» [3, с. 206]. Перед этим он приводит строки князя Д. П. Горчакова, который сказал давно:

«И наконец я зрю в стране моей родной
Журналов тысячу, а книги ни одной» [3, с. 205].

И далее говорит о том, что литература «...выжита из наследственных и роскошных своих палат» [3, с. 205]. Эти мысли не совсем привычны. Ведь П. А. Вяземский всегда говорил о недостатке в России периодических печатных изданий и сам не раз был начинателем журнальных баталий. А теперь он довольно-таки жестко говорит о современной журналистике. Он проводит четкую границу между дворянскими журналами начала века и современными демократическими изданиями. Причем на последние он обрушивается с жесткой критикой, считая, что среднее сословие принесло в журналистику низменные нравы, уничтожив подлинный просветительский тип журнала. В статье Вяземский со злой иронией рисует образ современного редактора: «У нас журнал – не коллективная сила. У нас первый Петр Иванович Добчинский или первый Петр Иванович Бобчинский может завести журнал, как завел бы он табачную лавочку. Разница только в том, что для заведения табачной или другой лавочки нужно предварительно иметь все-таки какой-нибудь запасной капитал; а здесь сами потребители, покупщики-подписчики вносят заранее и на кредит деньги в открывающуюся лавочку в надежде на товар и на будущие блага» [3, с. 207 – 208].

Критик сокрушается, что из-за такого положения дел в журнальной среде портится и молодежь, которая теперь может печатать какие угодно статьи, часто не разбираясь в специфике вопроса: «Молодежь, которая сама ничего не читала, кроме теку-



щих журналов, пускается тоже в журнальный колдоворот, пишет статьи и учит тому, чему сама не училась, по той простой и естественной причине, что она не училась ничему. Можно представить себе, какие слои, какие пласты ошибочных лживых и превратных понятий и сведений, какая гуща невежества окончательно ложатся на умы молодых поколений, которые образуют себя на этой нездоровой почве и питаются этими смешанными и мутными подонками» [3, с. 206].

Статья получилась довольно мрачная. Критик фактически объявляет сороковые годы в русской литературе несуществующими, демонстративно не желая замечать ни одно новое имя, появившееся в печати. Говорит он только о Карамзине, Жуковском, Пушкине, Лермонтове. Странно, что в этот ряд не попал и Гоголь. Можно предположить, что так случилось по причине того, что ему до этого была посвящена отдельная статья. Поэтому большая часть литературно-критической работы – это не обзор современного состояния литературы (как это заявлено в заглавии), а воспоминания критика о творчестве великих ушедших писателей.

Таким образом, литературно-критическая деятельность 1840-х гг. становится для Вяземского способом познания не современной литературы, а поводом еще раз вспомнить прошлое, где он был передовым деятелем русской литературы. Ведь именно в 1820 – 1830-х гг. он писал свои самые значительные и передовые литературно-критические манифесты.

Список литературы

1. Остафьевский архив князей Вяземских. – Т. 4. – СПб, 1899. – 342 с.
2. Вяземский П. А. Записные книжки. – М.: Русская книга, 1992. – 384 с.
3. Вяземский П. А. Собрание сочинений. В 2-х томах. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1982. – 383 с.
4. Гоголь Н. В. Собрание сочинений. В 9-ти томах. – Т. 9. – М.: Русская книга, 1994. – 784 с.
5. Чаадаев П. Я. Сочинения и письма. В 2-х томах. – Т. 2. – М.: Типография А. И. Мамонтова, 1914. – 343 с.

LITERARY-CRITICAL ACTIVITY OF P. A. VYAZEMSKY IN 1840'S

V. V. Lipich
K. S. Pozdnyakova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
lipich_v@bsu.edu.ru
Pozdnyakova_k@mail.ru*

In the article literary-critical activity of P.A. Vyazemsky in 1840's is considered. The attention is drawn upon two brightest articles of this period: «Languages and Gogol» (1847) and «The Sight at our literature in a decade after Pushkin's death» (1847).

Key words: criticism, article, magazine, literary analysis.

УДК 811.161.1

МАГИСТЕРСКИЙ КУРС «ФУНКЦИИ РУССКИХ ЧАСТИЦ» В РАМКАХ УРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

И. А. Нагорный*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

В статье описана концепция магистерского курса «Функции русских частиц» в свете новых подходов к преподаванию лингвистики в рамках уровневой системы образования. Квалификация сообщаемого проанализирована как ментальная операция субъекта. Систематизирован комплекс коммуникативно-прагматических функций, реализуемых частицами в предложении-высказывании.

Ключевые слова: функционализм, частицы, семантика, знак, модально-квалификативное высказывание.

Введение

Магистерский уровень в европейской системе образования дает возможность уделить необходимое внимание новейшим тенденциям в развитии современной лингвистической науки, позволяет выработать единые кредитные основания взаимозачетов спецдисциплин по филологическому направлению подготовки специалиста при интеграции конкретных магистерских программ университетов в общеевропейское образовательное пространство.

Функциональный подход к рассмотрению явлений языкового и речевого уровня является достаточно устоявшимся и имеет глубокие корни в лингвистической науке как таковой, а в русистике – в частности. В ряде исследований функциональный подход предполагает ориентацию на роль исследуемой единицы в составе единицы более высокого ранга. Причем «роль единицы» понимается достаточно широко – как со стороны структурной, так и со стороны семантической. Выделение двух типов функций – функций языка и функций элементов языка – обусловлено функционированием языка как знаковой системы.

Основная часть

В современной лингвистической науке не остывает интерес фактору антропоцентризма, функциональной и концептологической составляющим разнообразных ментальных операций, среди которых презентационное предположение, сомнение, возможность и вероятность занимают важное место. Концептосфера индивида базируется на комплексе факторов, среди которых предположительная квалификация события является одним из наиболее универсальных. Предположение как операция ментального уровня характерна для субъекта мыслящего, оценивающего действительность. Это операция, помогающая субъекту постичь свое отношение к действительности, правильно квалифицировать событие. Данная операция универсальна по сути, поскольку возможно ее применение по отношению к любым явлениям, процессам, временным и пространственным координатам.

Одним из ярких репрезентаторов предположения на языково-речевом уровне являются предположительные частицы. Попытка определить функциональный статус структурно служебного, но прагматически значимого элемента в концептуальном пространстве предложения-высказывания при актуализации данным элементом комплекса модально-квалификативных смыслов обусловили возможность размышлений на тему о функциональной семантике предположительных частиц в рамках преподаваемого спецкурса.



Следующие группы частиц, выражающих авторское отношение к достоверности сообщаемого, предлагаются в качестве формального материала в рассматриваемом магистерском курсе для функционального анализа:

- *собственно-предположительные* (как бы, чай, авось, небось, никак, поди, что ли);
- *сомнительно-предположительные* (едва ли, вряд ли);
- *сравнительно-предположительные* (будто, точно, словно, вроде, ровно);
- *избыточно-предположительные* (едва ли не, вряд ли не, чуть ли не);
- *вопросительно-предположительные* (разве, неужели, неужто);
- *эвиденциально-предположительные* (мол, дескать, якобы, де).

Данные частицы включаются в группу модальных и служат в высказывании для выражения авторского отношения к достоверности сообщаемого. Яркая функциональная семантика, базирующаяся на факторе антропоцентризма, широкая гамма эксплицируемых в высказывании модусных смыслов обусловили закономерный интерес к такого рода служебным элементам как вероятностным квалификаторам сообщаемого.

Структурная факультативность, обусловленная морфологическим статусом частицы, грамматикализованность ее значения отнюдь не мешает служебному слову быть в речевых структурах синтаксически и прагматически емким, выполнять в предложении-высказывании целый комплекс разноаспектных функций. Немаловажная роль в этом отводится прагматической составляющей в значении частиц, позволяющей служебному элементу выполнять в высказывании доминирующую смысловую функцию донесения до адресата прагматически облигаторных смыслов. Интерес к частицам обусловлен, таким образом, ярким диссонансом между структурно-модельным и семантико-прагматическим статусом служебного элемента в предложении-высказывании. Необходимость рассмотрения этого сложного вопроса подтверждает тот факт, что служебные слова – общность функциональная, прагматически обусловленная. Проследить причины, лежащие в основе этого интересного явления – одна из задач предлагаемого спецкурса.

Другая не менее важная задача заключается в том, что частицы вообще, и предположительные частицы – в частности, один из наиболее востребованных в коммуникационном процессе классов слов. Будучи служебными в узко-грамматическом аспекте, частицы по частотности употребления уверенно держат одно из первых мест в быденном языке общения. Русская разговорная речь насыщена частицами, на что неоднократно указывали отечественные лингвисты [1]. Неоднократно отмечалась прагматическая составляющая в значении частиц, позволяющая грамматически служебному элементу выполнять в высказывании доминирующую смысловую функцию – функцию донесения до адресата прагматически облигаторных смыслов.

Актуальной видится и проблема исследования степеней семантической опустошенности частиц. Например, частица *как бы*, выступая в функции скрепа, теряет предположительную и сравнительную составляющие своего значения (*Я как бы говорю ему; Он как бы пришел вчера вечером; Мы как бы в гости идем*). Явление семантической опустошенности в сфере предположительных частиц, изначально проявившее себя как показатель «избранности» молодежи, принадлежности к социальному статусу «менеджера» в молодежной среде (преимущественно в столице), распространилось к настоящему времени фактически по всей территории России, и частично – по территории ближнего зарубежья.

Интерес к **знаковым функциям** обусловлен тем, что большинство из семиотических теорий сосредоточено на описании знаковой системы языка в целом. Отдельные группы знаков описываются реже, и, как правило, это знаки понятийные. Служебные знаки либо не описываются вовсе, либо описываются достаточно однобоко, например, как формально-связующие элементы, экспликативы определенного типа синтаксических отношений в предложении. Частицы фактически не описываются

ся как знаки: за ними признается лишь «оформительская» роль служебного элемента. Однако это не совсем так.

Модальные частицы как знаки вводятся говорящим в предложение-высказывание для обозначения чего-либо. Это ничто иное как обозначение определенного вида отношений. Некая мыслительная операция субъекта фиксируется таким образом в предикативном знаке – предложении. Частица – одно из средств номинации ментальных действий субъекта, поскольку, обозначенными могут считаться не только предметы или явления, но также связи и отношения, в которых предметы или явления находятся друг по отношению к другу, а также по отношению к говорящему и адресату.

Модальные частицы должны быть включены в группу знаков, основная функция которых в высказывании заключается в обозначении особого, модального типа отношений между понятийными сущностями с точки зрения квалифицирующего эти отношения субъекта. Как и другие служебные знаки, частицы не являются структурно обязательными элементами предложения, т. е. элементами конструктивно значимыми.

Однако структурная факультативность частицы тем не менее не является препятствием ее обязательности в высказывании как знака коммуникативно ориентированного. Модальные частицы в этом случае могут быть охарактеризованы как знаки, при помощи которых говорящий осуществляет “привязку” высказывания к обозначаемой ситуации в координатах «я – здесь – сейчас».

Модальные частицы являются знаками речемыслительного процесса. Эти формальные средства указывают на отражение в высказывании результата произведенной мыслительной операции. Наличие частицы в высказывании свидетельствует об активизации процесса мышления субъекта. Частицы в данном аспекте – языковые «орудия мысли». Для модальных частиц характерно употребление либо в предложениях, выражающих относительно истинное суждение, либо в предложениях, косвенно базирующихся на относительно истинных суждениях.

Исследование **логических функций** подводит к пониманию того, что при помощи субъективно-модального квалификатора логическое суждение соотносится говорящим с параметрами категорий возможности и вероятности. Нельзя точно установить, насколько более обоснованной является вероятность проявления одного события по отношению к вероятности осуществления другого события, зафиксированной в другом высказывании аналогичной же частицей. Это зависит не от значения частицы, а от комплекса прагматических факторов. Одна и та же частица в различных высказываниях может фиксировать разную степень вероятности. Цель автора при введении в высказывание модального квалификатора заключается не в обозначении конкретной степени вероятности, а в обозначении самого факта вероятности, в предположении (сомнении и т. п.) относительно результата события.

Стоит заметить, что выделение степени уверенности/неуверенности в качестве критерия отграничения смысла «предположение» от других квалификативных смыслов, реализуемых в высказываниях предположительными частицами, следует признать ненадежным параметром, так как, с одной стороны, нередко в предположительном высказывании наблюдается как раз высокая степень авторской уверенности в сообщаемом: – *Что ты хочешь сказать? – Что ж тут объяснять. **Небось** помните, как я вас любила* (И. Бунин); *Здорово, друг, здорово, брат, здорово. Рассказывай, **чай** у тебя готово Собрание важное вестей?* (А. Грибоедов); *«**Неужто** же, – вскрикивает она, – **неужто** же мне опять с дитем моим должно расстаться?»* (Н. Лесков).

С другой стороны, сам факт актуализации квалификативных смыслов обусловлен не столько степенью авторской уверенности в сообщаемом, сколько причинами прагматического уровня: *Я **едва ли не** менее всех других подготовлен к такому предприятию, так как могу рассказывать лишь о внешних явлениях: их смысл и причины недоступны моему пониманию* (В. Брюсов) (степень уверенности связывает-

ся с авторской компетентностью); *У вас, чай, и так вороха наготовлены, брильянтовая* (А. Островский) (степень уверенности основана на общественном мнении); *Эта лента столь широко обсуждалась профессионалами, зрителями и прессой, что **вряд ли** стоило бы к ней возвращаться, если бы повода не дал сам кинематограф* (степень уверенности обусловлена известностью факта). Таким образом, предположительная квалификация события лишь косвенным образом связана с уверенностью/неуверенностью, но отнюдь не является вытекающей только из нее.

Частицы способны фиксировать особую разновидность суждений – свернутые, или имплицитные суждения. Данный тип суждения предполагает невыраженность языковыми способами предмета и предиката суждения. Такой вид суждения выражают модально-ответные высказывания, подобные следующим: – *Как ты думаешь, он вернется?* – **Вряд ли** (В. Шишков); – *Ты уверена?* – **Как будто...** (В. Шукшин); *Чем покорила Эмма Павловна ребят? Экзотичностью биографии?* **Вряд ли** (г. т.); *Понимал ли, что оставаться дома было опаснее, чем отбывать на чужбину?* **Едва ли** (газет. текст); – *А ведь они вернулись со стороны подлеска?* – **Якобы...** (журн. текст). Здесь частица – показатель логического предиката. Модально-ответное высказывание никогда не фиксируется на полюсе достоверности. Модальные частицы фиксируют грань, за которой предшествующее суждение переводится в иной временной континуум и осмысливается говорящим с позиции «здесь» и «сейчас». В модально-ответных высказываниях выражено суждение, однако, это особое суждение. Субъект и предикат в нем словесно не обозначены. Такое суждение имеет формально нечленимую структуру, на что в свое время указывала Е. М. Галкина-Федорук [2].

Способность частиц фиксировать имплицитное суждение является их важной функцией в языке. В этом аспекте рассматриваемые модальные квалификаторы должны быть определены не только как речевые, но и как языковые структурообразующие средства.

Причиной обращения к **семантико-прагматическим функциям** явилась яркая субъективность высказываний с частицами, их речевая выразительность, обязательная представленность в них при помощи служебного элемента авторской точки зрения, позиции говорящего.

Исследование высказываний с частицами убеждает, что субъективно-модальные квалификаторы, не являясь ядерными элементами семантической структуры, не являются пропозитивно значимыми элементами, активно участвуют в уточнении семантической структуры, ее обслуживании, а иногда и формировании, в результате чего достаточно сильно трансформируют смысловое поле предложения-высказывания субъективными характеристиками, выступая в роли не факультативных, а семантически обязательных элементов.

Смыслы, актуализируемые предположительными частицами, существенно конкретизируют собственно пропозитивные смыслы, соотносят их с говорящим, «проявляют» его позицию. Данные смыслы важны для высказывания, так как выражают его авторство, что для речевого образования (в отличие от конструкции, модели) является определяющим: *Авось все, что я говорю, правда!* (А. Чехов); *Ну, прощайте, други...Засиделись мы у вас – и вам, чай, надоели* (И. Тургенев); *Едва ли мы ее убедим* (В. Головачев).

Диктум и модус являются иерархическими образованиями, имеют сложную структуру и включают ряд обязательных и факультативных компонентов. Однако будучи противопоставленными друг другу, диктум и модус не являются абсолютно чуждыми друг другу в едином семантическом пространстве предложения-высказывания. Они взаимообусловлены, и эта обусловленность закономерна, что наглядно подтверждается при семантическом анализе высказываний с частицами.

Последние интересны в том плане, что в них зафиксирован в действии процесс, который может быть условно обозначен как снятие четкой противопоставленности диктума и модуса, объективного и субъективного слоев смысла.

В высказываниях с модальными частицами объективный и субъективный слои смысла приближены друг к другу, представляют собой синтез двух единств. Диктум при помощи модального квалификатора как бы «притягивается» к модусу, используется для нужд модуса, в результате чего субъективные смыслы внедряются в объективную часть – диктум, усложняя его смысловую структуру.

Элементы модуса актуализируют элементы диктума посредством трансформации семантических полей пропозитивно значимых элементов. Модусные смыслы, вводимые модальными квалификаторами, в ряде случаев даже подчиняют себе объективные смыслы, которые используются в этом случае не только для репрезентации события как такового, сколько в качестве смысловой базы, на основе которой реализуется сама модальная квалификация события, происходит его прагматическая ориентация: – *А здесь может быть разумная жизнь?..* – **Вряд ли** (К. Булычев); – *Трава жива?* – **Едва ли** (В. Бережков); *Вдруг снова словно послышалось что-то* (А. Волков); *Как будто бы только что здесь был* (В. Шукшин). Говорящий при помощи модального средства ориентирует адресата на то, что имеются некие причины, существование которых предопределило его отказ от констатационного способа изложения собственной точки зрения. Данные причины побуждают говорящего избрать иную, неконстатационную форму выражения мысли. Факт существования подобных причин доводится до адресата как знак того, что говорящий при квалификации события ориентируется именно на них.

При исследовании группы **модусных** функций в рамках спецкурса определяется лингво-прагматический статус, и намечаются основные семантические характеристики модально-персуазивной квалификации как ментальной операции субъекта.

Модальные частицы фиксируют сниженную степень ответственности говорящего за достоверность сообщаемого. В узком смысле они – средства квалификации события, фиксаторы одного из аспектов проявления субъективного начала. В широком смысле предположительные частицы – модусные показатели, формальные средства модуса предложения. Данные частицы являются элементами плана выражения модусных квалификативных категорий модальности, квалификации, оценочности.

Данная смысловая перспектива развернута в аспекте персуазивной квалификации описываемого события. Персуазивные смыслы не являются статичными образованиями, в процессе коммуникации приобретают свойство изменчивости, трансформируемости. Данные смыслы характеризуются как динамичная, развивающаяся система, отвечающая требованиям речевого процесса и предназначенная для решения говорящим его коммуникативной задачи: *Стоишь у окна и думаешь: «Авось, бог даст, распогодится».* Но ветер не унимался (И. Бунин); *Описывать его обыкновенную наружность едва ли и следует* (А. Чехов); *Будто обещался зайти на днях. Вот и ждем с того времени* (В. Шишков). Это обусловлено тем, что в речевом коммуникативном процессе, как правило, работает целый комплекс взаимопересекающихся функционально-прагматических факторов. В то же время отметим, что там, где это возможно, конечно же, следует производить дифференциацию базовых и надстроечных смыслов, реализуемых в высказываниях предположительными частицами. Одним из дифференциальных критериев, думается, может служить антропоцентрическая составляющая – степень обоснованности собственного мнения, на которую ориентируется говорящий при построении модально-кваликативного высказывания.

Частицы актуализируют в высказывании особый уровень смысла – указывают на существование в действительности предусловий (или первопричин), способствующих или препятствующих, по мнению говорящего, осуществлению события в действительности:

Данные предусловия – это стимул к зарождению модально-кваликативного высказывания. Смысл, их фиксирующий, – принадлежность диктума. Он объективен по сути, не является модусным смыслом, хотя и опосредованно соотносится с модусом. Указанный смысл нужно рассматривать как один из факторов сближения диктума и



модуса, объективной и субъективной частей смысла в высказывании. В данном аспекте модальные частицы – элементы, снимающие четкую противопоставленность диктума и модуса. И это действительно так, поскольку говорящий при помощи модального средства ориентирует адресата на то, что у говорящего имеются причины, существование которых предопределило его отказ от констатационного способа изложения собственной точки зрения. Данные причины заставляют говорящего избрать иную, неконстатационную форму выражения мысли. Факт существования подобных причин доводится до адресата как знак того, что говорящий при квалификации события ориентируется именно на них.

Функциональный подход к репрезентируемым частицами прагматическим смыслом ориентирует студента на учет не только собственно лингвистических, но и суперлингвистических факторов. Особое положение при этом отводится интонационным и контекстуальным показателям. В этом аспекте предположительные частицы могут быть охарактеризованы как формальные средства, отражающие только начальный стимул для актуализации квалификативного смысла, который далее уточняется и конкретизируется подключением средств других уровней языка и речи: *Он не сводил глаз с крыльца, – и на крыльцо пришлось отворить двери, этого тоже **будто бы требовал какой-то старинный обычай...*** (И. Бунин); *Ихтиозавр, **что ли?** – спросил Макшеев, помнивший кое-что из курса палеонтологии* (В. Обручев); – *Не думаю. Хотя если хозяин подстать своему логову... Думать о приятном отдыхе **вряд ли придется*** (В. Назаров). Предположительные частицы фиксируют в данных высказываниях момент начала развития модально-квалификативного смысла «предположение», правомерность введения которого далее обосновывается при помощи контекстуальных и ситуативных показателей.

В магистерском курсе делается попытка обосновать статус модусных смыслов, исследовать их природу, решить проблему структурированности, определить роль, отводимую субъективным смыслом в структуре общего смысла предложения-высказывания. Заметим также и то, что функциональный анализ заставляет по-иному взглянуть на проблему исключительно частеречного подхода к изучению модальных частиц. Узость такого подхода в настоящее время очевидна. Частицы, как служебные элементы, проявляют себя исключительно на уровне предложения-высказывания, что позволяет говорить о наличии у них особой, синтаксической семантики.

В прагматическом аспекте и антропоцентризма сказанное позволяет выделить основные цели, которые преследуются говорящим при вероятностной квалификации события: высказать собственное видение ситуации, эксплицировать «личный» взгляд на ситуацию; донести свою «точку зрения» до адресата, добиться того, чтобы адресат правильно понял говорящего, то есть адекватно тому, что заложено в основу вероятностной квалификации самим говорящим. И в первом, и во втором случае предположительные частицы – это «сигнал важности» сообщаемого факта, один из способов автора высказывания продемонстрировать свое безразличие к происходящему. Употребляя данные средства, говорящий боится недопонимания его позиции, то есть ориентирует адресата на «правильное» (по мнению говорящего, естественно) понимание ситуации, а также собственного взгляда на ситуацию.

В аспекте преподавания лингвистических дисциплин актуализация заявленных проблем видится полезной, поскольку последние: во-первых объясняют суть важных семиотических, логических и семантико-прагматических аспектов изучения служебных слов как на языковом, так и на речевом уровнях; во-вторых, намечают четкие перспективы углубленного анализа заявленных проблем на уровне выпускных квалификационных работ; в-третьих, соотносят взятые для анализа вопросы с проблематикой смежных лингвистических и литературоведческих дисциплин; в-четвертых, помогут будущему преподавателю взглянуть на ряд привычных языковых явлений с новой, порой весьма полезной стороны.

В целом же, можно отметить, что ведение указанного курса в учебный план подготовки магистра филологического образования оправдано тем, что слово в языке многофункционально. Слово в языке и речи выполняет комплекс функций, соотносящихся как со значением, так и с той ролью, которая отводится слову в предложении или тексте. Разноаспектность в рассмотрении функций слова, таким образом, закономерна. Функциональный подход к анализу предложений с частицами основывается на том, что последние являются носителями функций, отражающих различные аспекты отношения высказываемого к действительности. Функциональный подход помогает выявить то, с какой целью и каким образом говорящий квалифицирует высказываемое. В связи с этим актуальными представляются не рассмотрение лексико-грамматических значений частиц, а анализ способов их корректирующего воздействия на семантическое поле предложения. Это необходимо иметь в виду, так как выносимые на обсуждение проблемы составляют область антропоцентризма, человеческого фактора в языке.

Выводы

Подведем итог сказанному. Преподавателю высшей школы, работающему в рамках двухуровневой системы образования, данный спецкурс видится полезным, поскольку: во-первых, объясняет суть важных семиотических и семантико-прагматических аспектов изучения служебных слов на ментально-перцептивном уровне; во-вторых, намечает четкие перспективы углубленного анализа заявленных проблем на уровне магистерских диссертаций; в-третьих, помогает будущему магистру взглянуть на ряд привычных языковых явлений с новой, порой весьма полезной стороны; в-четвертых, соотносит взятые для анализа вопросы с проблематикой смежных лингвистических и литературоведческих дисциплин, базирующихся на кредитной оценке знаний студента.

Список литературы

1. См. об этом: Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка. – Т. 2. – М.–Л.: АН СССР, 1950. – С. 38 – 79; Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: АН СССР, 1960. – 378 с.; Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. – М.: МГУ, 1972. – 198 с.; Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.; Стародумова Е. А. Русские частицы. – Владивосток: ДГУ, 1997. – 68 с.
2. Галкина-Федорук Е. М. Суждение и предложение. – М.: МГУ, 1956. – 73 с.

MASTER COURSE "FUNCTIONS OF RUSSIAN PARTICLES" IN THE LEVEL SYSTEM OF EDUCATION

I. A. Nagorny

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

The paper describes the concept of the master's degree "Functions of Russian particles" in the light of new approaches to the teaching of linguistics in the tier system of education. Qualifications imparted analyzed as a mental operation of the subject. Systematized set of communicative and pragmatic functions carried by particles in the sentence-utterance.

Key words: functionalism, particles, semantics, symbol, modal-qualification statement.



ПРОБЛЕМЫ ДИСКУРСОЛОГИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Е. Г. Озерова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Ozerova @bsu.edu.ru*

В статье рассматривается своеобразие дискурса поэтической прозы, которое определяется (а) нравственными приоритетами, (б) лирико-философскими размышлениями автора о вечных ценностях человеческого бытия и (в) утверждением своего «Я». Данная триада эксплицирует особенности взаимодействия в поэтической прозе лирически возвышенного языка и когнитивной аргументации лингво-поэтических жизнесмыслов.

Ключевые слова: дискурс, поэтическая проза, эготоп.

Термин *дискурс* в современной лингвистике, к сожалению, характеризуется не только многозначностью, но и различными подходами к анализу и интерпретации, поэтому «мы по-прежнему очень далеки от создания единой и целостной теории дискурса» [1, с. 9]. Это обстоятельство обусловлено разнообразными подходами к столь неоднозначному понятию (ср. работы: Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, Е. В. Грудева, А. К. Жолковский, В. И. Карасик, Л. П. Крысин, М. Л. Макаров, Н. Б. Мечковская, А. В. Олянич, О. А. Прохватилова, Н. Н. Розанова, Ю. С. Степанов, В. Е. Чернявская, А. Д. Шмелев).

Такое разнообразие обоснований понятия дискурса имеет свою теоретическую предысторию. Во французской лингвистике представлена концепция, согласно которой «дискурс не является простой суммой фраз, при его рождении происходит разрыв с грамматическим строем языка. Дискурс – это такой эмпирический объект, с которым сталкивается лингвист, когда он открывает следы субъекта акта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим субъектом» [2, с. 124]. Авторы отмечают, что такое определение дискурса порождает два противоположных подхода: 1) противопоставление тесно связанных терминов «язык» и «дискурс»; 2) анализ возможных дискурсивных построений, закономерностей, проявляющихся на уровне явлений, возникающих в межфразовых связях. Вследствие этого грамматика дискурса противопоставляется грамматике предложения. И только синтез таких категорий, как лингвистика дискурса, дискурсивный признак, грамматика дискурса, как нам кажется, способен отражать истинное отношение лингвиста к дискурсу [ср. 2]. Прежде всего отметим главное: дискурс, хотя и «соткан из языка», выходит за рамки чисто лингвистической проблематики, поэтому смысл в рамках дискурса существует в тесной связи с историей, которая превращает дискурс в «объект конкретный и уникальный» [2, с. 126]. Это прекрасно понимали не только исследователи-лингвисты, но и художники слова. «Ни в какой истории, – писал Н. В. Гоголь, – не прочитаешь того, что отыщешь в ней: от неё так и дышит временем минувшим; древний человек, как живой, так и стоит перед глазами, как будто ещё вчера его видел и говорил с ним (Н. В. Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями»). На конструктивную роль художественного слова в лирикопрозаическом дискурсе указывал также и признанный мастер поэтической прозы М. М. Пришвин.

История русской литературы, – писал он, – отведёт много страниц жизни и творчеству писателя, который в смутное время русской литературы устраивал себе окопы из археологии и этнографии, *доставая из родных глубин чистое народное слово, и цепляя его, как жемчужину, на шёлковую нить своей русской души, создавая ожерелья и уборы на ризы родной земли* (М. М. Пришвин, «Дневники»).

Разрабатываемая нами теория дискурса поэтической прозы содержит несколько смысловых центров: 1) природа и сущность дискурса поэтической прозы, 2) формирование дискурса поэтической прозы и 3) восприятие дискурса поэтической прозы.

1. **Природа и сущность дискурса поэтической прозы.** Дискурс поэтической прозы можно интерпретировать в русле концепции Н. Д. Арутюновой. В таком случае он предстаёт в качестве связного текста в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами. Подчёркивая, что это текст, взятый в событийном аспекте, Н. Д. Арутюнова отождествляет его с речью, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). При таком видении проблемы дискурс – это речь, «погружённая в жизнь» [3], причем жизнь, личностно переживаемая в ценностно-смысловом единстве реального и воображаемого.

Дискурс поэтической прозы – «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности, который «существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встаёт особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счёте – особый мир». Это – «возможный (альтернативный) мир», каждый дискурс – это один из «возможных миров», доказательство тезиса «Язык – дом духа», «Язык – дом бытия» [4, с. 38 – 43].

Характеризуя модель дискурса, Т. ван Дейк выделяет коммуникативное событие в качестве сложного взаимодействия языковой формы, значения и действия. Исследователь рассматривает дискурс как «размытую категорию», что объясняется, по мнению автора, двумя факторами: (а) историей формирования дискурса, в процессе которого в семантической памяти народа лексической семантикой кодируются признаки прежних подходов и употреблений; (б) полной неопределённостью места дискурса в системе категорий и модусов существования языка [5, с. 46]. Особенно рельефно семантическая память лексемы проявляется в дискурсе поэтической прозы, так как именно воспоминание через призму чувственного восприятия порождает лирическую архитектуру произведения.

Я стою в кузове бортовой машины, уклоняюсь от мокрых еловых веток. Машина воеет, истёртые покрышки, как босые ноги, скользят по глине.

И вдруг машина вырывается на огромное, золотое с белым, поле гречихи. И запах, который никогда не вызвать памятью обоняния, тёплый запах мёда, даже горячий от резкости удара в лицо, охватывает меня.

Огромное поле белой ткани, и поперёк прoderнута коричневая нитка дороги, пропадающая в следующем тёмном лесу (В. Н. Крупин, «Гречиха»).

Воспоминание передаётся через образную вербализацию сенсорного восприятия: **тёплый** запах мёда, даже **горячий**... Осуществляется такое оязыковление сенсорного восприятия с помощью эпитетов **тёплый** и **горячий**, которые служат художественными определениями к имени существительному **запах**, «который никогда не вызвать памятью обоняния», поскольку таковым является сам мёд, издающий запах. Причём писатель раскрывает источник именно такого ощущения: **горячий** запах мёда от резкого его воздействия на органы обоняния. Затем образная палитра усиливается новым тропом: метафорой (**запах**) **охватывает меня**, вместо – *тепло охватывает*. Подтекст лирического «Я» имплицитно подчинён описанию ощущений и чувств, направлен на фиксирование ассоциаций, оставшихся в воспоминании от неожиданно открывшегося взору поля гречихи: ... *вдруг машина вырывается на огромное <...> поле гречихи. Белое* цветение гречихи благодаря ощущениям её медового запаха вызывает колоративные ассоциации: цвет мёда (**золотое**). В результате поле гречиха воспринимается как сложная амальгама золотого с белым: *огромное, золотое с белым, поле гречихи*.

Следовательно, такого рода лирикопрозаической дискурс представляет коммуникативное событие как сложную гамму ощущения реального фрагмента картины мира. Передаётся такое ощущение с помощью переключения субъективного и объективного планов нарратива, воскрешающих в памяти аффектное состояние в виде лирически оформленного авторского модуса.



2. Формирование дискурса поэтической прозы. Интерпретация дискурса Е. С. Кубряковой может быть использована для выяснения точек его сопряжения с конкретными текстами поэтической прозы. Под дискурсом следует иметь в виду, отмечает Е. С. Кубрякова, именно когнитивный процесс, связанный с реальным рече-производством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [6, с. 164]. При таком подходе дискурс поэтической прозы является той речемыслительной средой, в которой осуществляется, с одной стороны, текстообразование поэзии в прозе, а с другой, – его восприятие и понимание реципиентами. Ср.: *Поздней весной в заливных вятских лугах лежат озёра.*

Дикие яблони, растущие по их берегам, цветут, и озёра весь день похожи на спокойный пожар.

Ближе к сенокосу под цветами нарождаются плоды. Красота становится лишней, цветы падают в своё отражение. И на воде ещё долго живут. Озёра лежат белые, подвенечные, а ночью вспоминается саван.

Падает роса. Лепестки, как корабли, везущие слёзы, покачиваются, касаясь друг друга.

Постепенно вода оседает, озёра уходят в подземные реки. И как будто лепестки вместе с ними.

Вода в вятских родниках и колодцах круглый год пахнет цветами. Пьют эту воду кони и люди, птицы и звери, цветы и травы, даёт эта вода жизнь всему существу, всему живому.

Только мёртвым не нужна вода. Поэтому место для них выбирают на взгорьях (В. Н. Крупин, «В заливных лугах»). Лиричность текстообразования формируется при помощи синтеза синергетики поэзии и прозы: цветы, отражающиеся в водной глади озёра *похожи на спокойный пожар*. Это вызывает новые ассоциации: озёра напоминают белые, подвенечные платья, а лепестки – корабли. При этом подключается голос когнитивной метафоры: роса на лепестках цветов напоминает слёзы. Ср.: *лепестки-корабли везут слёзы – росу*. Такого рода художественное воображение автора обычно создаёт в поэтической прозе единый когнитивно-дискурсивный блок – лирикопрозаический текст. Если обратиться к коммуникативной стилистике Н. С. Болотновой, то лирикопрозаический текст можно охарактеризовать как «*речевое произведение, концептуально обусловленное (т. е. имеющее концепт, идею) и коммуникативно ориентированное в рамках определённой сферы общения, имеющее информативно-смысловую и прагматическую сущность*» [7, с. 224]. Важным для этого определения являются следующие моменты: 1) текст – это речевое произведение (не языковая единица высшего уровня); 2) текст всегда имеет гиперконцепт (идею, отражающую авторский замысел и формирующую целостность текста); 3) текст обладает стилистической окраской, отражающей определённую сферу общения; 4) текст всегда ориентирован на адресата (даже если им является сам автор); 5) текст несёт информацию (отражаясь в сознании читателя, она приобретает статус смысла); 6) текст обладает эффектом воздействия (прагматикой) [7, с. 224]. Проблема соотношения текста и дискурса является для когнитивной лингвопоэтики наиболее значимой, так как дискурс, отмечает Н. Ф. Алефиренко, можно считать текстом лишь в том случае, если он подвергается личностному осмыслению говорящих: шифруется, дешифруется или интерпретируется [8, с. 13], и является синергетически (нелинейно) организованной совокупностью институционально и тематически объединённых высказываний, когнитивно-прагматический потенциал которых отражает субъективный социокультурный опыт коммуникантов, их внутренний мир, переживания и убеждения [см. 8]. Текст и дискурс имеют следующую кодификационную закреплённость: «в определении текста выделяются такие качества, как *целостность, завершённость, обработанность, связность, структурированность*, в определении же дискурса доминирует представление о *динамичности, событийности, «текучести»*, но при этом «в современ-

ной лингвистике постулируется нежесткая оппозиция *текст – дискурс*» [9, с. 16]. Соотношение понятий *текст* и *дискурс*, отмечает Н. С. Болотнова, связаны отношениями включения: *текст* входит в понятие *дискурс* в качестве его составной части [7, с. 199]. Формирование дискурса поэтической прозы происходит при потребности автора в коммуникативном диалоге с читателем и декодировании его субъективного опыта, внутреннего мира, переживаний и убеждений: *Вода в вятских родниках и колодцах круглый год пахнет цветами, <..> даёт жизнь всему существу, всему живому.*

Только мёртвым не нужна вода. Поэтому место для них выбирают на взгорьях. Категориальные аспекты формирования дискурса поэтической прозы эксплицируются как синтез замысла текста, восприятия и понимания действительности эготопом¹.

3. Восприятие и понимание дискурса поэтической прозы. В силу жанровой специфики поэтической прозы её дискурсивное восприятие и понимание представляет серьёзную проблему когнитивной лингвопоэтики. Термин *восприятие* употребляется бинарно: 1) это образ предмета, который возникает в результате процесса восприятия и 2) сам процесс этого восприятия. В о с п р и я т и е дискурса поэтической прозы сопряжено с п о н и м а н и е м, вследствие которого раскрывается лингвопсихологическая и лингвокультурологическая аура автора, так как «в образе автора, как в фокусе, сходятся все структурные качества словесно-художественного целого» [10, с. 210]. Воздействуя на чувственное читательское восприятие, автор «с помощью слова обрабатывает мир, для чего слово должно имманентно преодолеваться» и «стать выражением отношения к этому миру автора» [11, с. 67]. Не менее важен вопрос восприятия текста адресатом, так как именно он декодирует и интерпретирует дискурс поэтической прозы как «схему и загадку», которую «должен ещё дополнить и разгадать в конкретно-смысловом плане» [10, с. 9]. Восприятие и переживание дискурса поэтической прозы можно определить как процесс коммуникации, в результате осваиваются смыслы лирикопрозаического текста, которые подчинены субъективному восприятию и эксплицируются как механизм включения в ситуацию взаимодействия **автора – читателя**. При таком взаимодействии имеющиеся у читателя ценностно-культурные ориентиры, эмотивные и коммуникативные установки раскрываются в преломлении к смысловому тезаурусу дискурса поэтической прозы. Восприятие лирикопрозаического текста также обусловлено и тем комплексом глубинных смыслов, которые эксплицируют авторский замысел, так как именно читатель, интерпретируя текст, демонстрирует восприятие не только дискурса поэтической прозы, но и мира автора, его культуры и эпохи. Этот многоплановый процесс становится 1) процессом непосредственного чувственного познания и 2) сигналом отражения действительности, то есть «процессом раскрытия опосредствованных словами связей и отношений, включающим осмысление [см. 12]. Восприятие дискурса поэтической прозы в качестве психического процесса, который включает осмысление и работу памяти, составляет взаимосвязанную перцептивно-мнемоническую деятельность как единство актуального, процессуального и результативного уровня получаемой информации, которая в субъективно-оценочной обработке соотносит эту информацию с прошлым, как правило, чувственным опытом. Понимание же дискурса поэтической прозы связано с выходом за пределы непосредственного содержания и является пониманием индивидом самого себя, своих чувств и переживаний. В. Е. Чернявская выделяет два уровня понимания дискурса [13, с. 143 – 144]: 1) восприятие дискурса поэтической прозы как конкретного коммуникативного события, фиксируемого в письменных текстах и устной речи, осуществляемого в определённом, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве; 2) восприятие дискурса поэтической прозы как совокупности тематически соотнесённых текстов: тексты, объединяемые в дис-

¹ Эготоп – субъективно-индивидуальное восприятие действительности, соотнесенность объекта художественного описания с «Я-личностью», создание определенных эго-смыслов, эго-воспоминаний, эго-оценок, то есть Я-пространство поэтической прозы.



курс, обращены, так или иначе, к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса поэтической прозы раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов.

С точки зрения взаимоотношения автора и читателя, дискурс поэтической прозы вполне соответствует его пониманию как интерактивной деятельности участников общения. Его цель – «установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [14, с. 5].

Адекватное восприятие и понимание поэтической прозы возможно, на наш взгляд, только при его когнитивно-герменевтической интерпретации. Поскольку анализ дискурса поэтической прозы находится на пересечении разных дисциплин, ему присущ особый подход к проблеме смысла, однако «подход этот не является калькой с исторического подхода, приписывающего определённый смысл некоторому событию» [2, с. 126]. Анализ дискурса поэтической прозы создаёт свой собственный «референт» в пределах дескриптивного подхода. «Он пытается, описывая высказывания, обнаружить новый смысл, черты события, ускользающие от историка, использующего только классические методы анализа. Интерпретация базируется на соотношении аргументов, рассказов, описаний» [2, с. 126]. **Преображение** *Господне... Ласковый, тихий свет от него в душе – доньне* (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»); *Ведь всё-всё в мире свершается преобразованием. Преображается яйцо в птенца, семечко в травинку, облако – в дождь, тропинка – в дорогу, надежда – в свершение, мальчик – в мужчину, жизнь земная – в жизнь вечную... – всё преобразается и приближается ко престолу Божию* (В. Н. Крупин, «Гора Фавор. Гора святая»). Специфика создания дискурсом поэтической прозы своего собственного «референта» проявляется в субъективном аксиологическом восприятии временной модели православного праздника «Преображение Господне». Коннотативный эффект (коннотативную синергию) эксплицирует культурный концепт «Преображение», который через воспоминание передаёт эмотивно-психическое состояние автора. В дискурсе поэтической прозы время является темпоральной действительностью – это время автора. Человек в дискурсе поэтической прозы когерентно соотносён с чувственным восприятием реальности. М. М. Бахтин говорил о «творческом хронотопе», через который происходит «обмен произведения с жизнью» [15, с. 403], «апперцептивный фон восприятия» в лирико-прозаическом тексте зиждется на взаимодействии автор – произведение и адресант – адресат. В дискурсе поэтической прозы адресат становится «имманентным участником художественного события, изнутри определяющим форму произведения» [16, с. 265].

Таким образом, дискурсивный смысл поэтической прозы никогда прямо не соотносится с внеязыковой реальностью, а строится посредством механизма архива, в котором проявляется материальность языка. Под словом *архив* Мишель Фуко понимает построенный по определённому принципу механизм, который создаёт различные конфигурации элементов, при этом каждый такой механизм архива задаёт свой порядок собственного формирования. С точки зрения архива смысл складывается из максимального разнообразия содержащихся в нём текстов, что позволяет не увеличивать количество смыслов текста, а «детерминировать смысл, вводя ограничения в описание семантики высказывания» [2, с. 127]. Формирование дискурсивного смысла поэтической прозы происходит не только при помощи лексических механизмов, но и через механизмы формирования высказывания. Такая «двоякая материальность архива и языка образует основу анализа дискурса» [2, с. 127].

Анализ дискурса на протяжении своей истории не всегда занимался проблемой смысла, однако она «была в центре внимания анализа дискурса с момента его возникновения во Франции в конце 1960-х гг.» XX века, а её специфика заключается во взаимосвязи дискурса и идеологии. В работе «Автоматический анализ дискурса» Мишель

Пешё отказывается от возможности исследования семантики в рамках одной лингвистики и предлагает изучать область семантики в её взаимодействии с идеологией. Именно такой подход соответствовал эпохе своего возникновения: «с одной стороны, язык, структурированный относительно двух определённых осей, и, с другой – идеологические формации, внутри которых проявлялись соотношения сил» [17, с. 132 – 133]. Подводя итог своим рассуждениям, авторы отмечают, что смысл берёт своё начало в языке и архиве.

В фундаментальном исследовании Мишеля Фуко «Археология знания» концепция дискурса раскрывается через призму воспроизведения того истока, который располагается вне каких-либо исторических детерминаций; вторая его цель – интерпретация и выслушивание «уже-сказанного» и, в то же время, «не-сказанного».

Англо-американская теоретическая школа начинает использование термина *дискурс* после выхода в 1952 г. статьи американского лингвиста Зеллига Харриса, который объектом анализа дискурса сделал отрезок текста, больший, чем предложение, то есть связный фрагмент речи, последовательность высказываний.

Во французской традиции одним из первых отметил соотношение дискурса с конкретными участниками акта производства высказывания Э. Бенвенист, который термином дискурс обозначил «речевое произведение (*discours*), которое возникает каждый раз, когда мы говорим». Автор подчёркивает, что нашим объектом является акт производства высказывания, а не текст высказанного, и этот акт – дело говорящего, который использует язык по своему усмотрению [18, с. 312]. Предложение, отмечает Э. Бенвенист, представляет собой «образование неопределённое, неограниченно варьирующееся; это сама жизнь языка в действии. С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является речь (*le discours*)» [18, с. 139]. Таким образом, Э. Бенвенист понимает под дискурсом экспликацию позиции говорящего в высказывании, в трактовке З. Харриса объектом анализа становится последовательность высказываний, отрезок текста, больший, чем предложение.

Активное применение термин *дискурс* находит в 1970-е гг. XX века, когда были опубликованы труды европейской школы лингвистики текста (Т. ван Дейк, В. Дресслер, Я. Петефи), а также работы американских лингвистов (У. Лабов, Дж. Греймс, Р. Лангакер, Т. Гивон, У. Чейф). Как отмечает У. Чейф, дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям. В монографии «Дискурс, сознание и время» исследователь приходит к выводу, что такие две сферы, как сознание и язык не могут быть поняты по отдельности, а главным понятием структуры дискурса является интонационная единица, т. е. квант дискурса, соответствующий одному фокусу сознания. Интонационная мелодика дискурса поэтической прозы проявляется через чувственное восприятие действительности в лирическом нарративе.

Немецкая школа дискурсивного анализа связана с именами Утца Мааса, Юргена Линка и Юргена Хабермаса. У. Маас выделяет следующие концептуальные положения для теории дискурса: любой текст является частью и выражением общественной практики, которая уже определяет массу других возможных текстов. При этом анализ текста становится идеологически ориентированным анализом дискурса, который выступает как соответствующая языковая формация по отношению к социальной и исторически определяемой общественной практике [13, с. 141].

Исследуя множественность и разнообразие значений слова *дискурс*, П. Серио выделяет следующие:

- 1) эквивалент понятия «речь», т.е. любое конкретное высказывание;
- 2) единица, по размерам превосходящая фразу, высказывание, то, что является предметом исследования «грамматики текста», которая изучает последовательность отдельных высказываний;



- 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определённое место высказывания);
- 4) беседа, рассматриваемая как основной тип высказывания;
- 5) речь, присваиваемая говорящим, в противоположность повествованию, которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания;
- 6) противопоставление *язык* и *речь* (langue / discourse), их дифференциация и диверсификация. Различается, таким образом, исследование элемента «в языке» и его исследование «в речи»;
- 7) обозначение системы ограничений, которые накладываются на высказывания в силу определённой социальной или идеологической позиции;
- 8) анализ дискурса определяет свой предмет исследования, разграничивая высказывание и дискурс [19, с. 26 – 27].

Такие полярные теоретические предпосылки, несомненно, явились причиной столь широкому концептуальному пониманию дискурса, который в современной лингвистике занимает приоритетную сферу исследования.

Дискурс поэтической прозы является той речемыслительной средой зарождения и развития уникального феномена человеческого духа, которое создано, как отмечает Э. Бенвенист, на основе триады «язык – культура – человеческая личность». Следует также сказать, что в дискурсе поэтической прозы язык является связующим звеном жизни психической и жизни общественно-культурной, и в то же время орудием их взаимодействия. Это побудило М. М. Пришвина к необычному на первый взгляд заключению: *Истории русского народа нет: народ русский остается в своём быту неизменным, – но есть история власти над русским народом и тоже есть история страдания сознательной личности* (М. М. Пришвин, «Дневники»). Особенно ярко такого рода страдания представлены в русской поэтической прозе. Ведь само создание поэтической прозы – это, прежде всего, средство удовлетворения духовно-философских исканий личности автора, осмысление им духовных ценностей бытия. С точки зрения когнитивной лингвопоэтики, поэтическая проза – это творческий акт, способный раскрыть внутреннюю динамику лингвокреативной деятельности личности автора. Познавая мир, размышляя о месте «Я» в нём, авторы поэтической прозы расширяют сам объём реальности, раскрывая нам новые горизонты внутреннего мира человека. В частности, сопряжённое ощущение жизни психической и жизни общественно-культурной всегда было свойственно великим русским писателям. «*Вот в чём моё главное достоинство, – писал Н. В. Гоголь, <...> но достоинство это, говорю вновь, не развилось бы во мне в такой силе, если бы с ним не соединилось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная история* (Н. В. Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями»).

Когнитивный подход к описанию поэтической прозы позволяет говорить о ней как форме репрезентации образного познания, способе возникновения, развития и совершенствования знаний человека о мире и самом себе. *Но есть семя, жаждущее влаги и ожидающее своего расцвета: вот из этого непророщенного семени и цветов, не расцветших в своей собственной душе, я создам своего героя, и пишу историю его как автобиографию, оно выходит и подлинно, до ниточки верно, и неверно, как говорят, «фактически»* (М. М. Пришвин, «Дневники»).

Одним из структурных центров дискурса поэтической прозы является эгоцентризм, при помощи которого раскрывается внутренний мир и чувственное, душевное состояние лирического героя. Именно благодаря этой особенности повествования в текстах поэтической прозы в качестве её категориального признака формируется лирическая архитектура, доминанта глубокого личностного переживания описываемых событий, креативная индивидуальность автора. Внутренняя суть ценностно-смыслового пространства произведения раскрывает его поэтический дискурс, в эпицентре которого находится человек – языковая личность, окутанная этнокультурной аурой Руси. В русской поэтической прозе этому подчинены исповедальные мотивы,

монологи с адресатом и самим собой, внутренняя речь, исходящая из потаённых глубин внутреннего эгопространства.

Язык поэтической прозы представляет многоликую систему. Однако при всём таком разнообразии можно выделить её отличительные свойства: 1) индивидуальную маркированность выразительно-изобразительных знаков; 2) поэтическую образность внутренней формы слова; 3) коннотативную имплицитность смыслового содержания, раскрывающуюся при помощи дискурсивной экспликации скрытых когнитивных ресурсов.

Художественно-образное речемышление – главное свойство языка поэтической прозы. Поэтическая функция языка, по В. В. Виноградову, опирается на коммуникативную, исходит из неё, но воздвигает над ней подчинённый закономерностям искусства новый мир речевых смыслов и соотношений. Важность такой смысловой надстройки в дискурсе поэтической прозы всегда отмечали её создатели:

«История учит», и знать старые ошибки полезно для того, чтобы не желать повторять их наново (Н. С. Лесков, «Сеничкин яд»).

Таким образом, задача просвещения состоит, во-первых, в том, чтобы ценности духа, поднятые отдельными личностями высоко над обычным сознанием, опустить в кладовую здравого смысла, т. е. сделать их полезными и выгодными, а во-вторых, уменьшить тем самым пропасть между образованными классами и классами, пользующимися собственно здравым смыслом (М.М. Пришвин, «Дневники»).

«Здравый смысл» создан тоже, как и наука и философия, отдельными личностями, потерявшими своё имя в истории, он имеет к истории философии такое же отношение, как «народная словесность» к истории литературы, его отличие от философии то, что им (здр. смыслом) пользуются все, он есть всеобщее Достояние (М. М. Пришвин, «Дневники»).

В отличие от научного текста, целью которого является кодирование, хранение и сообщение определенной информации, художественный текст выполняет функцию воздействия (Виноградов В. В., Щерба Л. В., Смирницкий А. И., Ахманова О. С.). Особенно ярко эта функция проявляется в текстах русской поэтической прозы, где она реализуется интроспективно, пропуская смысловое содержание порождаемого текста через авторское его восприятие. Тем самым создаётся художественный эффект личного сопричастия автора к описываемому событию.

Художественный текст – это своего рода моделирование выбранного автором «участка действительности и отражение индивидуального процесса его познания» [20, с. 6]. В поэтической прозе в качестве фрагмента действительности может выступать любое явление окружающего мира, которое вписывается в тему произведения. Выбор автором объекта описания подчиняется лейтмотивным стимулам авторской интенции, поэтому не является случайным. Чаще всего побудительными стимулами такого выбора оказываются «болевы́е точки» жизненного пространства автора и окружающих его людей – источник их эмоционального переживания и глубоких раздумий. Ими могут быть как нарушающие привычный жизненный ритм конфликты эпохи – социальные, идеологические, политические, экономические [см. 21], так и психологические, эмоциональные и другие лично важные события, имеющие, однако, общественный, социокультурный или религиозно-исторический резонанс. Текст поэтической прозы направлен на то, чтобы увидеть их «изнутри», тем самым эмоционально воздействовать на читателя. В тексте поэтической прозы складываются особые отношения: *действительность – образ – текст*. Именно они, будучи особой художественной конфигурацией объективной реальности и авторского воображения, имплицитным сопряжением правды и вымысла создают глубинное смысловое содержание текста поэтической прозы. *Я весь дрожал при одном взгляде на ящик с красками, пачкал бумагу с утра до вечера, часами простаивал, глядя на ту дивную, переходящую в лиловое, синеву неба, которая сквозит в жаркий день против солнца в верхушках деревьев, как бы купающихся в этой синеве, – и навсегда проникся глубочайшим чувством истинно божественного смысла и значения земных и небесных красок (К. Г. Паустовский, «Золотая роза»).* При этом автор прибегает к использова-



нию тех языковых средств, которые с его точки зрения способны передать самые потаённые движения его души, выразить в словесной форме авторские интенции. Язык русской поэтической прозы – это особая знаковая система, неоднозначность семантики которой используется для множественной интерпретации представляемого в тексте смыслового содержания. Языковые знаки, его репрезентирующие, используются главным образом в их вторичных значениях. Таковыми выступают метафоры, фразеологизированные сочетания, устойчивые выражения нефразеологического характера, передающие, как правило, архетипные представления, сложившиеся в данной этнокультуре ещё в глубокой древности.

Использование такого рода выразительно-изобразительных средств обуславливается особенностями дискурса поэтической прозы, который рассматривается нами как коммуникативно-прагматическое выражение поэтического мышления в прозе. В то же время он может быть осмыслен как процесс поэтического творчества, способ авторской рефлексии о мире и человеке, особый тип художественного мышления, формирующий эгоцентрическое (в центре повествования авторское «Я») и логоцентрическое восприятие действительности. При логоцентрическом мировосприятии смыслообразующими точками поэтической прозы выступают базовые культурные концепты как ценностно-смысловые доминанты русской ментальности и духовности: *Тем-то именно и велик художник, что, творя, он забывает о своей чувствительной и пульсирующей коже и сознаёт лишь свою космическую **духовность**, гордясь и смущаясь перед ответственностью за случайно вспыхнувший в нём гений* (И. Ф. Анненский, «Вторая книга отражений»). ***Духовности** больше в нации, чем в народности, но это не тайна* (В. Кручин, «Выбранные места из дневников 1970-х годов»).

Ценностно-смысловое своеобразие дискурса поэтической прозы определяется (а) нравственными приоритетами, (б) лирико-философскими размышлениями автора о вечных ценностях человеческого бытия и (в) утверждением своего «Я». Данная триада, собственно, и обуславливает особенности взаимодействия в поэтической прозе лирически возвышенного языка и когнитивной аргументации прозаических жизнесмыслов: *любовь, как она мне мерещится и как раскрывается смысл пережитого, есть путь к творчеству* (М. М. Пришвин, «Дневники»); *любовь заключает весь смысл жизни – всю вселенную!* (А. И. Куприн, «Гранатовый браслет»); *любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь* (И. С. Тургенев, «Воробей»). Перефразируя мысль Д. С. Лихачёва, относящуюся, правда, к древнерусской литературе [см. 22], можно сказать, что поэтическую прозу можно рассматривать как литературу одной темы. И эта тема – смысл человеческой жизни. Раскрывается она с помощью сочетания таких речевых средств, которые способны сполна передать пронзительную чувственность и народную мудрость авторского миропонимания. Такого рода философские переживания автора позволяют ему концептуально связать в единую панорамную картину все дискурсивные проявления поэтической прозы как на антропологическом уровне самораскрытия сущности дискурса, так и на уровне его лингвокультурной значимости.

Для поэтической прозы значимым является ещё один конструктивный узел в структуре поэтического дискурса. Безотносительно к поэтической прозе американский психолог Ф. Бартлетт обнаружил, что при вербализации прошлого опыта люди регулярно пользуются стереотипными представлениями о действительности (книга «Память» – *Remembering*). Воспоминание, отмечает психолог, – это не повторное воспроизведение, а творческая реконструкция, желание заново пережить то, что когда-то было ощущением. Память, по мнению Н. Г. Брагиной, концептуализируется в языке подобно произведению живописи, на что указывает, в частности, смысловая близость предикатов *вспомнить* и *вообразить*. Именно **память преобразует прошлое в образы**. В языковом пространстве памяти деятельность сознания передаётся через творческую трансформацию обыденных образов, являющихся, по Э. Кассиреру, продуктами памяти [см. 23]. *Образная память* (в отличие от *логической памяти*) «отвечает» не столько за понимание прошлого, сколько за восприятие [24, с. 127]. Этим,

собственно, и обуславливаются отличительные признаки дискурса поэтической прозы: *Но два чувства должны двигать всеми нами: это уроки прошлого, из которого надо брать только хорошее, и надежда на будущее, на то, что хорошее будет продолжено и усилено. Мы же не перестали радоваться солнышку, дождю, расцветающим цветам. Приходят в мир дети, тянут к нам свои ручонки, чтобы мы поднимали их. Ведь стыдно же будет уходить из этого мира, если мы не сделаем его хоть капельку лучше. Если хотя бы на миллиметр не подвинемся к пониманию, что земная жизнь – одна-единственная, но жизнь нашей, тоже единственной, души – вечна. Так что мы живем для души, для вечности, для России (В. Н. Крупин, «Я православный и не могу не защищать свои святыни»).*

Функции памяти Ф. Бартлетт рассматривает в аспекте культуры, а язык, по мнению Н. Ф. Алефиренко, связан с культурой и содержательно, и формально [25, с. 31]. Предыдущий языковой опыт, отмечает Б. М. Гаспаров, можно рассматривать в качестве гигантского мнемонического конгломерата, в котором фрагменты языковой ткани не лежат в памяти неподвижно как постоянные единицы хранения, условия их существования в языковом сознании говорящего проходят токи ассимилятивных и ассоциативных взаимодействий. Существование каждого фрагмента в конгломерате языковой памяти дискурса поэтической прозы неустойчиво и релятивно, а смысловые очертания подвержены изменениям [ср. 26]. В когнитивной психологии память исследуется как проявление личности. В качестве субъекта внутреннего мира человека рассматривает память и Н. Г. Брагина, которая отмечает, что память выступает как артефакт, «Я человека является субъектом, как владельцем, хозяином собственной памяти. Я человека контролирует, конструирует собственную память, т.е. производит со своей памятью осознанные манипуляции» [24, с. 49], что и воплощается в языке поэтической прозы. При этом нередко используются словосочетания типа *осталось в памяти, перебираешь в памяти, запечатлена в памяти*. Ср.:

1. *А на Рождество, такие трескучие морозы... а они являлись в летних пальтишках и не могли говорить от холода, а прыгали все у печки и дули в сизые кулаки, – это **осталось в памяти*** (И. С. Шмелев, «Лето Господне»)§

2. *И многое, многое пережито было за эти годы, кажущиеся такими долгими, когда внимательно думаешь о них, **перебираешь в памяти** все то волшебно, непонятное, непостижимое ни умом, ни сердцем, что называется **прошлым*** (И. А. Бунин, «Холодная осень»);

3. *Но мудрость его **запечатлена в памяти** всех народов и записана на небесах в книге вечной* (И. А. Бунин, «Смерть пророка»).

Приведённые примеры в который раз подтверждают мысль Л. С. Выготского о том, что память означает использование и участие предыдущего опыта в настоящем поведении [см. 27]. Своеобразие проявления языковой памяти в дискурсе поэтической прозы состоит в том, что она предопределяет характер речевого поведения в ней и автора, и персонажей.

Когнитивно-дискурсивной сущностью поэтической прозы являются потребности автора в «обмене» константно-инвариантной информацией с «Другим» и декодирование текста адресатом. Всё это превращает дискурс поэтической прозы или в генератор новых смыслов, или в средство «перераспределения» смыслового напряжения в тексте между невербальными и речевыми факторами его проявления. Собственно, названные интерпретации ценностно-смысловой доминанты культурной памяти языковой личности (автора и читателя) обуславливают все категориальные аспекты сущности дискурса поэтической прозы как синергетического единства текста, культуры и языковой личности, определяющего характер так называемого эготопа.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. – М.: ИНИОН, 2000. – С. 7 – 25.



2. Гийому Ж., Мальдидье Д. О новых приёмах интерпретации, или Проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 124 – 136.
3. Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. – С. 389 – 390.
4. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века. – М.: Прогресс, 1995. – С. 35 – 73.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация – М.: Прогресс, 1989. – 307 с.
6. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 144 – 238.
7. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.
8. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-синергетическая сущность дискурса // Лингвистика. Герменевтика. Концептология. – Кемерово, 2008. – С. 12 – 17.
9. Чумак-Жунь И. И. Поэтический текст в русском литературном дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 244 с.
10. Виноградов В. В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
11. Бахтин М. М. Слово в поэзии и в прозе // Вопросы литературы. – 1972. – № 6. – С. 76 – 82.
12. Зимняя И. А. Смысловое восприятие как сложная перцептивно-мыслительно-мнемическая деятельность // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М.: Наука, 1976. – С. 5 – 33.
13. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.
14. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5 – 20.
15. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 495 с.
16. Волошинов В. Слово в жизни и слово в поэзии // Звезда. – 1926. – № 6. – С. 264 – 265.
17. Пешё М., Фукс К. Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 105 – 123.
18. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
19. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 12 – 53.
20. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – Ленинград: Просвещение, 1979. – 327 с.
21. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1950. – 326 с.
22. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. Избранные работы: В 3 томах. – Т. 3. – Л.: Худож. лит., 1987. – С. 5.
23. Кассирер Э. Философия символических форм. – Том 3. Феноменология познания. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 398 с.
24. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 520 с.
25. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
26. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: «Новое литературное обозрение», 1996. – 352 с.
27. Словарь Л. С. Выготского / Под редакцией Леонтьева А. А. – М.: Смысл, 2007. – 119 с.

DISCOURSE PROBLEMS OF POETIC PROSE

E. G. Ozerova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Ozerova @bsu.edu.ru*

The article considers the peculiarity of the discourse of poetic prose which is defined by (a) moral priority and (b) lyric and philosophical thoughts of the author of eternal values of human existence and (c) affirmation of the individual self. This triad explicates the peculiarities of cooperation of lyric speech and cognitive argumentation of linguopoetic senses of live.

Key words: discourse, poetic prose, egotope.

УДК 882-3:882-53

ЖАНРОВЫЕ ВАРИАНТЫ КОНЦЕПТА «ПРОСТРАНСТВО» В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ

Т. С. Соколова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Sokolova@bsu.edu.ru*

Содержание жанровых вариантов концепта «пространство» в текстах русских былин и волшебных сказок определяется особенностями этнического восприятия данной априорной категории бытия сквозь призму различных культурных моделей: мифологической, религиозной, обыденной.

Ключевые слова: этнокультурная информация, концептуализация, пространственные признаки, фольклорная номинанта, традиция и вариативность.

Введение

Теоретические установки и рабочие термины. Антропо- и этнокультурная информация об априорных сферах бытия, концептуально отраженная в фольклорной картине мира, представлена в вариантах (версиях, мотивах) с возможным пересечением в некоторых точках в различных жанровых текстах.

Рассматривая содержание фольклорного текста как лингвоэстетическую ценность, мы считаем, что его номинативный потенциал следует воспринимать не только в качестве языковых знаков тех или иных денотатов. Эффект плотной связанности композиции и сюжета устно-поэтического текста и лаконичность его жанровых объемов, заданных традицией, обуславливает номинацию концептуальных признаков фольклорной картины посредством словарной системы, двоякой по своему характеру.

С одной стороны, это **лексическая система**, состоящая из отдельных слов, находящихся в парадигматических и синтагматических связях и отношениях. С другой стороны, это **система текста**, состоящая из текстовых отрезков, которые по объему больше, чем слово.

В языке фольклора, как и в кодифицированном языке, **лексическое номинирование** представлено отдельным словом. Наиболее ощутимо именно в устно-поэтическом тексте слово осознается «основным элементом и средством принципиального отличия этнического языка от искусственного» (В. В. Морковкин). Будучи «живым и одухотворенным образованием», а в связи с этим «вещью культурно-исторической» (В. В. Виноградов), фольклорное слово наглядно отражает связь прошлого, настоящего и будущего, оказываясь при этом в центре многоаспектных изучений.

Считаем, что фольклорный текст также своеобразно запечатлел динамику номинативных процессов, реализовавшихся в виде **словесных блоков**, различных по количественному составу и способам обозначения пространственных реалий: **бинарные номинанты, тематико-ситуативных комплексы**.

По модели прилаг. + сущ. построены общежанровые «пространственные» **бинарные номинанты: белый свет, чисто поле, дремучий лес, сине море** и др. Их сочетаемость предопределена древними ассоциациями, возникавшими на основе тесной связи представлений о явлениях и их признаках. Так, к слову **свет** – ‘*не-что белое, открытое*’ (в этом исходном значении оно близко к древнему смыслу слова **поле, польй** – ‘*свободный, открытый*’) присоединилось во времени именно слово **белый**, еще ахроматическое по содержанию; иначе, **белый свет** – это ‘*светел свет*’. Подобное тавтологическое сложение смыслов, подчеркивает В. В. Колесов, могло возникнуть только в произведениях народного творчества, т. е. долго они не были ни книжными, ни разговорными [1, с. 222]. Генетически семантическая согласованность слов обуславливает их устойчивость в совместной сочетаемости, а также присутствие в структуре единого значения экспрессивного ореола, реализующегося в тексте.



Общепринятым утверждением стали слова А. А. Потебни относительно признака ассоциативной блоковости, тесно объединяющего компоненты в сочетаниях прилаг. + сущ.: «...чем больше вглядываешься в народную песню, сказку, поговорку, тем больше находишь сочетаний, необходимо условленных предшествующей жизнью внутренней формы слов» [2, с. 35]. Богатейший номинативный потенциал атрибутивных сочетаний позволял вербально зафиксировать в определенном семантическом объеме степень познания денотата с избирательным выделением ценностно значимых признаков. Каждый из выделенных признаков на стадии «поэтического» мышления древним человеком воспринимался как символический, метафорический. Эта стадия мышления запечатлена в содержании фольклорных номинант, которое с позиции нефольклорного языка квалифицируется как специфическое, своеобразное, своеобразное.

В числе фольклорных словесных блоков как особую текстовую номинанту выделяем **тематико-ситуативный комплекс**. Его составляющими являются ключевые для языка фольклора повторяющиеся или однокоренные лексемы, бинарные, многокомпонентные сочетания (пары бинарных номинант) как отдельные звенья одной словарной цепи, объединенные общей контекстной ситуацией. Назначение фольклорного тематико-ситуативного комплекса, состоящего из тематического (семантического) «сгустка» фольклорных номинант, – комплексно выделять, подчеркивать ценностно значимые признаки бытия человека.

Определение единиц фольклорного лексического словаря и словаря текста в плане их концептуальных возможностей существенно для последующего описания иллюстративного материала. Немаловажно также остановиться на основных функциональных признаках фольклорных единиц как вербальных ресурсов для актуализации пространственных признаков в жанровых версиях. Блоковый характер компонентов словесных комплексов, заданный спецификой системной организации фольклорной лексики, при функционировании отличается признаком **устойчивости**. Устойчивость (но не только она) может быть условием другой функциональной черты словесных комплексов – **высокой частотности**. Проявление данной черты поддерживается универсальным свойством языка фольклора – **вариативностью**, осуществляемой в рамках **традиции**.

Практическая часть

Былинный концепт «пространство»

В фольклорных произведениях языковые средства, раскрывающие своей семантикой те или иные пространственные признаки, тематически объединяются общей номинантой **путь-дорога**, компоненты которой в различных жанрах по отношению друг к другу могут быть семантически тождественны или соотноситься как целое и часть. В былинах человеку предназначено жить и действовать (пройти свой путь-дорогу) в пространственных зонах, определяемых как *‘место бытования персонажа’*, а также *‘предназначенность места’*. Остановимся на наиболее частотных, ключевых номинантах, маркирующих былинное пространство. Содержание пространственного ориентира *‘верх’* (избыточная протяженность по вертикали - поднебесье), противопоставленного ориентиру *‘низ’* (земля), раскрывается преимущественно в былинах о Святогоре и его отце, в которых отражено космогоническое восприятие древним человеком пространства. В связи с этим фольклорные номинанты из тематической группы “былинный ландшафт”: **гора высокая, Святая гора, гора Палавонская** – обозначают место обитания Святогора и его отца. Святогор воплощает стихийные силы природы и олицетворяет титана, которого не могла носить земля:

На тех **горах** **высоких**,
На той на **Святой горы**
Был богатырь чудный ...

Не носила его да мать сыра земля [3 (Г.), I, с. 7].

Отправляется казак да Илья Муромец...

На ту гору на Палавонскую

А к тому же старичку да было древнему (отцу Свято-гора – Т.С.) [З (Г.), I, с. 99].

Отголоски космогонического восприятия пространства также маркируются в других контекстах или монолексемой – **гора**, или оронимом с уточняющим словом – **Тугие горы**, которые называют традиционные места бытования других мифических персонажей – змеи лютой, Идолища поганого – «врага земли русской»:

Съездить надо **во Туги горы**

Ай **во Туги горы**

съездить ко лютой змеи [З (Г.), I, с. 59].

Под толи **под горою** под **высокою**

А стоит ведь конь там богатырский,

А сидит на кони воин главный

(Идолище поганое – Т.С.).

Голова у него как бурак сильняя,

И глаза у него как чаши пивные,

Нос палица как богатырская [З (Г.), I, с. 65].

Былинная зона по вертикали (высоко вверх) особо отмечена и воспринимается как чужая (чуждая, чудная, дивная). Это обусловлено тем, что русич, проживая преимущественно на равнинных просторах, не мог принять как свое то, что слишком вышало над окружающим его миром и нарушало привычную открытость. Идея ценности человеческой личности, утверждаемая в былинах о младших богатырях, оттесняет на задний план стихийные силы природы. Зона бытования и деяний людей – младших богатырей – это преимущественно земное пространство (сухопутное, водное) по горизонтали, что обозначается в контекстах наиболее частотной номинантой **чисто (чистое) поле**, которая семантически очень объемна. Действия персонажей происходят в масштабных пространствах, что может подчеркиваться совместным употреблением ключевых сочетаний **чисто поле** и **раздолье широкое**:

А оны скоро ведь садились на добрых коней,

А уехали оны да **во чисто полё**

А й в тое раздолье **во широкойё** [З (Г.), I, с. 57].

С древнерусской поры существующие и бережно воспроизводимые поколениями сказителей ключевые названия эпического пространства **чисто поле**, **белый свет** и др. наполнены глубоким этнокультурным смыслом. Они по праву названы Д. С. Лихачевым «малыми художественными произведениями», в которых слились воедино безграничность природных просторов и широта русской души: «Широкое пространство всегда владело сердцами русских ... Природа нужна была человеку большая, открытая, с огромным кругозором... Воля – это большие пространства, по которым можно идти и идти, брести, плыть по течению больших рек и на большие расстояния, дышать вольным воздухом, воздухом открытых мест, широко вдыхать грудью ветер, чувствовать над головой небо» [4, с. 272].

Былинный равнинный простор по горизонтали имеет условные мирные и военные границы (пределы, преграды), чаще водные, за которыми обычно чужая земля (сторона):

А й ты Добрынюшка Никитинич!

Да достал ли ты ю да красну девицу

От синя моря да от того ли короля

Да от того ли короля да от великаго [З (Г.), II, с. 123].



А едь-ко ты, Добрыня, **за синё море**,
Кори-тко ты языки там неверны,
Прибавляй земельки святорусские [3 (Г.), I, с. 52].

Сама водная гладь и протяженность по вертикали вниз (до дна) - это также особо отмеченная пространственная зона – сакральная, предназначенная для ритуальных действий в эпоху язычества:

Когда ж ты меня поотродила,
Свертела ты б меня в камочку крупчатую,
Снесла бы ты меня да **край синя моря**,
Спустила б ты меня на святу воду,
Так шол бы я туды на само дно,
Лежал бы и да й место камешка,
Буйны б ветрушки там на меня не веяли,
Добры б людюшки там
про меня не баяли [3 (Г.), I, с. 100].

В приведенном традиционном тематико-ситуативном комплексе, эмоциональная тема которого «сетование», сказитель от лица персонажа (в стиле другого жанра – причитания) передает затекстовую информацию, хранящуюся в народной памяти о том, что в эпоху языческого поклонения водной стихии оправдано было жертвенное принесение. Самое раннее свидетельство об этом языческом ритуале, обычно совершаемом на краю той или иной пространственной зоны (**край синя моря**), принадлежит византийскому писателю второй половины X в. Льву Диакону. Он сообщает, что русские войска совершали в водах Дуная языческие жертвоприношения: они в память о павших воинах в сражениях с византийцами топили грудных младенцев и петухов, что составляло часть погребального обряда [5, с. 33].

Ценностная значимость пространственных зон особо выделяется в контексте, когда соответствующие фольклорные номинанты совместным употреблением создают тематико-ситуативный комплекс, в котором актуализируются существенные признаки былинного концепта «пространство» – ‘место бытования персонажа’, ‘предназначение места’:

Как несчастно в Киеви случилось.
Что ни лучших богатырей не згодилося.
Святогор богатырь **на Святых на горах**,
А Илья да Самсон **у синяго моря**,
Добрынюшка Микитич **во чистых
во полях** [3 (Г.), I, с. 66].

Таким образом, былинный концепт «пространство» встраивается в общежанровую картину мира с характерологическими признаками, свидетельствующими, что пространственные зоны (по вертикали, по горизонтали) – это места обитания активно действующих персонажей, где они вершат мирные, военные, ритуальные деяния.

Сказочный концепт «пространство»

По употребительности во всех жанрах, в том числе и в сказке, по объемному содержанию самой универсальной, стоящей над всеми «пространственными» словесными комплексами, оказывается номинанта **путь-дорога**. Здесь не обойтись без трактовки символического образа дороги, который в широком смысле связывают с самой сказкой (вся сказка – дорога), в узком – с формой пространства, звеном сюжета.

Узкое понимание дороги в сказке чаще всего обозначено самой монолексемой **дорога** как родовой по отношению к словам и сочетаниям **тропка, тропинка, проталинка, дорога большая, дорога в поле, в лесу** и т. п. Бинарная номинация **путь-дорога**, судя по сюжетам, – это образ дороги в широком смысле. Различие

между дорогой и путем-дорогой Ю. М. Лотман отмечает особо: «Дорога – некоторый тип художественного пространства, путь-движение персонажа в этом пространстве» [цит. по: 6, с. 47]. Иначе, в сказке «вне пути нет дороги, ... дорога может быть проложена везде, где человеку путь» [6, с. 97]. Сказочный концепт «пространство», конечно, будет пересекаться в некоторых точках в своем содержании с былинным концептом. Но его элементы, «рассыпанные» в семантике сказочных номинант, в «калейдоскопическом» соединении своеобразны. В них антропо- и этнокультурная информация о далеком прошлом, об исторически относительно близком нам бытовании человека в пространстве по жанровым правилам возведена в ранг необходимой степени условности и неопределенности, без чего не может быть и сказки.

В волшебных сказках модель пространства достаточно дискретна и структурирована. Она представляет собой троичную структуру, состоящую из ярусов, каждый из которых в языке сказки детально маркирован фольклорными номинантами – общежанровыми, собственно сказочными:

- верхний мир: **ясное небо, верхний свет** и др.;
- средний мир: **белый свет, вольный свет, зеленый сад, чистое (чисто) поле, дремучий лес, синее (сине) море** и др.;
- нижний мир: **подземная пропасть, подземная сторона** и др.

В сказках подобное восприятие окружающего мира сохранено еще с эпохи язычества. В качестве доказательства, что в мышлении язычников пространство структурировалось по ярусам, исследователи приводят описание Збручского идола – языческого каменного изваяния, поднятого в 1848 г. из реки Збруч недалеко от Гусятина (Тернопольская область). Это изваяние представляет собой столб, четыре стороны которого украшены тремя ярусами изображений: верхний мир – небо – обиталище богов, средний мир – земля с живущими на ней людьми; нижний – подземный, потусторонний мир, населенный злыми силами [7, с. 144]. Условно реальными, согласно сказочным сюжетам, оказываются пространственные зоны верхнего и среднего миров, которые при обозначении объединяются универсальной номинантой **белый свет**. Иначе, **белый свет** – это то пространство, где еще не происходит ничего чудесного, волшебного:

Страх как хочется **по белу свету** постранствовать да матушку отыскать [3 РНС), № 129].

При этом в сказках белый свет – это ограниченное пространство, поскольку его связывали с Русью, а Русь поначалу была относительно изолированным государством. «...Иное царство, подземный мир – это все не белый свет, а нижний свет», – замечает В. В. Колесов [1, с. 134].

Наряду с тем, что пространственная зона ‘**белый свет**’ – это и объединенные ярусы верхнего и среднего миров, и ограниченная по историческим причинам часть территории, сказочный белый свет – это еще особо выделенная зона в аспекте язычества и христианства. В сказках два данных мотива этнокультурных сведений присутствуют в части сюжета, повествующем о Бабе-Яге – языческом персонаже. Исполненная только недовольства, но не враждебности, она провожает из своего нижнего мира героиню, пришедшую к ней с белого света, т.е. русского, христианского света: «...Убирайся же ты от меня, благословенная дочка. Не нужно мне благословенных! Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота [3 (РНС), № 135].

Сказочный белый свет к тому же членится на условные сухопутные и водные преграды (границы, пределы), которые в испытаниях должны преодолеть персонажи: **зеленый сад, чисто (чистое) поле, широкое поле, дремучий лес, темный лес, непроходимый лес; сине (синее) море, огненная река**.

При этом каждая из номинант в своей семантике раскрывает частные пространственные признаки как символические из семиотических оппозиций «свой – чужой», «реальный – фантастический», «опасный – неопасный», «перемещение в пространстве (и времени) туда и обратно», «далеко – близко», «вверх – вниз» и т. д.



Например, *дремучий лес* – это ‘*сухопутный предел (место перехода) из «своего» в чужой мир*’:

... Возле этого дома был *дремучий лес*, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила Баба Яга [3 (РНС), № 127].

В сказке, являющейся самым древним повествовательным жанром, дремучий лес традиционно остается воплощением опасного. Этот образ, по словам А. Я. Гуревича, подкреплялся средневековой концепцией пространства, в котором лес находился вне «благоустроенного», «культурного» мира [8, с. 38].

Приведенные сказочные бинарные сочетания являются ключевыми в «обнажении» только пространственных элементов. Однако в сказке концепция единства пространства неотделима, как подчеркивает В. Я. Пропп, от концепции единства времени, в которое совершается событие. Композиционный и сюжетный момент единения пространства и времени в словаре сказочного текста репрезентирован многокомпонентными словесными комплексами. Один из них – *в некотором царстве, в некотором государстве* имеет значение ‘*неопределенное место обитания (пробытия) в неопределенное время*’:

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь [3 (ПЖРФ), с. 46].

По объяснению В. В. Колесова, сочетание «...*в некотором царстве* указывает на неопределенное время, так как давно со словом *царство* связывали не территориальное расположение какого-то государства, а время его существования. А вот *в некотором государстве* – действительно, указывает на место действия, такое же загадочное и столь же неопределенное» [9, с. 132]. Особо отмеченной ценностной зоной, куда стремится сказочный персонаж для достижения цели после преодоления преград, – это *тридевятое царство, тридесятое государство (за тридевять земель)* и т. д. Данные словесные комплексы также обозначают неопределенную часть пространства, причем «чужого» (традиционно в пределах нижнего мира):

За тридевять земель, в тридесятом царстве за огненной рекой живет Баба-Яга [3 (Аф.), с. 159].

Актуализируя пространственные признаки, данные сочетания, по нашему мнению, обозначают и время. Здесь следует иметь в виду, что в прошлом расстояние, преодолеваемое человеком, измеряли по фазам луны в исчислении три на девять, три на десять: дорога, длившаяся во времени двадцать семь-тридцать дней, было долгой для покинувшего родной дом. Но возвращение в закрытое, свое пространство (в родной дом) осуществляется уже без преодоления преград, мгновенно, волшебным образом.

Выводы

Современные представления о пространстве, опирающиеся на научные знания, добытые человеком в процессе освоения мира, существенно отличаются от представлений ранних эпох, которые вербализованы в фольклорных жанрах. За тем, что для современного сознания нейтрально или не мотивировано с позиции синхронного восприятия, стоят древние отношения, которые реализовывались в языке фольклора другими семантическими мотивировками. В текстах русских былин и волшебных сказок ценностная предназначенность пространственных зон оказывается своеобразной и многоплановой в этнокультурном аспекте. Это мотивируется тем, что в жанровых версиях фольклорных текстов один и тот же субъект, в частности пространство как форма бытия, может быть манифестантом разных культурных моделей: мифологической, религиозной, обыденной и т. п.

Список литературы

1. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: Изд.-во ЛГУ, 1986. – 312 с.
2. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: – Наука, 1976. – 346 с.
3. Источники и их условные сокращения: Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.: В III. Т. – М.- Л.: АН СССР, 1949 – 1951 (Г.); Афа-



насьев А. Н. Русские народные сказки. – М.: Наука, 1983 (Аф.); Прозаические жанры русского фольклора. – М.: Просвещение, 1983 (ПЖРФ); Русские народные сказки. – М.: Просвещение, 1987 (РНС) (в ссылках в круглых скобках дано условное сокращение источника, после скобок цифра обозначает том или номер фольклорного текста).

4. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология. – М.: Академия, 1997. – С. 280 – 288.
5. Дуйчев И. С. К вопросу о языческих жертвоприношениях в Древней Руси // Культурное наследие Древней Руси. – М.: Наука, 1976. – С.31 – 34.
6. Неелов Е. М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. - Л.: ЛГУ, 1986. – 248 с.
7. Мокиенко М. В. Образы русской речи. – Л.: Изд.-во ЛГУ, 1986. – 278 с.
8. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 318 с.
9. Колесов В. В. История русского языка в рассказах. – М.: Просвещение, 1975. – 186.

GENRE VARIANTS OF THE CONCEPT “SPACE” IN THE FOLKLORE TEXTS

T. S. Sokolova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Sokolova@bsu.edu.ru*

The subject of the paper is the verbal complex taken from the collection of Russian fairytales and bylins. In this article we describe genre variants of the concept “space”. The semantics of folklore language facts is a reliable source of the ethnocultural information of the a priori categories of the biling.

Key words: ethnocultural information, conceptualization, space signs, folklore nomination, tradition and variation.



УДК 811.114

СОМАТИЗМЫ В ПОЭЗИИ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

В. К. Харченко
Д. А. Плужникова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:
Harchenko@bsu.edu.ru
dageeva24@rambler.ru

В статье исследуется лексика названий частей тела в поэзии Беллы Ахмадулиной с точки зрения приоритетов использования того или иного подтипа соматизмов, особенностей употребления, превращения слова в символ.

Ключевые слова: соматизм, соматология, синекдоха, символ, перцепция.

Наименования частей тела – «древнейший пласт лексики, непосредственно связанный с функционально-чувственными сторонами человеческого бытия и отражающий культурно-антропологические особенности индивидов, принадлежащих к тем или иным языковым сообществам» [1, с. 70]. Вслед за А. А. Занковец под соматизмами мы будем понимать «все элементы устройства тела человека».

В одном из своих писем из концлагеря П.А. Флоренский выделял «особые точки» в мировой ткани, содержащие ключи к пониманию глубокого прошлого [2, с. 582]. В природе это узловы́е феномены: грибы, водоросли, папоротники, деревья древнейшей поры (ginkgo) – стержни сложнейшей организации разнообразия природного мира. В идеографической палитре языка также имеют место узловы́е семейства слов. Это термины родства, соматизмы, зоонимы, фитонимы. Соматизмы (от греч. *sōma* ‘тело’) как номинации элементов строения тела человека входят в число ключевых лексических единиц, характеризующихся а) исключительным богатством семантики (сверхмногозначностью ведущих, базовых соматизмов: «голова», «лицо»), б) весьма мощными, насыщенными и разветвленными словообразовательными гнездами, в) поддержкой фразеологии (обилием соматики в составе идиом: *потерять лицо, рука руку моет*), наконец, г) свойствами слов-символов, обслуживающих пафосную речь (*сердце, мозг чего-л.*). Словарь всего лишь одного слова-соматизма, составленный А. Р. Поповой, содержит свыше 2000 единиц лексико-фразеологического комплекса с вершиной «рука» [3].

Современную лингвистику отличает не всегда заметный на фоне исследовательской инноватики, но, тем не менее, перманентный, естественный и весьма устойчивый интерес к анализу соматической лексики. Не утихают споры о составе соматической парадигмы (например, дискутируется вопрос, входит ли в число соматизмов слово «душа» или «душа» традиционно противостоит «телу»).

Соматическая лексика активно изучается отечественными и зарубежными лингвистами на материале различных лексико-семантических групп слов одного или нескольких языков Л. Г. Гынзановой [4], Э. Р. Замалютдиновой [5], А. А. Занковец [6], А. М. Кочеваткиным [7], О. В. Старых [8], Е. В. Урысон [9] и мн. др.

Интенсивно исследуются соматизмы в языке фольклора [10], создан словарь соматики народных примет в сопоставлении русского и немецкого языков [11], анализируются концепты с базовым словом-соматизмом. Невозможно не заметить и соматизмы в языке поэзии, и своеобразие идиостиля нередко простирается на использование поэтом «соматического материала».

В этом аспекте большой исследовательский интерес представляет творчество Беллы Ахмадулиной. Отрывки из стихотворений приводятся по изданию [12].

Опираясь на классификацию А. М. Кочеваткина (5 основных «беспорных» групп соматизмов), классификацию, дополненную А. А. Занковец, выделяющей ещё две группы: «волосы» и «вещества, продукты жизнедеятельности человека», соматическую лексику в поэзии Б. Ахмадулиной разделим на семь тематических групп, основанных на функциональных признаках слов-соматизмов, а также на противопоставлении «внешнее / внутреннее».

1. Сомонимическая лексика (от греч. *sôma* 'тело' и *опута* 'имя') – слова, обозначающие части и области тела человека, названия головы и ее частей, названия шеи и туловища человека, названия верхних и нижних конечностей: *Работу малую висок / еще вершит. Но пали руки, / и стайкою, наискосок, / уходят запахи и звуки* («Прощание»); *Но этот трепет так меня трепал, / в мои слова вставлял свои ошибки, / моей ногой приплясывал, мешал / губам соединиться для улыбки* («Озноб»). Своеобразие отбора поэтических соматизмов у Беллы Ахмадулиной проявляется уже в этой подгруппе: наряду с «традиционными», ожидаемыми наименованиями частей тела: рука, нога, поэтесса обращается к излюбленному слову-символу «висок» и к «губам» как выразителям (в данном контексте) прежде всего настроения, эмоции;

2. Остеонимическая лексика (от греч. *osteon* 'кость' и *опута* 'имя') – это названия костной системы человеческого организма в целом, названия костей головы, туловища, нижних и верхних конечностей: *Вот ты проходишь меж деревьев и стен, / сам для себя неведомый и странный, / пока еще банальности туманной / костей твоих не обличил рентген* («Вступление в простуду»); *Уродующий кисть огромный пульс / всегда гудел, всегда хотел на волю* («Озноб»); *Какой в лопатках ужас!* («Взойти на сцену»);

3. Сплахнонимическая лексика (от греч. *splanchna* 'внутренности' и *опута* 'имя') – названия внутренних органов человека в целом и названия пищеварительных, дыхательных и мочеполовых органов: *А по ночам – мозг наострится, ждет. / Слух так открыт, так взвинчен тишиною, / что скрипнет дверь иль книга упадет, / и – взрыв! и – всё! и – кончено со мною!* («Озноб»); *В тигриных мышцах тишины / она растет прыжком подспудным, / и сны ее совершены / сокрытым от людей поступком* («Я школу Гнесиных люблю»); *Повадился дышать! Не виноват / в религиях и гибелях далеких. / И принимает он кровавый чад / за будничную выгоду для легких* («Варфоломеевская ночь»);

4. Ангионимическая лексика (от греч. *angeion* 'сосуд' и *опута* 'имя') служит для наименования элементов кровеносной системы человеческого организма: *Последовал предсмертный всплеск стекла, / и кровь из пальца высекли осколки* («Озноб»); *И, выпраставшись из артерий, / громоздких пульсов и костей, / вишу, как стайка новостей, / в ночи не принятых антенной* («Путник»);

5. Сенсонимическая лексика (от лат. *sensus* 'чувство, ощущение' и греч. *опута* 'имя') – названия органов зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания: *Исчерпана до дна пытливыми глазами, / на сведенье ушей я трачу жизнь свою* («Взойти на сцену»); *Все разговоры, все шепоты твои / мне на ухо нашепчешь и утетишь* («Тоска по Лермонтову»); *И вот теперь разнежен весь мой дом / целебным поцелуем валерьяны, / и медицина мятым языком / давно зализывает раны* («Озноб»); *О, мне не привыкать, мне не впервой, не внове / взять в кожу, как ожог, вниманье ваших глаз* («Взойти на сцену»);

6. Корнонимическая лексика (термин А.А. Занковец) – номинации волос, ногтей и других роговых образований на теле человека: *Пора! В окне горит огонь-затворник. / Усугубилась складка меж бровей. / Пишу: октябрь, шестнадцатое, вторник – / и Воскресенье бабочки моей* («Бабочка»); *Привнесена подробность в бесконечность – / роднее стал ее сторонний смысл. / К вселенной недозволенная нежность / дрожаньем спектров виснет меж ресниц* («Прогулка»);

7. Лексика, обозначающая проявления человеческого организма (разнообразные вещества, вырабатываемые организмом для поддержания собственной жизнедеятельности, а также продукты жизнедеятельности человека): *Завиден мне полет твоих*



*колес, / о мотороллер розового цвета! / Слежу за ним, не унимая слез, / что льют без повода в начале лета («Мотороллер»); Я лишь объем, где обитает что-то, / чему малы земные имена. / Сооруженье из костей и **пота** - / его угодья, а не **плоть** моя («Я лишь объем, где обитает что-то...»).*

Разумеется, в поэтическом тексте соматизм как экспрессивное средство выступает в сопряжении с целым набором иных экспрессивных средств: интертекстом, поэтических афоризмов, звукописи и цветописи и потому, как выше было отмечено, не всегда достаточно заметен, точнее заметен как единичный факт, но чтобы уяснить роль этой лексики в целом, необходимо провести еще и квантитативный анализ поэтической соматики, приняв за условную единицу тексты 100 стихотворений поэтессы.

Активность, частотность употребления слов-соматизмов проявилась следующим образом:

- 41 употребление – глаз, 36 – лицо, 28 – лоб, 26 – рука;
- 18 – сердце, 17 – голова, 14 – губы, зрачок, 13 – горло, 12 – уста, 10 – ладонь, нога;
- 8 – гортань, кожа, 7 – шея, щека, палец, грудь; 6 – плечо, кровь; 5 – тело, колено, локоть, чёлка;
- 4 – висок, затылок, мозг, рот, спина; 3 – кость, мускул, пульс, око; 2 – бровь, зуб, легкое, плоть, скула, ресница, ухо;
- 1 – белок, веко, десна, живот, запястье, кисть, лопатка, мизинец, мышца, нервная система, подмышка, пот, темя, щитовидная железа, язык.

Проанализируем установленные количества.

Первый ряд сверхчастотных соматизмов включает, помимо глаза, лица и руки неожиданное, но для поэтессы весьма типичное слово-соматизм «лоб». Более того, автор в одном из стихотворений, не попавших в сотню просчитываемых, включил окказионализм «исподлюбе».

Второй ряд высокочастотных соматизмов интересен включениями «зрачок», «горло», «ладонь» и старославянизмом «уста». Если наложить второй ряд на первый, то получаем синонимию: губы – уста, глаз – зрачок, рука – ладонь. Синонимия простирается и в нижние ряды: уста – рот, горло – гортань, рука – запястье, скула – щека, глаз – око... Мы получаем «вертикальные синонимы» как свидетельство регулярной замены слова-соматизма или «более конкретным» словом, от общего, целого – к части: *рука – ладонь, палец – мизинец, глаз – белок*, или более высоким словом (*глаз – око*), или заменой по метонимической формуле (*глаз – веко*).

Имеют место и «анатомические изыски»: *белок, лопатка, мышца, лёгкое, щитовидная железа, нервная система*. Поэтесса втягивает в орбиту стихотворения значительное число поэтически слабо освоенных или вообще не освоенных соматизмов, что является еще одним свидетельством выдающейся языковой личности Беллы Ахмадулиной и уроком для тех, кто посвящает себя поэтическому ремеслу и искусству.

Итак, в ста просчитанных нами стихотворениях Белла Ахмадулина использовала 28 раз соматизм *лоб*, 14 раз – *зрачок*, 13 – *горло*, 8 – *гортань*, 6 – *плечо*, 5 – *локоть*. То есть шесть не самых популярных в поэзии слов подкреплены 74 совокупными словоупотреблениями, то есть своеобразие лексики поэтессы потребовало двенадцатикратного запаса хода.

Отдельно проанализируем средний, третий, ряд в условно выделенных рядах квантитативов. Для этого ряда характерны двучлены (*гортань, кожа; плечо, кровь*) и «четверочлены» (*шея, щека, грудь, палец и тело, колено, локоть, чёлка*) совпадающих по частотности лексем, хотя сами лексемы между собой весьма различны, за исключением разве что *колена* и *локтя*. Это ещё одно подтверждение уникальной языковой личности поэтессы, преодолевающей стандарты ассоциаций и втягивающей новые пласты лексики, по определению весьма значимой для человека.

Еще раз приведём квантитативы частотности соматизмов и наложим на них классификацию, обозначенную в начале статьи и проиллюстрированную контекстами из Беллы Ахмадулиной. Наименования групп тяжеловесны, поэтому воспользуемся

сугубо рабочими обозначениями: 1) части тела, 2) кости, 3) внутренние органы, 4) кровь, 5) перцепты (глаз, ухо, язык), 6) волосяной покров, 7) проявления организма, выделения, вещества:

- 41 употребление – глаз, 36 – лицо, 28 – лоб, 27 – рука, 21 – сердце;
- 17 – голова, 14 – губы, зрачок, 13 – горло, 12 – уста, 10 – ладонь, нога;
- 8 – гортань, кожа, 7 – шея, щека, палец, грудь, кровь, плечо; 6 – тело; 5 – колено, локоть, чёлка, пульс;
- 4 – висок, затылок, мозг, рот, спина; 3 – кость, мускул, око; 2 – бровь, зуб, легкое, плоть, скула, ресница, веко, ухо;
- 1 – аорта, белок, десна, живот, запястье, зев, зуб, кисть, лопатка, мизинец, мышца, нервная система, подмышка, пот, темя, усы, щитовидная железа, язык.

5-1-1-1-3

-1-1-5-3-1-1-1

-3-5-1-1-1-1-4-1-1-1-1-6-3-

-1-1-3-1-1-2-3-5-6-2-3-7-2-6-1-5-

-3-1-3-1-2-3-3-2-2-1-3-3-1-7-1-6-3-5.

Преобладает первая группа (сомонимическая лексика, наименования частей тела), второе место занимают названия внутренних органов. Поэтому, хотя мы выше и проиллюстрировали контекстами из Беллы Ахмадулиной каждую из семи выделяемых исследователями подгрупп соматической лексики, будем учитывать также реальное соотношение списков выделенных групп. Кровь, волосяной покров, выделения (пот) лидировать не могут, но меньшую частотность члены этих групп компенсируют экспрессией неожиданности.

В списках соматизмов не может не обратить на себя внимания тенденция к конкретизации предмета, будь то традиционные *рука*, *глаз* и менее распространённое в поэтическом языке слово *спина*. Выстраиваются ряды:

- *рука* – *плечо* – *локоть* – *запястье* – *кисть* – *ладонь* – *палец* – *мизинец*;
- *глаз* – *уголок глаза* – *белок* – *зрачок* – *ресница*;
- *спина* – *лопатка* – *подмышка*.

Поэтическая анатомия становится художественно разветвленной и насыщенной. Представим эти ряды с числовыми выкладками:

- *рука*-27 – *плечо*-7 – *локоть*-5 – *запястье*-1 – *кисть*-1 – *ладонь*-10 – *палец*-7 – *мизинец*-1;
- *глаз*-39 – *уголок глаза*-2 – *белок*-1 – *зрачок*-14 – *ресница*-2;
- *нога* – 10, *колено* – 5, *подошва* – 1;
- *спина*-4 – *лопатка*-1 – *подмышка*-1.

Если *рука* употребляется 27 раз, то «части руки» в общей совокупности употреблений у поэтессы представлены 32 словоупотреблениями. *Глаз* – 39 раз, «части глаза» – 19 раз. *Нога* – 10, «части ноги» – 6. *Спина* – 4, «части спины» – 2.

«Сухой» подсчёт выявил механизм предпочтений поэтессы в изображении частей целого, частей тела именно как частей, хотя проще было бы писать не о колене, а о ноге, не о зрачке, а о глазе, не о лопатке, а о спине.

В начале статьи мы заострили вопрос о том, входит ли «душа» в число слов-соматизмов (Е. В. Урынсон). Душа выступает и интерпретируется как производное от тела и вместе с тем достаточно часто душа выступает как антипод всему телесному. На этот вопрос своим творчеством отвечает Белла Ахмадулина. Чем больше внимания уделяет поэтесса соматизмам, свидетельствующим о чутком и остром восприятии телом всего происходящего, тем рельефнее проступают эмоциональные контуры личности, неповторимость души и духа поэта. Опять же, если мы признаём соматизмом *сердце* (в 100 стихотворениях поэтессы – 18 раз употреблено это слово), то не считать *душу* в том же ряду было бы нелогично. Являются ли «частями тела» слёзы? Здесь мы сталкиваемся с так называемой лингвистической переменной в терминологии



Л. Заде. Интересно, что в поэзии исследуемого автора *слёзы* тоже достаточно авторитетны как форма выражения эмоций (11 употреблений в 100 стихотворениях).

Обратимся к анализу соматизмов в других ракурсах.

Под соматизмами имеют в виду, прежде всего, части тела человека, однако сам материал всегда требует привлечения и зоосоматизмов, будь то *крылья, перья, хвост, клюв*. Зоосоматизмы давно стали поэтическими метафорами, широко используемыми и в других дискурсах и также входящих в многочисленные фразеологизмы (*крылышки опустить, избавиться от хвоста, рыльце в пуху*). Интересно, что в ста «просчитанных» стихотворениях Б. Ахмадулиной зоосемизмов мало: крыло – 2, перья – 1, хвост – 2, при том, что соматизмы характеризуют почти все стихотворения: из сотни лишь несколько стихотворений лишены «соматики».

Отдельную группу соматизмов составляют двулксемные номинации: свободные: *мускул горла, уголки глаз* – и терминологически устойчивые: *щитовидная железа, нервная система*. В прокрустово ложе поэтической строки включить составные термины в отличие от свободных словосочетаний, согласимся, непросто, но для Беллы Ахмадулиной не существует непреодолимых жанрово-эстетических задач.

Особый интерес составляют группы контактирующих соматизмов. Здесь выделяются однородные употребления: *колени и локти* (282, 97), *горло и рука* (71), *глаза и губы* (177).

Контактное расположение слов-соматизмов в поэтической строфе наделяет их не только антонимическими характеристиками, но и символическими, как в следующем отрывке: *Всего-то было – горло и рука, / в пути меж ними станет звук строкою, / и смертный час – не больше, чем строка: / всё тот же труд меж горлом и рукою* («Биографическая справка», 71). У поэтессы, что характерно, встречаются и более развернутые однородные ряды, триады соматизмов, причём рядоположенность составляющих их членов весьма креативна. *...И, выпроставшись из артерий, громоздких пульсов и костей* (221); *...Капризы ваши, шеи, губы, щеки...* (159); *...Пульсировала бесконечность / в груди, в запястье и в виске* (181).

Еще одной системной особенностью авторских соматизмов в творчестве Беллы Ахмадулиной является привлечение соматики для создания образа автора, автопортретирование лирической героини, создание поэтики замедленного жеста (*рука на голову ложится; лоб склоню – и опалит ладони...*) и/или остановленного жеста: *палец на губах* (260, 262, 263), (с. 78), *лицом в ладони* (с.121), *на коленях руки* (155), *головую в ладонь* (158), *затылок свой вложил в ладонь* (177), *глаза прикрыть и голову...* (209). *Одну тебя я счастливо люблю, / и лишь твое лицо не лицемерно. / Рука твоя на голову мою / ложится благосклонно и целебно* («Тоска по Лермонтову», 78). В поэтическом кадре крупным планом у поэтессы рука, локоть, ладонь, слеза: *Он заметал ее следы. / О, как он притворился ловко, / что здесь не падало слезы, / не облакачивалось локтя* («Твой дом», 36). *Я им родня, я погибаю / от нежности, когда вхожу, / так же шею выгибаю / и так же голову держу* («Дом», 181).

Традиционная синекдоха, общеупотребительный символ *сердце* у Беллы Ахмадулиной увеличивает экспрессию, поскольку включается в «изобретённый» поэтессой прием однородного дублирования, полного повтора слова: *дрожь между сердцем и сердцем* (126). По подсчетам О. Ю. Роганиной, в поэтике исследуемого автора такой приём встречается всего пять раз (*между словом и слово, как медь и медь, древо взирает на дочь и на дочь*), тем выразительнее становится исследуемая синтагма: *дрожь между сердцем и сердцем*.

Значительный интерес представляет анализ тропов, обслуживающих соматизмы и привлекающих, направляющих к ним внимание читателя. Это эпитет-интенсив: *громоздких пульсов и костей* (221), эпитет-олицетворение *неграмотные рыльца*, эпитет-метафора: *в тигриных мышцах тишины*; метафорический осязательный глагол: *опалит ладони* (136), *опаляющий глаз сквозь ладонь* (218), перифразы: *сооруженье из костей и пота, горб – натруженность среднего паль-*

ца (144), осязательное сравнение-интенсив: *взять в кожу, как ожог, вниманье ваших глаз*. Рассмотрим ещё один фрагмент: *Уродующий кисть огромный пульс / всегда гудел, всегда хотел на волю...* Здесь также наблюдается группа приемов, инструментов художественности на фоне ведущего олицетворения пульса. Это синестезия (**огромный пульс, пульс... гудел**), гипербола (**уродующий кисть**), это привлечение фразеологизма, тоже телесного (*хотел на волю*), это использование автором сразу двух слов-соматизмов в пространстве одной поэтической строки (*кисть, пульс*).

Теперь поменяем направление анализа и убедимся, что в поэтическом мире Беллы Ахмадулиной и сами соматизмы, употребляясь в переносном значении, могут экспрессивно обслуживать иные реалии, например, в составе гинитивной метафоры: *смотрят **рыльца карандашей, рога антенн над головой***. Ещё интереснее наблюдать совмещение прямых и переносных значений слов-соматизмов в художественной перцепции поэтессы: *Два мрачных **исподлобья** сведены / в неразрешимой и враждебной встрече: / роаль и ты – две сильных тишины, два слабых **горла** музыки и речи* («Уроки музыки», 65).

Отмеченный исследователями устойчивый интерес поэтессы к старославянизмам распространяется и на соматическую лексику, формируя ряды стилистических синонимов: *рыльца-лицо-лик; глаз-око, рот-губы-уста*. Экспрессию сомаизма-старославянизма может подчёркивать предваряющее «бытовое», приземлённое описание (*кривая, ни зубов, ни глаза...*) *Кривая Ника: нет зубов, нет глаза./ При этом – зла. При этом... Боже мой, / кем и за что наведена проказа / на этот **лик**, на этот край глухой?* («Смерть совы», 272).

Авторское своеобразие стиля Беллы Ахмадулиной проявляется уже при исследовании всего лишь одной тематической группы, в нашем случае – названий частей тела, и это своеобразие состоит а) в интенсивном обращении поэтессы к символике частей тела и соответственно к словам-соматизмам; б) в расширении состава поэтической соматики (*арта, артерия, зоб, щитовидная железа* и т. п.); в) в выстраивании новых контекстуальных антонимических пар (*рука – горло, исподлобье – горло*), г) в создании окказионализмов на соматической основе (*исподлобье, вполрта*), д) в широком использовании приёма олицетворения, персонификации частей тела; е) в широком использовании слов-соматизмов в автопортретировании и изображении замедленной съемки жеста лирической героини; ж) в тенденции к большей конкретности художественного обозначения части тема: соматизм «рука» в 100 стихотворениях употреблен 27 раз, тогда как «части руки» (локоть, ладонь, запястье) в общей сложности – 32 раза.

Список литературы

1. Занковец А. А. Влияние различных лингвистических факторов на фразеологическую активность соматизмов русского и белорусского языков // Вестник Беларус. дзярж. ун-та. – Серия 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2007. – № 2. – С. 70 – 75.
2. Флоренский П. А. Письма с Дальнего Востока и Соловков // Сочинения. В 4-х томах. – Т.4. – М.: Мысль, 1998. – 795 с.
3. Попова А. Р. Словарь одного слова. – Орел: ООО ПФ «Оперативная полиграфия», 2009. – 356 с.
4. Гынзанова Л. Г. Интерпретационный потенциал соматизмов в описании картины мира языковой личности диалектоносителя // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. - № 1 (5). – С. 13 – 21.
5. Замалютдинова Э. Р. Особенности употребления слов-характеристик лица в переводах произведений Г. Манна на русский язык (на материале имен существительных и прилагательных) // Русская и сопоставительная филология: Взгляд молодых. – Казань: КГУ, 2003. – С. 30 – 38.
6. Занковец А. А. Лексическая полисемия и фразеологическая активность слова: закономерности взаимовлияния (на материале ЛСГ «соматизмы» русского и белорусского языков) // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспект исследования. – Брест: Изд-во БрГУ, 2008. – С. 123 – 125.



7. Кочеваткин А. М. Соматическая лексика эрзянского языка: учебное пособие. – Саранск: Изд-во «Красный октябрь», 2001. – 200 с.
8. Старых О. В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка // Вестник ПСТГУ III: Филология. – Вып. 2 (24). – 2011. – С. 80 – 85.
9. Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. – 2005. – № 3. – С. 3 – 16.
10. Завалишина К. Г. Концептосфера «Человек телесный» в языке русского, немецкого и английского песенного фольклора. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2005. – 19 с.
11. Туганова С. В. Словарь русских и английских антропологических примет. – Казань: Институт истории АНРТ, 2009. – 244 с.
12. Ахмадулина Б. Стихотворения. – М.: Эскимо, 2010. – 480 с.

SOMATISMS IN THE POETRY OF BELLA AKHMADULINA

V. K. Kharchenko
D. A. Pluzhnikova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
Kharchenko@bsu.edu.ru
dageeva24@rambler.ru

This article deals with the nominations of parts of the body in the poetry of Bella Akhmadulina. The preferences of usage of certain type of somatisms, the peculiarities of word usage and the transformation of a word into a symbol are under investigation in the paper.

Key words: somatism, somatology, synecdoche, symbol, perception.

НОМИНАЦИЯ ГЕРОЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Е. В. Черкашина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
hellen-ok@mail.ru*

Статья посвящена специфике отражения в художественном тексте индивидуально-авторской картины мира Гоголя. Подробно рассматривается функционирование в текстах специфических украинских номинаций героев.

Ключевые слова: художественный текст, индивидуально-авторская картина мира, номинации героев.

Самое распространенное определение языковой картины мира, которое является на сегодня «классическим» и используется в качестве рабочего практически во всех лингвистических работах, связанных с данной проблематикой, гласит, что это «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности». Общеизвестно, таким образом, что языковая картина мира непосредственно связана с сознанием «данного языкового коллектива», как и «с данным языком». Положение о том, что каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность, несколько иначе, чем это делают другие языки, стало аксиомой. В. Гумбольдт писал, что «...различия между языками суть нечто большее, чем просто знаковые различия, что слова и формы слов образуют и определяют понятия и ...различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями» [1, с. 370]. Авторы современных лингвистических работ, в первую очередь, интересуют различия, зафиксированные в языковой картине мира «языковых коллективов», определяемые именно «способом концептуализации действительности». Различия эти учеными рассматриваются как на глобальном уровне, уровне языка нации, так и на уровне языковой личности как носителя культурно-языковых ценностей. Активно исследуются в данном контексте и индивидуально-авторские картины мира представителей отдельных лингвокультур, ведь кроме индивидуально-личностной составляющей, которая определяет сущность текста как произведения словесного искусства и эстетического события, авторская картина мира, «как и картина мира любого индивида, включает в себя универсальное и национальное» [2, с. 92].

Именно специфическая «национальная составляющая» индивидуально-авторской картины мира Н. В. Гоголя и является предметом нашего исследования. Дело в том, что в словесную ткань повествования ранних произведений Гоголя включаются *инородные* элементы – языковые единицы, репрезентирующие *иную* национальную картину мира, что провоцирует поразительный художественный эффект – русскоязычный читатель, оставаясь в пределах родной языковой картины, оказывается как бы «внутри» иного мировидения. Это тем более поразительно, что языковая картина мира малороссов «по определению» должна быть близкой/совпадать/определяться картиной мира россиян, как языковая картина мира близкородственного народа. Гоголь же смог передать *иное* мировидение, своеобразное и совершенно незнакомое «просвещенному» русскому читателю. С одной стороны, он рисует фантастический и в определенной мере экзотический для россиян мир трансцендентального, существующий в сознании жителей украинской провинции, с другой, – саму украинскую провинцию начала XIX века. Писатель не просто разграни-



чивает русскую и украинскую картины мира, но и при помощи дейктических маркеров *ваш/наш* уже в Предисловии противопоставляет их. Здесь же, в Предисловии, приводится первое «языковое указание» на то, что читателю будет представлен иной, незнакомый мир – Словарь с подзаголовком *слова, которые в книжке этой не всякому понятны*. Так же ярко иное мировидение репрезентируют и украинские эпитафии в первой повести «Сорочинская ярмарка», и фрагменты украинских песен, и украинская лексика, служащая для описания национальных обрядов, обычаев и традиций.

Помимо подобных прямых указаний на «украинскую стилистику» повести, существуют иные, более тонкие текстовые способы представления иной картины мира. Для того чтобы выяснить, с помощью каких средств Гоголь создает национальный колорит повестей, обратимся к словам с имплицитными или эксплицитными семами ‘человек/люди’ (антропологическим компонентом значения), которые, без сомнения, в первую очередь репрезентируют художественную картину мира любого произведения.

Проанализируем номинации, включающие сему ‘мужчина’, которые употребляются в повестях. Показательно уже количественное сравнение русских и украинских наименований мужчин. Оказывается, номинации, функционирующие в украинском языке (*парубок, хлопец, козак, пан*), употребляются в цикле намного чаще, чем русские. Так, в текстах слова *парень* и *мальчик*, которые представлены в гоголевском Словаре как переводные русские эквиваленты для слов *парубок* и *хлопец* (*Парубок – парень. Хлопец – парень, хлопец – мальчик*) употребляются всего по 2 раза. Лексемы же *парубок* и *хлопец* употребляются 71 и 42 раза соответственно. Очень активно и только в «украинской форме» употребляется существительное *козак* (106 употреблений), почти так же часто встречается и существительное *пан* (103 случая). Самых же распространенных русскоязычных номинаций *мужчина* и *юноша* в ранних текстах Гоголя практически вообще нет («практически», потому что существительное *мужчина* встречается 2 раза в повести «Федор Иванович Шпонька...», что еще раз подтверждает неоднократно отмеченную «исключительность» этой повести в цикле). Активно употребляется существительное *дед* с общеславянским корнем, которому в украинском языке соответствует существительное *дід*, причем это существительное вполне закономерно более частотно в повестях с главным героем – дедом («Пропавшая грамота» и «Заколдованное место»). Таким образом, **само соотношение украинских и русских номинаций** героев **создает украинский фон**, на котором они (герои) и действуют. Однако и этот фон окончательно не определяет национальный колорит повестей. В них создается определенный «языковой орнамент», в котором использование каждого из слов определяется той ролью, которую они играют в индивидуально-авторской картине мира Гоголя.

Тонкости употребления существительных зависят, в первую очередь, от особенностей сюжета. Так, существительные *парубок* и *хлопец* частотны в повестях, где сюжетная линия строится на отношениях молодых влюбленных героев («Ночь перед Рождеством», «Майская ночь», «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купалы»). Один из центральных образов этих повестей – образ молодого человека, парня, юноши, «парубка». Это и главные герои повестей, и фигуры «массовки». Обратимся к основным номинациям, которые употребляются при описании молодых людей – *парубок* и *хлопец*. Судя по Словарю Н.В. Гоголя, эти слова – абсолютные синонимы: *Парубок – парень. Хлопец – парень*. Действительно, в украинском языке оба слова употребляются для называния молодых людей, однако об их полной синонимии, судя по данным украинских толковых словарей, говорить нельзя. Интегральной для этих слов является сема ‘молодой’, но в семантическую структуру слова *парубок* в украинском языке включаются дифференциальные семы ‘неженатый’ и ‘мужчина’, а в семантическую структуру слова *хлопец* – ‘мальчик’, ‘подросток’. Ср. статью из украинского толкового словаря: *Парубок – 1) молодий чоловік, юнак; 2) нежонатий чоловік. Хлопець – 1) дитина або підліток чоловічої статі // те саме, що син // молодий чоловік, юнак, парубок; 2) перев., мн. Уживається як назва чоловіків (здебільшого при звер-*

танні); 3) *заст. Підліток-слуга*. Таким образом, лексемы *парубок/хлопец* дифференцируются в массовом украинском сознании на уровне значения.

В русских толковых словарях различия между этими словами представлены не на семантическом, а на стилистическом уровне. Немаловажно уже то, что эти слова включены во многие русские словари, то есть являются определенными (периферийными) элементами русского лексического фонда, что облегчает их восприятие русскоязычными читателями. В русских словарях подчеркивается «украинский характер» лексемы *парубок* (прямо определяется принадлежность номинации к языковой картине мира другого народа), лексема же *хлопец* маркируется, как правило, как нейтральная или просторечная. Ср.:

ПА́РУБОК, -бка, м. **На Украине:** юноша, парень (Ожегов). Па́рубok. м. местн. Юноша, парень (**об украинце**) (Ефремова). ПАРУБОК. **В рассказах из украинской жизни** – парень. *Утомленные дневными трудами и заботами парубки и девушки шумно собирались в кружок*. Гоголь. (Ушаков).

ХЛО́ПЕЦ (хлоп, холо́п) **южн.** парень, мальчик, малый (Даль); ХЛО́ПЕЦ (прост.). Парень (в 1 знач.), а также мальчик (Ожегов). Хло́пец **разг.** Парень (Ефремова). ХЛО́ПЕЦ, хлопца, муж. (**разг., обл.**). Парень. «Ты, хлопец, может быть не трус, да глуп, а мы видали виды» Пушкин (Ушаков).

Обратимся к функционированию слов *хлопец* и *парубок* в названных повестях гоголевского цикла.

В гоголевских текстах существительное *хлопцы* употребляется преимущественно во множественном числе и обозначает компанию молодых людей, как правило, проводящих время в шалостях и развлечениях: *Притворился старый хрен, по своему обыкновению, глухим: ничего не слышит и еще бранит, что шатаюсь бог знает где, повесничаю и шалю с хлопцами по улицам* (Майская ночь или Утопленница); «Голова! голова! это голова!» закричали **хлопцы** и разбежались во все стороны (Майская ночь или Утопленница); *Тут он мигнул хлопцам, и те же самые, которые сторожили его, кинулись развязывать* (Сорочинская ярмарка).

Контекстная семантика существительного *хлопец* включает указание на возраст: «*Батько, твои волосы белы, как снег, а ты разгорелся, как неразумный хлопец!*» (Страшная месть); *добро бы еще хлопец какой, а то старый кабан, детям на смех, танцует ночью по улице!* (Майская ночь, или Утопленница).

Существительное во множественном числе *хлопцы* – один из самых распространенных в текстах вокативов: «*Что ж вы, хлопцы!*», сказал дед: «*рты свои разинули?*» (Заколдованное место); *Ну, хлопцы, будет вам теперь на бублики!* (Заколдованное место); «*Нет, хлопцы, нет, не хочу! Что за разгулье такое!*» (Майская ночь); «*Покажем ему, хлопцы, что мы вольные козаки!*» (Майская ночь); *Любо, вольно на сердце; а душа как будто в раю. Гей, хлопцы! Гей, гуляй!* (Майская ночь); «*Эх, хлопцы! гулял бы, да в ночь эту срок молодцу!*» (Пропавшая грамота); «*С ума спятили вы, хлопцы! Где видано, чтобы человек сам у себя крал что-нибудь?*» (Сорочинская ярмарка).

Если лексема *хлопец* служит для создания обобщенного образа молодого человека, то слово *парубок* в гоголевских текстах несет основную этнокультурную нагрузку.

Этнокультурный портрет парубка. Тексты повестей позволяют воссоздать тот собирательный образ украинского парубка, который характерен для гоголевской индивидуально-авторской картины мира. Наиболее детальное описание парубка, его «этнокультурный портрет», включающий специфические украинские атрибуты приводится в «Вечере накануне Ивана Купала»: *Они говорили только, что если бы одеть его в новый жупан, затянуть красным поясом, надеть на голову шапку из черных смушек с щегольским синим верхом, привесить к боку турецкую саблю, дать в одну руку малахай, в другую лольку в красивой оправе, то заткнул бы он за пояс всех парубков тогдашних. <...> Как парубки, в высоких козацких шапках, в тонких суконных свитках, затянутых шитьми се-*



ребром поясами, с люльками в зубах, рассыпались перед ними мелким бесом и подпускали турысы. Названия большинства из атрибутов внешности парубка включаются Гоголем в словарь в Предисловии, то есть являются теми лексемами, которые сам автор относит к элементам языковой картины мира украинцев; некоторые из них определяются как специфические «украинские номинации» и в словаре В.И. Даля: *Жупа́н, род кафтана (Гоголь, Предисловие); Сму́шки, бараний мех. (Гоголь, Предисловие); Малаха́й, плетъ. (Гоголь, Предисловие); Лю́лька, трубка (Гоголь, Предисловие); Сви́тка, род полукафтанья (Гоголь, Предисловие). ЖУПАН теплая верхняя одежда на Украине, род охабня (Даль). МАЛАХАЙ Южн. длинная плетъ, кнут (Даль).* Каждая из этих вещей в гоголевской художественной картине мира является неотъемлемым атрибутом парубка.

Парубок по отношению к окружающему миру. Парубок, так же, как и *хлопец*, чаще всего изображается в момент беззаботного веселья (стоит вспомнить прецедентный гоголевский текст «Парубки гуляют»), но в отличие от *хлопца*, в гоголевском мире *парубок* всегда существует рядом с девушкой и «по отношению» к ней. В текстах «Вечеров...» чрезвычайно распространены: 1) предложения с сочинительной конструкцией *парубки и девушки (парубок и девка)*; 2) предложения, в контексте которых описываются отношения *парубок – девушка, парубки – девушки*:

1) *Ну, если где парубок и девка живут близко один от другого...* (Вечер накануне Ивана Купала); *Было то время, когда утомленные дневными трудами и работами парубки и девушки шумно собирались в кружок (Майская ночь); Как бы хорошо теперь лежать <...> и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и песни веселых парубков и девушек, толпящихся кучами под окнами (Ночь перед Рождеством); А! кто-то стукнул, верно, девчата с парубками (Ночь перед Рождеством); Толпы парубков и девушек показались с мешками (Ночь перед Рождеством); Трудно рассказать, как хорошо потолкаться, в такую ночь, между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки (Ночь перед Рождеством); дочка его и парубок спокойно стояли, обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки (Сорочинская ярмарка); Между тем молодцы и девчата, утершись шитыми платками, выступали снова из рядов своих; а парубки, схватившись в боки, гордо озираясь на стороны, готовы были понестись им навстречу (Страшная месть).*

2) *кричала Ганна, вырываясь из толпы парубков, наперерыв спешивших обнимать ее (Майская ночь); Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было еще никогда и не будет никогда на селе (Ночь перед Рождеством); Парубки гонялись за нею толпами, но, потерявши терпение, оставляли мало по малу и обращались к другим, не так избалованным (Ночь перед Рождеством).*

Без сомнения, в гоголевской индивидуально-авторской художественной картине мира представлены традиции **парубоцтва** (особой группы молодёжи), характерные для украинской национальной картины мира. Сравнение с описанием парубоцтва, представленным в работе В. В. Боржковского «"Парубоцтво", как особая группа в малорусском сельском обществе» [3, с. 765], позволяет сделать вывод, что в «Вечерах» отражаются **только те характеристики** парубоцтва, которые важны для художественной картины мира автора и дают наиболее яркое представление об украинских обычаях, обрядах, праздниках. В частности, как было сказано выше, дается представление о внешнем облике парубка. «Исключительное право парубков посещать «музыки», «улицы» и «вечерницы» ... описано в «Предисловии к первой части»: *На балы если вы едете, то именно для того, чтобы повертеть ногами и позевать в руку; а у нас соберется в одну хату толпа девушек совсем не для балу, с веретеном, с гребнями; и сначала будто и делом займутся: веретена шумят, льются песни, и каждая не подымет и глаз в сторону; но только нагрянут в хату парубки с скрыпачем – подымет крик, затеется шаль, пойдут танцы и заведутся такие штуки, что и рассказать нельзя.* В повести «Страшная месть» слово *парубок* встречается

в описании свадебной церемонии (у Боржковского указывается, что «только парубки могли играть роль бояр на свадьбах»): *Между тем молодицы и девчата, утершись шитыми платками, выступали снова из рядов своих; а парубки, схватившись в боки, гордо озираясь на стороны, готовы были понестись им навстречу – как старый есаул вынес две иконы благословить молодых.* Стоит заметить, что в исследовании Боржковского понятия *парубок* и *хлопец* разграничиваются как возрастные: «*Хлопец*» становился «*парубком*», достигая 16 – 17 лет.

Номинация *парубок* относится и к главным «романтическим» героям цикла (Грицько из «Сорочинской ярмарки», Петро из «Страшной мести», Левко из «Майской ночи», Вакула из «Ночи перед Рождеством»). При описании внешности романтического героя используются те же лексические единицы, которые Гоголь использует при описании других парубков, его товарищей (*свитка, шапка решетиловских смушек, цветной пояс, нагайка*): *Оглянувшись, увидела она толпу стоявших на мосту парубков, из которых один, одетый пощеголеватее прочих, в белой свитке и в серой шапке решетиловских смушек, подпершись в бока, молодецки поглядывал на проезжающих* (Грицько, «Сорочинская ярмарка»), ... *надел то самое платье, которое достал от запорожцев, вынул из сундука новую шапку из решетиловских смушек с синим верхом, которой не надевал еще ни разу с того времени, как купил ее еще в бытность в Полтаве; вынял также новый всех цветов пояс; положил всё это вместе с нагайкою в платок и отправился прямо к Чубу* (Вакула, «Ночь перед Рождеством»); *С бандурою в руках пробирался ускользнувший от пессельников молодой козак Левко, сын сельского головы. На козаке решетиловская шапка* (Левко, «Майская ночь»).

Главный герой обрисован схематично, средством индивидуализации его, как правило, является одна, причем также достаточно типичная черта. Для Грицька из «Сорочинской ярмарки» – это белая свитка (вероятно, в противоположность трансцендентальной *красной свитке* из этой же повести): *Оглянувшись, увидела она толпу стоявших на мосту парубков, из которых один, одетый пощеголеватее прочих, в белой свитке <...> подпершись в бока, молодецки поглядывал на проезжающих; продолжал парубок в белой свитке; Оглянулась – и парубок, в белой свитке, с яркими очами, стоял перед нею.* Основным атрибутом внешности романтического героя «Майской ночи» Левка является украинский национальный инструмент – бандура: *С бандурою в руках пробирался ускользнувший от пессельников молодой козак Левко, сын сельского головы. На козаке решетиловская шапка; Козак идет по улице, бречит рукою по струнам и подтанцовывает; <...> говорил парубок, обнимая ее, отбросив бандуру, висевшую на длинном ремне у него на шее, и садясь вместе с нею у дверей хаты.* Средством индивидуализации главного героя повести «Ночь перед Рождеством» Вакулы является определение рода деятельности, выраженное приложением *кузнец*.

В описании внешности главных героев (как юношей, так и девушек) Гоголь использует, скорее, не индивидуальные характеристики, а национальные стереотипы красоты. Так, контекстуальное значение лексемы *черный* в сочетаниях *черные брови, карие очи, чернобровый, кареокий*, так же, как и в украинском коммуникативном сознании, несомненно, 'красивый': «*Расскажи, расскажи, милый, чернобровый парубок!*» (Майская ночь); «*Я тебя люблю, чернобровый козак! За то люблю, что у тебя карие очи, и как поглядишь ты ими – у меня как будто на душе усмехається: и весело и хорошо ей; что приветливо моргаешь ты черным усом своим; что ты идешь по улице, поешь и играешь на бандуре, и любо слушать тебя*» (Майская ночь). *Какой же он хороший! как чудно горят его черные очи!* как любо говорит он: *Парасю, голубко!* (Сорочинская ярмарка); *любила б его карие очи, целовала бы его белое личико, да не велит судьба моя* (Вечер накануне Ивана Купала). Закономерно, что в процессе превращения козака в колдуна карий цвет глаз меняется на зеленый: *Когда же есаул поднял иконы, вдруг все лицо его переменялось:*



нос вырос и наклонился на сторону, **вместо карих, запрыгали зеленые очи, губы засинели, подбородок задрожал и заострился, как копые, изо рта выбежал клык, из-за головы поднялся горб, и стал козак – старик** (Страшная месьть). Выразительная деталь, с помощью которой автор локализует описываемое пространство «до размеров Полтавщины», – это шапка решетиловских смушек, деталь внешности романтического героя. Ср. в словаре Фасмера: *решетиловская смушка* (напр. у Гоголя). *От мест. н. Решетиловка [в бывш.] Полт. губ.*

Итак, Гоголь использует украинские лексемы *парубок* и *хлопец*, которые понятны русскоязычному читателю (являются элементами общеславянского фонда – *хлопец*, маркерами Украины в сознании русских – *парубок*), однако при использовании этих единиц использует «затекстовую» информацию, в частности, информацию о таком национальном явлении, как *парубоцтво*.

Самая «популярная» номинация для мужчин разного возраста в ранних повестях Н. В. Гоголя – это существительное *козак*. В текстах оно употребляется исключительно в этой «украинской» форме. Если учесть, что традиционно Полтавщина не была местом проживания казаков как особого воинского сословия, то, вероятно, что употребляется оно в большинстве повестей в значении, указанном в словаре В.И. Даля: *Малороссийские казаки те же крестьяне и ставят рекрут на своих правах*.

Это подтверждается тем, что в «полтавских» повестях номинация **козак** относится к мужчинам разных социальных групп и профессий:

– к батраку Петру Безродному: *В том селе был у одного казака, прозвищем Коржа, работник, которого люди звали Петром Безродным – «Полно горевать тебе, козак!» загремело что-то басом над ним* («Вечер накануне Ивана Купала»);

– к земледельцам: *Я знаю хорошо эту землю: после того нанимали ее у батяка под баштан соседние козаки* (Пропавшая грамота);

– к мужикам: *Шел ли набожный мужик или дворянин, как называют себя козаки, одетый в кобеняк с видлогою, в воскресенье в церковь или, если дурная погода, в шинок, как не зайти к Солохе* (Ночь перед Рождеством).

Однако слово *козак* нередко употребляется с определенной коннотацией «мужественности»: *«Я вижу уже по глазам, что ты козак – не баба»* (Пропавшая грамота); *Что прикажешь делать? Козаку сесть с бабами в дурня!* (Пропавшая грамота); *«Разве мы не такого роду, как и он? Мы, слава богу, вольные козаки! Покажем ему, хлопцы, что мы вольные козаки!»* (Майская ночь, или Утопленница).

Изменение характера названных номинаций связано **не только со спецификой сюжетных описаний** (*парубок* и *хлопец* в повестях с романтическим сюжетом, *дед* с одноименным главным героем), но и с **изменением художественного географического пространства** в отдельной повести. Если в большинстве повестей действие происходит в пределах Полтавской губернии, то есть юго-восточней Киева, то пространство повести «Страшная месьть» (особой, как отмечают все исследователи, повести цикла), без сомнения, ограничивающее и локализирующее действие также в Украинской земле, смещается в сторону юго-запада (Киев – Карпаты). Наблюдения показывают, что именно в этой повести меняется та специфическая языковая картина, которая была представлена в других повестях, в частности, по-другому, и количественно, и качественно, представлены исследуемые номинации.

В этой повести меняется частотность употреблений некоторых из тех названий мужчин, о которых речь шла выше (*парубок*, *козак*, *дед*). Резко сокращается использование существительных *дед* (4 из 132) и *парубок* (2 употребления из 73), первое из которых, вероятно, не соответствует «демоническо-романтической» стилистике повести, а второе не вписывается в географические координаты (традиции *парубоцтва* характерны для центральной Украины). С другой стороны, гораздо активнее употребляются лексемы *козак* и *пан*. Именно в этой повести встречается более половины всех текстовых употреблений слова *козак* – 58 из 106. Для сравнения: в других повестях лексема употребляется от 1 раза («Заколдованное место», «Сорочинская ярмарка») до 14 раз

(«Майская ночь»). Однако в этой повести речь идет именно о казаках как воинском сословии – повесть начинается с рассказа о свадьбе *есаула* Горобца (*есаул*, в соответствии со словарями, *чин в казачьих войсках*).

Слово *хлопец* в повести, судя по контексту, тоже употребляется в «особом» для цикла значении – ‘подросток-слуга’ (*Підліток-слуга*, по данным украинских толковых словарей). В большинстве примеров семантика слова *хлопец* определяется из соотношения со словом *пан* как антонимичная (‘прислуга’/‘хозяин’):

1) **Хлопец**, дай мне огня в люльку! Тут оборотился он к одному из гребцов, который, выколотивши из своей люльки горячую золу, стал перекалывать ее в люльку **своего пана**;

2) Сидят впереди **два хлопца**; черные козацкие шапки набекрень, **пан их Данило** призадумался;

3) Что, мои любые хлопцы, скоро берег? Ну, шапки я вам дам новые. Тебе, Стецько, дам выложенную бархатом с золотом. Я ее снял вместе с головою у татарина;

4) Эй, **хлопец!** крикнул **пан Данило**. «Беги, малый, в погреб, да принеси жидовского меду! Горелки даже не пьет!»

Без сомнения, именно со сдвигом в художественном пространстве Украины «в сторону Польши» связано активное использование в тексте повести и лексемы *пан* (71 из 103 употреблений). Слово *пан* встречается в цикле гораздо чаще, чем его синонимы – традиционные русские номинации (*господин* 7 раз, *помещик* – 1 раз, слово *барин* вообще не употребляется). В повести активнее всего представлены отношения Украина – Польша (в частности, из 19 общих употреблений слова *лях* 14 – в данной повести). По данным словарей, слово *пан* польского происхождения; в Польше это вежливое обращение к мужчине. В повести «Страшная месть», в отличие от других повестей цикла, слово *пан* употребляется как традиционное польское обращение – вместе с именем. Примечательно, что номинация *пан* в повести употребляется как по отношению к главному «положительному герою» (слово «пан» соответствует традиционному польскому употреблению), так и по отношению к врагам:

1) **Паны** веселятся и хвастают, говорят про небывалые дела свои, насмеются над православьем, зовут народ украинский своими холопьями и важно крутят усы, и важно, задравши головы, разваливаются на лавках;

2) **Паны** беснуются и отпускают шуточки: хватают за бороду жида, малюют ему на нечестивом лбу крест; стреляют в баб холостыми зарядами и танцуют краковяк с нечестивым попом своим.

Таким образом, в своей работе мы попытались показать, с помощью каких способов Н. В. Гоголь представляет носителям российской лингвокультуры иное национальное мировидение. Мы пришли к следующим выводам:

1. В создании национальной картины мира в произведениях Н. В. Гоголя главную роль играют национальные образы, национальный характер как носители особой выразительности национального мироощущения;

2. В лексиконе, представляющем наряду с другими языковыми единицами национальную языковую картину мира, аккумулированы названия элементов материальной и духовной культуры украинского народа;

3. Семантика слова в художественном тексте Н. В. Гоголя опирается не только на текст, но и на «затекстовую» информацию: ходячие представления, мифы, обряды, приметы, обычаи и т. д. – все, что образует так называемую фоновую информацию;

4. Представленная как фрагмент индивидуально-авторской картины мира Гоголя, национальная картина мира отражает специфику национального мировидения во всей его дискретности, сложности и, в некоторой степени, противоречивости.



Список литературы

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
2. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. – СПб.: Книжный дом, 2006. – 172 с.
3. Боржковский В. В. «Парубоцтво», как особая группа в малорусском сельском обществе / Киевская старина. – 1887. – Т. XVIII. – С. 765 – 776.

NOMINATION OF THE HERO AS A REFLECTION OF THE NATIONAL COMPONENT OF THE INDIVIDUAL AUTHOR'S WORLD VIEW

E. V. Cherkashina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
hellen-ok@mail.ru*

The paper is devoted to the specifics of the reflection of the individual author's world view of Gogol in a literary text. The detailed analysis of functioning of specific Ukrainian nomination of heroes in texts is presented in the article.

Key words: literary text, individual author's picture of the world, nomination of heroes.

КОНТИНУУМ ТЕКСТА И ПРЕЦЕДЕНТНАЯ СИТУАЦИЯ¹

И. И. Чумак-Жунь

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
chumak@bsu.edu.ru*

В статье основным предметом рассмотрения являются пространственно-временные отношения, характерные для моделей (картин мира), воплощенных в поэтических текстах. Трансформируя континуум исходного текста с помощью интертекстуального феномена (прецедентной ситуации), поэт конструирует индивидуальную модель мира. Он выражает собственные пространственно-временные представления с помощью модели, известной получателю.

Ключевые слова: поэтический текст, интертекстуальность, прецедентная ситуация, континуум текста.

Исследование текстовой категории интертекстуальности является одним из новых направлений лингвистики текста. В современных лингвистических работах интертекстуальность определяется в качестве категории текста как элемента культуры (Ю. М. Лотман, Ю. Н. Караулов, Г. Г. Слышкин, Н. А. Фатеева и др.). Наблюдающееся усиление интереса к изучению интертекстуальных связей не случайно, оно имеет глубокие корни и обусловлено современной тенденцией к осмыслению текстовых ценностей прежних эпох. Определим интертекстуальность как такие диалогические отношения, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам, причем не только автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты иных текстов, но и адресат верно понимает авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности. Специального исследования требует вопрос об интертекстуальности в поэтическом дискурсе.

«Теснота стихового ряда» поэтического текста позволяет наиболее отчетливо определить те приращения смысла, которые возникают в его семантическом пространстве под влиянием «чужого текста». По словам Н. А. Кузьминой, «цитация в художественном тексте определяется прежде всего стихотворной или прозаической природой произведения. Персонажная структура прозы, возможность персонифицировать различные смысловые позиции, передав их разным действующим лицам, многообразие форм диалогичности (прямая, несобственно-прямая речь, свободный косвенный дискурс) – все это оттесняет литературную цитату на периферию выразительных средств художественного прозаического текста. Иначе обстоит дело в поэзии, цель которой – ввести традицию как компонент современной поэтической системы. Именно в поэзии, особенно в так называемой чистой лирике, литературная цитата, явная или скрытая, оказывается наиболее ярким, семантически и энергетически емким интертекстуальным знаком» [1, с. 5]. Именно ограниченность стихового пространства текста и его семантическая глубина позволяют проследить особенности взаимодействия текстов в пределах поэтического дискурса, т.е. механизмы интертекстуальности.

Ученые-лингвисты высказывают предположение, что определенные мотивы, образы и т.п., наиболее существенные в художественном мире того или иного автора, приобретают «потенциал цитатности», который может быть реализован в том случае, если этот мотив, образ и т. д. будет востребован другим автором в другом тексте именно как элемент своего прежнего контекста: «первое объяснение феномену цитации можно предложить, исходя из представления о существовании в поэтическом языке “слов-тем” (Б. Томашевский), “поэтических формул” (А. Веселовский), которые в течение известного времени вызывают известные группы образных ассоциаций и которые,

¹Работа выполнена в рамках государственного задания НИУ БелГУ № 633662011.



по мнению Веселовского, являются “нервными узлами” текста» [2, с. 58]. Иначе говоря, чем более художественно значим, уникален, характерен тот или иной структурный элемент текста, тем более вероятно, что он может в дальнейшем использоваться как цитата из этого текста. Поэтика реминисценций предполагает «внимание к опорным ассоциативным точкам» – носителям принципиально важных для данного текста тем и образов.

Интертекстуальность можно рассматривать: 1) в семантическом плане – как способность текста формировать свой собственный смысл посредством ссылки на другие тексты. Такими ссылками, в первую очередь, являются интертекстуальные фигуры (прецедентные феномены), включенные (в той или иной форме) в поэтический текст: прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация. 2) В когнитивном аспекте интертекстуальность представляется отдельной проблемой. Процесс выявления новой, в том числе поэтической, информации в тексте происходит на основе литературной (поэтической) компетенции получателя текста, то есть знания им определенных конвенциональных программ. Появление интертекстуальных фигур расширяет горизонт семантического ожидания получателя, так как предсказуемость определяется как текстом-реципиентом, непосредственно воспринимаемым читателем, так и текстом-источником, на который указывают интертекстуальные фигуры. По словам Ю. М. Лотмана, «текст в тексте» это специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста. Интертекстуальность рассматривается также 3) с референциальной точки зрения: при восприятии интертекстуальных фигур актуализируется так или иначе весь текст-реципиент, то есть приводится в состояние готовности для использования в дискурсе. Соответственно этим трем аспектам можно исследовать наиболее выразительные, с нашей точки зрения, явления интертекстуальности: прецедентные ситуации, которые позволяют проследить формирование категории интертекстуальности в семантическом пространстве текста. Эти же прецедентные феномены соотносят текст-реципиент с текстом-источником (референциальный аспект). Рассмотрим эти подходы к интертекстуальности на примере конкретных поэтических текстов.

Потенциально интертекстуальность существует вне текста, в сознании носителя языка, однако актуализируется опорным текстовым метакомпонентом.

Метакомпонент представляет собой семиотический способ введения внетекстовой основы, при котором обращение к оригиналу опосредовано намеком, отсылкой, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения отдельные его фрагменты. Внетекстовую основу любого типа принято называть прецедентным феноменом. Прецедентные феномены, среди которых выделяются прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентное имя [3], активно функционируют в поэтическом тексте, но при этом прецедентное высказывание и прецедентное имя выступают как вербальные феномены, а прецедентный текст и прецедентная ситуация – как поддающиеся вербализации (пересказ, рассказ).

Особое место в поэтическом дискурсе занимает прецедентная ситуация. В отличие от прецедентного имени (вербального феномена) прецедентная ситуация является феноменом вербализуемым – она разворачивается в тексте. Прецедентная ситуация – именно тот прецедентный феномен, который позволяет отчетливо увидеть, как действует механизм интертекстуальности в дискурсивном пространстве поэтического текста.

Термин «ситуация» обладает большим количеством самых разнообразных толкований в современной лингвистике. В частности, активно изучается внешняя коммуникативная ситуация, связанная с речевым поведением коммуникантов – поэта и читателя.

С нашей точки зрения, при интертекстуальном исследовании поэтического текста интерес представляет не столько конкретная ситуация функционирования текста (речевая/коммуникативная ситуация), сколько текстовая, референтная ситуация – не-

кий фрагмент мира, о котором дает представление дискурс, «отраженный в высказывании отрезок действительности» [3, с. 359]. Следует уточнить, что в данном случае мы понимаем под ситуацией некий фрагмент действительности, который дает представление об определенном событии, действии.

Прецедентная ситуация, как феномен вербализуемый, представлена в тексте-реципиенте в виде интертекстуальной макропропозиции [4]. Как всякая пропозиция, она является элементарным высказыванием, связывающим имя предмета номинации с предикатом. Субъект высказывания намечает тему мыслительного акта, тогда как доминанта смысла (что мы, собственно, хотим сказать о субъекте) разворачивается в предикации. Исходная макропропозиция является инвариантом относительно различных форм макропропозиций, репрезентирующих одну и ту же ситуацию в других единицах интертекста. Интертекстуальные макропропозиции, представляющие в разных текстах одну прецедентную ситуацию, находятся в парадигматических отношениях.

В тексте-реципиенте интертекстуальная макропропозиция – реализация исходной макропропозиции – включается в тему – часть, известную получателю, но она не играет роли простой дополнительной информации, отсылки к другому тексту, а становится фактором самовозрастания смысла текста, поэтому ремой является не только весь остальной текст стихотворения, но и целостный смысл поэтического текста. Модели прецедентных ситуаций, реализованные в текстах-реципиентах в виде семантических текстовых макропропозиций, формируют не только текстовую категорию интертекстуальности, но и непосредственно участвуют в формировании других важнейших категорий текста (целостности, связности, хронотопа, антропоцентричности).

Так как ситуация, в нашем понимании, – некий фрагмент действительности, который дает представление об определенном событии, действии, то неизменными чертами любой ситуации (в том числе прецедентной) являются пространственные (фрагмент действительности локализуется в пространстве) и временные (событие протекает во времени) характеристики.

В данной работе основным предметом рассмотрения являются пространственно-временные отношения, характерные для моделей (картин мира), воплощенных в художественных текстах, включающих интертекстуальный феномен (прецедентную ситуацию).

В связи с двойственным характером референции интертекста можно говорить о двойном «хронотопическом» подходе к рассмотрению прецедентного феномена в поэтическом тексте: в сопоставлении с континуумом исходного текста и по отношению к континууму текста-реципиента. Если в хронотопе текста-реципиента прецедентный феномен играет решающую текстообразующую роль – особым образом организует его пространственно-временную картину, то при сопоставлении с исходным текстом речь может идти о форме хронотопической реализации (об особенностях трансформированности континуума исходного текста). Трансформируя континуум исходного текста, поэт конструирует индивидуальную модель мира, выражая собственные пространственно-временные представления с помощью модели, известной получателю.

Прецедентная ситуация в сознании читателя нередко связана не только с конкретной локализацией действия во времени и пространстве, но и с широким культурно-историческим контекстом. Поэтому можно говорить не только о **конкретном текстовом хронотопе** (определим его как *интертекстуальный локус*), но и о **хронотопе широком, «затекстовом»** – *интертекстуальном топосе*, которые возникают в сознании получателя благодаря фоновым знаниям. Необходимо уточнить, что обычно под локусом и топосом понимают соответственно более узкое и более широкое художественное пространство, но известно, что в литературе время – категория поэтики художественного пространства, поэтому мы посчитали возможным называть топосом и локусом темпорально-локальные объекты.

Способы выражения и соотношение интертекстуальных локуса и топоса в поэтическом тексте могут быть различны. Иллюстрируем это конкретными поэтическими текстами.



На соотношении хронотопа, заданного интертекстуальной пропозицией, и глобального затекстового хронотопа (интертекстуальных топоса и локуса) основан континуум стихотворения Б. Пастернака «Дурные дни».

Б. Пастернак
ДУРНЫЕ ДНИ

*Когда на последней неделе
Входил он в Иерусалим,
Осанны навстречу гремели,
Бежали с ветвями за ним.*

*А дни все грозней и суровей.
Любовью не тронуть сердце.
Презрительно сдвинуты брови,
И вот послесловье, конец.*

*Свинцовою тяжестью всею
Легли на дворы небеса.
Искали улик фарисеи,
Юля перед ним, как лиса.*

*И темными силами храма
Он отдан подонкам на суд,
И с пылкостью тою же самой,
Как славили прежде, клянут.*

*Толпа на соседнем участке
Заглядывала из ворот,
Толклись в ожиданье развязки
И тыкались взад и вперед.*

*И полз шепоток по соседству
И слухи со многих сторон.
И бегство в Египет и детство
Уже вспоминались, как сон.*

*Припомнился скат величавый
В пустыне, и та крутизна,
С которой всемирной державой
Его соблазнял сатана.*

*И брачное пиршество в Кане,
И чуду дивящийся стол.
И море, которым в тумане
Он к лодке, как по суху, шел.*

*И сборище бедных в лачуге,
И спуск со свечою в подвал,
Где вдруг она гасла в испуге,
Когда воскрешенный вставал...*

1949

В интертекстуальную макропропозицию первой строфы стихотворения, художественное пространство которой очень точно соответствует пространственной картине библейской прецедентной ситуации *вход Христа в Иерусалим* (ср.: *Когда <...> **Входил он в Иерусалим, Осанны навстречу** гремели, **Бежали** с ветвями за ним. – На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышавши, что **Христос идет в Иерусалим, Взяли пальмовые ветви, вышли навстречу** Ему и восклицали: *осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!* – От Иоанна 12: 12 – 13), включается временной локализатор **на последней неделе**, которому нет соответствия в исходной макропропозиции, но есть – в других местах Библии (*Когда на последней неделе **Входил он в Иерусалим** – Когда же приближались дни взятия Его от мира, он восхотел идти в Иерусалим* – От Луки 9: 51 и т. д.). Интертекстуальный локус эксплицирован пространственным (*входил он в Иерусалим*) и временным (*на последней неделе*) локализаторами. Именно они, наряду с отрицательно коннотированным заглавием стихотворения (*Дурные дни*) ограничивают предполагаемый хронотоп стихотворения последней неделей жизни Христа. В семантическом пространстве последующих строф стихотворения функционирует множество лексем, включающих указание на ограниченное время (*дни, послесловье, конец, ожиданье развязки*) и пространство (*Свинцовою тяжестью всею Легли на дворы небеса, Толпа на соседнем участке Выглядывала из ворот, Толклись <...> И тыкались взад и вперед*). Но эта же интертекстуальная макропропозиция предполагает рассмотрение авторского текста на фоне более широкого литературного контекста – на фоне хронотопа Библии. Читательское восприятие настраивается нужным образом, чтобы интерпретировать текст согласно законам той художественной системы, к которой он апеллирует. Поэтому восприятие дальнейшего текста, насыщенного пропозициями, выражающими прецедентные ситуации, связанными с текстом Библии, с описанием деяний Христа (*бегство в Египет, соблазн сатаной, брачный пир в Кане, хождение по водам, чудо воскрешение из мертвых*) вполне подготовлено для читателя. Синтагма *со многих сторон* переводит интертекстуальное пространство из ограниченного локуса в топос Библии, эксплицированный множеством лексем с семантикой очень большого (необъятного? неограниченного?) пространства (*детство, пустыня, всемирная держава, море, туман*): *И бегство в Египет и **детство**; Припомнился скат величавый **В пустыне**, и та крутизна, С которой **всемирной державой** Его соблазнял сатана; И **море**, которым в тумане Он к лодке, как по суху, шел*. В последней строфе оппозиция замкнутого и разомкнутого хронотопа достигает кульминации: с одной стороны, «предельная замкнутость» пространства лачуги, подвала, с другой стороны, выход из нее в бессмертие как вершину временной (да, пожалуй, и пространственной) бесконечности: *И сборище бедных в лачуге, И спуск со свечою в подвал, Где вдруг она гасла в испуге, Когда воскрешенный вставал...* В последнем четверостишье в сознании читателя актуализируются несколько временных планов одновременно: в настоящем герой представляет себе описываемую картину, в прошлом совершает чудо, воскрешая умершего, в будущем это же чудо – воскрешение – произойдет с ним.*

В проанализированном стихотворении интертекстуальный локус включается в интертекстуальный топос. Но не во всех поэтических текстах интертекстуальный локус относится к топосу как часть к целому: иногда прецедентная ситуация намеренно переносится автором в другой пространственно-временной отрезок. Это всегда мотивировано художественным замыслом и передается определенными языковыми средствами. Сравним два текста, в одном из которых локус включается в топос, а во втором – из него «изымается».

В двух одноименных стихотворениях («Магдалина II» Б. Пастернака и «Магдалина I» М. Цветаевой) модель одной и той же прецедентной ситуации (*Магдалина берет ноги Христу*) реализуется в сходных интертекстуальных макропропозициях (ср.: у Цветаевой *Пеною уст и накупями Очес и потом всех Нег ... В волоса заматываю Но-*



ги твои, как в мех – у Пастернака Ноги я твои в подол уперла, Их слезами облила, Исус, Ниткой бус их обмотала с горла, В волосы зарыла, как в бурнус), но разное соотношение интертекстуальных топоса и локуса в текстах способствует выражению разного концептуального содержания стихотворений. Приведем эти стихотворения полностью.

М. Цветаева
МАГДАЛИНА

1
Меж нами – десять заповедей:
Жар десяти костров.
Родная кровь отщатывает,
Ты мне – чужая кровь.

Во времена евангельские
Была б одной из тех...
(Чужая кровь – желаннейшая
И чуждейшая из всех!)

К тебе б со всеми немощами
Влеклась, стлалась, – светла
Мать! – очесами демонскими
Таясь, лила б масла –

И на ноги бы, и под ноги бы,
И вовсе бы так, в пески...
Страсть, по купцам распроданная,
Расплеванная – теки!

Пеною уст и накипями
Очес и потом всех
Нег... В волоса заматываю
Ноги твои, как в мех.

Некою тканью под ноги
Стелюсь... Не тот ли (та!)
Твари с кудрями огненными
Молвивший: встань, сестра!

26августа1923

Б. Пастернак
МАГДАЛИНА

II
У людей пред праздником уборка.
В стороне от этой толчеи
Обмываю миром из ведерка
Я стопы пречистые твои.

*Шарю и не нахожу сандалий.
Ничего не вижу из-за слез.
На глаза мне пеленой упали
Пряди распустившихся волос.*

*Ноги я твои в подол уперла,
Их слезами облила, Иисус,
Ниткой бус их обмотала с горла,
В волосы зарыла, как в бурнус.*

*Будущее вижу так подробно.
Словно ты его остановил.
Я сейчас предсказывать способна
Вещим ясновиденьем сивилл.*

*Завтра упадет завеса в храме,
Мы в кружок собьемся в стороне,
И земля качнется под ногами,
Может быть, из жалости ко мне.*

*Перестроятся ряды конвоя,
И начнется всадников разъезд.
Словно в бурю смерч, над головою
Будет к небу рваться этот крест.*

*Брошусь на землю у ног распятыя,
Обомру и закушу уста.
Слишком многим руки для объятья
Ты раскинешь по концам креста.*

*Для кого на свете столько шири,
Столько муки и такая мощь?
Есть ли столько душ и жизней в мире?
Столько поселений, рек и роц?*

*Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до воскресенья дорасту.*

1949

Если в стихотворении Пастернака интертекстуальные топос и локус совпадают и вполне соответствуют континууму исходного текста (Ср.: *У людей пред праздником уборка. В стороне от этой толчеи Обмываю миром из ведерка Я стопы пречистые твои. – За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию <...> Там приготовили ему вечерю <...> Мария же, взявши фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его – От Иоанна, 12: 1*), то в тексте Цветаевой они сознательно разведены, что выражается изменением модусного значения, детерминированного условным наклоном глаголов: *Во времена евангельские Была б одной из тех <...> К тебе б со всеми немощами Влеклась, стлалась <...> лила б масла –И на ноги бы, и под ноги бы, И вовсе бы так, в пески...* Такое соотношение топоса и локуса выводит библейский сюжет за пределы библейского хронотопа и элиминирует из сознания получателя затекстовое пространство. Хронотоп, в



который перенесена прецедентная ситуация, не определен. Остается только вневременной диалог *Я (Магдалина) – Ты (Христос)*, в котором «точка отсчета» задана текстово (сильная позиция заглавия стихотворения, перволичный дейксис) – это Магдалина, с ее страстями и мыслями. Эта заданность распространяется и на два других стихотворения цветаевского цикла.

Напротив, модель прецедентной ситуации в стихотворении Пастернака вызывает в сознании получателя затекстовое пространство Библии с ее главным героем и подготавливает дальнейшее обращение к образу Христа, его страданиям и смерти, создавая, как это характерно для творчества Б. Пастернака, в образе Христа образ страдающей человечности.

Магдалина Цветаевой – вечная Женщина, «исструившаяся» для Мужчины, которую мы должны разгадать, Магдалина Пастернака – библейская Магдалина, через которую мы должны разгадать Христа.

Интересно сопоставить высказывания, которые подтверждают наши наблюдения о центральных образах каждого из стихотворений. В черновой тетради Цветаевой: «Магдалина, когда раскаялась, была хороша и молода. Когда мы говорим: Магдалина, мы видим ее рыжие волосы над молодыми слезами <...> Мария Магдалина принесла в дар Христу свою молодость, со всем, что в ней бьющегося, льющегося, рвущегося». По воспоминаниям литературоведа и переводчика Н. Н. Вильяма-Вильмонта, Б. Пастернак еще в 20 годы задумывал поэтические «Рассказы о господе Боге», посвященные Иисусу Христу, «его легендарной бытующей среди людских поколений вот уже девятнадцать с лишним веков истинно показательной биографии» [6, с. 119].

Таким образом, мы рассмотрели несколько поэтических текстов, пространственно-временная модель в которых организована с помощью использования прецедентных феноменов (прецедентных ситуаций). Текстовые категории связности и цельности в этих текстах в немалой степени определяются категорией интертекстуальности, именно эта категория усиливает эстетическую значимость и прагматический потенциал текста, обеспечивает связь с культурным фоном. Именно прецедентная ситуация, с одной стороны, является моделью, по которой строится поэтический текст, а, с другой стороны, позволяет выразить поэтический взгляд на мир.

Список литературы

1. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург, Омск: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. – 268 с.
2. Козицкая Е. А. Смыслообразующая функция цитаты в поэтическом тексте. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. – 140 с.
3. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблема прецедентности. – М.: Гнозис, 1999.
4. Гак В.Г. Высказывание и ситуация //Проблемы структурной лингвистики. 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 350 – 372.
5. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 496 с.
6. Вильмонт Н. Н. О Борисе Пастернаке: Воспоминания и мысли. – М.: Сов. писатель, 1989. – 222 с.

CONTINUUM OF TEXT AND PRECEDENT SITUATION

I. I. Chumak-Zhun

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
chumak@bsu.edu.ru*

The article considers the space-time relations, characteristic of the models (pictures of the world) embodied in the poetic texts. Transforming the continuum source by means of intertextual phenomenon (precedent situation), poets construct individual models of the world. They express their own space-time representation by using a model known to the recipient.

Key words: poetic text, intertextuality, precedent situation, continuum of text.

КОГНИТИВНО-СЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ ПИСАТЕЛЕЙ ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

И. А. Ярощук

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
inna_lad@mail.ru*

В статье говорится о когнитивно-семиологическом своеобразии метафоры в текстах произведений писателей Черноземья. Когнитивно-семиологическое своеобразие метафоры определяется полифункциональной сущностью языкового сознания. Когнитивно-семиологическая суть метафоры заключается в том, что она изначально имеет когнитивную, а не языковую природу. Метафора позволяет читателю воспринимать и понимать абстрактные когнитивные образования.

Ключевые слова: когнитивная метафора, языковое сознание, этноязыковое сознание, ассоциативно-образное пространство, этнокультурная коннотация, прагматика, лингвокреативное мышление.

Когнитивно-семиологическое осмысление сущности метафоры в художественной прозе писателей Черноземья предполагает исследование внутренних механизмов знаковой репрезентации познаваемых и номинируемых объектов действительности в языковом сознании писателя. В рамках когнитивно-семиологического подхода метафора рассматривается не как элемент, украшающий речь, а в качестве когнитивного феномена, как средство создания нового смыслового содержания лексемы. Когнитивная метафора как средство мировосприятия и миропонимания находит свои истоки в глубинах человеческого познания и определяется взаимодействием сложных концептуальных структур, ориентируемых на ассоциативно-образное усвоение, переработку и преобразование информации относительно окружающей действительности. Языковое сознание – важнейший лингвокреативный механизм речепоражающей деятельности, в процессе которой осуществляется преобразование имеющихся в языковой системе номинативных единиц. В результате означаемые становятся носителями новых означаемых, нового ассоциативно-образного содержания. Благодаря такого рода когнитивно-семиологическим трансформациям метафора в исследуемых текстах может рассматриваться в качестве когнитивного феномена [1, с. 171].

При таком подходе в исследуемой художественной прозе основное внимание уделяется взаимодействию двух типов семиозиса образного слова: первичного (семиологического) и вторичного (семантического). Первичная объективация является исходной точкой семиозиса метафоры, а вторичная – конечным этапом метафорообразования, когда на основе первичного семиозиса формируются значимые для русской этнокультуры метафорические образования. Ср: *Успех обеспечен тем, что они владеют искусством воспитывать у людей чувство ответственности за судьбу земли* [2, с. 7]. Исходной точкой семиозиса метафоры *судьба земли* служит национально-культурное представление о земле как живой, самодействующей субстанции, как основы жизни всего сущего. Она родит, пьёт дождевую воду, засыпает и пробуждается: *Земля Черноземная, что с тобой случилось? Помню тебя всякой: и залитой ливням, и скованной лютым морозом, и задыхающейся от зноя в страшную засуху, когда в трещину ладонь входила. Но всегда – гордой, непреклонной. Много тебе вытерпеть пришлось* [2, с. 28]. На следующем этапе семиозиса метафоры актуализируется этнокультурный компонент языкового сознания. Земля издавна считалась источником жизни, матерью всего живого, в том числе и человека. В православии образ матери-земли сблизился с образом Богородицы, поэтому с землей обращались с особым почтением и осторожностью. Принимая пищу в поле, крестьяне вытирали о зем-



лю руки, приписывая ей такие же очистительные свойства, как и воде [3, с. 193]. Об этом красноречиво говорят русские поговорки: *Земелька черная, а хлебец белый родит; Земля всех питает, а сама всех поглощает; Земля кормит людей, как мать детей; Кто мать-сыру землю любит, тот голоден не будет; Мать-сыра земля всех кормит, всех поит, всех одевает, всех своим телом пригревает; В землю не положишь – и с земли не возьмешь* и т. д. Прежде всего, в таких паремиях в глаза бросается почтительное отношение к земле-кормилице, вера в её «благо-родие».

Таким образом, метафорическое мышление находит точки соприкосновения для, казалось бы, логически несовместимых объектов. Исторически и социально закрепившаяся связь между подобного рода означающим и означаемым (*земля – живое существо со своей судьбой, мать*) указывает на то, что русское этноязыковое сознание обнаружило сходство логически несовместимых объектов познания: *С поля начинается хлеб. Жизнь начинается с поля. Посмотришь на него – будто сама земля с хлеборобами переживает обновление. Свежим дыханием от нее веет, новыми надеждам* [2, с. 29]. В нашем понимании, смысловое содержание художественных концептов «земля переживает обновление», «от земли свежим дыханием веет» первоначально формируется не в словесном контексте, а в ассоциативно-образном восприятии действительности. В его основе лежит когнитивный и жизненный опыт человека: земля – это живой организм, обладающий такими же свойствами и способностями, как человек: земля дышит, чувствует, переживает, вселяет надежду на лучшее. В данном ассоциативно-образном пространстве и возникают словесные метафорические образования (*земля переживает обновление, от земли свежим дыханием веет*), обладающие русской той национально-культурной спецификой, котолая и определяет архитектуру стиля писателя.

В художественной прозе писателей Черноземья своеобразие когнитивной метафоры определяется многофункциональной сущностью языкового сознания [4, с. 43]. Например: *Я вам сейчас предложу два варианта устройства крыши над хозблоком, которые значительно снизят затраты, и хозблок не будет для дома теперь хвостом гремучей змеи, а его продолжением* [5, с. 28]. В данном примере *отражательная функция* метафоры *хвост гремучей змеи* определяет тип и характер связей между объектами изображенной автором действительности. Мотивирующим признаком, определяющим связь между основным (пристройка – хозблок) и вспомогательным (*хвост гремучей змеи*) субъектом метафоры, является *форма* сооружения: дачная постройка, включающая дом и хозблок, неоднородна и неоднотипна. Она напоминает тело гремучей змеи, имеющее хвост, контрастно выделяющийся на его фоне.

Функционально-стилистические свойства исследуемой метафоры обуславливаются её *оценочной функцией*. С. И. Серых в рассказе «Аренда» изображает сферу неофициальных отношений с непринуждённым общением двух персонажей. Выделенная метафора является ситуативно-образным выражением, так как речь героини предварительно ею не подготовлена, спонтанна; поэтому данную метафору можно считать индивидуально-авторской. *Селективная функция* метафоры определяется поиском наиболее подходящего означающего для нового означаемого. Наиболее подходящей языковой формой явилось словосочетание *хвост гремучей змеи*, так как на теле змеи рельефно выделяется именно её хвост. В исследуемом художественном контексте данное означающее наполняется новым ассоциативно-образным содержанием, благодаря которому выражение становится образным. *Интерпретирующая функция* раскрывает ракурс видения этноязыковым сознанием денотативной ситуации, показывает, как языковому сознанию представляется связь между старой языковой формой (*хвост гремучей змеи*) и новым содержанием (*хозблок*). Известно, что после первой линьки у молодых *гремучих змей* кончик хвоста утолщается. Когда происходит следующая линька, кусочек кожи на хвосте из-за утолщения не может слезть и остаётся. После второй линьки появляется еще один, потом ещё и ещё. В течение жизни часть этих колец-колокольчиков змея теряет, но многие, частично надетые друг на

друга, остаются и более или менее свободно болтаются. Выведенная из нормального состояния змея поднимает кончик хвоста и начинает быстро вибрировать им, из роговых чехликов издают характерный сухой треск, слышимый на расстоянии до тридцати метров. В силу этого, хвост на фоне всего тела змеи привлекает особое внимание. Героиня рассказа сравнивает с ним хозблок на территории дачного участка, который из-за шиферного покрытия отличается от дома. Мария, героиня произведения, говорит: «Крыша дома устроена довольно оригинально. Башенки, окошки и разноуровневые черепичные плоскости, и вдруг продолжением всего этого строения оказывается обычный сарай под шиферной крышей» [5, с. 29]. Таким образом, связь между объектами художественной картины мира произведения имеет оригинальный, индивидуально-авторский характер.

В исследуемых текстах произведений писателей Черноземья в видоизменяется не первоначальная семантика метафоризируемых языковых знаков, а само отношение автора и читателя к объектам действительности, обозначаемыми данными лексемами [6, с. 279]. *Мне кажется, вся наша жизнь – это переход. Кто идёт, кто бежит, а кто остановился, и все стараются наверх, глупые...* [7, с. 79]. *Переход (подземный)* – «тоннель для безопасного перехода пешеходов под проезжей частью или железнодорожными путями. Подземный пешеходный переход обычно состоит из собственно тоннеля под проезжей частью и ведущих к нему ступеней». Так, в рассказе В. В. Сухарева «Битлы нашего двора» говорится о друзьях, которые в детстве были не разлей вода. Их любимым занятием являлась игра на гитаре. Прошли годы, и один из приятелей стал бизнесменом, богатым человеком, который занимался прибыльным, но не любимым для себя делом. А другой – хоть и не был богат, но занимался своим любимым делом: писал песни и играл на гитаре. По прошествии многих лет богатый друг даже и не узнал своего приятеля детства, когда встретил его в подземном переходе, играющего на гитаре; а, может, просто и не хотел узнавать? Действительно, жизнь подобна переходу: кто-то идет по жизни размеренными шагами, кто-то бежит, стараясь все успеть, а кто-то остановился и не имеет никакого развития. Однако каждый стремится достичь чего-то большего, добраться до высшей ступени социальной и профессиональной лестницы, чтобы получить все доступные блага. Именно к стремлению обогатиться любыми способами автор произведения относится с достаточной долей иронии, называя подобных карьеристов глупыми людьми, забывающими о моральных качествах и об истинном предназначении человека.

Согласно основному когнитивно-семиологическому принципу, метафора в художественной прозе писателей Черноземья отражает способность автора создавать новые образы, его умение «мыслить так, чтобы создавать более живое напряжение» [8, с. 108]. Например: *Горячий ветер штопором крутит цементную пыль, песок и щепки. Листву вишен бьет дрож* [9, с. 76]. Метафора *ветер штопором крутит цементную пыль* отражает изменение отношения автора к природному явлению, меняется его фокус мировосприятия, вследствие чего возникает очень яркий образ (*крутит штопором*), в точности передающий картину увиденного.

Возникновение метафоры в исследуемых текстах писателей Черноземья определяется изменением отношения автора к предмету номинации. Например: *Ветер мог безобразничать – еще вечером под его порывами старая вишня в саду размахивала ветками, стараясь отбиться от тысячи снежных мух* [10, с. 39]. Стимулом к появлению данного образа (*снежинки – мухи*) является возникновение в мировосприятии писателя нового эмоционально-оценочного отношения к основному субъекту метафоры (*снег*), который видится автору в свете вспомогательного субъекта (*мухи*). Данная метафора репрезентирует живую связь между старой формой и новым содержанием. Снежинки словно назойливые мухи, от которых отбивается, размахивая ветками, старая вишня в саду. Таким образом, предметно-чувственный опыт писателя Черноземья предоставляет широкие возможности для образного, метафорического переосмысления окружающей действительности.



Когнитивное своеобразие метафоры в исследуемой художественной прозе определяется созданными автором произведения этнокультурными образами [11, с. 402]. Данная связь не является строгой и жестко детерминированной. Лингвокреативному мышлению творческого индивида предоставляются широкие возможности создания оригинальных метафорических моделей. Например: *Часам к восьми успеваю вскопать много: огород чернеет и в агатовых грядках, пропадающих в тумане, белеют жемчужины картофель* [12, с. 97]. Автор использует для характеристики огородных грядок определение *агатовые* не случайно. Черный агат – это роскошный камень с четко очерченными прожилками, который восхищает своей насыщенностью и блеском. Так и грядки насыщенного чернозема отличаются своей четкой формой, и на их фоне клубни картофеля кажутся белоснежными, жемчужными. Своеобразие преобразования форм чувственного отражения в смысловые элементы метафорического значения заключается в трансформировании факультативных и пресуппозиционных признаков исходного значения словоформы. Причём сопутствующие признаки денотата в этнокультурном сознании автора приобретают статус интенциональных сем в семантической структуре метафорического слова. Например: *Белгородский чернозем – сдобный рождественский пирог* [12, с. 103]. *Чернозем* – ‘тип темной плодородной почвы. Ценится благодаря своим агротехническим качествам – хорошей структуре и высокому содержанию питательных веществ’. Интенционалом (смысловым ядром) данного лексического значения является сема ‘земля’. Этнокультурные знания формируют его импликациональные семы разной отдалённости от денотативного значения метафоризируемого слова: (а) ‘рыхлость’, ‘жирность’, но в то же время (б) ‘воздушность’, ‘рассыпчатость’, ‘сдобность пирога’. Образование данного метафорического сочетания слов связано с возникновением в этнокультурном сознании устойчивой сети ассоциативно-образных и экспрессивно-оценочных отношений, связанных не только с познаваемым объектом (*чернозем – сдобный рождественский пирог*), но и со всем социально-психическим контекстом его существования [13, с. 127]. Представленные коннотативные и этнокультурные признаки номината белгородской земли (рыхлость, жирность, сдобность) как бы обволакивают предметно-чувственный образ (*белгородский чернозем*), преобразуя его в поэтический концепт, предполагающий метафорическую репрезентацию. Таким образом, лингвокреативное мышление писателя определяется энергетикой этнокультурных представлений, хотя находится в поисках новых образов; поэтому в результате индивидуально-авторского словотворчества возникает столь яркое метафорическое образование [1, с. 74].

Осмысление этнокультурного объекта номинации в исследуемых текстах произведений писателей Черноземья в основном иллюзорно. *Что с тобой, моя белогорская земля, весной белая от цветущих вишневых садов и меловых круч, а зимой – от березовых роц в инее и от снежных сугробов? Говорят, ты скоро обратишься в смуглую красавицу в железных доспехах. Огни озарят твоё лицо* [9, с. 92]. Метафорическое сочетание *смуглая красавица в железных доспехах* является символом неисчерпаемости недр Белгородской земли (речь идёт о железной руде). Этноязыковое кодирование культурного значения представленной метафорического слово-сочетания начинается с интерпретации коммуникативно-прагматической ситуации, в которой *белогорская земля* является объектом духовно-практического осмысления. В данном примере осмысление этнокультурно значимого события (обнаружение и первые добычи железной руды, строительство Яковлевского рудника) включается в систему духовно-практической деятельности человека и составляет значимое звено в историческом развитии культуры Центрально-Черноземного края. В представленной метафоре когнитивно и прагматически обусловленное функционирование этнокультурной коннотации выводит её на уровень концептуального представления региональной языковой картины мира. В то же время механизмы функционирования этнокультурной коннотации обуславливаются множеством индивидуальных актов, где

главную роль играет форма индивидуально-авторского обозначения. Анализируемое метафорическое образование используется в качестве символа, поэтому данная метафора имеет двойную референцию. С другой стороны, смуглая *красавица в железных доспехах* соотносится с Белгородской землей, обладающей богатыми залежами железной руды. Отсюда возникает сравнение со *смуглой красавицей в железных доспехах*. Данная метафора в качестве символа отсылает к более абстрактным понятиям – таким, как «богатство», «обилие» и «красота». Многозначность символа опирается на двойную референцию: сначала символ апеллирует к ближайшему содержанию (Белгородская земля), которое отсылает к глубинному смыслу (обилие, богатство, красота).

В исследуемых текстах метафорическая семантика словесных знаков определяется как своеобразная интерпретация автором соответствующей денотативной ситуации, в которой отражаются не только его прагматическое отношение (эмоции, оценки явлений действительности), но и коннотация (этнокультурный фон повествования). Исследуемое метафорическое значение связано с конкретным прагматическим фактором – фактором говорящего. *А там, за окном, на востоке, ночное небо лизали дымно-багровые сполохи. Глухо стонала Белгородская земля. Стонала и ждала* [14, с. 88]. Буквальное значение представленного предложения задаёт набор условий истинности только относительно набора фоновых знаний, которые не входят в семантическое содержание метафоры. Однако метафорическое значение базируется на преодолении смысловой несовместимости буквального значения высказывания и переносным значением, поскольку последнее относится к сфере употребления языкового выражения, обусловленного этнокультурной и исторической ситуацией.

Этнокультурная коннотация метафорических образований в текстах произведений писателей Черноземья обуславливается компаративностью, то есть отношением уподобления. *Пронизывающий ветер войны забросил вас в неведомый Белогорск, где, по уверению вашего инвалида-соседа, служившего там в солдатах, меловые кручи – сахар. Но эти сахарные кручи побагровели от горячей крови* [9, с. 138]. Употребление метафоры *сахар* указывает не только на авторское восприятие цвета меловых круч (белый), но и особого свойства белгородского мела. В данном примере этнокультурная коннотация предаёт признаки слова-параметра *сахар*, которые стали смысловыми компонентами лексического значения слова-аргумента (*меловые кручи*). Таким образом, этнокультурная коннотация становится связующим звеном между двумя языковыми единицами (*мел – сахар*).

В исследуемой художественной прозе реализация свойств этнокультурной информации посредством метафорических образований обуславливается индивидуально-авторским истолкованием смысла как субстанционального феномена, который определяется окружающей действительностью [1, с. 144]. Ср.: *Неуловимые тени скользят по чубатым полям, походным буровым вышкам, горячему Белогорскому шоссе, что стало ветвистым молодым деревом. А давно ли эти места звались степью? Давно ли?* [9, с. 139]. Содержание метафорического сочетания *стало ветвистым молодым деревом* предстаёт как открытая когнитивная структура, которая расширяется этнокультурной информацией, извлекаемой из дискурсивного пространства текста (термин И.И. Чумак-Жуль). В данном примере речь идет о пейзаже Белгородского края (чубатые поля, буровые вышки, Белогорское шоссе). Содержание данного метафорического образования в исследуемой коммуникативно-прагматической ситуации видоизменяется: происходит наращивание этнокультурной информации. Однако наличие этнокультурной коннотации данной метафоры ограничено культурно-историческими рамками. Героя повести В. Федорова «Марс над Козачьим Бором» удивило быстрое строительство белгородского шоссе, на месте которого недавно была степь. Поэтому автор использует метафору *ветвистое молодое дерево*.

В текстах произведений писателей Черноземья прагматический компонент метафорического значения актуализируется в тех словоформах, в которых на базе когнитивного содержания формируется дополнительный этнокультурный смысл. Так, в по-

вести В. Федорова «Марс над Козачьим Бором», в котором описывается Центрально-Черноземный край как часть украинской Слобожанщины, в частности Белгородчина, чернозём сравнивается с салом. В неведомом Белогорске меловые горы – сахарные, а жирный чернозем – сало [9, с. 140]. Писатель не случайно выбирает именно это сравнение. По своей консистенции чернозем (лоснящаяся земля) напоминает сало. Отсюда возникает эпитет **жирный чернозем**, символизирующий плодородность и обогащенность питательными веществами Белгородской земли. Так, сало – ‘вытопленный из жира животных продукт, идущий в пищу и на технические надобности’. Данное узусальное значение порождает дополнительный смысл этнокультурного характера. В. Федоров сравнивает жирный чернозем Белгородского края с салом. В этом случае дополнительный этнокультурный смысл возникает из когнитивно-прагматического отношения говорящего к денотату. В анализируемом примере прагматический компонент метафорического слова опосредован социокультурным опытом говорящего (автора) к денотату (сало) и тем, что в метафорическом образовании заключается этнокультурная коннотация и эмоциональное переживание писателя Черноземья.

Прагматика художественной прозы писателей Черноземья предопределяет понимание употребленного в тексте метафорического образования, а семантики – ее культурно-историческую достоверность, соответствие метафоры реальному объекту или его образному представлению данным этноязыковым сознанием. Ср.: **Гигантским кратером** распахнулся гудящий, ошеломляющий, кишачий машинами котлован. За слоем **жирного чернозема**, за пластами **сверкающего снегом мела** и **песчаника** земля становилась бурой, словно была пропитана кровью. Вот, где таится несметная **железная сила!** [9, с. 162]. Адекватное представление образа, лежащего в основе возникновения данного метафорического образования, обеспечивается фоновым изображением на уровне когнитивной метафоры соответствующей этнокультурной ситуации. Собственно когнитивная метафора и обуславливает возникновение этнокультурной коннотации метафоры речевой как макрокомпонента её семантики. Основной смысл когнитивной метафоры лежит в основе интенционала метафоры речевой: *гигантский кратер* – гудящий, кипящий, бурлящий. А конкретным объектом действительности, представленным метафорическим образованием, прообразом идеи, лежащей в основе сравнения, является шахта, котлован, кишачий машинами. В семантической структуре исследуемой метафоры прототип («котлован») образует экстенционал, то есть тот объект этнокультуры, который закодирован значением знака непрямого номинации (*котлован*).

Таким образом, источниками этнокультурной коннотации метафорических образований выступают коммуникативно-прагматические ситуации, изображаемые автором в художественном произведении. Культурная информация метафорических образований исследуемых текстов произведений писателей Черноземья порождается широким спектром взаимодействия этноязыкового сознания с окружающей региональной действительностью. Его составляющими являются механизмы коммуникативно-прагматического и этнокультурного характера.

Метафорические образования в художественной прозе писателей представляют собой дериваты, образованные посредством лексико-семантического способа словообразования, поэтому при изучении когнитивно-семиологического своеобразия региональной метафоры целесообразно применять **мотивационный анализ**. Сущность мотивационного анализа заключается в выявлении признака, задающего область сходства субъектов метафоры, то есть мотивирующего признака метафоры. Мотивационный анализ начинаем с выделения ядерной (понятийной) части значения метафорического знака (основного субъекта) и его периферийной части (вспомогательного субъекта).

*Солнце пролилось над деревьями, потом **восковое пятно** растаяло в пруду* [12, с. 35]. Основной субъект метафорического наименования репрезентируется словом *солнце*, вспомогательный субъект – словосочетанием *восковое пятно*. Прямое

значение словосочетания *восковое пятно* можно выразить описательно: 'бледно-желтая, с размытыми, нечеткими краями округлая фигура'. Метафорическое значение базируется на признаках основного субъекта: *солнце* – 'звезда, небесное светило'. Когнитивно-семантическим своеобразием метафоры и ее конечным результатом является эксплицирование смысловых элементов из предметного значения вспомогательного субъекта: *восковое пятно* – 'бледно-желтая, с размытыми, нечеткими краями округлая фигура'. Построим метафорообразовательную модель, включающую следующие связанные **одним** деривационным шагом лексико-семантические варианты словосочетания: ***восковое пятно 'округлая фигура'*** (прямое значение) > ***восковое пятно 'солнце'*** (метафорическое значение). Опираясь на основной и вспомогательный субъекты, можно выделить мотивирующий признак – цвет, форма. Семантика данной метафоры является результатом приписывания обозначаемому (солнце) признаков, не входящих в его прямое значение: *нечеткость, размытость формы, бледно-желтый цвет*. Эти признаки актуализируются образующимся вокруг семантики основного субъекта (солнце) этнокультурного ассоциативно-смыслового поля. На первый взгляд, выделенные семантические компоненты являются универсальными для общерусского языкового сознания. Однако при детальном рассмотрении обнаруживается, что закат солнца в Центрально-Черноземном регионе отличается от заката на севере России. На Севере летом солнце очень быстро и порой незаметно достигает пределов горизонта, продолжая так же ярко освещать землю. Через один-два часа оно всходит. Поэтому летом на севере ночью светло, как днем. В Центрально-Черноземном регионе летом солнце садится медленно, теряя свою яркость постепенно. Возникает ощущение, что оно тает и расплывается в пруду, словно плавится восковое пятно. Эти ассоциативно-смысловые связи между сравниваемыми явлениями действительности проецируют в этнокультурном сознании признаки, которые не принадлежат основному субъекту метафоризации, не даны в нем наглядно. Восковое пятно – признак, не принадлежащий солнцу как явлению действительности. Следовательно, представителю анализируемого этнокультурного сообщества (жителю Центрально-Черноземного региона) его надо извлечь из своего сознания вместе с образом предмета, для которого этот признак является базовым (какое-либо пространство, на которое капает воск горящей свечи – стол, подсвечник, лист бумаги). Таким образом, сущность познания когнитивно-семиологического своеобразия метафоры заключается в восстановлении гносеологического образа предмета метафоризации через языковое значение метафоры.

На заключительном этапе мотивационного анализа данной метафоры необходимо проверить полученные результаты на их достоверность путем построения компаративной конструкции. Ср.: Солнце – *восковое пятно* и солнце по цвету и форме как *восковое пятно*. Как видим, компоненты построенной компаративной конструкции эксплицируют основной и вспомогательный субъекты метафоры, а также основу сравнения. Следовательно, мотивационный анализ проведен верно. Мотивационный анализ позволил увидеть связи между предметами, не являющимися однопорядковыми, но определенными ассоциативными, невидимыми нитями соединенными в этнокультурном языковом сознании писателя Черноземья.

На данном этапе анализа мы выделили мотивирующее значение метафоры, основной и вспомогательный субъекты. Однако нам не удалось выявить дифференциальные признаки, различающие значения анализируемых языковых единиц (солнце, восковое пятно), поэтому необходимо обратиться к компонентному анализу метафорического наименования.

Компонентный анализ применяется для сегментации ядерной части значения метафорического знака (основного субъекта метафоры). Компонентный анализ в нашем понимании представляет собой метод исследования значений слов, объединенных в одну лексическую микросистему по определенному интегральному смысло-



вому признаку, путем последовательного сопоставления значений единиц этой микросистемы по различным смысловым параметрам (форма, цвет, размер и т. д.) с целью выявить дифференциальные признаки, различающие значения данных единиц в пределах анализируемой микросистемы. Компонентный анализ позволяет углубить данные полученные в процессе мотивационного анализа, расширить наши представления о содержании скрытого понятийного слоя этнокультурного концепта **солнце**.

На примере метафоры **восковое пятно** рассмотрим возможности компонентного анализа. Процедура компонентного анализа в той модели, которая разработана и применяется нами, подразделяется на три этапа:

- 1) построение гипонимической группы;
- 2) выявление дифференциальных сем и параметра, по которому выделяются эти дифференциальные семы;
- 3) проверка результатов анализа.

Как известно, гипонимия – одно из основных парадигматических отношений в семантическом поле – иерархическая организация его элементов, основанная на родовидовых отношениях: семантически однородные единицы включаются в соответствующий класс наименований.

Гипонимическую группу строим следующим образом:

- 1) берём анализируемое метафорическое сочетание *восковое пятно*;
- 2) у словосочетания *восковое пятно* отсутствуют согипонимы, что весьма характерно для метафорических наименований;
- 3) дифференциальную сему выявляем путём сравнения значений видового и родового наименований соответствующей гипонимической пары. Родовое имя – *солнце*, видовое – *восковое пятно*.

Второй этап компонентного анализа состоит в выявлении дифференциальных сем и параметра, по которому выделяются эти дифференциальные семы.

В случае отсутствия у слова согипонимов, что весьма характерно именно для метафорических наименований, дифференциальная сема выявляется путем сравнения значений видового и родового наименований соответствующей гипонимической пары.

Третий этап компонентного анализа включает в себя проверку результатов анализа.

Один из приемов проверки заключается в следующем: если сумма выделенных в результате компонентного анализа сем равна метафорическому значению проанализированного слова, это свидетельствует о том, что анализ проведен верно.

Восковое пятно = *Солнце 'вечерняя звезда, излучающая тусклый желтый цвет, похожий на цвет воска' + 'медленно таящее, растекающееся в воде (в пруду) отражение' + 'интенсивность цвета, четкость/нечеткость формы'*

Таким образом, сумма выделенных в результате компонентного анализа сем равна метафорическому значению проанализированного словосочетания (*восковое пятно*), что свидетельствует о верном проведении анализа.

При анализе содержательной стороны метафоры в текстах произведений писателей Черноземья мотивационный и компонентный анализ дополняют друг друга, позволяя выявить этнокультурный слой содержательной стороны образного слова. Мотивационный и компонентный анализ позволили приблизиться к пониманию этноязыкового сознания писателя Черноземья.

Для когнитивно-семиологической характеристики своеобразия метафоры в прозе писателей Черноземья актуальным является процесс свободного ассоциативного развития художественного пространства исследуемых произведений [15, с. 188]. Так, книга писателя Черноземья С. Серых была названа «Разнотравье». Известно, что *разнотравье* – это «растущие вместе разные травы, травянистые растения». Однако в книге писателя речь не идет о различных видах трав. Ассоциативно-образное развитие пространства художественного повествования начинается с заглавия: используется

метафорическое, индивидуально-авторское значение лексемы *разнотравье*. С. Серых, обращаясь к читателю, пишет: «*Вы, конечно, сейчас удивляетесь и можете подумывать, что я вам хочу предложить какой-нибудь трактат о травах и их применении. Не-ет, я еще не дорос до таких трудов <...> Рассказы по своему содержанию будут схожи с разнотравьем, которое произрастает в наших огородах, в оврагах и на буграх милой всем нам округи*» [5, с. 10]. Таким образом, с разнотравьем писатель сравнивает разнородные по характеру рассказы, составляющие его книгу.

Таким образом, исследование когнитивно-семиологических свойств метафоры в текстах произведений писателей Черноземья позволяет заключить следующее:

1. Когнитивно-семиологическое своеобразие метафоры в художественной прозе писателей Черноземья определяется полифункциональной сущностью этноязыкового сознания.

2. Когнитивно-семиологическая суть метафоры заключается в том, что она изначально имеет когнитивную природу, а не языковую. Метафора как когнитивно-семиологическое образование позволяет читателю воспринимать и понимать абстрактные когнитивные образования.

3. Возникновение индивидуально-авторской метафоры определяется ассоциативным соотношением объектов когнитивной метафоризации этнокультурному и предметно-чувственному восприятию писателями Черноземья окружающей действительности.

4. В художественной прозе писателей Черноземья когнитивная метафора рождается путём индивидуально-авторской интерпретации изображаемой в произведении этнокультурной действительности.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Головков А. Э. Преодоление. – Воронеж: Центрально-Черноземное изд-во, 1987. – 222 с.
3. Славянская мифология. – М.: Просвещение, 1995. – 414 с.
4. Быдина И. В. Когнитивно-прагматический подход к структурированию поэтического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – Вып. 3. – Томск, 2005. – С. 43 – 48.
5. Серых С. И. Разнотравье. Рассказы. – Белгород: Крестьянское дело, 2009. – 232 с.
6. Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 236 – 284.
7. Сухарев В. В. Осень лист сорвёт непременно...: Новеллы. – Белгород: Везелица, 2004. – 116 с.
8. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. С. 82 – 109.
9. Федоров В. Сумка, полная сердец. Повести. – Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1978. – 269 с.
10. Тарасов С. Л. Воскресение и смерть Коли Коржикова: рассказы, портреты. – Белгород: Изд-во «Константа», 2006. – 144 с.
11. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 387 – 416.
12. Калущий В. У. И мы там пили мед (Возвращение в былое). – Белгород: Крестьянское дело, 2003. – 136 с.
13. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: Изд-во «ЭЛПИС», 2008. – 271 с.
14. Барабашов В. М. Короеды // Молодая проза Черноземья. – Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1988. – С. 57 – 94.
15. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ин-та, 2006. – 520 с.



COGNITIVE-SEMIOLOGICAL ESSENCE OF THE METAPHOR (ON A MATERIAL OF ART PROSE OF WRITERS OF CHERNOZEM REGION)

I. A. Yaroshchuk

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
inna_lad@mail.ru*

This article explores the cognitive-semiological peculiarities of metaphors in prose of Chernozem writers. The cognitive-semiological originality of the metaphors is defined by multifunctional essence of language consciousness. The cognitive-semiological essence of metaphors means that it initially has cognitive nature, besides the language. The metaphor let readers perceive and understand abstract cognitive formations.

Key words: cognitive metaphor, language consciousness, ethnolanguage consciousness, associative-shaped space, ethnocultural connotation, pragmatism, linguo-creative thinking.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'373.612.2:32

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗООПАРК ИЛИ РОЛЬ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

О. И. Агафонова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
agafonova@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается роль зооморфной метафоры в масс-медийном политическом дискурсе как средства формирования политического образа.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, политическая коммуникация, СМИ, метафора, зооморфная метафора.

Современный этап развития языкознания характеризуется повышенным вниманием к исследованию внутреннего мира человека. Произошедшая в середине 1960-х гг. смена научной парадигмы привела к тому, что в гуманитарных и социологических науках акцент сместился от рассмотрения физического мира к изучению роли и значимости научных объектов в жизни человека. В рамках существующей на сегодняшний день парадигмы знаний в фокусе внимания исследователей-лингвистов находятся не пространственно-временные рамки локализации объекта исследования, а языковая коммуникация и речевое поведение говорящего, обусловленное широким спектром факторов в различных дискурсивных пространствах [1]. Антропоцентрический подход, являясь ведущим принципом в языкознании на данный момент, определяет направление развития науки и позволяет в качестве предмета лингвистического исследования рассматривать языковую личность как «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [2, с. 298]. Карасик В. И. в основе модели языковой личности представляет «языковой круг, совокупность коммуникативно-значимых характеристик, которые определяют человека как представителя определенной цивилизации, этноса, социальной группы и как индивидуальность», чье коммуникативное поведение реализуется в дискурсе, который и позволяет определить границы этого круга [2, с. 298].

Лингвистические исследования довольно часто посвящаются изучению различных дискурсов и способов их функционирования, а также роли в формировании общей языковой картины мира. Дискурс и дискурсивный анализ стали настолько популярны в научных кругах, что их «рассматривают как лингвистический или дискурсивный переворот в социальных науках» [1, с. 16]. Дискурс-анализ противопоставляет-



ся традиционным школам «лингвистики текста, занимающейся практически только письменными текстами, и американского разговорного анализа, интересующегося изучением лишь повседневной речи» [1, с. 90].

Исследуя политический дискурс следует отметить, что политическая обстановка в стране и мире представляет собой один из вопросов, которые остаются актуальными всегда. Политические ситуации тревожат общественное мнение, наиболее острые из них вызывают широкий общественный резонанс. Выступления политиков и общественных деятелей, публикации в СМИ прямо или косвенно затрагивают интересы простых граждан государства и поэтому всегда воспринимаются с интересом. Однако, информация, которую получает аудитория, далеко не всегда соответствует действительности. Очень часто политики прибегают к приемам и способам, направленным на привлечение внимания аудитории к «нужным» фактам и замалчивания тех, которые представят их в невыгодном свете. Политики, стремящиеся к власти, раздают обещания, выражают оценки и предлагают решения всевозможных проблем, сулят радикальные перемены в погоне за достижением своих целей, а интерес аудитории подогревается постоянными скандалами и разоблачениями. Наши представления о той или иной стране или политическом лидере складываются преимущественно на основе информации, предоставленной нам СМИ, поскольку в формировании общей картины аудитория опирается на мнения и анализ ситуации, предлагаемые газетами, телевидением и Интернетом. Как отмечает Р. Водак в своей работе, «... политики и политика зависят от того, каким образом их деятельность и решения отражаются в средствах массовой информации; в свою очередь средства массовой информации зависят от того, имеется ли у них доступ к необходимой политической информации и общественным событиям» [3, с. 15]. Таким образом, политическая картина – это не просто зеркальное отражение процессов, протекающих в современном обществе, а представление, искусственно формируемое в зависимости от потребностей того или иного политического деятеля, лидера, партии. И даже проанализировав всю информацию, предоставленную разными независимыми источниками, далеко не всегда можно получить действительную картину происходящего. Автор подчеркивает, что границы между развлекательными программами и новостями, политиками и знаменитостями стали трудно различимы в современном обществе, что по нашему мнению усложняет определение границ политического дискурса и механизмов его функционирования.

Одной из задач, стоящих перед современным языкознанием, является изучение языка в непосредственной связи с человеческим сознанием и выявление взаимосвязи между языком и мышлением, как отдельных личностей, так и целых культур. Фундаментальной задачей современной лингвистики является определение роли языка в создании когнитивной модели взаимодействия концептуальных и языковых систем в процессе познания и осмысления мира. В рамках когнитивной лингвистики исследователи пытаются смоделировать схемы человеческого познания, позволяющие познавать окружающую действительность. Политическая лингвистика занимается изучением взаимосвязи между «языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества» [4, с. 11]. В рамках политической лингвистики изучается формирование *политической* культуры, процессы формирования общественного/коллективного и личного мнения, убеждения людей. Политическая коммуникация выступает как особая форма отношений, направленная в первую очередь на обмен информацией в процессе борьбы за власть и формирование у аудитории определенного представления.

Политическая ситуация (политический дискурс) как объект лингвистического исследования представляет собой совокупность всех устных и письменных высказываний, имеющих отношение к политической жизни. Рассматривая политический дискурс, мы опираемся на определение Е. И. Шейгал, которая понимает его как политическую коммуникацию в широком смысле, а корпус знаков, составляющих семиотическое пространство политического дискурса считает языком политики [5].

Чудинов А. П. определяет политический дискурс как «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи: другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, политическая ситуация, в которой создается и "живет" данный текст, репутация издания, в котором он опубликован» [6, с. 18].

Политический дискурс по существу является выражением всего комплекса взаимоотношений между человеком и обществом, в связи с этим, вслед за рядом ученых, придерживающихся широкой трактовки термина «политического дискурса» (А. П. Чудиновым, Э. В. Будаевым, Е. И. Шейгал), мы понимаем под политической коммуникацией любые сообщения, имеющие отношение к политике. Рассматривая политические ситуации с точки зрения политической лингвистики, мы, как и А. Г. Алтунян, понимаем под политическим текстом такой текст, «в котором речь идет об актуальных политических проблемах и который обращен к массовой аудитории» [7, с. 11].

Создавая себе имидж, политики прибегают к различным средствам. Изучая их речи, манеру поведения, можно выявить приемы и методы, которые они используют для достижения своей главной цели – получения власти, и сопутствующих – убеждение слушателей, формирование у них нужной точки зрения. Одним из них является метафоризация, которая является эффективным методом воздействия на аудиторию с целью формирования у нее определенной точки зрения. Образы складываются из свободных ассоциаций, уже присутствующих в нашем сознании. При упоминании слова «lion» воображение услужливо подскажет образ царя зверей – сильного, смелого и благородного, в то время как слово «rat» ассоциируется с высокими умственными способностями, агрессивностью и способностью приспосабливаться практически к любой ситуации.

Умело использованная метафора приносит значительный прагматический эффект. Ее употребление позволяет добавить наглядности и тем самым вызвать у читателя требующиеся эмоции. Наиболее часто это происходит в негативном контексте. На основании изученного материала, мы можем сделать вывод, что к применению метафоры чаще прибегают в тех случаях, когда необходимо «уличить» соперника в неблагоприятном поведении, поставить под вопрос его компетентность, напомнить о неприятных фактах его биографии или другими способами постараться подорвать его репутацию.

В данной статье мы рассматриваем функционирование зоометафор в политическом дискурсе как на примере масс-медийного дискурса, объединяющего тексты, распространяемые посредством СМИ, так и институционального политического дискурса, для исследования которого изучают тексты, созданные политиками [8, с. 352]. Наибольшее количество примеров взято нами из всемирной паутины, поскольку в последние годы роль Интернета значительно возросла, и он превратился из простого хранилища информации в отражение нашего социума. Развитие новых технологий, в первую очередь Интернета, повсеместное распространение блогов и социальных сетей, стали главным вызовом печатным СМИ в современном мире. И поскольку грани между различными типами носителей информации стираются все быстрее, то бумажные носители оказываются не в состоянии конкурировать в вопросе быстроты распространения информации с электронными СМИ, которые оказываются более действенными.

Метафора, как способ репрезентации одних смыслов посредством других представляет собой один из основных когнитивных механизмов сознания человека. Использование метафор объясняется потребностью человеческого мозга в образном представлении окружающей действительности. Мы рассматриваем метафору как средство языковой категоризации и концептуализации действительности в политическом дискурсе. Одним из средств ее выражения является мир животных. Зооморфная метафора как объект исследования вызывает интерес в связи с ее высокой продуктив-



ностью как способа косвенной номинации. Человек, являясь частью животного мира, пропускает реальность сквозь призму понятных ему образов. Согласно классификации А. Н. Баранова зооморфные метафоры наряду с фитоморфными и антропоморфными относятся к классу органистических метафор [9]. Их сферой-источником является мир животных. Непосредственно сами названия животных составляют ядро/центральную часть метафорической структуры, а производные от них понятия (получаемые продукты, издаваемые звуки, присущие характеристики) составляют периферию.

Рассмотрим функционирование зооморфных метафор непосредственно в текстах. Их использование распространено в любых текстах политической направленности, касающихся значимых событий. Одним из доказательств этому является обсуждение недавней утечки информации, которую средства массовой информации уже назвали 11 сентября для американской дипломатической службы. Размещение секретной переписки ее представителей на сайте www.wikileaks.com сделали внутреннюю информацию доступной любому читателю. Но тем больше ценность подобной информации, поскольку, чем меньше авторы рассчитывают на огласку, тем откровеннее высказываются. Давая оценку политическим деятелям, дипломаты зачастую прибегали к использованию зооморфных метафор, что в значительной степени способствует эмоционализации сообщения. В частности, российского премьера Владимира Путина в них называют «alpha dog», т. е. «альфа-самцом» или «вожаком стаи»:

Asked by a reporter on Thursday about the leaked U.S. cable that called him Russia's "alpha dog," Russian Prime Minister Vladimir Putin responded: "Do you think the American diplomatic service is a crystal clean source of information? Do you think so?" [<http://thelede.blogs.nytimes.com/2010/12/09/latest-updates-on-attacks-by-wikileaks-defenders/?scp=1&sq=alpha%20dog%20putin&st=cse>].

В одном из комментариев В.В. Путин ответил на критику Российской демократии, намекая на арест Джулиана Ассанжа: «У нас в деревне так говорят: чья бы корова мычала, а ваша бы молчала. Вот какую я хочу нашим американским коллегам послать ответную шайбу», – добавил Путин [<http://www.utro.ru/articles/2010/12/09/942943.shtml>]. Поскольку публикация переписки, а также преследование и арест идейного вдохновителя Wikileaks вызвали широкий общественный резонанс, эта тема широко обсуждается в блогах, в одном из которых приводятся слова В.В. Путина:

"You know, out in the countryside, we have a saying, someone else's cow may moo, but yours should keep quiet," Mr. Putin said [<http://thelede.blogs.nytimes.com/2010/12/09/latest-updates-on-attacks-by-wikileaks-defenders/?scp=2&sq=alpha%20dog&st=cse>].

В том же архиве компания Газпром характеризуется как хищник в погоне за своей добычей. Образ сопровождается употреблением зоометафоры «vulture», дополняющей образ и придающей ему красочности и сочности:

Russian gas giant Gazprom behaves "like a vulture" in its attempts to gain new assets, WikiLeaks cables from new tranche of the leaked documents has said [<http://www.newkerala.com/news/world/fullnews-97033.html>].

Обсуждение еще одной политической проблемы не обошлось без использования зооморфных метафор – речь идет об отставке мэра Москвы Ю.М. Лужкова. Это событие оказалось довольно неоднозначным, что и вызвало широкое публичное обсуждение. Использование метафор «political wilderness» и «sting» создает у аудитории определенное представление – с одной стороны, уязвимость положения Лужкова, вдруг оказавшегося в подобном положении, и его непримиримость и желание выстоять в сложившейся ситуации с другой стороны.

After 18 years as mayor, which made him one of the most influential figures in Russia, Mr Lushkov is now in the political wilderness [<http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-11429878>].

It is unclear whether he will now retire from politics to concentrate on his main hobby - bee-keeping - or whether he will attempt to sting those who engineered his downfall and go into opposition [<http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-11429878>].

Из приведенных примеров следует, что авторы прибегают к использованию зоометафор в самых различных целях – от выражения политических интересов до высказывания неодобрения государственной политики. Довольно широкое распространение зоометафоры получили в комментариях, оставляемых читателями в ходе обсуждения той или иной острой проблемы. Проанализировав следующий пример, можно сделать вывод, что в своем речевом поведении под влиянием эмоций авторы прибегают к использованию данного приема в попытке выразить свое недовольство сложившейся ситуацией, быть услышанными, «достучаться» до власти имущих чиновников, найти поддержку среди читательской аудитории:

*I often wonder what our economy and society would look like if we weren't fighting two wars. Our defense budget is **a sacred cow**. <...> I may be an ignorant rube from Kansas, but I do have a long memory* [<http://community.nytimes.com/comments/www.nytimes.com/2010/12/10/opinion/10krugman.html?permid=518&scp=7&sq=sacred%20cow&st=cse>].

Рассмотрим еще один пример использования зоометафоры, характерный для англоязычной прессы, описывающий затратные и бесполезные проекты, которые политики пытаются реализовать в своих округах для получения голосов избирателей:

*A report into a key plank of the government's stimulus package has sparked a clash between Labor and the Coalition over whether administration of the \$550 million infrastructure scheme amounts to **pork-barreling*** [http://newsstore.smh.com.au/apps/viewDocument.ac;jsessionid=CBCB11A752B4E787840B4921AF8E125E?page=1&sy=smh&kw=pork+AND+barrel&pb=all_ffx&dt=selectRange&dr=1year&so=relevance&sf=text&sf=headline&rc=10&rm=200&sp=nrm&clsPage=1&docID=SMH100728B67J46FIK58].

В Америке даже создан сайт, посвященный проблемам чрезмерного и неправомерного расходования бюджетных денег – «Citizens against government waste», именующий себя «сторожевым псом, охраняющим интересы налогоплательщиков» (America's N1 taxpayer **watchdog**). Среди его разделов – **pig book, pork advisory system, state piglet books, porker of the month** [<http://membership.cagw.org>].

Еще одним доказательством высокой продуктивности данной метафоры в политическом дискурсе является наличие высказываний о политиках и их деятельности. К сожалению, установить их авторство не всегда представляется возможным, однако они являются важными для нашего исследования поскольку в них непосредственно вербализуется концептуальная метафора «Политики – это животные». Приведем примеры лишь некоторых из них:

Politicians are interested in people. Not that it is always a virtue. Fleas are interested in dogs.

Считается, что данный афоризм принадлежит Патрику О'Рурку (Patrick Jake "P. J." O'Rourke) – американскому журналисту, сатирику и писателю. Сравнивая политиков с блохами, автор позволяет нам увидеть ситуацию в новой перспективе, подчеркивая, что не все то, что кажется положительным на первый взгляд, таковым является на самом деле. Политики изображаются как паразитирующие насекомые, от которых следует избавиться как можно скорее.

Следующий пример наглядно демонстрирует нам, что авторская трактовка демократии в ее нынешнем проявлении несколько отличается от официально принятого понимания:

Democracy is four wolves and a lamb sitting down to vote on what to have for luncheon.

Мы видим, что метафора, к использованию которой прибегает автор, в отличие от использования языковых номинаций позволяет нам легко сформировать зрительный образ и понять суть проблемы.

Стремление властей ввести новые налоги и не услышать в свой адрес критики недовольных сравнимо с задачей ощипать гуся, не услышав шипения, то есть абсолютно нереально:



The art of taxation is to pluck the goose for the largest amount of feathers with the smallest amount of hissing.

Как и в предыдущих случаях, мы видим, что использование зоометафоры – это продуктивный и действенный способ лаконично отразить и проблемную ситуацию, и отношение к ней. Причем автор не только стремится поделиться своим видением проблемы, но и найти поддержку в лице аудитории и обрести единомышленников.

Зооморфная метафора в политических афоризмах сродни карикатуре, в которой пропорции искажены, но очевидно сходство с оригиналом. И если карикатуру называют изобразительным анекдотом, так мы можем назвать приводимые здесь высказывания письменной карикатурой, которая редко бывает дружелюбной:

Aristocrat in a republic is like a chicken whose head has been cut off; it may run about in a lively way, but in fact it is dead.

Как и в предыдущих примерах, зооморфная метафора используется, как способ заострить внимания на проблеме, как своеобразный гротеск. Желаемый результат достигается посредством преувеличения и привлечения особого внимания к той или иной части политической жизни, подчеркивая справедливую, но может нелицеприятную правду. Все приведенные примеры представляют собой прописные истины, но пока они не сформулированы кем-то, мы не задумываемся над ними. Метафора позволяет подчеркнуть важные моменты и отбросить второстепенные, упростить содержание и просто и эффективно выразить самые сложные идеи:

It is useless for the sheep to pass resolutions in favour of vegetarianism while the wolf remains of a different opinion.

Politician is an animal that can sit on the fence and yet keep both ears to the ground.

An election is coming. Universal peace had been declared, and the foxes have a sincere interest in prolonging the lives of the poultry.

Dictators ride to and from upon tigers which they dare not dismount. And the tigers are getting hungry.

Written laws are like spiders' webs; they will catch the weak and poor, but are torn to pieces by the rich and powerful.

Прямолинейное выражение своей точки зрения о политике или событии, скорее всего, вызовет у собеседника желание не согласиться и возразить. Ненавязчиво же использованная метафора ослабляет степень личного участия, делает общение менее прямым, что позволяет слушателю или читателю принять точку зрения как свою собственную. Метафоры легко трансформируются в зрительные образы и создают гораздо более яркие образы, нежели если бы они были высказаны сухим языком фактом.

Подводя итоги, следует отметить, что политика не существует вне человеческой деятельности, она значима для человека и направлена на урегулирование процессов взаимодействия общества и власти, а политическая коммуникация является мощным средством, позволяющим интерпретировать эти процессы. Политическая коммуникация помогает создавать образы, из которых складывается политическая картина мира, внедряя в сознание определенные догмы или, наоборот, избавляя нас от иллюзий.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение метафор с зооморфным компонентом в рамках политического дискурса на определенном этапе позволяет выделить элементы, вербализующие одну из концептуальных политических метафор «Политики – это животные». Это в свою очередь позволяет проанализировать национальные традиции и культурные ценности. Изучение зооморфных метафор представляет собой один из пластов в языкознании, который является необходимой составляющей метафорического моделирования. Так, на примере конкретного языка мы имеем возможность изучить процесс преобразования информации в политическую картину мира. Политические процессы в ярком сиянии метафор быстрее находят отклик аудитории, а их изучение позволяет исследователям выявить закономерности функционирования политической коммуникации и ее роли в формировании национального сознания и картины мира.



Список литературы

1. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
3. Wodak R. The discourse of politics in action: Politics as Usual. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.
4. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – С. 11.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра. филол. наук. Волгоград, 2000.
6. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). – Екатеринбург, 2003.
7. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов: Учебное пособие. – М.: Университетская книга; Логос, 2006.
8. Будаев А. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика: Учебное пособие. – М.: Флинта, 2008.
9. Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.

POLITICAL ZOO OR THE ROLE OF ANIMAL METAPHOR IN POLITICAL IMAGE CREATION (IN ENGLISH)

O. I. Agafonova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
agafonova@bsu.edu.ru*

The article reviews the role of animal metaphors as the means of creating political image in the terms of mass media political discourse

Key words: discourse, political discourse, political communication, mass media, metaphor, animal metaphor.



УДК 800.2

ФАУНОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И ЕЁ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ «ЛОШАДЬ», «КОНЬ», «СВИНЬЯ» В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ)

Ж. Багана
Ю. С. Михайлова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
baghana@yandex.ru
mikhailova@83.mail.ru*

Статья посвящена проблеме определения понятия фаунонимической лексики, сопоставлению мнений отечественных и зарубежных ученых по данному вопросу.

Проведенный с целью выявления национально-культурной специфики анализ указанных лексических единиц показал, что они имеют ряд как общих, так и отличительных черт.

Ключевые слова: фауноним, зооним, животный мир, национально-культурная специфика, лексическая единица, семантика.

Введение

Тема национально-культурной специфики является одной из современных проблем в лингвистике, но ещё далеко не все вопросы освещены достаточно широко и подробно в научной литературе. «В самом общем виде национальная специфика семантики какой-либо лексической единицы – это её отличие по значению от сходных по семантике единиц языка сравнения».

Национальной спецификой обладают, прежде всего, реалии – «слова, называющие предмет, вещь, материально существующую или существовавшую» и специфическую для жизни данного народа. Лексические единицы, обозначающие названия животных (фаунонимическая лексика) – взятые сами по себе и как компоненты устойчивых выражений – широко представлены во всех языках мира и относятся к одним из самых древнейших и распространённых. Это особый микромир языка, раскрывающий характерные особенности отражения картины мира народа.

Теоретический анализ

Совокупность языковых единиц, отражающих предметы и явления, прямо или косвенно связанные с миром фауны, представляют собой универсальный пласт словарного состава любого языка. Эта общность разграничивается по денотативному принципу, когда центральное место, как отмечает Л. М. Васильев, занимает «естественное, онтологическое расчленение реальной действительности, связь слов с конкретными предметами и их свойствами, отражёнными в структуре языка» [1].

Термин **фауноним** является нововведением современной лингвистики и ещё не получил широкого распространения. Поэтому вполне понятно, что ещё нет строгого определения данного термина. На первый взгляд, **фауноним** предполагает некую связь с животным или животным миром, но данное понимание требует уточнения. Обратимся к истории возникновения и становления этого термина.

В 1968 г. в диссертационном исследовании Б.А. Абрамова, затрагивающем вопросы семантической избирательности глагола, впервые употреблён термин **фауноним**, под которым подразумевается подкласс существительных-неантропонимов, обозначающих представителей фауны [2]. По его мнению, существительные, отражающие названия животных, составляют **Поле Фауны**.

Вслед за Б. А. Абрамовым понятием Поле Фауны пользуются Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс [3]. По их мнению, в значении многих фаунонимических глаголов со-

держится прямое либо косвенное указание на принадлежность к Полю Одушевлённости, при этом часть глагольных лексем содержит более конкретную информацию о животных, совершающих данное действие, например: *grasen, äsen* – о травоядных животных [3]. Подобные глаголы Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс относят к единицам **Поля Фауны**.

Н. Н. Прокопьева в своей работе употребляет «**фауноним**» в значении существительного, являющегося названием представителей фауны [4]. Занимаясь проблемами словообразовательной и семантической деривации на основе устойчивых языковых символов, автор, так или иначе, затрагивает интересующую нас сферу словарного состава немецкого языка.

В. А. Фролова предлагает следующее определение «**фаунонимы** – языковые единицы, лексические значения которых в функции первичной номинации обозначают объекты и явления животного мира, связанные с ними процессы и явления: названия самих животных; их качества и характеристики; черты отличительные и сходные с другими живыми организмами; особенности поведения животных» [5].

В языке и культуре народа за **фаунонимами** закрепляется не только первичное, но и вторичное образное значение, что свидетельствует об особой лингвокультурной роли этой лексики. Для того чтобы проследить процесс образования вторичного значения, необходимо обратиться к истории народа, к его верованиям и мифологии, так как процесс закрепления ассоциативных признаков в значении слова – возникновение коннотаций – обусловлен национально-культурной спецификой.

Термин «**фауноним**» не получил столь широкого распространения как термин «**зооним**».

«**Зооним**» рассматривается как термин, выражающий широкое понятие, в которое входят все слова, связанные с фауной. Но также «**зооним**» часто употребляется в значении собственных имён (кличек) домашних животных, переходя в раздел ономастиологии. Как отмечает Ю. Г. Юсифов, изучение **зоонима** как ономастической единицы представляет особую важность для теорий по общей ономастике и лексикологии, языковых связей, словообразования. Особое внимание уделяется исследованию зоонимов в ономастиологическом аспекте, определению структуры, номинационных принципов этих собственных имён, что способствует определению их тесной связи с жизнью, с обычаями и традициями народа. Согласно данному выше определению Ю. Г. Юсифов приходит к выводу, что «**зооним**» употребляется как в значении общих, так и собственных имён животных и понимается как термин, совмещающий в себе две функции, с чем и связано его употребление в ономастиологии и лексикологии [6].

Н.В. Солнцева рассматривает «**зооним**» как «общую словарную единицу, которая, с одной стороны, может принимать «облик» зоосемизма, собственно названия животного (млекопитающих, птиц, рыб, насекомых и т. д.), с другой стороны – зооморфизма, своего переносного, метафорического варианта, проецируемого на человека, характеризующего и оценивающего его под разными углами зрения». Эти лексико-семантические варианты зоонима – зоосемизм и зооморфизм – объединены и одновременно противопоставлены друг другу в его смысловой структуре [7].

Однако В. В. Морковкин полагает, что термин «**зооним**» является не вполне удачным: помимо неоднозначности, у него есть и другой недостаток. Присвоение некоторому слову квалификации «зооним», по мнению Морковкина В. В., заслоняет то обстоятельство, что данное слово, наряду с собственно анимальным значением, может соотноситься и с денотатами, которые животными не являются. Кроме того, зооним может выступать в качестве исходного лексико-семантического варианта многозначного слова, а может быть одним из производных лексико-семантических вариантов такого слова. Именно по этой причине В. В. Морковкин предлагает такие термины, которые будут рассмотрены ниже [8].



Наряду с терминами «**фауноним**» и «**зооним**» используются и другие термины для обозначения лексических единиц, интегрированных общим понятием «**животное**».

Исследователи второй половины XX в., объединяя лингвистические и нелингвистические свойства слов, пытались создать систематизацию лексических единиц, связанных тем или иным образом с животным миром. Естественно, что в первую очередь внимание языковедов привлекла такая прослойка словарного состава языка, как наименования животных. Проблемой системной организации этой группы слов по различным семантическим признакам и изучения структуры данных языковых единиц занимались М. М. Копыленко, Е. Н. Фадеева, Е. А. Красильщик и др.

Наряду с этим, широко разрабатывались вопросы изучения семантических и грамматических особенностей ономотопоэтических (звукоподражательных) глаголов, значительная часть которых является языковым отражением звуков, производимых различными представителями фауны. Свидетельством тому служат труды следующих авторов: Л. В. Тарамжинова, Е. В. Падучева, Е. А. Нильсен и др.

В настоящее время многие лингвисты вновь обращаются к изучению различных видов лексики, в том числе и совокупности языковых единиц с инвариантом «**животное**». Так, в 1995 г. появилась диссертация В. П. Куликова, посвящённая анализу узкоспециальной профессиональной лексики – охотничьей [9].

Естественно, что не вызывает сомнения сам факт существования лексики, объединённой в широком смысле инвариантом «животное». По своему удельному весу это достаточно обширная и компактная сфера языковых единиц, охватывающая до нескольких десятков тысяч лексем. Тем не менее, несмотря на богатый для исследования материал, до сих пор не определено место лексических единиц, интегрированных общим понятием «**животное**». Этот пласт лексики рассматривается как фаунонимическая лексика. Она включает в себя языковые единицы, отражающие знание о животном мире.

В. Даль определяет «животное» как «всё, что живёт и дышит, всякое живое существо, всякая особь, одаренная жизнью, т. е. способностями» [10]. Однако подобная формулировка не может дать исчерпывающего определения животного, так как здесь устанавливается лишь ближайший род – «всякое живое существо», который подводит данное слово под более широкое по объёму понятие – «живой организм». Последнее включает в себя множество различных живых существ из трёх основных царств: Грибы, Растения и Животные.

Для того, чтобы выделить содержание понятия «животное», необходимо найти тот существенный специфический признак, отличающий его от всех остальных живых существ, т.е. требуется указать видовое отличие понятия. Таким видовым признаком, характерным для всех животных (за исключением представителей типа Губки, которые ведут неподвижный образ жизни), является их активная подвижность в различных средах обитания.

Понятие «животное» отражается на лексическом уровне языка в виде наличия специальной фаунонимической лексики. Лексические значения конstituентов указанной общности в своей первичной функции номинируют объекты и явления животного мира, связанные с ними процессы и состояния, в то время как для обозначения сопоставимых предметов и явлений неживой природы и растительного мира употребляются другие языковые единицы.

В последнее время наблюдается большой интерес к проблемам изучения наименований животных в рамках лингвокультурологии и других лингвистических дисциплин. Осмыслению феномена данной лексики способствует изучение картины мира народа. Среди наиболее значимых факторов, влияющих на этноязыковую картину мира, особое место занимает животный мир, в качестве неотъемлемой части окружающей природы.

Роль животных в жизни человека всегда была исключительно велика. На ранних этапах развития некоторые человеческие группы отождествляли себя с животными, считали себя их родственниками. В ходе истории взаимоотношения человека и животного изменились, но не потеряли значения, поэтому слова, обозначающие представителей фауны, вызывают у человека одновременно ассоциативное представление о внешних признаках, повадках, поведении представителей фауны, а также эмоциональную оценку их качеств.

В разных языках и культурах наименования животных заключают в себе различные характеристики и качества. По мнению И. В. Куражовой этот факт подчёркивает индивидуальность образного мышления конкретного народа, что является сложным ассоциативно-психологическим процессом, а также различия в ценностной картине мира различных этносов [11].

Наряду с терминами «**фаунизм**», «**зооним**», лексическими единицами, интегрированными общим понятием «**животное**», используются и другие термины и понятия.

В последних публикациях по исследованию переносного употребления названий животных Солнцева Н. В., например, употребляет синонимичные термины: «**зооморфная метафора**» («зоометафора») и «**зооморфная характеристика**» («зоохарактеристика»). Последний термин употребляется как в узком смысле – для обозначения непосредственно зооморфизма, так и в широком смысле – для обозначения характеризующего высказывания с зооморфизмом. Кроме того, термин «**зообраз**» используется в связи с системой ассоциаций и коннотаций, которые связаны у носителей языка с определенной лексемой, называющей животное. Итак, собственно наименование животного – зоосемизм – (например, «осёл») и зоохарактеристика, существующая на его базе – зооморфизм – («осёл» – о человеке) являются вариантами одной и той же лексической единицы языка – зоонима [7]. В используемой Солнцевой Н. В. терминологии наблюдается следующая иерархия терминов и понятий: **фаунизмы** – наиболее общее понятие, включающее как наименования самих животных, так и синанималистические элементы (мычать, пастух и др.); **анимализмы** – номинативные и номинативно-производные наименования животных (ёж, съежиться); **зоосемизмы, зоонимы, зоологизмы** – прямые наименования животных; **зооморфические элементы, зооморфизмы, зообразы, зоохарактеристики, антропонимы зоонимического типа**, переносные значения названий животных, проецируемые на человека и другие [7].

Морковкин В. В. в своих исследованиях использует термины «**зоолексема**» и «**зоонимосодержащая лексема**. Зоолексемой он называет лексическую единицу, которая в исходном значении выступает в качестве названия определённого животного (напр., слон). При этом, считает учёный, если в толковых словарях зоолексема фигурирует как однозначное слово, то она одновременно является и зоонимом (напр., снегирь). Если же зоонимом является не исходный, а один из производных лексико-семантических вариантов слова, то такую единицу можно называть зоонимосодержащей лексемой (ср., мухоловка – «небольшая птица» [8].

По определению К. Леви-Строса, наименования животных могут быть отнесены к «**мифимемам**»: учёный понимал под этим термином слова с двойным значением. О. В. Пестова называет такие единицы словами с символическим значением, понимая под последним «тип конвенционально обусловленного значения, образовавшегося на основе механизмов метафоризации и метонимизации, в котором наименование конкретного предмета выступает в качестве означающего для абстрактного значения» [8].

Проводя анализ используемых терминов («анимализм», «фаунизм», «фаунизм», «зооним», «зоосемизм», «зоометафора», «зооморфизм», «зоологизм», «зоолексема», «зоонимосодержащая лексема», «зоохарактеристика»), Ж. Багана и В. Р. Галиаскарова предлагают внести данные термины и выполняемые ими функции в таблицу для большей наглядности. Среди выполняемых вышеуказанными термина-



ми функций отмечены: наименование представителя фауны, имя собственное, первичная номинация, вторичная номинация, производная номинация, область применения. Авторы также высказывают мнение, что «... многие термины являются синонимичными и взаимозаменяемыми, но это временное состояние. При дальнейшем изучении наименований животных различными дисциплинами лингвистики, учёные откажутся от дублирующих терминов» [12].

Наиболее оптимальное решение вопросов терминологии было предложено, на наш взгляд, в работе Э. А. Кацитадзе. Согласно её концепции, языковые единицы с основным «актуальным» значением, отражающим наименование животного, могут быть обозначены как **зоолексемы** [13] (от греч. *zoon* – «животное», «живое существо», т.е. имеющее отношение к животному миру). Значение **зоолексемы** в функции первичной номинации – название какого-либо животного – автор именует **зоонимом** [13].

Мы вслед за В. А. Фроловой для обозначения лексических единиц, относящихся к животному миру, используем термин «фауноним».

Данная статья посвящена выявлению национально-культурной специфики языковых единиц «лошадь», «конь» и «свинья» в русском, английском и немецком языках. Прежде всего, сравним толкования номинаций «лошадь» и «конь» в данных языках.

Толковый словарь Ожегова даёт следующее определение языковой единицы «лошадь»: «крупное домашнее однокопытное животное» [14].

Согласно толковому словарю немецкого языка Duden «лошадь» (Pferd) определяется как: «1) Reit- und Zugtier gehaltenes hochbeiniges Säugetier mit Hufen, meist glattem, kurzem Fell, länglichem, großem Kopf, einer Mähne und langhaarigem Schwanz; 2) Turngerät, das aus einem dem Rumpf eines Pferdes ähnlichen, mit Lederpolster und zwei herausnehmbaren Griffen versehenen Körper auf vier in der Höhe verstellbaren, schräg nach außen gerichteten Beinen besteht; 3) Schachfigur mit Pferdekopf; Springer» [15].

Для англичан «лошадь» (horse) – это: «1) four-legged solid-hoofed animal with flowing mane and tail, used from early times to carry loads, for riding; 2) (collective sing) cavalry; 3) framework, often with legs, on which smth. is supported» [16].

Сравнивая толкования языковой единицы «лошадь» в трёх данных языках, приходим к выводу, что, бесспорно, лошадь понимается носителями русского, английского и немецкого языков как крупное копытное животное. Но существуют также значительные различия. Например, в русском языке акцент делается именно на то, что это животное домашнее, в английском же и немецком языках этот пункт особо не выделяется. Хотя это и не уточняется в словаре С. И. Ожегова, в русском языке, так же как и в английском и немецком, «лошадь» понимается как животное, используемое для верховой езды и перевозки грузов.

Национально специфическими значениями английской лексической единицы «horse» являются следующие: «1) рама; станок; козлы; 2) *sl.* героин; 3) *горн.* включение пустой породы в руде» [17].

Следует отметить, что английская языковая единица «horse» и немецкая «Pferd» сочетают в себе значения «лошадь» и «конь». В русском же языке чётко разграничиваются языковые единицы «лошадь» и «конь». «Конь» для русских – это: «1) лошадь (преимущ. о самце); 2) шахматная фигура с изображением головы лошади; 3) обитый кожей длинный брус на подставках для гимнастических упражнений» [28]. Зная это, становится понятным, почему в немецком языке «Pferd» трактуется как «гимнастический снаряд» (Turngerät), в английском языке это же значение передаётся через «vaulting-horse», а в русском языке – «конь». Также немецкое «Pferd» – это «шахматная фигура», как и английское «horse» и русское «конь».

Интересен тот факт, что у англичан «horse», употребляясь в единственном числе, имеет собирательное значение «кавалерия, конница» (cavalry), а также значение

«конструкции, часто с ножками, на которую что-то опирается» (framework). Данные случаи являются предельно яркими проявлениями национальной специфики слова.

Что же понимают русские, англичане и немцы под словом «лошадь»? Прежде всего, у всех возникает образ крупного копытного животного с гривой и хвостом, которое ржёт, скачет, фыркает, бьёт копытом.

Анг. He plucked an apple from his pocket, God knows where he got it from, and gave it to the horse who munched it greedily [18]. – Он достал из кармана яблоко, Бог знает, откуда он взял его, и дал его лошади, которая стала жадно его жевать.

Нем. Das Pferd geht, tragt, galoppiert, stürzt, scheut, bäumt sich, wiehert... [15]. – Лошадь идёт, бежит рысью, скачет галопом, скидывает (ездока), несёт, становится на дыбы, ржёт...

Eines Nachts wurden sie gegen elf Uhr vom Getrappel eines Pferdes geweckt, das unmittelbar vor ihrem Tor anhielt [19]. – Однажды ночью около одиннадцати часов их разбудил топот лошади, которая остановилась непосредственно перед их воротами.

В культурах англичан, немцев и русских лошадь испокон веков использовалась для верховой езды, и это нашло своё отражение в языке:

Анг. After all, she had learned to ride and had her own horse [20]. – В конце концов, она обучилась верховой езде и имела свою собственную лошадь.

The rider reined in his horse and drew back his hood [20]. – Наездник сдержал свою лошадь и сдёрнул капюшон.

Athelstan checked that the windows and doors of the priest's house were locked, slung his saddle bags over a protesting Philomel, and both horse and rider wearily made their way along the icy track [20]. – Авелстэн проверил, что окна и двери дома священника были закрыты, перекинул свои мешки через седло протестующего Филомела, и оба – лошадь и всадник – устало побрели по ледяной дороге.

Со временем верховая езда превратилась в конный спорт, который зародился первоначально в Англии, а позже распространился во многих странах. И, тем не менее, именно в английском языке существует огромное количество высказываний, произведений, связанных со скачками.

Анг. The country's most popular horse race was reduced to a shambles last April when 30 riders failed to realise that a second false start had been called and the event had to be declared void [21]. – В прошлом апреле самые популярные скачки в стране превратились в кавардак, когда 30 наездников оказались не в состоянии понять, что прозвучал второй ложный старт, и событие пришлось объявить недействительным.

Так как конный спорт является исконно английским видом спорта, то англичане хорошо разбираются в повадках лошадей и их воспитании. Они считают, что лошадь – это социальное животное.

Анг. Other horse companions are necessary for the young horse to develop the social skills and forms of communication necessary for a normal horse [21]. – Молодой лошади нужны товарищи для развития социальных навыков и форм коммуникации, необходимых для лошади.

It quite frequently happens that a horse that has been used to drinking out of a dam or stream, will always refuse water from a trough or bucket, irrespective of how thirsty it may be [21]. – Довольно часто случается так, что если лошадь привыкла пить из запруды или ручья, она всегда будет отказываться от воды из кормушки или ведра независимо от степени жажды.

In the same way, a horse's communication with us will be influenced by the knowledge that it has acquired from other horses; sometimes to its advantage and sometimes not [21]. – Точно так же на общение лошади с нами будут влиять знания, полученные ею от других лошадей; иногда ей на пользу, иногда нет.

Лошадь требует тщательного ухода. Существует множество атрибутов, необходимых для этого, и для того, чтобы седлать её. Это известно носителям русского, английского и немецкого языков.



Нем. Unter dem Schuppendach standen zwei große zweirädrige Pferdewagen und vier Pflüge mit den dazugehörenden Peitschen, Kumten und vollständigen Geschirren, deren blauwollene Pferddecken schmutzig wurden von dem feinen Staub, der vom Speicher herbrieselte [19]. – *Под крышей навеса стояли две большие двухколёсные повозки и четыре плуга с кнутами, хомутами и полной сбруей, шерстяные голубые попоны которых стали грязными от пыли, которая спускалась сюда от амбара.*

Также русские, англичане и немцы знают, что лошадей, кроме верховой езды, можно использовать для различных целей: для перевозки грузов, в былые времена для доставки почты и в военных целях, в хлебопашестве.

Анг. There was the war horse to be thought of: a fine animal might be worth the value of a small lordship or, put differently, in the mid-fifteenth century a charger could cost a French man-at-arms the equivalent of anything from six months' to two years' wages [21]. – *Следовало подумать о военной лошади: прекрасное животное могло по стоимости равняться маленькому поместью лорда или, другими словами, в середине пятнадцатого века боевой конь мог стоить французскому тяжеловооружённому всаднику от шестимесячной до двухгодовой заработной платы.*

Нем. Morgens und abends überquerten die Postpferde, jeweils drei nebeneinander, die Straße auf dem Weg zur Tränke am Dorfteich [19]. – *Утром и вечером почтовые лошади, иногда запряжённые втроём, пересекали улицу на пути к водопою на деревенском пруду.*

Во фразеологизмах английского, русского и немецкого языков подчёркивается, прежде всего, отличная работоспособность лошади: *Анг.* work like a horse; *Рус.* работать как лошадь; от работы кони дохнут; *Нем.* wie ein Pferd arbeiten; das beste Pferd im Stall (самый лучший (способный) работник).

Также в английском и немецком языках значение «важничать, высокомерно держаться» передаётся с помощью фразеологизмов: *Анг.* be on the high horse; *Нем.* sich aufs hohe Pferd setzen. Выражение возникло в связи с тем, что феодалы, обыкновенно сражавшиеся верхом, презрительно относились к пехоте, состоявшей из наёмников или простолюдинов.

Следует отметить, что в данных языках существуют фразеологизмы, этимология которых восходит к верховой езде, скачкам:

Анг. ride the fore-horse – быть впереди, играть главную роль
run before one's horse to market – опережать события

Нем. auf das falsche (richtige) Pferd setzen – сделать неверную (верную) ставку

В русском и английском языках совпадают следующие фразеологизмы: a dark horse – тёмная лошадка (в русском языке уменьшительно-ласкательное от «лошади»); look a gift horse in the mouth – смотреть дарёному коню в зубы (но чаще употребляется отрицательный вариант «дарёному коню в зубы не смотрят»).

В то время как в русском и немецком языках совпадают, например: Trojanisches Pferd – Троянский конь; ein Steckenpferd reiten – сесть на своего конька.

В английском и немецком языках существуют шуточные фразеологизмы, связанные с лошадей: *Анг.* a nod is as good as a wink to a blind horse – намёк понятен; *Нем.* überlaß das Denken den Pferden, die haben den größeren Kopf – пусть лошадь думает: у неё голова большая.

В немецком языке имеются фразеологизмы, указывающие на буйный характер лошадей (особенно молодых): immer sacht mit den jungen Pferden – (по)легче на поворотах!; j-m gehen die Pferde durch – кто-л. легко срывается, теряет власть над собой.

Конечно, в русском, английском и немецком языках имеются фразеологизмы, которые раскрывают особенности культуры, мышления и языка данных народов. Например, в английском языке: salt horse – солонина (*мор. жарг.*); wooden horse – 1) виселица; 2) старинное орудие пытки; 3) корабль, судно; the grey (или gray) mare is the better horse – жена верховодит в доме.

В немецком языке национально специфичные фразеологизмы с языковой единицей «лошадь» - это: *den Pferdefuß wittern* – чують подвох; *mit j-m kann man Pferde stehlen* – *досл.* с кем-л. можно лошадей красть (для сравнения в русском языке – с кем-л. можно пойти в разведку).

В русском языке к национально специфическим фразеологизмам относятся: старый конь борозды не испортит; от работы кони дохнут; не в коня корм.

Теперь продемонстрируем выявление национально-культурной специфики на примере языковой единицы «свинья» в русском, английском и немецком языках.

Толковый словарь Ожегова даёт следующее определение языковой единицы «свинья»: «1) парнокопытное млекопитающее с крупным телом и короткими ногами, домашний вид которого разводят для получения мяса, сала, щетины; 2) перен. о том, кто поступает низко, подло» [14].

Согласно толковому словарю немецкого языка Duden «свинья» (*Schwein*) определяется как: «1) *kurzbeiniges Säugetier mit gedrungenem Körper, langlichem Kopf, rüsselartig verlängerter Schnauze, rosa bis schwarzer, mit Borsten bedeckter Haut und meist geringeltem Schwanz*; 2) *kurz für Schweinefleisch*; 3) (oft als Schimpfwort) *jmd., den man wegen seiner Handlungs- oder Denkweise als verachtenswert betrachtet*; 4) *jmd., der sich oder etw. beschmutzt hat*» [15].

В английском языке «свинья» (*pig*) – это: «1) *domestic and wild animal*; 2) (colloq) *dirty, greedy or ill-mannered person*» [16].

Сравнивая толкования языковой единицы «свинья» в трёх данных языках, приходим к выводу, что, бесспорно, *свинья* понимается носителями русского, английского и немецкого языков, прежде всего, как крупное домашнее животное, разводимое для получения мяса и сала и как дикое животное. Вторым основным значением данного слова в указанных выше языках является грубое обозначение человека, который подло поступает или склонен к нечистоплотности. На фоне данных универсальных значений ярко выделяются национально-специфичные значения, которые для исследования представляют, несомненно, больший интерес. Например, в немецком языке *Schwein* служит для обозначения мяса – свинины (*Schweinefleisch*), в то время как в русском языке существуют отдельная языковая единица для обозначения данного вида мяса: *свинина*. В английском же языке с этой целью используются два слова: *pig* и *pork*.

В немецком языке *Schwein*, входя в состав устойчивых фразеологических оборотов, приобретает дополнительные значения:

1) *Schwein haben* – кому-л. здорово (чертовски) везёт, улыбается счастье. Фразеологизм восходит к временам рыцарских турниров, состязаний стрелков и различных других состязаний. Последним выигрышем (призом) на этих состязаниях был поросёнок. Сомнительный характер такого выигрыша очевиден из того, что этот выигрыш старались унести домой, пряча его от глаз других;

2) *kein Schwein* – ни один чёрт, ни одна собака, никто.

Вообще, следует отметить, что в отличие от русского и английского языков, немецкая языковая единица *Schwein* (свинья) имеет гораздо больше значений (прямых и переносных) и употребляется в большем количестве устойчивых и фразеологических сочетаний. Это, видимо, объясняется тем, что на территории Германии издревле обитало большое количество кабанов. Распространенность этого животного и его роль в жизни населения отражались в обычаях страны и в языке. Например, после возвращения из церкви у католиков имела место праздничная трапеза, непременно блюдом которой была свинина (или свиные колбаски) с квашеной капустой. Свинья, как вид домашнего животного, являлась в немецком ареале символом благоденствия, богатства. Новогодние поздравления „*Viel Glück zum Jahreswechsel*” сопровождаются часто изображением поросёнка. Не случайно, конечно, традиционная форма денежной копилки имеет также форму поросёнка.



Национальная специфика английского слова *rig* ярко проявляется в следующих его значениях: «1) *тех.* болванка, чушка; брусок; 2) *sl* полицейский; 3) долька, ломтик (*апельсина*); 4) *ав. жарг.* аэростат заграждения» [17].

Заключение

Итак, в ходе сопоставительного описания нами была выявлена национально-культурная специфика языковых единиц «лошадь», «конь» и «свинья» в русском, английском и немецком языках. На фоне универсальных ярко выделяются специфические черты данных языковых единиц. Например, у англичан «horse», употребляясь в единственном числе, имеет собирательное значение «кавалерия, конница» (*cavalry*), а «rig» – значения «полицейский; ломтик, долька». У немцев и русских в целом восприятие *лошади* совпадает, с той лишь разницей, что в русском языке для обозначения самца и самки лошади имеются разные лексические единицы («лошадь» и «конь»), а английское «horse» и немецкое «Pferd» объединяют в себе данные значения.

При исследовании лексической единицы «свинья» также были обнаружены универсальные и национально-культурные специфические значения.

В рассматриваемых нами языках также существует множество фразеологизмов с данными языковыми единицами. Выявление национальной специфики семантики во всех её аспектах важно для более полного понимания того или иного языка и мышления народа, говорящего на нём.

Список литературы

1. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1981.
2. Абрамов Б. А. Синтаксические потенции глаголов (= опыт синтаксического описания глаголов современного немецкого языка как системы): автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1968.
3. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М.: Просвещение, 1969.
4. Прокопьева Н. Н. Словообразовательная и семантическая деривация на основе устойчивых языковых символов немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 1998.
5. Фролова В. А. Фаунонимические глаголы современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2003.
6. Юсифов Ю. Г. Зоологическая лексика азербайджанского языка (на основе орнитонимов): дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1985.
7. Солнцева Н. В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2004.
8. Галимова О. В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека: На материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004.
9. Куликов В. П. Охотничья лексика в современном немецком языке (опыт семантической и социо-функциональной стратификации): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1995.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1980.
11. Куражова И. В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007.
12. Багана Ж., Галиаскарова В. Р. Обзор исследований зоолексики и вопросов терминологии: зооним, фауноним и т. д. // Язык профессионального общения и лингвистические исследования. Сб. статей международного научно-практического семинара. – Белгород, 2010.
13. Кацитадзе Э. А. Метафоризация зоонимов в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1985.
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – Изд. 4-е, стереотип. – М., 2000.
15. Duden. Deutsches Universal Wörterbuch. A – Z / Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich – Dudenverlag, 1996.
16. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Hornby A. S., Cowie A. P. – Moscow, Oxford: Russian language Publishers, Oxford University Press, 1982.
17. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. – М.: Русский язык, 1999.



18. Cambs E. Guitarist. – London: Music Maker Publications, 1992.
19. Flaubert G. Madame Bovary. – Berlin: Rütten und Loening, 1976.
20. Harvey T., Liz G. Making an impact. – Newton Abbot, Devon: David & Charles Publishers plc, 1989.
21. Vine B. King Solomon's carpet. – London: Penguin Group, 1992.

FAUNA LEXIS IN THE SYSTEM OF LANGUAGE AND ITS NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY (ON THE MATERIAL OF LEXICAL UNITS "HORSE", "PIG" IN THE RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES)

J. Baghana
Y. S. Mikhailova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
baghana@yandex.ru
mikhailova@83.mail.ru*

The article deals with the problem of determination of the notion fauna lexis, comparison of opinions of native and foreign scientists on this question. The analysis of lexical units carried out to expose the national cultural specificity showed that they have some common and differential features.

Key words: fauna lexis, zoolexis, animal kingdom, national-cultural specificity, lexical unit, semantics.



УДК 800.55

ВРЕМЕННЫЕ МАРКЕРЫ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВОЙ ФОРМЫ «ПОВЕСТВОВАНИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

М. Г. Бахтиозина

*Московский
государственный
Университет
им. М. В. Ломоносова*

*e-mail:
marbakh@mail.ru*

В статье рассматривается вопрос необходимости анализа средств субъективной модальности даже на тех отрезках текста художественного произведения, которые представляют наиболее объективные факты. Особого внимания заслуживают способы выражения времени в композиционно-речевой форме «повествование», пример которой подтверждает особые оценочные значения, приобретаемые в тексте.

Ключевые слова: композиционно-речевая форма, повествование, временные маркеры, модальность, авторская речевая партия, последовательность, вневременное настоящее, перфект.

Изучение любого речевого произведения с точки зрения его языковых составляющих неизменно ведет исследователя к вопросу модальности. Планы прямой и косвенной оценки, реализация которых часто выражается вразличного типа воздействии на реципиента, продолжает интересовать широкий круг лингвистов. Неугасающая актуальность вопроса связана с неисчерпаемыми возможностями данной тематики, проявляющимися в многообразии и многоуровневости средств языка, а также в их способности выступать в бесконечном количестве уникальных комбинаций и приобретать новые значения в зависимости от целевой установки производителя речи.

Разноплановое и разноуровневое выражение авторской позиции в тексте литературно-художественного произведения связано с принципами художественности и образности отображения идеи автора в своей работе как в одной из форм искусства. «Искусство не только порождает, но и толкует. Оно хочет передать действительность, но, в сущности, оно вызывает иллюзию, всегда новую, всегда субъективную, по необходимости, если речь идет о творчестве» [1, с. 55]. Интересна в этом плане интерпретация читателем прямой речи автора. Последнюю можно назвать ядром художественного текста, его «направляющей», рассчитанной на прямую коммуникацию автор–читатель в цепи автор–текст–реципиент. Эту часть текста уместно обозначить как **собственно-авторская речевая партия** (в отличие от речевых партий персонажей, в том числе и рассказчика при персонифицированном способе повествования).

Во многих случаях слова автора могут занимать значительный объем, который распространяется на несколько абзацев. Некоторые художественные произведения, написанные, как правило, в жанре короткого рассказа, бывают построены только на основе прямой речи автора (например, E. Hemingway. *Avery Short Story; On the American Dead in Spain*). Также наблюдается обратная тенденция, т. е. построение преимущественно на прямой речи персонажа (например, O. Henry. *The City of Dreadful Night; The Hand that Riles the World* и пр.).

Собственно-авторская речевая партия, в зависимости от целевой установки писателя, состоит из повествования о ходе событий, различного рода комментариев, лирических отступлений от непосредственной сюжетной линии, описаний. Эти части авторской речи отражены в тексте в соответствующей композиционно-речевой форме: повествование (сообщение), описание, извещение, побуждение, рассуждение — или ее подтипе. Каждая из них раскрывает два компонента **субъективно-модального плана**. **Первый** вводит в текст прямую авторскую оценку, которая реализуется как отношение автора к художественной действительности, созданной им в конкретном произведении. **Второй** — план косвенной оценки. Он выражает мировоззрение писателя, его миропонимание, существующее независимо от конкретных описываемых событий. Оба плана, будучи, как было отмечено, насыщенными авторской оценкой, тес-

но связаны с категорией модальности, ярко выявляющейся в них. В. В. Виноградовым отмечено широкое поле модальных значений: значения желаяния, намерения, изъявление воли, ирреальности, уступки, обобщения, заключения и пр. Особое внимание обращает на себя эмоционально-экспрессивный план модальности, выделенный В. В. Виноградовым.

По определению О. С. Ахмановой модальность — это «понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности, выражающаяся различными лексическими и грамматическими средствами [3, с. 245]. Грамматические средства, передающие, в отличие от лексических, наиболее обобщенные характеристики класса слов играют при этом далеко не последнюю роль. Их контекстное употребление, наполняемое смыслом, способно передавать завуалированные модальные значения. Особенно это актуально в той части художественного текста, которая по своему назначению не предназначена быть открыто эмоционально-оценочной. В данном случае речь идет о композиционно-речевой форме **повествование** (в терминологии многих авторов, например, М. П. Брандес, обозначается сообщением). Ее основная функция заключается в передаче последовательности событий в соответствии с логикой замысла автора.

Не всегда яркий рисунок модального плана данной композиционно-речевой формы по сравнению с другими, предельно насыщенными (описание, рассуждение и пр.), отнюдь не лишает ее средств оценки. Таковыми являются, прежде всего, средства отражения динамики действия, своеобразные временные маркеры.

Композиционно-речевая форма «повествование» в собственно-авторской речевой партии является базой художественного текста. Ее функция состоит в изображении развития художественных действий, то есть в том, без чего было бы невозможно сюжетодвижение. Автора часто называют «повествователем», о событиях «повествуют»; термин «повествовательная перспектива» также широко распространен в теоретических исследованиях. Без сомнений, повествование, являясь движущей силой, представляет непосредственную реализацию идеи. «Повествование можно считать главной, основной частью авторской монологической речи. Повествование, рассказ — сущность, душа литературы. Писатель — это прежде всего рассказчик, человек, умеющий интересно, захватывающе рассказывать... Стилистические функции повествования разнообразны, связаны с индивидуальным стилем, жанром, предметом изображения. Повествование может быть более или менее объективным, пронизанным авторскими эмоциями» [8, с. 143 – 144].

Повествование как композиционно-речевая форма, распространяет свои функции на текст в целом. Последовательность действий и факты при этом передаются в сюжетном времени, которое характеризуется, в основном, временем персонажей, то есть прошедшим. Соответствующие ему формы в английском языке — простого, длительного и совершенного прошедшего выполняют функции, свойственные им в художественном тексте. Например: *In July he was ordered abroad, and their tenderness and desire reached a crescendo. Paula considered a last-minute marriage — decided against it only because there were always cocktails on his breath now, but the parting itself made her physically ill with grief. After his departure she wrote him long letters of regret for the days of love they had missed by waiting. In August Anson's plane slipped down into the North Sea. He was pulled onto a destroyer after a night in the water and sent to hospital with pneumonia; the armistice was signed before he was finally sent home* (9, P. 105).

В данном смысловом отрезке текста автором дается последовательное изложение событий, которые охватывают значительный период времени. Линейность развития событий в прошлом достигается использованием изъявительного наклонения временных форм простого прошедшего глаголов, которые располагаются в тексте одиночно или группами в повествовательных предложениях в последовательности: *was ordered, reached, decided, were, made, wrote, slipped down, was pulled, was sent, was signed, was sent*. Временной упорядоченности способствуют временные ориентиры



(спецификаторы) — существительные, называющие месяц: *July, Augusta* также союз *after*, лексико-синтаксический темпоральный показатель модальности. «Эпическая функция обстоятельств времени и места в сочетании с их функцией актуализации художественного текста, во многом обеспечивая линейность, динамичность, последовательность продвижения повествования, конструирует взаимосвязи, взаимоотношения объективной действительности» [7, с. 65].

Однако обращает на себя внимание лексико-грамматический спецификатор *now*, находящийся в центре цепи последовательно расположенных форм прошедшего. Созданный контраст служит дополнением, интенсифицирующим модальный план временных отношений. Прошлое перемещается на позицию настоящего, что способствует конструированию эффекта достоверности. Здесь становится очевидным, что глагольные формы указывают на *время*, а спецификаторы могут определять не только эпическую структуру, как в случаях вышеназванных, а также и признаки, и особые свойства этого времени. Цепь последовательного повествования прерывает совершенная форма глагола *miss*: *After his departure she wrote him long letters of regret for the days of they had missed by waiting.*

Возвращая читателя к этому действию, автор придает ему значимость. Глагольная форма *had missed* не просто передает грамматическое значение предшествования, а обращает внимание на переживания персонажа во время событий, о которых повествует автор в предыдущих предложениях. Кроме того, данное предложение служит границей, разделяющей диктему на две составляющие.

Повествование иногда включает в себя временные формы настоящего (простого и длительного), которые комбинируют в своем значении выражение сюжетного времени, прошлого действующих лиц, и повествовательного времени — настоящего автора. Такое явление может рассматриваться как одно из наиболее ярких средств языковой реализации субъективной модальности, привлекающее внимание читателя. Например: *Bill turns and sees the boy, and loses his complexion and sits down plump on the ground and begins to pluck aimlessly at grass and little sticks. For an hour I was afraid of his mind. And then I told him that my scheme was to put the whole job through immediately and that we would get the ransom and be off with it by midnight if the old Dorset fell in with our proposition* (10, P. 204).

Первая диктема предложенного текстового отрезка содержит глаголы-сказуемые: *turns, sees, loses, sits down, begins*, которые передают последовательные действия, имевшие место в прошлом, с помощью глагольной формы настоящего. Им контрастируют глаголы, описывающие состояние и передающие дальнейшие действия рассказчика: *was afraid, told, was to put, would get, would be off fell in with*. Напряженность действия достигается использованием пяти однородных сказуемых, соединенных четырехкратным повтором союза *and*, который в данном конкретном случае также является лексико-синтаксическим средством авторской модальности. И. В. Арнольд называет употребление видовременных форм настоящего в тексте на тех отрезках, где по логике должно быть прошедшее, «настоящим драматическим». «Настоящее драматическое» создает своего рода художественную иллюзию — о прошлом рассказывается как будто оно разворачивается перед глазами читателя» [2, с. 154].

Таким образом, важнейшее место в композиционно-речевой форме «повествование» отводится глаголу и находящимся контактно с ним временным спецификаторам. Языковыми показателями субъективной модальности признаются формы глагола, получающие отличительные характеристики в речевой партии автора. Наряду со способностью выявлять развитие действия в прошлом, настоящем или будущем они могут выделять наиболее значимую информацию с помощью указанных форм настоящего, которые, как известно, не являются нормой при передаче сюжетного времени, а также формы перфекта, так как с ее помощью автор возвращает читателя к событиям в прошлом персонажей, также имеющих значение для дальнейшего повествования, описания, рассуждения, объяснения и побуждения.

Более объемным вопрос модальности представляется при рассмотрении и содержания, вложенного в сообщение с точки зрения выражения, и содержания с точки зрения восприятия. Другими словами, важно не только то, что создается определенный модальный рисунок речевого произведения, а то, что само это произведение создано с намерением быть прочитанным, а, значит, получить своеобразную оценку переданной информации. Становится очевидным, что в сообщении изначально заложена потенциальная реакция на модальную установку.

Таким образом, роль интерпретации модального плана должна по возможности быть учтена при изучении средств модальности как один из аспектов реализации коммуникативной функции языка. Примером тому также служит применение автором и интерпретация реципиентом специфических глагольных форм длительного аспекта и перфекта, свойственных английскому языку, не имеющих аналогов во многих других языках, также и в русском. «Означающее, по мнению ученых, может и должно рассматриваться как опыт, модулируемый посредством языковой (или семиотической) структуры. Это значит, что языковое содержание неразрывно связано с действительностью, со знанием человека об этой действительности и с отражением действительности в сознании человека (опытом) [6, с. 54].

Вопросы модальности требуют разъяснения и анализа. Скрытые черты, как правило, являются сигналами особенности структуры и способов выразительных средств языка. Данная тема также позволяет применить актуальный сегодня комплексный подход и интегрировать в подобном исследовании знания, относящиеся к разным областям. Философия, логика, психология, литературоведение, культурология, — все эти и, возможно, другие науки могут внести вклад в синтез и разработку идей многоаспектного и многостороннего вопроса модальности.

Список литературы

1. Арнаудов М. Психология литературного творчества. М.: Прогресс, 1970. – С. 55.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М.: Прогресс, 1990. – С. 154.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. – С. 245.
4. Брандес М. П. Стилистический анализ. М., 1971.
5. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.
6. Вишнякова О. Д. Языковой знак как предмет семиотической концептологии. Тула: Изд-во ТГУПУ им. Л. Н. Толстого, 2008. – С. 54.
7. Котоянц С. В. Эпическая функция обстоятельств времени и места в структуре художественного текста (жанр рассказа) // Грамматические структуры и их семантика и практика. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 408. М., 1993. – С. 50 – 67.
8. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. М.: URSS, 2007. – С. 143 – 144.
9. Fitzgerald F. S. Selected Short Stories. М.: Progress Publishers, 1979. – 105 p.
10. Henry O. Selected Stories. М.: Progress Publishers, 1971. – 204 p.

TEMPORAL MARKERS OF SUBJECTIVE MODALITY OF THE COMPOSITIONAL VERBAL FORM “NARRATION” (IN ENGLISH)

M. G. Bakhtiozina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
marbakh@mail.ru*

The article observes the necessity of modality analysis, which should be undertaken at all parts of fiction text composition. Even parts expected to reveal minimum modality being represented most objectively, show various means of author's estimation. The best example serves compositional form “narration”, as it can demonstrate unique contextual use of grammatical forms expressing time relations (simple, continuous and perfect).

Key words: composition-speech form, narration, modality, time markers, author's speech, sequence, present, perfect.



УДК 811.112.2'1

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА КОНЦЕПТА «ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО НОВОСТНОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА)

Д. А. Бородько*Пятигорский
государственный
лингвистический
университет**e-mail:
borodko-d@yandex.ru*

Раскрываются структура и содержание когнитивного концепта «Вооруженный конфликт», представленного в немецкоязычном новостном интернет-дискурсе. Внимание сосредоточено на выделении и характеристике смысловых областей данного концепта и их структурных элементов. Описываются базовые фреймы, лежащие в основе понимания и интерпретации смысловых областей.

Ключевые слова: концепт, дискурс, фрейм, элементы фрейма, смысловая область, структурный элемент.

Новостные сообщения о разного рода акциях в рамках вооруженного конфликта можно рассматривать как дискурсивную репрезентацию концепта «Вооруженный конфликт» и составляющих его смысловых областей.

Самым тесным образом с интерпретацией когнитивного концепта и раскрытия его сути связано понятие фрейма. Под фреймом Ч. Филмор [6, с. 54] понимает особые конструкции знания и схематизации опыта, которые определяют, мотивируют и структурируют группы слов, таким образом, объединяя их. И. Гофман [4, с. 81 – 83] говорит о том, что человек при распознавании любых событий вкладывает в восприятие одну или несколько систем фреймов, т. е. схем интерпретаций. Мы будем понимать фрейм как инструмент для осмысления концепта, выделения его структуры и понимания содержания.

Материалом анализа выступили 2 500 новостных текстов на немецком языке, повествующие о вооруженном конфликте, преимущественно средней продолжительности объемом 2 500 – 3 000 печатных знаков, собранные методом сплошной выборки из авторитетных немецкоязычных информационных Интернет-порталов. Хронологически тексты охватывают временной период с 2006 по 2011 годы.

Новостной Интернет-дискурс, посвященный вооруженным конфликтам по всему миру, имеет широкий спектр тем. К ним относятся ведение боевых действий, теракты, борьба с террористическими группами и организациями, помощь немецких войск армиям других стран, обучение армий, жертвы и пострадавшие с обеих сторон, нападения, вооруженные столкновения, восстания, контрабанда оружия, и т. д.

Для определения того, какие смысловые области присутствуют в концепте «Вооруженный конфликт» и каков их удельный семантический вес, мы провели типизацию и подсчет основных новостных поводов в рассматриваемом нами массиве статей. Данные информационные поводы отражают релевантность информационных событий для Интернет-аудитории, и во многом отражают сущность и протекание вооруженных конфликтов.

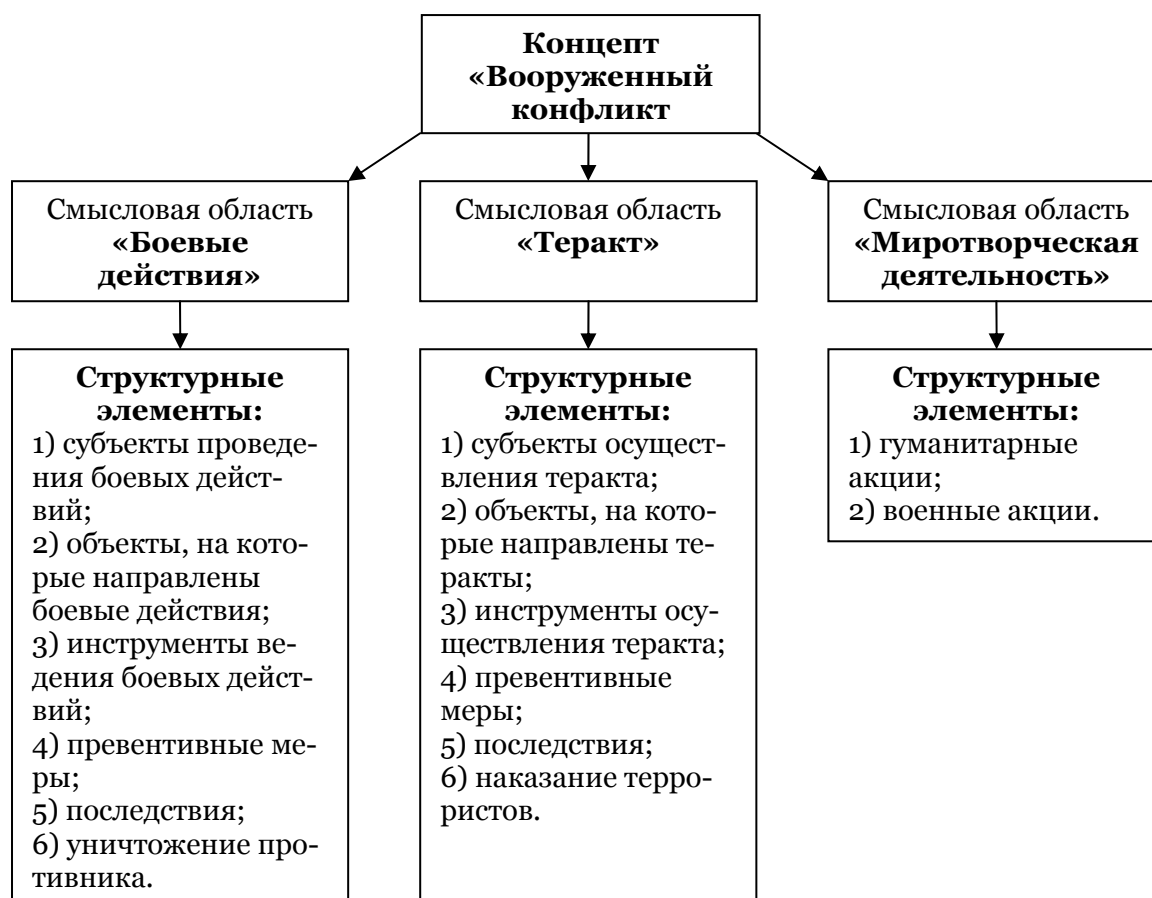
Мы исходили из того, что тематически укрупненная группа новостных поводов может содержательно отражать смысловую область концепта и напрямую коррелировать с ее удельным семантическим весом. То есть, чем больше новостных поводов по определенной тематике (боевые действия, теракт и т. д.), тем больший удельный семантический вес имеет данная смысловая область в рамках концепта вооруженный конфликт.

Анализ материала показал, что среди основных информационных поводов освещения конфликтов выступают такие события как, теракт, боевые действия и миротворческая деятельность. Эти события во многом отражают ход протекания воору-

женных конфликтов, и раскрывают смысловые области когнитивного концепта «Вооруженный конфликт».

Каждая смысловая область концепта, в свою очередь, имеет собственную структуру, и состоит из ряда более мелких смысловых единиц, раскрывающих ее содержательно. Данные единицы мы будем рассматривать как структурные элементы смысловой области концепта.

Схематично когнитивный концепт «Вооруженный конфликт» с тремя основными смысловыми областями «Боевые действия», «Теракт» и «Миротворческая деятельность», а также их структурными элементами, можно представить следующим образом:



Рассмотрим каждую из трех смысловых областей и ее структурные элементы более подробно.

Самой крупной смысловой области концепта является область «Боевые действия». Презентация и описание боевых действий в немецких новостных текстах составляет 57 % от общего числа рассмотренных текстов. Такое процентное соотношение не удивительно, так как сами боевые действия выступают как основная форма противостояния враждующих сторон в ходе вооруженного конфликта. Они преследуют своей целью решение политических, экономических и социальных вопросов, передел сфер и зон влияния, отстаивание и продвижение собственных интересов определенными группировками.

Содержание смысловой области «Боевые действия», раскрывается с помощью ее шести основных структурных элементов, которые мы назвали, как: 1) субъекты проведения боевых действий; 2) объекты, на которые направлены боевые действия; 3) инструменты ведения боевых действий; 4) превентивные меры; 5) последствия; 6) уничтожение противника.



Под субъектами выполнения действий понимаются участники боевых действий. Среди законных вооруженных формирований в текстах представлены солдаты и силы безопасности, например, *Soldaten, Sicherheitskräfte*. Среди незаконных вооруженных формирований в текстах представлены такие мятежнические группы, как *Kämpfer der Shebab-Miliz, El-Kaida-Zelle Hanaks*.

Сами актанты боевых действий обозначаются в дискурсе семантически положительно, нейтрально или отрицательно. Например, в группу с положительной семантикой включены лексемы *Spezialkräfte, Elitesoldaten*, в группу с нейтральной семантикой – *Verdächtigen, Aufständischen*, а к группе с отрицательной семантикой – *Waffenhändler, Angreifer*.

Объектами боевых действий в большинстве случаев являются вооруженные силы, действующие на законных основаниях, а когда речь идет об антитеррористических акциях, то мятежники. Нами были выделены две группы – войска, например, *die Soldaten standen unter Beschuss* и мятежники – *die Aufständischen unter Kanonenfeuer nehmen*.

Средства и методы ведения боевых действий, использованные при проведении вооруженных конфликтов, образуют еще один элемент области «Боевые действия». Данный элемент образуется несколькими тематическими смысловыми группами. Например, огнестрельное оружие, в которую входят различные виды оружия, используемые при проведении боевых действий, марки огнестрельного оружия, находящиеся на вооружении у армий, а также используемые повстанцами типы оружия (*Sturmgewehr, Handfeuerwaffe*); холодное оружие, в которую входят различные металлические и остро заточенные средства для нападения (*Machete, Messer*); оружие массового поражения, которую составляют ракеты различного назначения и дальности действия, а также устройства и механизмы, предназначенные для их запуска (*Streubombe, Gradrakete*); спецсредства, используемые при ведении боевых действий и для получения преимущества над противником в плохих погодных или ночных условиях (*Schutzweste, Tränengas*), военная техника, к которой относятся различные устройства для транспортировки военных, грузов, оружия, взрывчатых веществ, для нанесения ударов с использованием огнестрельного оружия, ракет ближнего и дальнего действия, беспилотные устройства для слежения за противником и разведки, танки, самолеты, вертолеты (*Panzer, Kampffjet*); устаревшие типы оружия, которые не используются регулярными армиями в ходе ведения боевых действий (*Bogen, Knüppel*).

Одной из первостепенных задач законных вооруженных формирований являются превентивные меры, т. е. улаживание конфликта путем недопущения вооруженных столкновений, урегулирование разногласий и оказание сопротивления повстанческим группировкам и мятежникам. Среди «превентивных мер боевых действий» были представлены такие акции, как: оцепление, наступление, облавы, подключение войск ООН, патрулирование, усиление войск, меры предосторожности.

Последствия вооруженных конфликтов, рассматриваемых в немецких новостных текстах, можно разделить на две группы: последствия для мирного населения (*жертвы, беженцы*) и последствия для государства и власти (*потеря солдат*). Действиями со стороны армии, ведущими к ответственности, которую несут преступники за противоправные действия, выступает арест мятежников.

Уничтожение противников является итогом ведения боевых действий для незаконных вооруженных формирований (*потери в рядах незаконных вооруженных формирований*).

Все элементы рассмотренной нами смысловой области «Боевые действия» имеют общие основы понимания, толкования и интерпретации. Основным инструментом этих когнитивных процедур выступает фрейм «Противоборство», включающий в себя два основных элемента, которые мы назвали «Свои» и «Чужие». Элемент «Свои», выступающий как субъект, так и как объект действий во фрейме, выражает прагматически положительное отношение автора и эмпатию читателя. Под «Своими»

в дискурсе понимаются законные вооруженные формирования, правительство, органы правопорядка. Элемент «Чужие» выражает прагматически негативное отношение к субъекту или объекту действий. В качестве такого элемента фрейма выступают незаконные вооруженные формирования и мятежники.

В следующем примере можно проследить элементы фрейма «Противоборство»:

Mehr als 200 militante Taliban haben einen Grenzposten der pakistanischen Polizei in Shaltalu im Bezirk Dir gestürmt. Wie die Polizei mitteilte, starben bei dem Angriff am Mittwoch an der afghanischen Grenze im Nordwesten Pakistans mindestens 23 Polizisten und fünf Zivilisten. Die Angreifer feuerten nach Angaben der Polizei Mörsergranaten auf den Grenzposten. Einige Granatensplitter landeten auch auf nahe gelegenen Häusern von Zivilisten. Fünf Unbeteiligte starben, darunter zwei Frauen. Die Kämpfe dauerten auch am Donnerstagmorgen noch an, nachdem das pakistanische Militär Verstärkung geschickt hat (2).

В данном примере говорится о противоборстве полицейских и Талибана. В качестве элемента «Свои» выступают полицейские, защищающие пограничный пост (*Grenzposten der pakistanischen Polizei*), а в качестве «Чужих» - силы Талибана (*mehr als 200 militante Taliban*). Фрейм «Противоборство» реализуется в ходе конфронтации сторон (*die Angreifer feuerten Mörsergranaten auf den Grenzposten*), а также ведения вооруженных боев (*die Kämpfe dauerten am Donnerstagmorgen noch an*).

Следующей крупной смысловой областью концепта вооруженный конфликт является область «Теракт». В зонах вооруженных конфликтов теракты практически всегда приковывают к себе внимание средств массовой информации. Теракты преследуют своей целью дестабилизацию обстановки, стремятся посеять панику и ужас среди мирного населения и нанести материальный и моральный урон стороне, противодействующей экстремизму. Презентация и описание терактов в немецких новостных текстах, вошедших в наше исследование, составляет 32% от общего количества рассмотренных новостных текстов. При сплошной выборке мы учитывали статьи, освещавшие только теракты в зоне вооруженного конфликта и в контексте противоборствующих сторон. Данная смысловая группа довольно обширна, так как теракт выступает одним из основных средств сопротивления вооруженных незаконных формирований и радикальной оппозиции.

В смысловой области «Теракт» также были выделены шесть структурных элементов, раскрывающих ее содержание. К ним относятся: 1) субъекты осуществления теракта; 2) объекты, на которые направлены теракты; 3) инструменты осуществления теракта; 4) превентивные меры; 5) последствия; 6) наказание террористов.

К субъектам осуществления теракта были отнесены непосредственные организаторы и исполнители, то есть группа незаконных вооруженных формирований (*Terrornetz al-Qaida, Hisbollah*) и отдельных экстремистов (*Extremisten, Massenmörder*). Наименования лиц, представленных в новостных текстах и являющихся организаторами и исполнителями терактов (актантами), практически всегда несут отрицательную модальную оценочную нагрузку, например, *Hintermann, Drahtzieher*.

Объектом действий при проведении и подготовке терактов являются, как правило, военные, мирное население, которые становятся жертвами терактов, и государственные учреждения. Среди жертв теракта были выделены такие группы, как гражданское население (*Zivilisten, Unbeteiligte*), военные (*Armeekonvoi*) и государственные учреждения (*Präsidentenpalast*).

Среди средств и методов подготовки и проведения терактов, осуществляемых в рамках вооруженных конфликтов, были выделены: взрывчатые вещества и боеприпасы (*Sprengsatz, Bombe*) и западни / ловушки (*Sprengfalle, Hinterhalt*).

Структурный элемент «превентивные меры» схож с тем, который мы выявили в смысловой области «Боевые действия». Он также состоит из описания таких акций, как: облавы, инспекции, остановку контрабанды оружия и препятствие действиям экстремистов.



Последствия терактов затрагивают мирное население (*жертвы среди мирного населения*) и государство и власть (*потеря контроля*).

Наказанием, которое могут понести участники совершения террористического акта, является уничтожение террористов.

В основе понимания смысловой области «Теракт» так же, как и в смысловой области «Боевые действия», находится фрейм «Противоборство», основными элементами которого так же являются «Свои» и «Чужие». Под «Своими» мы в данной смысловой области понимаем законные вооруженные формирования, стремящиеся предотвратить совершение терактов. «Чужими» выступают незаконные вооруженные формирования, целью которых является атака в форме теракта на войска, патрули, посты, государственные учреждения.

Следующий пример демонстрирует указанные элементы фрейма «Противоборство»:

Die Angreifer schlagen tief in der Nacht zu. Sie zünden um 3.20 Uhr in Kundus eine Autobombe vor dem Gebäude einer amerikanischen Hilfsorganisation. Dann stürmen sechs Bewaffnete in das Quartier. Im Erdgeschoss versuchen Wachleute die Angreifer zu stoppen und eröffnen das Feuer. Sie erschießen die Terroristen. Aber auch ein deutscher Söldner wird schwer verwundet. Eine Kugel trifft ihn in den Bauch (3).

В данном примере говорится о противоборстве наемных солдат и террористов. В качестве элемента «Свои» выступают постовые (*Wachleute versuchen die Angreifer zu stoppen*), а в качестве чужих – нападающие (*Die Angreifer schlagen tief in der Nacht zu*). Фрейм «Противоборство» реализуется в ходе ведения огнестрельного боя (*Die Angreifer zünden eine Autobombe. Wachleute eröffnen das Feuer. Sie erschießen die Terroristen*).

Последней основной смысловой областью концепта «Вооруженный конфликт» выступает миротворческая деятельность, которая служит важным информационным поводом презентации вооруженного конфликта в дискурсе. Подобная деятельность происходит, как правило, при участии государств, напрямую не вовлеченных в конфликт, а также при участии различных международных миротворческих организаций и движений. Всю миротворческую деятельность в рамках описываемого нами материала можно хронологически разделить на два этапа: во время проведения боевых действий и по их завершению. Она включает в себя два структурных элемента: гуманитарные акции (*гуманитарная и медицинская помощь местному населению, помощь беженцам в размещении и питании и т. д.*) и военные акции (*ввод миротворческих войск, урегулирование положения при помощи миротворческих войск, обучение внутренних войск и полиции*). Описание миротворческой деятельности составляет 11% от общего числа текстов.

В основе толкования такой смысловой области концепта «Вооруженный конфликт», как «Миротворческая деятельность» находится фрейм «Помощь». Данный фрейм состоит из элементов «Свои» и «Свои», которые выступают как субъекты и объекты действий. Преимущественно субъектами действий «Своими» оказываются миротворческие войска и международные гуманитарные организации, оказывающие помощь, т. е. субъекты помощи. Объектами помощи «Своими» называются мирное население, беженцы, правительственные структуры и органы правопорядка.

Um die humanitäre Hilfe für Libyen zu unterstützen, haben die Niederlande 100 Millionen Euro aus eingefrorenen libyschen Geldern freigegeben. Mit dem Geld sollen Medikamente für die Bevölkerung in Libyen finanziert werden, sagte Außenminister Uri Rosenthal... Der Weltgesundheitsorganisation zufolge fehlt es in den libyschen Kampfgebieten vor allem an Medikamenten zur Behandlung von Diabetes und Herzkrankheiten sowie Nachschub für chirurgische Eingriffe (1).

В данном примере говорится о гуманитарной помощи, которую Голландия оказывает Ливии. В качестве субъекта действий «Свои» выступает всемирная ассоциация здравоохранения (*Weltgesundheitsorganisation*), а в качестве объекта действий

«Свои» – ливийские районы боевых действий (*libysche Kampfgebiete*). Фрейм «Помощь» реализуется в ходе оказания субъектом действий помощи объекту действий (*die Niederlande haben 100 Millionen Euro freigegeben. Mit dem Geld sollen Medikamente für die Bevölkerung in Libyen finanziert werden*).

Следует подвести итоги сказанному. Целью данной статьи явилось раскрытие структуры и содержания когнитивного концепта «Вооруженный конфликт». Анализ материала показал, что основными информационными поводами новостных сообщений из зон вооруженных конфликтов являются такие события, как боевые действия, теракты и миротворческая деятельность. Данные укрупненные группы новостных поводов отражают релевантность информационных событий для Интернет-аудитории, и во многом отражают сущность и протекание вооруженных конфликтов, что дает нам право считать их репрезентацией одноименных основных смысловых областей концепта «Вооруженный конфликт».

Каждая смысловая область включает в себя по несколько структурных элементов, единиц более мелкого порядка, которые ее характеризуют и раскрывают содержание.

Смысловые области «Боевые действия» и «Теракт» имеют по шесть структурных элементов каждая, отражая субъекты, объекты, инструменты проведения боевых действий и терактов, превентивные меры, последствия и наказание противников. Данные области имеют очень схожую структуру, отражающую противостояние «Своих» и «Чужих». В основе понимания и интерпретации данных смысловых областей лежит базовый фрейм «Противоборство», основными элементами которого и являются элементы «Свои» и «Чужие», а сам фрейм применим к тем описываемым ситуациям в ходе вооруженного конфликта, где имеет место открытая конфронтация сторон.

Смысловая область «Миротворческая деятельность» включает в себя два структурных элемента – гуманитарные акции и военные акции, а в основе ее понимания и толкования находится базовый фрейм «Помощь». Его основными элементами выступают «Свои» и «Свои», сам же фрейм «Помощь» реализуется применительно к описываемым событиям, в ходе которых оказывается помощь субъектом действий объекту действий.

Список литературы

1. Gadhafi lässt Kurzstreckenrakete auf Brega schießen // ZEIT ONLINE. URL: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2011-08/libyen-gadhafi-srud-raketen/seite-2> (дата обращения: 10.09.2011).
2. Taliban töten 28 Menschen an pakistanischem Grenzposten // ZEIT ONLINE. URL: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2011-06/pakistan-taliban-anschlag> (дата обращения: 20.06.2011).
3. Was wird aus Afghanistan ohne Söldner? // ZEIT ONLINE. URL: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2010-08/afghanistan-soeldner> (дата обращения: 02.10.2010).
4. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
5. Кунина М. Н. Когнитивно-прагматические характеристики террористического дискурса // дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2001. – 172 с.
6. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М., 1988. – С. 52 – 92.

Список источников

1. <http://www.dw-world.de/>
2. <http://www.focus.de/>
3. <http://www.spiegel.de/>
4. <http://www.tagesschau.de/>
5. <http://www.welt.de/>
6. <http://www.zeit.de/>



STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF "ARMED CONFLICT" CONCEPT (ON THE BASIS OF INTERNET-DISOURSE IN GERMAN-LANGUAGE MASS MEDIA)

D. A. Borodko

*Pyatigorsk
State
Linguistic
University*

*e-mail:
borodko-d@yandex.ru*

The article suggests the structural and semantic research of cognitive concept "Armed conflict" in German-language Internet discourse. Special attention is focused on the semantic fields of this concept, the characteristics and structural elements of these fields. The article describes the basic frames used for understanding and interpretation of semantic fields.

Key words: concept, discourse, frame, frame elements, semantic field, structural element.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУГГЕСТИВНОСТИ ТЕКСТОВ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

А. Е. Воробьева

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
vorobyova@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются некоторые лингвистические и макролингвистические репрезентанты речевого воздействия в текстах электронной коммерческой корреспонденции, выражающие имплицитный замысел, заложенный в информативных характеристиках текста.

Ключевые слова: суггестивность, электронные коммерческие письма, имплицитный замысел.

В условиях постоянно расширяющихся деловых контактов, а также развития глобальных коммуникационных технологий (использование факсимильных сообщений, электронной почты, спутниковой связи и др.), изучение электронной деловой корреспонденции, которая все чаще используется в качестве коммуникации на международном уровне, закономерно привлекает к себе живой интерес.

Цели и задачи деловых отношений, как известно, не ограничиваются лишь констатацией фактов, важно с помощью логики и убедительной аргументации подвести адресата к выполнению желаемого для адресанта действия. В этой связи особое значение приобретают вопросы речевого воздействия. В фокус научной парадигмы закономерно перемещаются проблемы языковой личности, использования языка как оптимального способа выражения ментальной деятельности и эффективного средства влияния на когнитивную систему реципиента.

Целью данной статьи является выявление набора стратегий и тактик, реализующих волюнтаривную функцию (Р. Якобсон, Г. Клаус и др.), или функцию воздействия, в текстах электронной коммерческой корреспонденции, и их языковые репрезентанты.

Стоит отметить, что само понятие «речевое воздействие» было введено в научный обиход в начале 1970-х гг. группой психолингвистов при Институте языкознания АН СССР. Речевое воздействие – это диффузное явление, распространяющееся на три основных компонента речевой коммуникации – адресанта, воздействующий текст и адресата. Начальный и конечный элементы речевого воздействия охватывают структуры сознания коммуникантов в виде интенциональных смысловых структур адресанта и трансформированных смысловых структур адресата. Промежуточное звено коммуникации, воздействующий текст, отражает намерения адресанта в языковой форме, а именно в виде комплекса лингвистических средств убеждения, внушения и побуждения.

В рамках данной статьи исследование речевого воздействия проводится в ракурсе суггестивности текстов электронной коммерческой корреспонденции, предполагающей воздействие на подсознание реципиента посредством специфически маркированных компонентов и структур текста, которые в свою очередь косвенно, через бессознательное, способствуют реализации целеустановки адресанта. Суггестивность проявляется на уровне графики, орфографии, синтаксиса, лексики, словообразования, а также на макролингвистическом уровне: в категории персональности, в плотности информации, в структурно-композиционной организации текста и его стилевых особенностях.

Рассмотрим некоторые лингвистические репрезентанты суггестивности текстов электронной коммерческой корреспонденции.

Известно, что в случае восприятия печатного текста первичным оценочным критерием является его внешняя форма, т. е. графическая оболочка, которая способ-



ствуется процессу речевосприятия и декодирования речевого высказывания с самого первого момента перцепции. В связи с этим характер визуальной репрезентации печатного текста считается неотъемлемой частью целостного впечатления о произведении и является своеобразным фактором регуляции восприятия текста. Это имеет особое значение в деловой и коммерческой корреспонденции, предполагающей более углубленный подход к процессу коммуникации. Чтобы заслужить высокий деловой авторитет, расположить к себе партнеров по бизнесу и добиться коммерческого успеха, необходимо обладать коммуникативной привлекательностью и грамотностью. Графическое оформление электронных деловых писем является эстетически окрашенным способом передачи смысла печатного текста и имплицитно помогает реципиенту в стадии визуальной перцепции декодировать этот смысл и выделить наиболее релевантную информацию. Обратимся к примеру фактического материала.

Sehr geherte Damen und Herren,

In Vorbereitung unseres Arbeitsbesuchs in Belgorod sollten folgende vorbereitenden Arbeiten durch die Mitarbeiter von X bereits durchgeführt werden. Die Vorgehensweise wurde mit Frau Y bei Ihrem Besuch in Hannover bereits besprochen:

1. Klassifizierung der Kunden nach der 80/20 Regel

Das heißt: Sortierung, mit welchen Kunden wird welcher Umsatz erreicht. (Normalerweise sind es etwa 20% der Kunden mit denen man etwa 80% des Gesamtumsatzes macht.)

Weiterarbeit erfolgt nur mit diesen Kunden, die 80 % des Umsatzes machen!!!

2. Analyse nach Erfassungsbogen für Kunden.

Wichtig ist dabei: Segment (Marktsegmente können von Euch festgelegt werden. Anhaltspunkte gibt dafür das Blatt "Marktsegmente". Ihr könnt aber auch anders zusammenfassen.

3. Einschätzung des wertmäßigen Kundenpotenzials in Rubel und in Euro und des von X erreichbaren Potenzials.

4. Festlegungen des Produktsegments

5. Zusammenfassung

- nach Blatt Marktsegmente*
- welche Produkte/ Serien*

Es ist unbedingt notwendig, dass mit den Arbeiten begonnen wird bevor wir nach Belgorod kommen.

Mit freundlichen Grüßen,

Klinzing

Графическая характеристика данного письма является маркированной. С точки зрения абзачного членения, текст построен по логическому принципу, благодаря чему содержание усваивается быстро. Пробел также играет важную роль, являясь своеобразным сигналом перехода от одной темы к другой и акцентируя внимание на новой информации. Используя соответствующую гарнитуру шрифта (полужирный шрифт), адресант подчеркивает функцию важности отдельных моментов. Кроме того, вынося отдельным пунктом с нумерацией каждое положение, автор письма не только стремится облегчить реципиенту восприятие информации и способствовать тем самым эффективному выполнению адресатом заданных установок, но и имплицитно демонстрирует свою организованность, рациональность, серьезность и стремление к упорядоченности.

Другими лингвистическими маркерами суггестивности текстов электронной коммерческой корреспонденции выступают специфические элементы орфографии и синтаксиса. Анализ фактического материала показывает, что в условиях либерализации языка электронного делового общения и смешения стилевых пропорций, в текстах «бизнес E-mail» нередко регистрируется намеренная орфографическая деформа-

ция слов: «*As we have found out at the russian manufacturers of the labels we can buy those without inner circle...*» или

«*Dear Inna,*

we have made some manual tests with your labels and I have discussed the situation with my colleagues again. ...». Это, очевидно, призвано подчеркнуть общение с адресатом в режиме диалога и, как говорится, «без галстуков». В плане синтаксиса вызывает интерес употребление в текстах электронной коммерческой корреспонденции конструкции простого предложения, что не свойственно традиционному деловому и коммерческому письму. В лингвистической литературе говорится о том, что использование простого предложения на фоне громоздких синтаксических структур вносит в текст элемент контрастности, в результате чего простое предложение становится стилистически маркированным. Некоторые лингвисты полагают, что неожиданность употребления простого предложения служит не для дестабилизации действующих норм, а, напротив, для выделения тех частей письма, которым необходима дополнительная акцентуация. Примеры нашей выборки полностью подтверждают этот тезис:

Dear Stefan,

Please be informed that the parcel with the labels will arrive to Cologne on 01.10.2007. UPS tracking number is H741 412 1573. Could you send us the results of testing the samples as soon as possible ?

Thank you in advance.

Best regards,

Inna

Кроме того, конструкция простого предложения используется для вступления и подведения итогов в письме. Например,

Dear Stefan,

Sorry for the answer delay.

As we have found out at the russian manufacturers of the labels we can buy those without inner circle, but that's gonna increase their price considerably.

You say that you have problems only with the small labels. The only way out is to specify the dimensions so that we could substitute only these:

- Flap Wheel 90-120 (diam. 44 mm, diam. 28 mm)

- Flap Wheel 150 (diam. 58 mm, diam. 36 mm).

Thank you very much for your co-operation.

Best regards,

Inna

Как известно, лексическое наполнение текстов электронной коммерческой корреспонденции определяется коммуникативной ситуацией, конкретными характеристиками коммуникантов, совокупностью прагматических условий и интенций, сопровождающих деловое поведение. Правильный выбор языковых средств оказывает существенное влияние на взаимопонимание сторон и повышает эффективность делового общения.

К активным процессам, развернувшимся в современной деловой коммуникации в условиях мобильного обмена информацией посредством глобальной сети Интернет, следует отнести актуализацию отдельных единиц и совмещение полярных языковых начал – сугубой официальности и разговорности. Так, авторы сетевых писем в целях экономии языковых средств и передачи более четкой информации прибегают к реализации так называемого KISS-принципа (Keep It Short and Simple – придерживайтесь краткости и простоты) с использованием терминов, эллиптических кон-



струкций и сокращений, что позволяет приблизить письменную речь к устной и добиться интерактивности общения: *“BAZ hat bereits damit begonnen, die Serien KK711X, KK511X, KK524X und CK721X anzubieten.”*; *“Gedacht ist an eine Übergabe der Aufträge an Fa. Starke”*; *“We are extremely sorry about yr comments concerning our collaboration”*; *“Concerning the additions to the contract we have immy replied by fax.”*; *“May be better to send it again by DHL air courier.”*. Стоит при этом отметить, что данное проявление «разговорности» отнюдь не является признаком неуважения адресата, скорее это продиктовано, во-первых, объективными требованиями общения посредством сети Интернет, адресант экономит пространство и время, а во-вторых, стремлением автора внести некую живость в общение, изменить официоз на разговорно-доверительную тональность.

Стилистические приемы, используемые в текстах электронной коммерческой корреспонденции, представляют собой мощный речевоздействующий потенциал и призваны воздействовать на адресата путем акцентуации какой-либо мысли или факта. Анализ фактического материала показывает, что использование клишированных, приобретших характер устойчивых фраз и выражений эпитетов и метафор наиболее часто встречается в e-mail делового и коммерческого характера: *«As partner we know that our growth is linked to yours. We know that if you sell a lot, so we will do. To foster the growth in 2008 we propose to discuss at the end of the year the possibility to implement a bonus policy to reward Belgorod for the trust placed in Arjowiggins.»*. В данном фрагменте из электронного письма мы наблюдаем активное употребление таких метафор (*«our growth is linked to yours»*, *«to foster the growth in 2008»*, *«the trust placed in Arjowiggins»*), иллюстрирующих интенцию адресанта заверить адресата в желании сотрудничать и в своей благонадежности.

«I am sorry that we again seem to move one step backwards rather than forwards, but we need to take care that the machine works properly.» – метафора *«to move one step backwards rather than forwards»*.

«Diese Situation sollten wir umgehend ändern und unsere Spezialisten beauftragen, in den nächsten zwei Monaten eine umfassende Absatzstrategie und Konzeption für den russischen Markt auszuarbeiten, damit es uns gelingt, die Voraussetzung für einen Durchbruch zu schaffen.» – метафора *«die Voraussetzung für einen Durchbruch zu schaffen»*.

«We sincerely apologize for the inconvenience you met and we will check from where the problem may come.» – метафоры *«the inconvenience you met»* и *«from where the problem may come»*.

«In case the PLC board couldn't be switched on or shows no life sign, the board is not worth repairing. Pls inform us if you want to ship it back to Italy (which can be expensive) or wait for our next meeting.» – метафора *«shows no life sign»*.

«This may seem like a small thing but St. Gobain places a very high priority on these items as we believe they contribute to higher productivity and a reduction in downtime as well as fewer lost time injuries. I have already mentioned that we were impressed with your management team but this is another factor we value very highly in our own plants, as without a good team business tend to perform poorly. It was obvious to us that your people understand the business and had a genuine interest in improvement of the opportunities. Looking at your equipment we generally felt you had made wise choices in what you had installed. In the cloth finishing area your brush, singe and vacuum equipment are all of excellent quality and capable of doing a fine job.». В данном отрывке из e-mail письма наблюдается изобилие эпитетов и метафор: *«places a very high priority»*, *«lost time injuries»*, *«business tend to perform»*, – метафоры; *«genuine interest»*, *«wise choices»*, *«excellent quality»*, *«fine job»* – оценочные эпитеты.

Очень часто в текстах электронной коммерческой корреспонденции регистрируются параллельные конструкции, парантетические внесения, слова-интенсификаторы, тавтология и эвфемизмы. Принципиально стоит отметить, что указанные стилистические фигуры не типичны для традиционных деловых писем, так

как свидетельствуют о языковой избыточности. В электронной коммерческой корреспонденции эти стилистические приемы синтаксического характера, напротив, имеют назначение помочь адресату правильно интерпретировать установку адресанта. С позиций актуального членения предложения синтаксические стилистические приемы способствуют актуализации информации (например, повтор) и уравнивают в коммуникативном плане определенные сегменты сверхфразового единства (например, параллелизм). Вставные конструкции, или парантетические внесения, призваны сообщать дополнительную информацию, которую предположительно может запросить адресат, или с целью предвосхищения реакции адресата на сообщение: «*Sometimes it is possible that to reply to yr requests we need more time, you deem excessive.*», «*After receiving the project of Annexes without any registration by both sides, the Bank demands to register it properly (with signatures and stamps).*». Параллельные конструкции способствуют созданию «чеканного языка» и убеждающего ритма: «*Thank you for provided information concerning the definition of the delivery time of the first lot, thank you also for the confirmation of your visit.*», «*Ziel ist, dass BAZ entweder VSM Serien aus dem bestehenden VSM Programm oder neu entwickelte Serien auf der neuen BAZ Anlage unter Lizenz nach VSM Rezeptur fertigt.*» (акцентируется сотрудничество фирм «BAZ» и «VSM»). Слова-интенсификаторы также являются стилистически маркированными элементами, способствующими концентрированию внимания адресата на необходимой информации и придающими высказыванию высокую эмоциональность: «*We are extremely sorry for yr comments concerning our collaboration.*», «*We were very much impressed with the quality of your stuff and your organization.*», «*I received with great pleasure your E-mail of December 14 and I want to thank you indeed for the confidence placed in our Company during all these years.*». Тавтология, встречающаяся в текстах электронной коммерческой корреспонденции, предполагает употребление слов исключительно в их предметно-логических значениях, исключая при этом двусмысленность и инотолкование: «*The punch press was not only punching the actual label, but the backing paper as well.*», «*In making, your IMT maker is very capable of producing a good product...*». В сообщениях, характеризующихся отрицательной модальностью, часто регистрируется прием эвфемизации, способствующий проявлению сдержанности при выражении недовольства и отрицательного отношения адресанта к какому-либо явлению: «*As the labels are different from what I have expected, it can prolong the whole period of testing*», «*Now it's been 50 days since we signed the contract. We consider it very surprising that you still haven't fulfilled the terms of the contract concerning technical information, which is very important for our work and customs procedures*».

В качестве макролингвистического репрезентанта суггестивности текстов электронной коммерческой корреспонденции можно выделить структурно-композиционную организацию текста, варьирующуюся в зависимости от семантического вида электронного делового письма и прагматических интенций адресанта, то есть от модальности. Как известно, модальность может быть положительной (оценочный оператор «хорошо») и отрицательной (оценочный оператор «плохо»). Исходя из этого, адресант использует либо прямую тактику подачи сообщения (положительная модальность: письмо-благодарность), либо косвенную тактику (отрицательная или смешанная модальность: письмо-отказ).

Поскольку при составлении положительного сообщения нет необходимости вуалировать нежелательную для реципиента информацию, то целесообразно использовать прямую тактику модального развертывания, при которой в самом начале сообщения четко излагается основная идея письма, а далее следуют необходимые детали и вежливое завершение. Четкое определение цели обращения в начале сообщения подготавливает адресата к получению и восприятию последующих объяснений, поэтому «открывающая фраза» должна быть выразительна и не перегружена лишней информацией. По открывающей фразе сообщения реципиент может судить о предмете письма (например, поздравление), а также об оценке автором объекта референции



(например, положительная). Центральная часть письма является самым большим информационно-содержательным блоком, так как предполагает детальное объяснение сущности сообщения, чтобы у адресата не оставалось сомнений и замешательства по поводу намерений адресанта. Как правило, в центральной части письма положительная модальность распределяется равномерно, способствуя созданию общей положительной оценочной модальности всего текста. И, наконец, заключительная часть положительного сообщения призвана усилить положительные эмоции адресата от прочитанного сообщения. Обратимся к примеру.

Dear Mr. X,

I received with great pleasure your E-mail of December 14 and I want to thank you indeed for the confidence placed in our Company during these years.

I assure you, as always happened, our absolute obligation to reach, with harmonic collaboration, the scope you have already fixed. We have long believed that the success of individual franchises is directly linked to the healthy growth of the industry at large.

My best wishes to you and your collaborators all for a good new year

Best regards,

X

(Италия, Милан).

Данное письмо-подтверждение о получении корреспонденции характеризуется положительной модальностью, что проявляется в использовании слов, характеризующихся оценочным оператором «хорошо»: *confidence, absolute, to reach*, эпитет *harmonic collaboration*. Интенсификатор *with great pleasure* выражает аффективность, то есть высокую степень заинтересованности субъекта в предмете его оценки. Элемент персуазивности (конструкция с усилением вежливости) *thank you indeed* звучит несколько эмоционально и призван подчеркнуть искреннюю благодарность за оказанное фирме доверие. Интересно также с прагматической точки зрения словосочетание *during these years*, которое является своего рода «информацией к размышлению». Оно включено автором письма в общую канву, но не исключает возможности привлечь внимание адресата, так как это словосочетание намеренно помещено в конец предложения, реализуя при этом потенциал выдвижения и имея цель заверить адресата в своей благонадежности, а также инспирировать его на дальнейшее сотрудничество. Парентетические конструкции *as always happened* и *with harmonic collaboration* служат для расширения смысла высказывания и позволяют более четко расставить акценты в плане коммуникативного намерения автора. Завершающая фраза «*My best wishes to you and your collaborators all for a good new year*» подчеркивает доброжелательность сообщения и направлена на то, чтобы вызвать положительные эмоции у адресата. Также можно предположить, что эпитет *good new year* косвенно является выражением надежды на взаимовыгодное сотрудничество в наступающем году. Таким образом, субъективная оценка данного текста призвана воздействовать на эмоции реципиента, вызвать у него чувство самодостаточности и желание соответствовать высокой оценке.

Организация и подача сообщений, содержащих негативную информацию, является более сложной задачей с коммуникативной точки зрения. Многие деловые партнеры воспринимают отказ при заключении сделки как личную неудачу. Чтобы не оскорбить чувства адресата и смягчить подачу негативной информации, следует придерживаться определенных тактик. Одной из таких стратегий является трансформация композиционной структуры письма с целью подачи негативной информации в завуалированной форме, так называемая косвенная тактика модального развертывания. Если прямая тактика предполагает подачу основной идеи с последующей детализацией, то косвенная тактика сначала предусматривает введение амортизирующей (смягчающей) информации перед представлением основной идеи. Таким образом, меняется композиционная структура: первая часть письма представлена нейтральным

вступлением (амортизатором), во второй части объясняются причины негативного решения, третья часть содержит четкую дипломатичную подачу негативной информации, и, наконец, четвертая часть предполагает дружелюбное заключение. Рассмотрим данную речевую тактику более подробно.

Sehr geehrter Herr S...,

Vielen Dank für Ihren Brief vom 23.08.2002, in welchem Sie über den Fortgang der Arbeiten in Ihrem Unternehmen berichten. Nach seinem Besuch in Belgorod erhielt ich einen weiteren Bericht von Herrn H. Es freut mich zu hören, dass die Montagearbeiten an der neuen Grundwarenfertigung planmäßig und ohne Probleme verlaufen und dass der Monat August umsatzseitig für Ihr Unternehmen der erfolgreichste Monat seit Bestehen des Werkes war. Dazu gratuliere ich Ihnen.

Im Protokoll vom 24.04.2002 haben wir Festlegungen zur weiteren Kooperation zwischen unseren Werken getroffen, insbesondere zur Entwicklung und Fertigung einer Serie aus russischen Rohstoffen, die der in Hannover gevertigten Serie KK511X sehr nahe kommt. Die dafür unsererseits notwendigen Aufwendungen sollen durch einen höheren Umsatz von VSM-Produkten in Russland teilweise gedeckt werden.

Die Umsatzentwicklungen dieses Jahres zeigt jedoch, dass wir noch weit von diesem Ziel entfernt sind. Zusätzlich fehlt aus meiner Sicht die Perspektive, wie sich dies in den nächsten Jahren entscheidend verändern kann. Diese Situation sollten wir umgehend ändern und unsere Spezialisten beauftragen, in den nächsten zwei Monaten eine umfassende Absatzstrategie und Konzeption für den russischen Markt auszuarbeiten, damit es uns gelingt, die Voraussetzung für einen Durchbruch zu schaffen.

Ihr persönliches Engagement wird auch in Zukunft erforderlich sein, um die Entwicklung in die richtige Richtung zu lenken. Hierzu stehe ich Ihnen jederzeit zu Gesprächen zur Verfügung.

Mit freundlichen Grüßen,

Kindsvater.

Во вступительной части данного письма автор ставит перед собой задачу расположить к себе адресата, передать ему положительный настрой перед подачей негативной информации. Вступление этого сообщения содержит модальную доминанту благодарности за письмо реципиента о ходе работ на его предприятии и поздравления с тем, что дела на заводе идут успешно. О положительной коннотации вступительной части свидетельствуют слова с оценочным оператором «хорошо»: *Vielen Dank, Es freut mich zu hören, ohne Probleme, erfolgreichste Monat, gratuliere*. В второй части письма адресант объясняет причины своего недовольства, убеждая адресата в справедливости и логичности своего решения. Это психологически подготавливает реципиента к восприятию негативной информации, которая следует в третьей части сообщения. Адресант проявляет дипломатичность и для смягчения отрицательной модальности сообщает адресату то, что нужно сделать в будущем для исправления ситуации, а не концентрирует внимание реципиента на том, чего он не сделал. Причем автор как будто разделяет вину адресата и говорит о совместных действиях по улучшению ситуации: *«Diese Situation sollten wir umgehend ändern», «eine umfassende Absatzstrategie und Konzeption für den russischen Markt auszuarbeiten»*. Негативная информация основной идеи письма смягчается в заключительной части, где адресант, согласно правилам делового этикета, старается поддержать адресата, заверяя в своем дружеском настрое по отношению к нему и предлагая свою помощь в решении возникших проблем.

Таким образом, в зависимости от общей модальности письма и выбранных адресантом тактик подачи сообщения меняется структурно-композиционная организация текста.

Проведя исследование суггестивности текстов электронной коммерческой корреспонденции в рамках данной статьи, вполне закономерными выглядят выводы о том, что воздействие на подсознание реципиента осуществляется посредством специ-



фически маркированных компонентов и структур текста, которые в свою очередь косвенно, через бессознательное, способствуют реализации целеустановки адресанта. Суггестивность проявляется на уровне графики, орфографии, синтаксиса, лексики, словообразования, а также на макролингвистическом уровне: в структурно-композиционной организации текста.

Список литературы

1. Гайда Р. Е. Лингвостилистическая характеристика языка рекламы. – Челябинск: Издательство РЕКПОЛ, 2008. – 624 с.

2. Лазарева А. В. Лексические и синтаксические особенности деловой переписки // Филологические науки в МГИМО: Сб. научных трудов № 8 (23). – М.: МГИМО, 2001. – С. 67 – 76.

REPRESENTATION OF THE SUGGESTIBILITY OF ELECTRONIC BUSINESS LETTERS (IN ENGLISH AND GERMAN)

A. E. Vorobyova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
vorobyova@bsu.edu.ru*

The article deals with some linguistic and macrolinguistic representation of verbal influence in electronic business letters by expressing some additional, implied sense hidden in the informative characteristic features of the text.

Key words: suggestibility, electronic business letters, implied sense.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ГЛАГОЛОВ МЕХАНИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ «STRETCH», «DRAPE», «FOLD», «TUCK», ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В ПЕРЕНОСНОМ ЗНАЧЕНИИ, В РОМАНАХ Л. ВАЙСБЕРГЕР

Е. С. Данилова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
elenasdanilova@rambler.ru*

В статье рассматривается употребление глаголов обработки в литературных произведениях в переносном значении. Контекстуальное окружение глаголов stretch, fold, drape, tuck и др., традиционно обозначающих операции с тканью, рассмотрено на материале романов Л. Вайсбергер «У каждого своя цена» и «Дьявол носит «Прада». Широкое использование автором профессиональной лексики как в прямом, так и в переносном значении создает контекстуальную зависимость, способствует достижению стилистического единства романов, позволяет достичь точного описания образов персонажей и дает читателю возможность читателю взглянуть на мир с точки зрения профессионального дизайнера.

Ключевые слова: лексема, глаголы обработки, контекстуальное значение, переносное значение, семантические характеристики, контекстуальная зависимость.

В языкознании давно утвердилось положение о том, что метафорическое употребление лексических единиц – один из основных приемов создания красочного образа персонажа в художественной литературе. Выбор метафоры зачастую обусловлен тематикой самого произведения. Например, описания конфликтных ситуаций в романе «Крестный отец» Марио Пьюзо изобилуют деловой лексикой и терминологией международных конфликтов (truce, take hostage и т. п.), военная терминология в романе «Прощай, оружие» воссоздает сцены, которые детально описывал Э. Хемингуэй, обилие медицинских терминов в романах Э. М. Ремарка позволяет читателю попытаться взглянуть на мир глазами профессионального хирурга, главного героя большинства романов писателя. Это подтверждает описанную З. И. Резановой способность метафоры «предопределять направленность истолкования» [2].

Лорен Вайсбергер прославилась благодаря роману «The Devil Wear Prada», для которого характерны множественные описания предметов одежды и деталей кроя, тканей и расцветок. Однако это не единственный роман данной писательницы подобной направленности: Вайсбергер имеет опыт работы в мире моды, тонко подмечает детали дизайна одежды или интерьера, смело играет словами, проводит неожиданные ассоциации и даже сравнивает людей с тканью, используя глаголы stretch, drape, fold, tuck в разнообразных контекстах.

Метафорическое употребление лексем значительно расширяет для читателя границы восприятия действительности: так, например, в классическом примере лексема «игра» (в оригинале у В. Шекспира лексема «stage» в сочетании с лексемой «player»: «All the world's a stage, and all the men and women – merely players») образует метафору «Жизнь – игра». Подобным образом, Л. Витгенштейн косвенно реализует эту метафору: «Игра состоит в передвижении фигур по некой поверхности по определенным правилам»... – «Ты, по-видимому, думаешь об играх на досках, но ведь имеются и другие игры» [2, с. 87]. Можно перефразировать приведенное высказывание в отношении глаголов обработки: “to tuck” means “to draw fabric together and sew it tightly” – «You must be thinking of fabric, but there are other objects». Подобное употребление этих глаголов и является объектом нашего исследования в данной статье.

Особого внимания при анализе семантических особенностей глаголов в работах Л. Вайсбергер заслуживает тот факт, что писательница имеет значительный опыт ра-



боты в публицистике, в частности, в журналах *Vogue* и *Departures*. Как отмечают многие авторы, для современного стиля СМИ характерно большое количество окказионализмов и неологизмов, это «свободная, эмоциональная речь, лишенная... штампов. Отказ от старой стилистической системы сопровождается выдвиганием нового стилеобразующего центра, перемещающегося в сторону языковой личности журналиста» [3].

Необычные коннотации, присущие языку СМИ, присутствуют и в рассматриваемых нами романах, что не только способствует более созданию более точных профессиональных образов персонажей и атмосферы в целом, но и поддерживает интерес читателя благодаря ярким, точным, нестандартным описаниям.

В настоящее время довольно распространено негативное мнение о так называемых «гламурных» изданиях, и, возможно, некоторые читатели причислили бы романы Л. Вайсбергер именно к этому жанру. Однако хотелось бы отметить, что восприятие подобной литературы зависит именно от опыта читателя и его личного отношения к такого рода искусству. Подчеркнем, что мы рассматриваем дизайн как искусство, которое подразумевает талант, наличие вкуса, кропотливую работу и создание шедевров, независимо от того, мода ли это, дизайн интерьера или живопись. Таким образом, мы рассматриваем работы писательницы, а также разнообразные публикации о мире моды и дизайне в целом как материал, позволяющий проследить употребление терминологии в профессиональном контексте, а также в переносном значении в стилистических целях.

Для анализа употребления глаголов «**stretch**», «**drape**», «**fold**», «**tuck**» были выбраны два романа Л. Вайсбергер: «Дьявол носит "Прада"» (*The Devil Wears Prada*) и «У каждого своя цена» (*Everyone Worth Knowing*).

Работа с тканью, как и с любым материалом, включает целый ряд операций как подготовительного, так и основного этапа обработки. Подробное рассмотрение всех стадий технологического процесса включало бы ткацкие работы – *weaving*, крашение – *dying*, и т. д. Однако не все термины, означающие механическую либо термическую обработку, широко используются в переносном значении для достижения определенного стилистического эффекта. В рассматриваемых нами контекстах мы выделили следующие наиболее употребительные лексемы, используемые автором для создания образов персонажей и общей атмосферы романов: «**drape**», «**stretch**», «**fold**», «**tuck**», «**shrink**», «**buckle**», «**fold**», «**cut**», «**tear**», причем если семантическое поле глаголов «**drape**», «**cut**» и т. д. по большей части легко прогнозируется читателем, имеющим хороший лексический запас и навык «языковой догадки», то некоторые значения «**to stretch**» и «**to buckle**» заслуживают более внимательного анализа и без учета контекста могут быть неверно интерпретированы. Это утверждение отнюдь не означает нашего намерения отказаться от анализа контекстуального окружения единиц, значение которых легко прогнозируется либо сходно со значениями подобных глаголов русского языка. Напротив, приводя различные примеры нетипичного употребления рассматриваемых нами глаголов, хотелось бы подчеркнуть необходимость всестороннего анализа лексем для выявления их потенциала как в плане передачи информации в ходе профессиональной коммуникации, так и в достижении стилистических задач, при употреблении в литературных произведениях. Ценность романов Л. Вайсбергер в этом отношении, на наш взгляд, состоит в том, что рассматриваемые нами глаголы употреблены в профессиональной сфере, но при этом в переносном значении. При анализе романа мы можем увидеть, как термин выходит за рамки привычного лингвистического окружения, приобретает дополнительные семантические характеристики, формирует устойчивые сочетания, участвует в создании образа персонажа. Учитывая тот факт, что разговорная речь всегда привлекала внимание исследователей с точки зрения семантики, стилистики и комбинаторики, можно сказать, что работы Л. Вайсбергер представляют широкое поле для анализа семантических, стилистических особенностей и комбинаторной сочетаемости.

В частности, глаголу «**stretch**» свойственна полисемия, в частности, поскольку данная лексема может относиться к объектам, состоящим из разного рода материалов, применимых в различных сферах человеческой деятельности: «to stretch muscles» (спорт), «to stretch fabric» (текстильная промышленность), «to stretch» (the budget) (превысить бюджет). В зависимости от контекстуального окружения глагол может иметь следующие соответствия в русском языке: «растягивать; вытягивать; удлинять; тянуть; растягиваться; тянуться; натягивать; напрягать; натягиваться; напрягаться; простираться; иметь протяжение; растянуть; растянуться; вытянуть; вытянуться; удлинить; увеличивать; усиливать; допускать натяжки; преувеличивать; разбавлять; простираться; подмешивать; потянуться; лгать; превышать» [4].

В рассматриваемых нами контекстах единица используется в прямом значении в отношении ткани:

*The men were...adorning themselves in second-skin leather pants and ribbed T's that **stretched** over bulging biceps and perfect pecs* (1, p. 43).

Значение данного глагола в описании одежды, подчеркивающей фигуру, в данном контексте сравнимо со значением «*облегать*» в русском языке.

*He had 250 pounds **stretched** over his incredibly tall frame and was so muscular, so positively ripped, that it looked as though he might explode out of his denim...catsuit* (1, p. 58).

В приведенном контексте глагол используется для описания комплекции персонажа. На наш взгляд, одним из вариантов эквивалентов контекстуального значения в русском языке могло бы стать причастие «распределены». Другой вариант интерпретации подразумевает грамматическую трансформацию, где «he had 250 pounds stretched over his incredibly tall frame» преобразуются при переводе в «высок и хорошо сложен, несмотря на 120 кг».

В следующем примере глагол stretch скорее описывает положение тела:

*We laughed for hours that night, **stretched** out in the grass, stoned and happy* (2, p. 227).

Глаголу «**stretch out**» здесь, скорее всего, соответствует эквивалент «удобно расположиться», что совпадает с русским глаголом «растянуться» в значении «прилечь» (напр., он растянулся на диване). В то же время в русском языке присутствует и глагол «растянуться» может быть синонимичен лексеме «упасть», что при переводе требует разговорного соответствия лексемы to fall.

Лексема «**stretch**» в форме существительного употреблена в значении «пространство» [4].

It took us over an hour to traverse the five-block stretch of road back to the hotel (2, p. 287).

В данном случае при передаче на русском языке возможен нулевой перевод: «пять кварталов»

Еще одно значение лексемы «**stretch**», употребляемое в изучаемом контексте - «допускать натяжку (в толковании)», например, в юридической сфере [4].

*I have no idea what her problem is, although I guess **it's not such a stretch to imagine** her printing all this trash about you when she used to steal people's papers in college and pass them off as her own, right* (2, p. 323).

Возможный вариант передачи значения stretch в приведенном контексте: «...**не так уж трудно представить...**»

Глагол **drape**, согласно словарю «Мультиатлас», имеет следующие значения: «украшать тканями; драпировать; ниспадать красивыми складками; отделять; вешать; свешивать; облокотиться; опираться; прислоняться; задрапировать; надевать широкую одежду (иак, чтобы она ложилась изящными складками); располагать складками; изящно набрасывать» [4].

Глагол относится к группе глаголов обработки, выражает действие, направленное на придание формы материалу с мягкой фактурой в декоративных целях, что наи-



более характерно для операций с тканью. В рассматриваемом нами контексте *drape* используется как в форме переходного, так и непереходного глагола в значении «растянуться» (на чьих-то коленях), «расположиться».

*What appeared to be a naked girl was **draped** across his lap. She stared at him...* (2, p. 184).

*She grew bored after a few minutes and went back to **drape** herself across David* (2, p. 277).

Нетипичное употребление глагола создает дополнительное впечатление грациозности и расслабленности.

Полисемичные характеристики глагола «**tuck**» в словаре описаны следующим образом: «прятать; подбирать под себя; засовывать; заправлять; подгибать; подворачивать; делать складки; подогнуть; подсовывать; подоткнуть одеяло; укрыть одеялом; запрятать; засунуть; подтыкать; собирать; стягивать», «(сущ.): выточка, защипы, сборки» [4]. Многозначность данного глагола выявляется в его семантической сочетаемости преимущественно в контексте. В зависимости от контекстуального окружения глагол может интерпретироваться как «укрыть (-ся), закутаться в одеяло, подоткнуть одеяло» (to tuck (somebody or oneself) under the covers), например:

*It was just after two that I threw a blanket on the snoring Philip, retrieved Millington from the space between the bathtub and the sink, and **tucked** us both under the covers without bothering to undress or turn off the lights* (2, p. 265).

Значение «засунуть» в контексте для благозвучия можно интерпретировать как «(украдкой) завела руку за спину»: *Megu smiled, taking hold of Michael's hand and **tucking** it behind her back* (2, p. 17).

Исходя из изученного контекста, мы делаем вывод что «**to tuck**» может подразумевать расположение объекта в тесном пространстве, где значение в данном случае будет близко значению глагола «приткнуть»: «наскоро, кое-как прикрепить или поместить, положить» [6].

*I asked people who worked at newsstands, as street sweepers, even a man who was **tucked** inside one of those moveable breakfast carts* (1, p. 38).

*We had a table for six **tucked** in the back corner. Elisa immediately informed me that marginally cool people obsess about getting a table in the front of the restaurant, but the truly cool request tables in the back* (2, p. 74).

Однократное использование в тексте глагола-омонима «**tuck**» со значением «впиваться зубами, есть с жадностью» не нарушает общей контекстуальной зависимости, т. к. звуковая форма и зрительный образ глаголов идентичны. Такая омонимия очень часто, иногда непреднамеренно, создает в английском языке игру слов, которую трудно передать при переводе: если омонимия в русском языке представлена достаточным количеством примеров, то полисемия гораздо более характерна для английского языка.

*We had just **tucked into** our omelets when Will brought up the single subject I wanted to forget* (2, p. 311).

Глагол «**to fold**», согласно словарю Мультигран, имеет следующие соответствия: «сгибать, складывать вдвое, складывать в несколько раз ткань; сущ.: складка» [4].

В рассматриваемых нами контекстах наблюдается употребление глагола «**to fold**» как в прямом, так и в переносном значении:

а) примером использования прямого значения (например, to fold paper), может являться следующий контекст: *"Oh wait, there's a message for you." She handed me a piece of **folded** paper, which I immediately opened* (2, p. 97).

б) выражению **to fold one's legs** (Indian style) больше всего соответствует «усесться по-турецки»: в русском языке переносное значение глагола *fold* не передается, однако компенсируется функциональной заменой *Indian style* на наречие по-турецки».

*I flopped between him and my mother, who **folded** her legs Indian-style so gracefully that she appeared to be twenty years younger* (2, p. 232).

Глагол «**to unfold**», образованный от вышеуказанного аффиксальным способом, соответственно, имеет антонимическое значение: «развертывать(-ся), раскрывать (-ся), разворачиваться (о событиях), расправлять, разглаживать (складки)» [4]. В работах Л. Вайсбергер глагол *unfold* используется по отношению к событиям, в значении, полностью совпадающем со значением в русском языке: напр.: «ждать, как развернутся события»: *I watched the process **unfold** like a highly choreographed ballet, each player knowing exactly when and where and how their next step would occur* (1, p. 47).

*I'd read enough romances to know that the worst possible thing I could do would be to push or demand. So far everything had **unfolded** organically, and while it would've been nice to have seen him once or twice in the past week, this was not a major cause for concern* (2, p. 311).

Однако по стилистическим соображениям в переводе допустимы, на наш взгляд, некоторые трансформации либо замены: *I wouldn't even let myself consider the absurdity of what was unfolding* (1, p. 100) *dying to stop and **watch the scene unfold**, but I had less than ten minutes to prepare for my first meeting with Miranda as her actual assistant, and I wasn't going to blow it* (1, p. 107) – возможный вариант перевода – «...**и посмотреть, что же будет дальше...**».

В рассмотренных контекстах отмечается и окказиональное употребление глаголов *shrink* – давать усадку, *cut* – резать, кроить, *tear* – рвать, *buckle* – букв.: застегнуть пряжку.

Глагол «**shrink**» обычно обозначает усадку ткани (например, при стирке либо другой термической обработке). В данном контексте его употребление близко к прямому: *The wrapped pile grew and grew, but the unwrapped pile didn't **shrink*** (1, p. 51), однако субъектом непереходного глагола является «гора», «кипа» подарков. В русском языке наиболее вероятным вариантом перевода, на наш взгляд, может являться стилистически нейтральный глагол: «гора не уменьшалась». Таким образом, возможна нейтрализация стилистического приема при передаче контекстуального значения этого глагола на русском языке.

Интересно употребление глагола «**to buckle**» (начальное значение: «пряжка», «застегнуть», «закрепить»). На первый взгляд, значение глагола в приведенном примере сходно с выражением «рот на замок». Действительно, для передачи значения «замолчать» и в английском, и в русском языках используются наименования застежек и сходные по значению фразеологические единицы: “zip it” [8], «закрой варежку» [7] (груб.) Однако последующий контекст противоречит такой интерпретации: *I weighed whether or not to tell him the entire Istanbul story and then **buckled**. At least one person in my life should know I'm not a complete tramp* (2, p. 310).

Анализ контекста позволяет определить значение употребляемого глагола как «сдаться». Такое значение уже отражено в словаре «Мультитран» как морской термин и одно из значений разговорного выражения (хотя присутствуют и совершенно противоположные значения, напр.: «сплотиться (перед лицом опасности)» [4]. Таким образом, интерпретация лексической единицы при переводе на другой язык затруднена ввиду наличия полисемии, в роли единицы перевода в данном случае следует рассматривать сверхфразовое единство.

Употребление в рассматриваемых работах глагола *cut* с послелогом можно проследить на следующем примере: “Hey, listen. I just wanted to – “*I cut him off without thinking and blurted, “I'm sorry ...but he really can't help it...”* (2, p. 168).

Частично данное контекстуальное значение можно сравнить с русским «сказал, как отрезал», однако если вышеуказанное русское выражение выражает категоричность, то *cut somebody off* у Лорен Вайсбергер скорее означает «прервать разговор».

Сходными семантическими характеристиками обладает и глагол «**tear**». Обе лексемы: *cut* и *tear* в прямом значении могут быть отнесены к глаголам механического



воздействия и обозначают разъединение. Однако в контексте рассматриваемого нами литературного произведения глагол *to tear* также приобретает окказиональные характеристики и выражает стремительное движение: *I scooped Millington from Sammy's lap...mumbled a good-bye, and tore off in the direction of my apartment with a speed that bordered on a humiliation* (2, p. 176).

Необходимый стилистический эффект достигается благодаря использованию глагола «**tear off**» вместо нейтрального «**run**», совместно со скрытым сравнением *a speed that bordered on a humiliation*.

В русском языке вышеуказанные глаголы разъединения также имеют переносное значение: «отрезать» – «сказал, как отрезал», «рвануть» – быстро двигаться; Однако случаи их употребления в приведенных произведениях единичны и, хотя способствуют поддержанию общего стилистического фона, основная роль в создании атмосферы профессионального дизайна, впечатления «богемности» принадлежит именно глаголам, обозначающим операции с тканью: драпировать, растягивать, складывать и т. д.

Учитывая изобилие разговорных выражений в романах, богатство лексического запаса писательницы, имеющей опыт работы журналистом в мире моды, а также тот факт, что прессе присуще авангардное употребление лексических и фразеологических единиц, а зачастую и создание новых (так называемое *coining phrases*), мы можем заключить, что употребление некоторых глаголов обработки в переносном значении заслуживает внимания: создает своего рода контекстуальную зависимость, объединяя целый роман в стилистически единый текст, позволяет создать более яркое описание некоторых деталей, атмосферу «за кулисами», и, несомненно, расширяет рамки восприятия лексических единиц. Наблюдаемая здесь неоднозначность – напоминание о том, что при переводе как художественной, так и специальной литературы, а также разговорной речи, равно как и процессе межкультурной коммуникации следует учитывать многозначность лексики, стилистический подтекст и, возможно, профессиональный опыт говорящего. Зачастую для многих из нас терминология или профессиональный жаргон являются средством создания стилистических образов в разговорной речи, в процессе повседневного общения, чаще всего подсознательно, и в то время как это позволяет, с одной стороны, «оживить» речь, с другой, может вызывать непонимание собеседников, не занятых в соответствующей сфере. Таким образом, лексические единицы, функционирующие в потоке речи, требуют внимательного анализа для повышения эффективности межличностного и межкультурного общения, а также для обеспечения точности понимания коммуникативных намерений собеседника.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. – С. 87
2. Резанова З. И. – Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования. <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/fil/01/iimage/18-29.pdf>
3. Солганик Г. Я. О языке и стиле газеты // Язык печати. <http://evartist.narod.ru/text12/15.htm>
4. www.multitrans.ru
5. www.websters-online-dictionary.org
6. <http://lib.deport.ru/slovar/ojegov.html>
7. <http://teenslang.su/content/&slang>
8. <http://www.urbandictionary.com>

Список источников

1. Lauren Weisberger, *The Devil Wears Prada*, Harper, 2003, – 391 p.
2. Lauren Weisberger, *Everyone Worth Knowing*, Harper, 2005, – 370 p.



STYLISTIC ROLE OF THE VERBS OF PHYSICAL IMPACT “STRETCH”, “DRAPE”, “FOLD”, “TUCK” USED IN FIGURATIVE MEANING IN L. WEISBERGER’S NOVELS

E. S. Danilova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

elenasdanilova@rambler.ru

The article deals with the analysis of the verbs denoting processing materials, namely “stretch”, “fold”, “tuck”, “drape” etc, used in literary works in their indirect meaning. The novels which provided the material for the study include “The Devil Wears Prada” and “Everyone Worth Knowing” by Lauren Weisberger. The fact that the author uses professional terms both in their direct and indirect meaning contributes to the stylistic and contextual integrity of the novels, as well as to detailed description of the characters, and enables the readers to see the reality from the point of view of professional designers.

Key words: lexical unit, verbs of processing, contextual meaning, indirect meaning, semantic properties, contextual integrity.



УДК 81.271

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ, ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ДРУГИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА И РЕЧИ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ПОТЕРЯ/LOSS»

Е. В. Лукьянова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
lukyanova@bsu.edu.ru*

В данной статье предпринята попытка изложения концептуальных, онтологических, семантических и других оснований к исследованию единиц языка и речи со значением «потеря/loss» представляет наиболее обобщенную схему ситуации потери и дает характеристику ее облигаторных компонентов.

Ключевые слова: концептуальные основания, концепт, язык, речь, потеря, потерять.

На современном этапе развития в центре внимания когнитивной лингвистики находятся процессы получения, обработки и хранения информации, а ключевым понятием и центральным объектом исследования является концепт.

Согласно последним представлениям основное внимание исследователей направляется на объяснение механизма обработки естественного языка и построение модели его понимания. Понимание предполагает соотнесение новой, полученной в сообщении информации с прошлым опытом и включение в систему уже имеющихся данных. В традиционных лингвистических концепциях осуществлялись попытки максимально детализировать семантику каждой единицы, составляющей сообщение. В основе когнитивной модели деятельности лежит не разложение на отдельные единицы, а интеграция, то есть предполагается, что человек, осуществляя мыслительные процессы, оперирует не мельчайшими составляющими, которые, накапливаясь, формируют более крупные представления, но целостными блоками, которые соотносимы со сценами реальной жизни или сценариями индивидуальной или социальной деятельности.

Внимание к исследованию предложенной тематики обусловлено необходимостью изучения особенностей механизма формирования семантики глаголов потери и определения закономерностей их функционирования в условиях взрослого в настоящее время интереса лингвистики к познавательной деятельности человека. Актуальным является подход к изучению глаголов, включающих описание когнитивных аспектов формирования его значения, поскольку, по утверждению Е. С. Кубряковой, глаголу присуща способность в свернутом виде номинировать сложные структуры знания, обладающие множеством когнитивных характеристик [7]. Необходимость рассмотрения исследуемых глаголов с точки зрения когнитивного подхода к исследованию языка заключается в том, чтобы объяснить как и в каком объеме в семантике слова отражается когнитивная информация, то есть весь комплекс знаний о мире, который человек приобретает в ходе своей познавательной и творческой деятельности. Изучение глаголов потери с этих позиций проводится с привлечением концептуальной теории, учитывая когнитивные основания языковой способности человека.

Следует отметить, что группа глаголов с общей семантикой потери до настоящего времени в германистике остается малоизученной. Концепт ПОТЕРЯ/LOSS является многомерной, объемной, иерархически организованной структурой, представляющей собой пропозициональную форму репрезентации знаний, которая включает в себя облигаторные и необлигаторные компоненты. Наличие последних обусловлено тем, что границы исследуемого концепта, как и любого другого, всегда остаются открытыми и достаточно прозрачными в том смысле, что содержание может быть до-

полнено изначально не включенными признаками, обусловленными ситуационно привязанным значением, принадлежащим индивидуальной речи.

В лексико-семантической системе современного английского языка была выделена немногочисленная группа глаголов потери, отражающих в своем общем значении роль теряющего, а также различные виды и способы потери, описывающих ситуацию потери. Разная степень выраженности потери и частотность употребления позволяют выделить наиболее рекуррентные лексемы-репрезентанты исследуемого концепта - *lose, waste, miss, lack, shed, fail*.

Следует отметить, что настоящее исследование выполняется в рамках когнитивного подхода к языковым явлениям и исходит из положения о том, что «языковая форма, в конечном счете, является отражением когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления и познания» [4]. Основной проблемой языкознания, в таком случае, становится трансформация познавательного содержания в вербальное в процессе речемыслительной деятельности, то есть изучение связей когнитивных структур с вербальными, изучение проблем языка и мышления совместно с изучением проблем языка и коммуникации [1].

Указывая на тесную взаимосвязь лингвистической и экстралингвистической реальностей, семантика, традиционно, стремилась максимальным образом их противопоставить. На современном этапе развития языкознания лингвисты, работающие в области семантики, выступают за их интеграцию. Процесс выявления значения тесно связан с глубинными механизмами интеллектуальной деятельности человека, с его сознанием, мышлением и интуицией. Эти и другие проблемы изучаются когнитивной наукой, которую в первую очередь интересует формирование и представление знания в языке. В этой научной парадигме знание и значение изучаются в их соотнесенности и корреляции, в постоянном взаимодействии и поэтому наиболее впечатляющих результатов когнитивная лингвистика достигает в области когнитивной семантики [6]. Существует прямая связь между языковыми знаками и внешним миром. Однако знаки «означают» в силу того, что «...языковые единицы, языковые категории и языковые классы указывают – хотя и с разной степенью опосредования – на ту содержательную информацию, которая уже стала продуктом человеческой обработки» [5]. Лингвистика, таким образом, становится дисциплиной, занимающейся языком как частью когниции.

По существу, одной из задач когнитивного подхода к изучению лексического материала является, прежде всего, семантический анализ составляющих его лексических единиц. Формирование лексического значения и, в конечном счете, форма или структура его представления и является структурой представления знаний. В каждой реальной языковой единице, наделенной содержанием, последнее возникает на базе определенной пропозициональной структуры, при этом пропозициональные формы представления знаний занимают ключевую позицию в ряде моделей фреймовой семантики.

Решение глобальных семантических проблем возможно только на пути моделирования мыслительной деятельности человека, моделирования способности пользоваться языком [2]. На наш взгляд, именно такое представление о лексическом значении, которое основывается на моделировании когнитивных процессов, лежащих в основе способности к языковой деятельности человека, приближает нас к познанию механизмов обеспечивающих понимание употребления уже готовых, имеющихся языковых средств во вторичной для них функции, в качестве периферийных элементов концепта ПОТЕРЯ/LOSS, поскольку каждый язык располагает способностью и средствами интерпретировать одну и ту же ситуацию множеством разнообразных способов.

Представление концептуального понимания лексического значения требует рассмотрения вопроса о том, как оно соотносится с понятием, поскольку понятие потери является важной частью человеческого общества. Отвлекаясь от значительной по объему литературы, касающейся психологических аспектов возникновения понятия и



понимание этого явления, можно выделить два основных направления его осмысления - философское и логическое.

Философское понимание понятия связывает его с «мыслью, отражающей в обобщенной форме предметы и связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов и явлений и отношений между ними» [11]. В логике понятие определяется как «целостная совокупность суждений, т.е. мыслей, в которой что-либо утверждается об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которой является суждение о наиболее общих и в то же время наиболее существенных признаках этого объекта» [10]. Таким образом, есть мыслительная категория, в обобщенном виде передающая представление о классе однородных объектов, однако это обобщение может включать в себя большую или меньшую степень абстрагирования и именно в этом аспекте наблюдаются расхождения в трактовке. Оба определения указывают на то, что понятие содержит наиболее существенные признаки, позволяющие отличить данный класс объектов от всех остальных классов. Однако многие специфические черты не являются существенными с точки зрения обобщения, но весьма важны для опознания класса, и в этом смысле идея обобщенного представления, выделяющая существенные и несущественные, специфические и неспецифические черты, является несколько противоречивой.

Лингвисты непосредственно соотносят понятие с семантикой слова, но и здесь их мнения значительно расходятся. В большинстве случаев исследователи признают, что понятие и значение весьма тесно связаны между собой, однако имеются различные подходы к вопросу об их соотношении. Представляется уместным изложить лишь некоторые существенные моменты.

Признание несовпадения значения и понятия проводится на следующих основаниях: во-первых, указанные явления рассматриваются как приблизительно равные по объёму, но принадлежащие разным планам – логико-мыслительному или языковому (К. А. Левковская, Г. В. Колшанский); во-вторых, можно считать, что значение и понятие различаются по объёму. Так, С. Д. Кацнельсон выделяет формальное понятие, соотносимое со значением, и более широкое - содержательное понятие; А. А. Новиков связывает понятие с «дальнейшим», а значение – с «ближайшим» значением по А. А. Потебне; более широким, чем значение, считает понятие В. М. Солнцев. Например, связывая предметно-логическое ядро лексического значения с понятием, многие исследователи полагают, что эмотивные, оценочные и стилистические характеристики семантики слова значительно расширяют ее относительно понятия.

В рамках когнитивного подхода понимание понятия базируется на общем комплексе знаний и представлений, который связывается в данном социуме с классом явлений, обобщаемом в понятии. В концепте, стоящем за понятием, фокус внимания человека может фиксироваться на разных аспектах. Выделение конкретного участка или структуры в пределах соответствующей когнитивной области носит название «профилирование» [9]. Выделяемый в качестве фокуса аспект (набор признаков класса) по-разному структурирует один и тот же концепт: на первый план выдвигаются признаки, более тесно связанные с фокусом, уходят на задний план менее важные с точки зрения фокуса признаки. Момент выделения важен как для говорящего, который переходит от представления к языковому коду, так и для слушающего, который декодирует сообщение. Этот аспект рассматривает В. Дорошевский: «Общим элементом ... акта восприятия и акта понимания является интерпретация предмета или явления, на который в определенный момент направлено наше внимание...» [3]. Наиболее существенные признаки обозначаемого предмета или явления группируются. Однако весь концепт значительно шире и включает все, даже самые незначительные признаки объектов, отношение социума к обозначаемому и его отдельным признакам.

Поскольку важным фактором, влияющим на формирование понятия, является общая система знаний и представлений данного общества, следует остановиться на специфике онтологии ситуации потери. Денотат, то есть ситуация потери, с которой

соотносятся анализируемые языковые единицы, весьма абстрактен. Иными словами, ситуация ПОТЕРЯ/LOSS относится к разнообразным, иногда отдаленным друг от друга явлениям. Потеря может быть связана с конкретными действиями (например, lose a game); изменением характера компенсации (lose money); потерей определенного качества (lose glory/power/patience); потерей управления чем-либо, соглашением оставить или отказаться занимать какую-либо должность, потерей какого-либо звания, положения и т.п. (lose a job/degree/position) и т. д.

У носителей языка, принадлежащих одному и тому же социуму, объем знаний об обозначаемом различен; объемы знаний разных людей не совпадают, но пересекаются. Однако у всех носителей языка один фокус наименования, что и обеспечивает единство его понимания и употребления разными говорящими. Так, понятие потери формируется из компонентов, определяющих содержание этого понятия. Субъект «А», обладающий какой-либо характеристикой, чем-либо вещественным или невещественным «В», имплицитно подразумевает какое-либо действие или подвергается какому-либо воздействию «Х», результатом которого является иное, измененное состояние «А» (возникающий признак нового состояния «неимения» или «потери»):

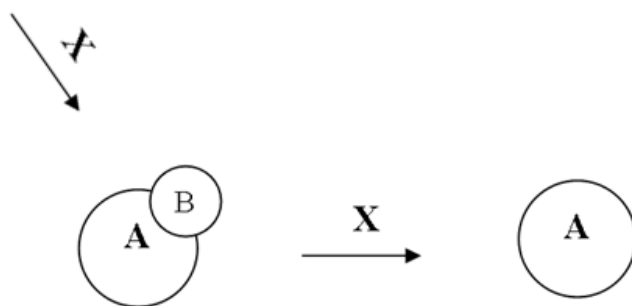


Рис. Схематическое изображение ситуации потери

Сущности «А» и «В» могут носить разнообразный характер, как в смысле агентивных характеристик (приложение/отсутствие усилий), так и в отношении теряемых сущностей (предмет, качество, характеристика и т. д.). На фоне переменных «А» и «В» неизменны два других элемента анализируемого понятия: действие + результат действия – возникающий признак состояния «неимения» или «потери».

Таким образом, определенное выше обобщенное представление о потере как понятию опирается на известное всем членам данного языкового сообщества и отражающее наиболее заметные характеристики.

Поскольку внимание человека может активизировать в нем любой аспект концепта - отдельный признак или любую группу признаков, он представляет собой динамическую структуру. Это позволяет говорить о том, что один и тот же объект (класс объектов) может извлекаться человеком из памяти как представление о классе, отличном от других классов; как представление о классе как множестве объектов, имеющих как общие, так и частные особенности.

Семантика глагола, несомненно, нечто большее, чем простое обозначение действия, процесса или состояния, она обладает способностью обобщенно представлять целую ситуацию, в данном случае – ситуацию потери, где процессы, действия, отношения обычно воспринимаются одновременно с предметами, явлениями, событиями, которые от них неотделимы, и поэтому наименования этих действий, процессов и отношений всегда задают своим лексическим значением количество, конфигурацию и обобщенные семантические признаки участников соответствующих ситуаций.

Обобщенно представляя концепт ПОТЕРЯ/LOSS и опираясь на наличие в современном английском языке специальных средств выражения, можно рассмотреть его составляющие.



Следует принять во внимание тот факт, что концепт ПОТЕРЯ/LOSS мыслится как иерархическая нестрогая организованная структура, в которой можно выделить как обязательные (облигаторные) компоненты, так и необязательные (необлигаторные) его составляющие, которые могут быть имплицитно или эксплицитно выражены на языковом уровне, в зависимости от конкретной языковой ситуации.

Далее рассмотрим облигаторные компоненты концепта ПОТЕРЯ/LOSS. Обязательными участниками ситуации потери являются «тот, кто теряет - теряющий» и «то, что теряют - теряемое», тем самым типовая ситуация предполагает наличие двух перемещенных (актантов), то есть выражающий отношения глагол всегда двухместен. Такие семантические понятия как сила (энергия), приложение силы, контролируемость (неконтролируемость), осознанность (неосознанность) и некоторые другие входят в качестве составляющих в набор признаков, используемых для семантического толкования роли субъекта при глаголах потери и играют определенную роль в описании ситуации потери.

Так как предложенное исследование ориентировано на когнитивную человеческую деятельность в речевой актуализации структуры знания, мы исключаем персонафикацию из исследования. Закономерным следует считать, что ТЕРЯЮЩИМ может быть только одушевленный субъект/субъекты, то есть лицо/лица, выражающий/щие определенное отношение к ПОТЕРЯННОМУ. Следует отметить, что ТЕРЯЮЩИМ может быть и неодушевленный предмет, например, в ситуации потери какого-либо качества или свойства. Однако, как правило, в таком случае в ситуацию вовлечены какие-либо субъекты, которые также дают или определяют какое-либо отношение к ситуации потери. Семантическая роль субъекта может быть представлена в виде признака осмысления результата ситуации потери. Изложенное можно проиллюстрировать такими примерами, как:

(1) Slowly, like most other inland seas, this early British Caspian began to **lose** weight and to shrivel away to ever smaller dimensions (Allen. Falling in Love);

(2) Emotion, when you are young, and give real vent to it, **loses** its power of torture. And he fell asleep, thinking: 'What was it-a few kisses-all forgotten in a month!' (Galsworthy. The Apple Tree);

(3) But, Mr. Knightley, she is really very sorry to **lose** poor Miss Taylor, and I am sure she will miss her more than she thinks for (Austen. Emma);

(4) I think if somebody had believed in me it might have helped me. But nobody did, and at last I **lost** belief in myself. And when a man **loses** that, he's like a balloon with the gas let out (Jerome. Novel Notes).

Семантические роли субъектов при глаголах потери и составляющие их компоненты отражают существующие субъектно-предикатно-объектные отношения между субъектов - ТЕРЯЮЩИМ, глаголом и ТЕРЯЕМЫМИ объектами или характеристиками внешнего материального и нематериального мира.

Говоря о субъекте, как о левом актанте глагола, тем самым выделяется не только его синтаксическая позиция по отношению к последнему, но и его определяющая роль в формировании значения глагола и всего предложения, поскольку отношения между глаголами и его актантами «играют в семантической структуре более существенную роль, чем любые другие, – роль, которая связана с основной характеристикой глагола, как состояния, процесса, действия или действия-процесса» [8].

Не уделяя специального внимания проблеме глагольных классификаций по характеристике ролевой семантики из-за того, что она не раз освещалась в трудах отечественных и зарубежных исследователей (Почепцов, Булыгина, Fillmore, Chafe, Jackendoff и др.) перейдем к определению отнесения предиката к категориям действий или процессов при опоре на набор семантических признаков, входящих в состав семантических ролей его актантов.

По семантической роли актантов глаголы с семантикой потери в основном являются процессами. Разграничение действий и процессов происходит на основании

признака приложения волевой силы. При наличии осознаваемости результата ситуации потери глагол можно отнести к процессам. Рассмотренный набор семантических признаков, составляющий характеристику субъекта, позволил определить семантические роли ТЕРЯЮЩЕГО как обязательного компонента с структуре концепта ПОТЕРЯ/LOSS. Далее рассмотрим компонент ТЕРЯЕМОЕ, который, наряду с ТЕРЯЮЩИМ принадлежит облигаторной части концепта. Оба компонента входят в состав разнообразных ситуаций потери.

ТЕРЯЕМОЕ (то есть то, что теряется) представляет собой любую материальную или нематериальную сущность. Ограничения, возникающие в рамках употребления лица/лиц в позиции ТЕРЯЕМОГО, как можно предположить, связаны с семантикой самих глаголов потери, демонстрирующей их чувствительность к замещению правого актанта неодушевленными существительными. Обширный корпус примеров позволяет утверждать, что в ситуации потери может оказаться любая сущность.

Существует определенная взаимосвязь между качественными характеристиками теряемой сущности и способом отчуждения или потери. В зависимости от конкретной ситуации, СПОСОБЫ потери (то, каким способом осуществляется потеря) имплицитно в речевом высказывании. Соответственно, если способы могут варьироваться, то, они не могут быть отмечены в конкретном речевом высказывании все одновременно. Каждый из способов потери не является жестко закрепленным и, наряду с остальными, является возможным в другой ситуации, описывающей потерю или отсутствовать вообще. Проиллюстрируем изложенное следующими примерами:

(5) "In all probability, you," returned to him the Minor Poet. "Whether as a happy party we should gain or **lose by** the exchange, it is not for me to say, though I have my own opinion... (Jerome. Tea-table Talk);

(6) The first vote of the evening was taken just before 10pm on a Labour amendment to keep down rises in council rents, and was **lost by** 289 votes to 201 (BNC);

(7) For us it means that millions of tonnes of coal have been **lost by** erosion (BNC);

(8) It is estimated that 15 per cent of home heat is **lost through** timber floors (BNC);

(9) This point is deliberately emphasized, because it is a fact that many potential sales are **lost through** demonstrations that are too technical (BNC);

(10) The surplus recorded in the parish register **must have been lost through** migration to other places (BNC);

(11) He thought of the Wheel of Fortune, slowing, stopping. House number. Everyone **loses** (King. The Dead).

В данных предложениях глаголы актуализируют значение физического действия, наличие которого можно объяснить и через их словарные толкования: lose – to come to be without (something in one's possession or care), through accident, theft, etc., so that there is little or no prospect of recovery (оказаться без чего-то, чем владеешь, случайно, в результате кражи и т. д. и почти или не иметь возможности это вернуть).

Следует отметить, что говоря о необлигаторном компоненте рассматриваемого концепта, СПОСОБ потери, мы имеем в виду физическое действие, ментальность и эмоциональное восприятие, которые обретают в языковых формах свое отражение и место фиксации посредством предлогов, наиболее рекуррентные из которых - by, through.

Таким образом, в данной статье была предпринята попытка изложения концептуальных, онтологических, семантических и других оснований к исследованию единиц языка и речи со значением ПОТЕРЯ/LOSS, представлена наиболее обобщенная схема ситуации потери и дана характеристика облигаторным компонентам данной схемы – ТЕРЯЮЩИЙ и ТЕРЯЕМОЕ, характеризующиеся неизменностью содержательного наполнения. Анализу подвергся и СПОСОБ потери - один из необлигаторных компонентов, которые могут быть имплицитно или эксплицитно выражены на языковом уровне, в зависимости от конкретной речевой ситуации. Говоря об облигаторных и необлигаторных компонентах предложенной схемы, следует отметить, что их однозначное выделение вряд ли возможно. Тем не менее, оно способствует пониманию



представления обобщенной структуры знания о потере. Знания, соотносимые с понятием «потеря», представляют собой логически организованную структуру, которая задается общей структурой когнитивной модели. Когнитивной моделью, обуславливающей семантическую общность и разнообразие глаголов, репрезентирующих потерю, является концепт ПОТЕРЯ/LOSS.

Список литературы

1. Афанасьева О. В. Адъективный класс лексики в современном английском языке и формы его репрезентации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1994. – 47 с.
2. Беляевская Е. Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1992. – 401 с.
3. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. – М.: Прогресс, 1973. – 286 с.
4. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопр. языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126–139.
5. Кравченко А. В. Проблема языкового значения, как проблема представления знаний // Когнитивные аспекты языкового значения: Межвуз. сб. науч. тр. – Иркутск: ИГЛУ, 1997. – С. 3–16.
6. Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 4–39.
7. Кубрякова Е. С. Введение. Проблемы представления знаний в языке // Структуры представления знаний в языке. – М.: ИНИОН РАН, 1994. – С. 5 – 32.
8. Чейф У. Л. Значение и структура языка. – М., 1975. – 432 с.
9. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 254 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
11. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.

CONCEPTUAL, ONTOLOGICAL, SEMANTIC AND OTHER BASES FOR THE STUDY OF LANGUAGE AND SPEECH UNITS REPRESENTING «LOSS»

E. V. Lukyanova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
lukyanova@bsu.edu.ru*

In this article the author makes an attempt to present the conceptual, ontological, semantic and other bases for the study of language and speech units representing LOSS. The article presents the most generalized scheme of the situation describing LOSS and a description of its obligatory components.

Key words: conceptual bases, concept, language, speech units, loss, lose.

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО АРГО (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Т. И. Ретинская

Орловский
государственный
университет

e-mail:
tatret@mail.ru

В статье обосновываются стратегия и методологические параметры полевого изучения французских профессиональных субъязыков и анализируются традиционные и новейшие методы сбора профессиональных арготизмов. Автор описывает результаты полевого обследования арго французских виноградарей и фермеров.

Ключевые слова: профессиональное арго, метод последовательных фильтров, арготографический источник, лингвистическое анкетирование, интервьюирование, включенное наблюдение, метод «свой от своего».

Полевое изучение речевой практики носителей профессионального арго – одна из констант алгоритма сбора языкового материала для полиаспектного описания профессиональных субъязыков. Назовем также другие компоненты обозначенного алгоритма: 1) анализ арготографических источников; 2) декодирование парольных слов участников веб-форума, созданного носителями профессиональных говоров.

Современная социолингвистика предлагает разнообразные методические приемы исследования устной речи арготирующих. Так, французскими социолингвистами разработан метод последовательных фильтров (*méthode des filtres consécutifs*), заключающийся в категоризации зафиксированного арготического вокабуляра, принадлежащего определенной социальной группе. Этот метод был впервые предложен П. Ламбер [18] и апробирован С. Тримайем [29], который его назвал «*méthode des filtres successifs*». Последователями П. Ламбер и С. Тримайя выступили А. Подгорна-Полицка и А.-К. Фьева в ходе сопоставительного исследования французского и чешского молодежного арго [23] и анализа арготического лексикона, который используется создателями и слушателями французских молодежных интерактивных радиопередач [16].

Квалифицируя обозначенный метод как средство конкретизации исследовательских гипотез, А. Подгорна-Полицка пропускает через несколько фильтров весь корпус лексем, собранных в результате проведения анкетирования. Фильтрация включает пять этапов: 1) исключение из зарегистрированного лексического фонда нормативных лексических единиц; 2) выделение экспрессивных аксиологических и контекстуальных лексем; 3) вычленение словоформ, зафиксированных в словарях общего арго; 4) определение лексем, относящихся к современному французскому языку пригородов (А. Подгорна-Полицка именует его «общим социоэтническим арго» / *argot commun socio-ethnique*) (для идентификации первой и второй групп арготизмов используются как словари молодежного арго пригородов, так и словарные работы, посвященные инвентаризации элементов общего молодежного арго); 5) выявление лексических единиц, созданных представителями исследуемой референтной группы. Арготизмы, обнаруженные на последнем этапе фильтрации, не отражены в лексикографических изданиях, но неоднократно встречаются в анкетах информантов или были отмечены исследователем в ходе применения метода включенного наблюдения [23, с. 502 – 517].

А.-К. Фьева, применяя, в свою очередь, метод последовательных фильтров, разделила зафиксированный неконвенциональный репертуар на четыре группы: 1) слова, представленные в словаре «Le Petit Robert»; 2) слова, зафиксированные в словарях традиционного арго; 3) слова, отраженные в словарях современного французского



языка городских окраин; 4) слова, не представленные ни в одном из используемых словарей. Четвертую группу лексем составляет «отфильтрованный осадок»: не внесенные в арготографические работы неологизмы, или так называемые ситуативные (*ad hoc*) новообразования [16, с. 165].

Как показывает краткий экскурс в применяемую европейскими арготологами методику сбора и анализа неконвенциональных единиц, исследование специфического вокабуляра начинается непосредственно с работы «в поле». В ходе системного описания профессиональных арготизмов виноградарей и виноделов Шампани и французских фермеров мы остановили свой выбор на ином векторе поиска арготизмов: от тщательного анализа арготографических фактов – к полевому изучению речевой практики носителей профессионального арготизма.

Первые методологические навыки полевой работы были приобретены в процессе документации парольных слов, созданных виноградарями и виноделами региона Шампань-Арденн. Лингвистический эксперимент, проведенный с 27 августа по 17 сентября 2007 г.¹ в винодельческой коммуне Авиз, основывался на анкетировании и интервьюировании. В роли информантов выступали преподаватели и учащиеся Профессионального лицея по подготовке виноградарей и виноделов в Авизе (Avize / Marne), члены кооператива виноградарей и виноделов лицея. Большая часть интервью была взята во время сбора и прессования винограда (при непосредственном участии в этом этапе работы). Большинство информантов – потомственные виноградары, в их семьях из поколения в поколение передаются традиции выращивания винограда и изготовления шампанских вин. Отметим, что «Винодельческий кооператив выпускников лицея по подготовке виноградарей и виноделов Шампани» производит шампанское под собственной маркой «*Sanger*». В качестве информантов выступали также пять виноградарей департамента Марна; с этими респондентами, как и с коллективом уникального учебного заведения, продолжается переписка, благодаря которой появилась возможность осуществлять дистанционное интервьюирование и анкетирование. Нам была предоставлена возможность работать как в Медиатеке лицея, так и в Медиатеке столицы шампанских вин (г. Эперне / Épernay) и архивах Международного Института шампанских вин (г. Ай / Aÿ), в которых собраны издания, посвященные вопросам выращивания винограда и шампанскому (традиционному) методу изготовления игристых вин, а также скрипты интервью с виноградарями и виноделами региона.

Полевому исследованию предшествовало детальное изучение этапов производства, наименования продукции, традиций ремесла и разнообразных лексикографических и лингвокультурологических источников. Назовем основные словарные работы: 1) словарь знаменитого виноградаря Шампани Г. Филиппонна [22]; 2) лингвокультурологическая энциклопедия Л. Безем-Пья [7]; 3) словарь регионального диалекта провинции Шампань [27]; 4) глоссарий Н. Фьероб, опубликованный Региональным институтом социолингвистических исследований Шарль-Брюно [15]; 5) словарь, созданный членами винодельческих коммун Жанври и Жерминьи [10]; 6) лексикографическое издание Ж. Доне [11]; 7) глоссарий К. Дюпона [13]. Следует упомянуть, что участие в различных мероприятиях, организованных Региональным советом Шампань-Арденн и руководством лицея (посещение современного комплекса по прессованию винограда и старинных зданий для проживания сборщиков винограда Дома шампанских вин «Моэт и Шандон» («*Moët et Chandon*»), встреча с журналистами региона, посещение Межпрофессионального комитета по изготовлению игристого вина по шам-

¹ Сроки полевого исследования были выбраны не случайно. Именно в этот период был проведен один из ключевых этапов работы представителей профессии, которая имеет давние традиции в этом регионе Франции, – сбор винограда и его переработка (прессование). Пользуясь случаем, автор выражает благодарность Региональному совету Шампань-Арденн и, в частности, Мишелю Филиппу Дюрану, руководству и преподавателям Профессионального лицея по подготовке виноградарей и виноделов Шампани за организацию научной командировки и многолетнее конструктивное сотрудничество.

панскому методу в городе Эперне, празднование окончания сбора винограда), способствовало освоению профессиональной лексики.

Анализ лексикографических изданий и материалов, полученных в ходе полевого обследования, показывает, что арго виноградарей включает более 2019 лексических единиц. Субъязык обозначенной референтной группы относится к «большим» аргю. Арготизмы, зафиксированные в вышеназванных специализированных изданиях и собранные путем лингвистического анкетирования, отражают отношение виноградарей к профессиональному мастерству и своеобразный взгляд на окружающую действительность. Следует выделить ряд факторов, которые повлияли на становление этого сохранившегося с давних времен аргю: трудоемкое ремесло с большой долей ручного труда и необходимостью работать круглый год в любую погоду; высокие требования, предъявляемые к качеству возделываемого винограда; сплоченный коллектив. Как правило, для выращивания винограда в Шампани объединяются члены одной семьи, имеющей в собственности виноградники. Представим портрет типичного виноградаря Шампани. Клодетт Гоже (55 лет) возделывает виноград вместе с мужем Жераром Гоже (55 лет). К. Гоже – виноградарь в четвертом поколении; виноградники расположены в коммуне Шампийон (Champillon / Marne), которая находится в 25 км от Реймса и 5 км от Эперне. К. и Ж. Гоже являются членами кооператива виноградарей коммуны Шампийон; они возделывают виноград двух сортов: Пино Менье (*Pinot Meunier*) и Пино Нуар (*Pinot Noir*) и реализуют его представителям двух Домов Шампанских Вин: «Николя Фейят» (*Nicolas Feuillatte*) и «Вдова Клико-Понсарден» (***Veuve Clicquot Ponsardin***). Родители К. Гоже, которые после ухода на пенсию передали виноградники детям, производили шампанское; оно носило имя прадеда К. Гоже: «Жорж Шайу» (*Georges Chayoux*). К. Гоже также передаст виноградники сыну Бриану и дочери Одре, которые принимают непосредственное участие в возделывании винограда. В период его сбора семья виноградарей нанимает сезонных рабочих. Упомянем, что К. Гоже участвовала в анкетировании и отвечала на многочисленные вопросы, связанные с декодированием парольных слов посредством электронных сообщений, т. е. была участником дистанционного интервьюирования.

Основным источником исследования аргю французских фермеров послужили также полевые материалы. Полевой сбор профессиональных арготизмов был осуществлен в департаментах Арденны и Эна (регионы Шампань-Арденн и Пикардия). В качестве информантов выступили фермеры, которые занимаются возделыванием зерновых культур, выращиванием крупного рогатого скота и переработкой мяса².

Следует еще раз подчеркнуть, что продуктивность полевой работы во многом зависит от детального анализа лексического репертуара носителей профессионального говора, отраженного в разнообразных лексикографических источниках. Прежде чем перейти к экспериментальной работе с информантами, была составлена картотека профессиональных арготизмов, зафиксированных в пяти лексикографических изданиях [6], [8], [12], [20], [21]. В нашу арготографическую картотеку внесено 419 лексических единиц, относящихся к аргю мясников и фермеров, которые занимаются разведением крупного рогатого скота, и 214 лексем, характерных для сельскохозяйственных рабочих, культивирующих зерновые и зернобобовые культуры.

В полевом эксперименте, который проводился в январе-марте 2009 г., августе-сентябре 2009 г., апреле-мае 2010 г., июле-августе 2011 г., приняли участие 54 информанта. Его подготовка (*pré-expérimentation*) осуществлена в августе 2008 года. Полевые записи устной речи профессиональной группы были организованы в различных ситуациях с использованием пяти методов: лингвистического анкетирования, интервьюирования, непосредственного наблюдения, включенного наблюдения и так

² Автор признателен многочисленным информантам за помощь в подготовке и проведении работы «в поле» и, в частности, Моник Резер, Паскалю Резер и Филиппу Демарли.



называемого метода «свой от своего»³. Отметим, что различные приемы наблюдения, опроса информантов, эксперименты в своей совокупности могут быть именованы «техникой полевых исследований» [5, с. 157].

Полевая работа начиналась с проведения эксперимента, основанного на интроспекции, т. е. информантам было предложено сообщить о знании и употреблении арготических лексем, включенных в вышеупомянутую картотеку⁴.

При составлении анкеты мы опирались на анкетные данные, разработанные Н. Фьероб при изучении профессионального говора производителей бутылок для шампанских вин [14, с. 172 – 173]. Анкета состояла из шести колонок. Представим блоки анкеты, которая была использована в ходе проведения анкетирования информантов:

1. Unité argotique.
2. Je n'ai jamais entendu cette unite lexicale.
3. J'utilise cette unité lexicale couramment pour mon travail.
4. J'utilise cette unité lexicale rarement pour mon travail.
5. Cette unité lexicale était employé par les anciens.
6. Je mentionne à droite la signification du mot, ou un autre mot que j'utilise plus souvent à la place de celui-ci.

Второй этап полевого эксперимента заключался в сборе парольных слов, используемых информантами, но не отраженных ни в одном из доступных нам лексикографических источников. Продуктивным методом сбора полевых данных является структурированное интервью (его также называют спонтанным интервью). Специфика его проведения описана в работе Н. Б. Вахтина и Е. В. Головки [1, с. 57 – 59]. Выделим наиболее значимые практические аспекты проведения интервью, которые повышают спонтанность речи (в обоснованности их учета мы убедились в ходе опроса респондентов):

1. Вопросы должны быть подобраны таким образом, чтобы интервьюируемый давал развернутый ответ.
2. Желательно включать в интервью вопросы, на которые информант предположительно знает ответ.
3. Следует избегать прямых вопросов об особенностях речи [1, с. 58].

Зачастую мы прибегали к проведению управляемой беседы (*conversation dirigée*) как разновидности интервьюирования. Впервые этот метод был применен А. Дюраффуrom в 1930-х годах XX века. Информантов он выбирал спонтанно, колеся по дорогам Дофине и Савойи. Неизменным атрибутом его социолингвистических путешествий являлся блокнот, который он доставал из кармана в тот самый момент, когда в ходе непринужденной беседы с потенциальным информантом (о ее целях он вообще не догадывался), слышал интересующий его языковой вариант. Собеседник определялся, как мы уже отмечали, спонтанно, но круг вопросов, которые социолингвист предполагал задать в ходе беседы, готовились заранее (досконально изучалась социолингвистическая площадка, включая региональную художественную литературу) и были объединены в блоки (*unités de conversation*). Точка отсчета управляемой беседы устанавливалась, исходя из конкретной ситуации. Например, перед взором исследователя оказывался улей, и он начинал задавать связанные с ним вопросы; информант, вовлеченный в беседу, выступал с небольшим монологическим высказыванием о пчеле и обо всем, что имело к ней отношение. А. Дюраффуr называл это «пятиминутной монографией» (*monographie de 5 mn*) [цит. по: 24, с. 9 – 10]. Конечно, по прошествии почти восьми десятилетий, изменились условия проведения такого рода бесед: вместо блокнота, лингвист возьмет с собой цифровой диктофон. Новые технологии, позволяющие **подвергать** собранные данные **компьютерной обработке** (техника запи-

³ Оригинальная методика полевого сбора языкового материала подробно охарактеризована А. С. Гердом [2].

⁴ Результаты эксперимента описаны в статье «Об одном из инструментов обследования французских профессиональных аргос» [4].

си, ее автоматическая обработка, включающая подготовку скриптов записанных интервью, создание архивного фонда и электронных указателей слов и данных об информантах) [17, с. 127], открывают новые горизонты исследования неконвенциональных форм речи.

Вместе с тем стратегия подготовки общения с информантом, разработанная в прошлом веке, заслуживает быть вновь взятой на вооружение. Нам неоднократно приходилось апробировать модель управляемой беседы с незапланированными информантами. Блоки вопросов были структурированы заранее с опорой на изученные социолингвистические и лингвокультурологические факты. Благодаря поддержке местных фермеров за день удавалось преодолевать значительные расстояния. По ходу движения нашего «лингвистического кортежа» мы встречали многочисленных сельскохозяйственных рабочих, которых не составило труда пригласить на оживленную беседу; она записывалась на цифровой диктофон. Иногда мы использовали в начале разговора одно из их парольных слов, чем еще более стимулировали продолжение беседы.

Готовясь к непосредственному общению с носителями профессиональных говоров, мы прежде всего изучили опыт предшественников. Одни из них подчеркивали, что лингвист должен уметь выбирать информантов (см., например, работу М. Коэна, специально созданную для подготовки и проведения полевого исследования; она была впервые опубликована в 1928 г. и частично переиздана в новом столетии [9]). Другие отмечали, что информанты не всегда готовы к сотрудничеству и доброжелательны, а иногда и вовсе отказывались отвечать на вопросы; некоторые из них мотивировали отказ нехваткой времени или их окружение препятствовало проведению и записи беседы (см., например, работу М.-Р. Симони-Орамбу [25]).

В начале полевого эксперимента нас сопровождал ряд объективных опасений, связанных с возможностью и качеством его проведения. К счастью, все наши информанты приняли максимально активное участие в ходе полевых записей. Возможно, это связано с таким феноменом, как статус социолингвиста: общение было организовано зарубежным исследователем, и это раскрепощало общение. На эту деталь обратил внимание венгерский лингвист Д. Сабо. Изучая методологию арготологического исследования на материале французского молодежного аргота, он пришел к выводу о том, что быть иностранцем – скорее преимущество арготолога, и зачастую этот факт способствует получению более объективных данных [26, с. 218].

Мы разделяем мнение Е. В. Иванцовой, представителя Томской диалектологической школы, о том, что «при контактах собирателя и информанта без посторонних на первый план <...> выдвигается личностное общение, а не прагматическая задача сбора лингвистического материала [3, с. 31].

Участие в ключевых этапах работы фермеров, ярмарке по продаже крупного рогатого скота (г. Ретель) позволило эффективно использовать метод «включенное наблюдение» и способствовало продуктивному сбору языкового материала и его описанию, а также постижению особенностей языковой картины мира носителей исследуемого аргота. Проведение бесед с представителями обозначенной референтной группы велось параллельно с их паспортизацией с социолингвистической точки зрения. Все собранные нами парольные слова оформлены на арготографических карточках.

Мы отметили, что российская полевая диалектология более открытая по сравнению с французской. Например, во французскую карточку, как правило, вносятся зашифрованные данные об информанте (вместо имени и фамилии ему присваивается какой-либо знак: буква, цифра и т.д.; или они заменяются на начальные буквы его имени и фамилии) [19, с. 19; 25, с. 181 – 187]. Это касается не только оформления диалектологических карточек, но и карточек, которые оформляются во время любого лингвистического исследования. Вместе с тем на французских информантов заводятся специальные карточки (*fiches signalétiques*), которые содержат данные о родителях, образовании, специальностях, владении иностранными и региональными языками, формах проведения досуга и т.д. [19, с. 37]. На важность ведения картотеки и продук-



тивность работы с карточками (лексемы, оформленные на карточках, удобно подвергать всякого рода первичным и повторным классификациям) обращал внимание М. Коэн [9, с. 30].

Необходимой составной частью полевых исследований профессиональных говоров XXI века выступает коммуникативное пространство веб-форума. Источником материала является форум *A.C.E. (Agriculture – Convivialité – Environnement / <http://agri-convivial.forumactif.com/forum.htm>)*, созданный французскими фермерами 9 сентября 2009 года. Интернет-форум, насчитывающий более 5550 зарегистрированных пользователей, предложивших более 21 800 тем для обсуждения, выступает в роли интернет-трибуны сельскохозяйственных рабочих всех регионов Франции⁵. Наиболее активные коммуниканты проживают в департаментах Марна, Па-де-Кале, Сомма, Нор, Кот д'Ор, Финистер, Эр и Луар, Арденны, Йонна, Морбиан, Мен и Луара, Тарн, Сарта, Вьенна, Эр, Об, Уаза, Атлантические Пиренеи, Верхняя Гаронна, Жер, Иль и Вилен, Сена и Марна, Приморская Сена, Эна. Французские фермеры, зарегистрированные на форуме, организуют встречи, на которых в неформальной обстановке обсуждают вопросы, прозвучавшие с интернет-трибуны. Нам удалось принять участие в одной из таких встреч и собрать языковой материал. Полевые записи устной речи профессиональной группы велись с использованием двух методов: интервьюирования и включенного наблюдения. Групповые интервью являются одним из способов приблизиться к спонтанному разговору и позволяют наблюдателю записать разговор, практически неотличимый от естественного [1, с. 59]. Совместная работа с представителями обозначенной референтной группы продолжается также на этапе декодирования парольных слов, которые не были расшифрованы во время воспроизведения записей интервью. Упомянем, что во время встречи с участниками форума были выбраны информанты, которые продолжают с нами сотрудничать. У нас есть возможность посредством электронных сообщений (в рамках работы электронной почты веб-форума) продолжить сбор социолингвистических данных для воссоздания речевого портрета респондентов и представления типичных фигур арготирующих⁶. Сам факт существования Интернет-площадки, хозяином которой выступают члены профессиональной группы, увеличивают скорость продвижения и освоения новых профессиональных арготизмов. Арготизмы, создаваемые и используемые Интернет-коммуникантами, обладают мощным эвристическим потенциалом: они стимулируют активный поиск решения производственных задач и способствуют эффективному обмену передовым опытом. Неконвенциональный вокабуляр выступает также в качестве средства формирования языкового коллектива.

Следует констатировать, что профессиональное арготизмы, функционирующее в рамках веб-среды, выполняет такие функции, как фатическая (ее реализация способствует не только установлению контакта с пользователем арготизма, но и прежде всего его поддержанию), парольная (она подчиняется формуле «я – свой»), солидаризирующая (арготический фонд используется как средство для создания атмосферы взаимопонимания и сплочения представителей одной профессии или сферы деятельности), людическая (она осуществляется в гипертрофированном виде, поскольку для создания языковой игры включается и визуальный ряд), репрезентативная (форум – дополнительный инструмент, с помощью которого можно выделиться на фоне других профессиональных или социальных групп или с ними посостязаться), эмоционально-эстетическая (арготизирующие получают возможность выплеснуть как позитивные, так и негативные эмоции, и при этом доставить себе эстетическое удовольствие). Вместе с тем нейтрализуется криптолаллическая функция: любой из непонятых арготизмов сразу же декодируется участником веб-форума.

⁵ Приведенные нами статистические данные были уточнены 14 ноября 2011 года.

⁶ Отдельные слова благодарности адресованы *PatogaZ*, *gingko* и всем веб-коммуникантам за готовность ответить на все возникшие вопросы.

Одним из ключевых факторов, от которого зависит объем аргосельскохозяйственных рабочих, является фактор преемственности. Большинство носителей профессионального аргосельскохозяйственных рабочих занимаются фермерством из поколения в поколение. Представим два портрета типичных представителей обозначенной профессии.

Портрет первый. Филипп Демарли (57 лет) – пикардский фермер в четвертом поколении. Он вырос на ферме Сен-Гобер (*Saint-Gobert / Aisne*), специализировавшейся начиная с 1850 года на возделывании зерновых и технических культур, и продолжает дело своих предшественников. Ф. Демарли поддерживает постоянный контакт с фермерами, проживающими в соседних коммунах, и является одним из самых активных участников веб-форума А.С.Е.. Его сообщения неоднократно служили материалом для пополнения арготографической картотеки и описания паролных слов. Изучение его сообщений, размещенных на веб-форуме, является своеобразной формой включенного наблюдения, которую предлагаем обозначать как дистанционное включенное наблюдение, или дистанционное включение в языковую среду носителя профессионального аргосельскохозяйственных рабочих. Представитель обозначенной профессиональной группы принимал активное участие в организованных нами анкетировании и интервьюировании.

Портрет второй. Паскаль Резер (49 лет) – арденнский фермер в третьем поколении. Фермер, также как и его дед и отец, занимается разведением крупного рогатого скота в Синьи л'Аббеи (*Signy l'Abbaye / Ardennes*). П. Резер выращивает **быков мясных пород (шаролезской и лимузинской)** и имеет замкнутый цикл производства, включающий **производство**, хранение, переработку и **реализацию готовой мясной продукции**. Фермер и его мать Моник Резер (72 года) держат в Синьи л'Аббеи мясную лавку. В период заготовки кормов и стойлового содержания животных П. Резер нанимает сезонных рабочих. Информант принимал участие в анкетировании, интервьюировании, оказывал постоянное содействие в реализации методов «включенное наблюдение» и «свой от своего». Дистанционное обследование аргосельскохозяйственных рабочих представителей обозначенной референтной группы продолжается также при непосредственном участии фермера.

Арготографическая картотека, в которую включены лексемы, собранные в ходе анализа лексикографических источников и полевого исследования, насчитывает 1307 лексических единиц. Дифференциация по такому показателю, как словарный объем, свидетельствует о том, что аргосельскохозяйственных рабочих французских фермеров является «большим» аргосельскохозяйственных рабочих.

Проведенное нами полевое исследование профессиональных аргосельскохозяйственных рабочих свидетельствует о продуктивности и перспективности этого метода сбора языковых фактов, позволяющего перейти от «этнографического массового коллекционирования слов из вторых и третьих рук к полевой работе с индивидом, а от него к речевой картине группы» [2, с. 203]. По нашему мнению, стоит акцентировать внимание и вот на какие детали. Наши информанты делали больше, чем отвечали на наши вопросы: «они участвовали в работе; они становились соавторами» [28, с. 198]. Результат обследования языка конкретной референтной группы – это не просто составленный список слов, за ним всегда стоит совокупность впечатлений, со свойственным только им набором ароматов и живописных красок [28, с. 199]. Задача лингвиста состоит не только в поиске еще никем не зафиксированных лексем, но и в передаче в исследовании их колорита и специфических черт.

Список литературы

1. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004.
2. Герд А. С. О лингвистическом подходе к понятию «жаргон» // Слово в словаре и дискурсе: Сб. научн. ст. к 50-летию Харри Вальтера. – М.: ООО «Изд-во “ЭЛПИС”», 2006. – С. 201 – 208.



3. Иванцова Е. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсоналогии // Вестник Томского государственного университета. – Томск: ТГУ, 2008. – № 3. – С. 27 – 43.
4. Ретинская Т. И. Об одном из инструментов обследования французских профессиональных аргос // Романские языки и культуры: история и современность. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – С. 254 – 260.
5. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
6. Alliot D. *Larlépe-m-vous louchépe-m* ? L'argot des bouchers. P. : Éd. Horay, 2009.
7. Bésème-Pia L. *Lexique du paysan et du vigneron champenois*. – Rethel : J.-L. Binet, 1994.
8. Chaudieu G., Bonneville A., Morel L. *Le langage des bouchers*. – P. : J. Peyronnet, 1951.
9. Cohen M. Extraits de *Instructions d'enquête linguistique* // *Langage et société*. – № 128. – juin 2009. – Marcel Cohen : aux origines de la sociolinguistique. – P. 13-30.
10. Conreau J.-C., Rasselet C. *Janvry – Germigny. Les mots oubliés*. – Reims : Éd. Guerlin-Martin & Fils, 1998.
11. Daunay J. *Parlers de Champagne*. – Langres – Saints-Geosmes : Dominique Guéniot Éditeur, 1998.
12. Depecker L. *Dictionnaire du français des métiers. Adorables jargons*. – P. : Éd. du Seuil, 1995.
13. Dupont Ch. Terminologie des opérations caractéristiques de l'élaboration des vins de Champagne, en particulier celles relatives au travail sur levure pendant et après prise de mousse. Du « vin de base » au « vin de Champagne ». Glossaire présenté dans le cadre de l'U.V. de terminologie allemande. – Lyon : Université Lyon II, 1994.
14. Fierobe N. Étude sur un langage verrier // *La banque des mots*. – 1987. – № 34. – P. 167 – 194.
15. Fierobe N. *Les mots du champagne* // *Parlure Champagne-Ardenne*. – Charleville-Mézières : Institut Charles-Bruneau, 1996. – № 11. – P. 3-59.
16. Fiévet A.-C. *Peut-on parler d'un argot des jeunes ? Analyse du lexique argotique employé lors d'émissions de libre antenne sur Skyrock, Fun Radio et NRJ* : Thèse de doctorat en Sciences du Langage. – P. : Université Paris Descartes, 2008.
17. Gadet F. Sociolinguistique, écologie des langues, *et cetera* // *Langage et société*. – septembre 2009. – № 129. – Le français en milieu minoritaire. – P. 121 – 135.
18. Lambert P. *Mise en texte de parlers urbains de jeunes*. Mémoire de D.E.A.. – Grenoble: Université Stendhal-Grenoble 3.
19. Martinet A., Walter H. *Dictionnaire de la prononciation française dans son usage réel*. – P. : France – Expansion, 1973.
20. Merle P. *Nouveau dictionnaire de la langue verte. Le français argotique et familier au XXI^e siècle*. – P. : Denoël, 2007.
21. Perret P. *Le parler des métiers. Dictionnaire thématique alphabétique*. – P. : Robert Laffont, 2002.
22. Philipponnat G. *Le parler champenois. Recueil des mots particuliers aux vigneron champenois suivi des surnoms donnés aux habitants des communes viticoles*. – Aÿ-Champagne : Imprimerie Plantet, 1979.
23. Podhorná-Polická A. *Peut-on parler d'un argot des jeunes ? Analyse lexicale des universaux argotiques du parler de jeunes en lycées professionnels en France (Paris, Yzeure) et en République tchèque (Brno)* : Thèse de doctorat en cotutelle. – Paris – Brno : Université Paris 5 – René Descartes ; Mazarykova Univerzita, 2007.
24. Simoni-Aurembou M.-R. *Les Atlas Linguistiques de la France par régions (1939-1970)* // *Flambeau. Revue annuelle de la section française*. – Tokyo : Université des Langues étrangères de Tokyo, 2004. – № 30. – P. 1 – 22.
25. Simoni-Aurembou M.-R. *Les enquêtes partielles de l'ALIFO* // *Mélanges offerts au Professeur Lothar Wolf*. – Lyon : Université Jean Moulin, 2005. – P. 179 – 189.
26. Szabó D. *L'argot commun tel qu'on le parle. Problèmes méthodologiques de la recherche argotologique sur le terrain* // *BULAG*. – *Les argots : noyau ou marges de la langue ?* – Université de Franche-Comté, 1996. – P. 215-226.
27. Tamine M. *Dictionnaire du français régional de Champagne*. – P. : Christine Bonneton Éditeur, 1993.
28. Taverdet G. *La professionnalisation du témoin* // *Mélanges offerts au Professeur Lothar Wolf*. – Lyon : Université Jean Moulin, 2005. – P. 191 – 200.
29. Trimaille C. *Pratique langagière et socialisation adolescentes : le tricard, un autre parmi les mêmes ?* // *Parlers jeunes ici et là-bas. Pratiques et représentations*. – P. : L'Harmattan, 2004. – P. 129 – 148.



METHODOLOGY OF THE FIELD STUDY OF THE PROFESSIONAL ARGOTS (ON THE MATERIAL OF THE FRENCH LANGUAGE)

T. I. Retinskaya

*Orel
State
University*

*e-mail:
tatret@mail.ru*

The strategy and the methodological parameters of the field study of the professional sublanguages are grounded, and the traditional and latest methods of collecting professional argot lexemes are analyzed in the article. The author describes the results of the field investigation of the French vine-growers and farmers' argot.

Key words: professional argot, method of the successive filters, argotographic source, linguistic survey, interviewing, participant observation, «from the initiated to the initiated» method.



УДК 811.161.1

КАТЕГОРИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ США

Е. В. Середина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
seredina@bsu.edu.ru*

Политический дискурс в последнее время является объектом пристального внимания отечественных и зарубежных лингвистов. Изучение политической карикатуры как особенного жанра политического дискурса – интересное и актуальное направление современной политической лингвистики. Данная статья посвящена рассмотрению категории информативности в политической карикатуре. Материалом для исследования послужили политические карикатуры американских авторов. На основе их анализа выявлены приемы и средства повышения информативности в вербальной части политических карикатур.

Ключевые слова: информативность, политическая карикатура, политический дискурс.

Политический дискурс является сложным объектом исследования, поскольку лежит на пересечении разных дисциплин – политологии, социальной психологии, лингвистики.

Рассмотрим трактовки политического дискурса, как многоаспектного и многопланового явления, комплекса элементов, образующих единое целое, в лингвистической литературе.. Политический дискурс – это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [4, с. 6]. Шейгал Е. И. говорит о том, что политический дискурс – это «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [14, с. 9].

Т. Ван Дейк считает, что политический дискурс – это класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой. Правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков – это те жанры, которые принадлежат сфере политики.

Сорокин Ю. А. определяет политический дискурс через его соотношение с идеологическим дискурсом: «Политический дискурс есть разновидность – видовая – идеологического дискурса. Различие состоит в том, что политический дискурс эксплицитно прагматичен, а идеологический – имплицитно прагматичен... Первый вид дискурса – субдискурс, второй вид дискурса – медиадискурс» [12, с. 57].

Из анализа лингвистической литературы можно заключить, что общепринятого определения политического дискурса на сегодняшний день не существует, однако, мы можем считать, что политический дискурс представляет собой «вербальную коммуникацию в определенном социально-психологическом контексте, в которой отправитель и получатель наделяются определенными социальными ролями согласно их участию в политической жизни, которая и является предметом коммуникации» [10, с. 43]. Предназначение политического дискурса – не просто «описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [9].

Политический дискурс выражается прежде всего в тексте, он возникает и выявляется в тексте и через текст, но ни в коем случае не ограничивается им. Дискурс не ограничивается рамками собственно семантической системы, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний. «Дискурс – это текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, он выходит за пределы текста и включает в себя различные условия его реализации» [6, с. 73]. Политические тексты имеют ряд харак-

теристик, среди которых основополагающей является коммуникативная установка на воздействие и убеждение, объектом которого являются самые широкие слои населения. Для выполнения данной цели в настоящее время всё чаще используются так называемые креолизованные тексты.

Креолизованные тексты – это «тексты, фактура которых состоит из двух гомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык))» [13, с. 180 – 181]. Иконический (невербальный) компонент креолизованного текста может быть представлен иллюстрациями (фотографиями, рисунками), схемами, таблицами, символическими изображениями, формулами. Вербальные и изобразительные компоненты связаны на содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом уровне. Предпочтение того или иного типа связи определяется коммуникативным заданием и функциональным назначением креолизованного текста в целом. При этом важно отметить, что если вербально представленная информация влияет на сознание индивида рациональным путём, то использование различных паралингвистических средств автоматически переводит восприятие на подсознательный уровень [6, с. 74].

В связи с последним, информацию, которую мы видим, воспринимается быстрее и легче, а текст служит подтверждением верности или ошибочности интерпретации. В процессе восприятия креолизованного текста происходит двойное декодирование заложенной в нём информации: при извлечении концепта из изображения происходит его «наложение на концепт вербального текста взаимодействие двух концептов приводит к созданию единого общего концепта (смысла) креолизованного текста» [1, с. 12].

Визуальные компоненты могут участвовать в организации политического текста разным образом, то их можно поделить на три группы: тексты без изображения (нулевая креолизация), тексты с частичной креолизацией и тексты с полной креолизацией. В последних двух типах оба вида информации интегрируются и преобразовываются в одно целое.

В данной статье мы рассмотрим полилическую карикатуру как один из видов политического текста с частичной или полной креолизацией, которая направлена на критику актуальных политических явлений.

В настоящее время карикатура чаще воспринимается не просто как некое средство критики, иронии, но и как отражение современности, показывающее на все изменения в обществе, «как значимый источник данных о взаимоотношениях между людьми, политическими событиями и властью» [5, с. 132].

В широком смысле под карикатурой понимается любое изображение, где сознательно создается комический эффект, где художник совмещает реальность и фантастику, преувеличивает, акцентирует специфические черты людей, изменяет соотношения их с окружающим миром и использует неожиданные сравнения. В более узком смысле карикатура – это «особый жанр изобразительного искусства (как правило, графики), являющийся основной формой изобразительной сатиры и обладающий ясной идейной социально-критической направленностью» [11, с. 311 – 313]. Е. А. Артёмова политическую карикатуру определяет как «частично или полностью креолизованный текст, поскольку ее вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное и смысловое целое» [2].

В соответствии с этим, политическая карикатура – является одновременно рисунком и текстом, которые передают информацию в политической коммуникации. Текст подписи в карикатуре традиционно является актуализацией того или иного события, или дополнительной характеристикой того или иного политического деятеля. Информационное воздействие на реципиента в основном происходит через графическое изображение, однако, текст служит важным составляющим в понимании смысла карикатуры.

Карикатуре как тексту свойственны информативность и информационная насыщенность. Информационная насыщенность текста понимается как общее количество информации, заложенной автором, тогда как информативность текста предполагает его новизну, неожиданность и полезность для читателя. Общая информация в политической карикатуре состоит из сочетания семантических систем – графики и языка, тогда как «информативность текста – это степень его смысло-содержательной новизны для читателя, которая заключена в теме и авторской концепции, системе авторских оценок предмета мысли» [3, с. 60]. Следовательно, новая информация будет заключаться в тексте карикатуры.

И. Р. Гальперин считает, что категория информативности является основной и различает три пласта информации в тексте:

– содержательно-фактуальную (то, что мы видим). Как правило, каждая политическая карикатура состоит из рисунка и текста;

– содержательно-концептуальную (отношение автора). Основная цель карикатуры критика актуальных политических событий и политических деятелей, отношение автора будет с одной стороны явным, переданное через создание комических рисунков и иронических подписей, и с другой скрытым, поскольку карикатура является жанром политического дискурса, который воздействует на массовое сознание с целью вызвать определённые эмоции, которые модифицируют намерения, мнения, поведение аудитории;

– содержательно-подтекстовую информацию, для понимания которой необходимо наличие фоновых знаний – пресуппозиции [7, с. 138]. В нашем случае необходимо знать политическую пресуппозицию – знание политических событий, визуальное знание политических персоналий, партий, символики).

Рассмотрим карикатуру, на которой изображён президент США Барак Обама. У него на груди медаль с перечеркнутой фотографией предыдущего президента Джорджа Буша с надписью «NOBEL NOT-BUSH PRIZE». Данной содержательно-фактуальной информации недостаточно, чтобы воспринять комизм и иронию карикатуры. Для понимания необходимо знания того факта, что одним из важнейших пунктов предвыборной программы Барака Обамы было завершение военной кампании в Ираке и вывод американских войск. Заняв пост президента Соединенных Штатов, Барак Обама пообещал отказаться от прежней односторонней внешней политики, которую вел Буш, и выразил готовность заботиться об интересах не только США, но и всех стран мира. Обама стал лауреатом Нобелевской премии мира за 2009 год. Награда присуждена ему с формулировкой за огромные усилия по укреплению международной дипломатии и сотрудничества между народами. Вне данной информации неологизм not-bush теряет ироническое объяснение за что, президент получил премию. Только при помощи политической пресуппозиции раскрыта содержательно-подтекстовая информация. Что касается содержательно-концептуальной информации, то здесь можно говорить как о явном, так и о скрытом отношении автора. Выбор данной темы для карикатуры уже свидетельствует об ироничном отношении автора к данной ситуации, хотя, нет слов, конкретно оценивающих события.

Как отмечено, карикатура состоит из вербальной части – текста и визуальной части – фона, единство которых несет в себе какую-либо информацию. Поверхностная структура карикатуры (количество языковых знаков, присутствующих в ней) и глубинная структура (количество информации, заключенной в ней) не совпадают, слов меньше чем, выраженных смыслов. Несоответствие между означаемым и означающим может быть большим или меньшим, и именно это ставит вопрос о двух способах представления информации в карикатуре – семантической экономии и избыточности.

Семантическая экономия – это «опущение элемента в поверхностной структуре высказывания, несмотря на его присутствие в глубинной структуре» [8, с. 80]. «Избыточность усматривается в том случае, если в поверхностной структуре имеется

несколько элементов, представляющих один и тот же элемент глубинной структуры» [8, с. 80].

В связи с возможностью разного способа представления информации в тексте карикатуры существенной оказывается проблема читательского восприятия, декодирования текста. Причем декодирование, в силу разных причин, может оказаться полным или неполным. Авторы политической карикатуры обычно ориентируются на аудиторию, которая знакома с политической ситуацией в стране. Поэтому при определении новизны информации в тексте лучше ориентироваться на соответствие/несоответствие уровня читателя информационным качествам текста и, следовательно, уровню автора.

С целью лучшего понимания смысла карикатуры авторы используют следующие средства и приёмы преподнесения информации в карикатуре. Рассмотрим каждый из них подробнее.

1. Создание двух или более кадров в карикатуре.

В первом кадре карикатуры представлена женщина «Хилари» со словами «I WEAR THE PANTS IN MY FAMILY!!!». Одного кадра недостаточно, чтобы понять о ком идёт речь. Для этого автор создаёт второй кадр, где показывает мужчину в костюме без брюк, который бежит за тремя девушками. Конечно, содержательно-фактуальной информации мало, чтобы правильно интерпретировать карикатуру, но при этом достаточно, чтобы понять, что речь идет о семье Клинтон, а также понять ироничным смысл высказывания «I WEAR THE PANTS IN MY FAMILY!!!». Во-первых, есть намёк на скандал, в который был замешан Билл Клинтон и его помощница Моника Левински. Во-вторых, бывшая первая леди добилась больших результатов в политике, и в данный момент занимает пост госсекретаря США. Таким образом, два кадра помогают читателю создать общую картину и понять смысл карикатуры;

2. Опускание элементов диалога или монолога.

На карикатуре изображён Барак Обама в лабиринте. Он выходит из части, где написано IRAQ и идет по направлению к части с надписью AFGANISTAN. Ирония автора заключена в том, что президент США пообещал, что выведет войска из Ирака, при этом он начал развертывание войск в Афганистане. Данный приём семантической экономии, где без слов понятен смысл, является самым верным, и декодирование информации возможно без подробностей политической ситуации, в которой участвуют США, Ирак и Афганистан;

3. Апоσιοпесис.

В первом кадре карикатуры представлен Ахмадинежад, президент Ирана, со словами «THE HOLOCAST DIDN'T HAPPEN...». Во втором кадре президентом продолжает свою речь «YET...», при этом рядом с ним находится атомная бомба. Умышленное умолчание в обоих предложениях говорит о неуверенности международного сообщества в неопределённых намерениях Ирана, утверждающего о наличии ядерного потенциала;

4. Стилистический значимый повтор.

Ярким примером служит карикатура, на которой изображён Обама в машине, где на его пути находятся светофор с красным светом и надписью «STOP», ограждения и таблицы с надписями «ROAD CLOSED», «NO», «WRONG WAY – GO BACK», «STOP», «TURN AROUND», «DEAD END», «NO THRU TRAFFIC», «GO AWAY NO ENTRY EVER», при этом слон (символ представителя политической партии республиканцев в Америке) обращается к президенту со следующей фразой: «ALL I'M ASKING IS FOR YOU TO SLOW DOWN». Автор путем приема повторения дал ироничную характеристику действиям президента и одновременно показал недовольство в парламенте по поводу реформирования страны;

5. Использование символики.

Использование символики в карикатурах является одним из самых широко применяемых приёмов. С одной стороны, каждый образ содержит в себе информацию,



о которой нет необходимости напоминать, одним символом можно сказать многое. А с другой стороны, данный приём рассчитан на аудиторию, которая знакома с символикой страны. Примером может служить использование в карикатурах образа дяди Сэма, фигуры, символизирующей Соединенные Штаты, и неофициальных эмблем слона и осла, которые символизируют две крупнейшие партии в США – республиканцев и демократов. Карикатура, где Обама верхом на осле обходит на финишной прямой Маккейна на слоне, свидетельствует о победе кандидата от партии демократов над номинантом от партии республиканцев. Без знаний о неофициальных символах американских партий интерпретация карикатуры будет неполной.

Рассмотрим ещё одну карикатура, на которой Дядя Сэм стоит одной ногой в кувшине с надписью «AFGANISTAN», на другой поднятой ноге у него сосуд с надписью «IRAQ», правая рука находится в посуде с надписью «LYBIA», а рядом стоит кувшин с надписью «SYRIA», оттуда выглядывает мужчина со словами «I NOTICED YOU STILL HAVE A HAND FREE...». Автор иронично высказывается о вовлеченности Америки во внутренние дела Ливии, Ирака и Афганистана, при этом США явно не ограничатся решением только этих проблем, они готовы протянуть свободную руку помощи любой стране;

6. Наличие уточнений, вводных слов.

Данный приём является важным составляющим любой карикатуры, поскольку служит необходимым пояснением к визуальной части карикатуры. На карикатуре полицейский, в руках у него транспарант с надписью «FIND A WAY FORWARD». Он регулирует дорожное движение, из-за чего столкнулись две машины. Признав свою ошибку, полицейский произносит «OKAY, LET ME REPHRASE THAT». Без уточнений (надписей на машинах «ISRAIL» и «PALESTINE») карикатура теряет общий смысл. Данные пояснения помогают понять о конфликтах и постоянных столкновениях между Палестиной и Израилем. После анализа фразы полицейского можно заключить, что роль рулировщика принадлежит президенту США Барак Обама. Он официально заявил, что Америка готова быть посредником в переговорах между двумя враждующими государствами, при этом президент умолчал о том, какие действия будут проводиться со стороны США, доказательством чего является фраза в карикатуре «OKAY, LET ME REPHRASE THAT»;

7. Использование прецедентных имён.

Ярким примером может служить карикатура, на которой нарисован мужчина с транспарантом со словами «I'M OUT OF THE VILLIANS». На плакате у него написано: «OBAMA HEALTH REFORM = HITLER + STALIN+ CASTRO+ LENIN+KING JOHN III+ DARTH VADER+JOKER+FRANKENSTEIN+FREDDY KRUEGER+VOLDEMAT+ HANNIBAL LECTOR+ WICED WITCH OF THE WEST». Путём перечисления имён известных политических лидеров, вымышленных персонажей кино и литературы, которые признаны мировым сообществом «злодеями», автор создаёт яркий образ реформы здравоохранения в США. Употребление прецедентных имён в карикатурах имеет преимущество, поскольку в данных именах уже заложена информация, которая служит опорой в декодировании смысла карикатуры.

Основной особенностью политической карикатуры как жанра политического дискурса и вида креолизованного текста является тот факт, что один автор является создателем визуальной и вербальной информации.

В заключении, информативность политической карикатуры представляет собой создание новой интерпретации уже знакомой и известной читателям информации. Различные средства и приёмы помогают читателю взглянуть на политические явления с другой, комической или иронической точки зрения. Каждый из составляющих элементов карикатуры играет свою роль в представлении информации. Без визуальной части карикатура является другим жанром политического дискурса, а без вербальной части, своего рода дополнения и пояснения, рисунок теряет значимость и смысл. Важным условием для раскрытия смысла карикатуры служит присутствие различных

средств и приёмов, которые делают информацию карикатуры образной и доступной любому читателю.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учебное пособие. – М.: Академия, 2003. – 128 с.
2. Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса: Автореферат диссертации кандидата филологических наук. – Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2002.
3. Бабайлова А. Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку: социопсихолингвистические аспекты. Саратов: Саратовский университет, 1987. – 52 с.
4. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
5. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе: монография / Уральский государственный педагогический университет – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург, 2006 – 213 с.
6. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – Вып. 3 (23) / Уральский педагогический государственный университет. – Екатеринбург, 2007. – С. 73 – 78.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
8. Гизатулин С. Л. Семантическая экономия и избыточность в речи // Филологические науки. 2001. – № 2. – С. 75 – 84.
9. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. [Электронный ресурс]. – Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2003. – С. 116 – 133. – Режим доступа: www.infolex.ru/SMI1.htm. – (дата обращения 12.08.2009).
10. Маслова В. А. Политическая лингвистика: Политический дискурс: языковые игры или игры слова? – Вып. 1(24). – Екатеринбург: 2008. – С. 43 – 48.
11. Популярная художественная энциклопедия. Полевой В. М. и др., в 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1986.
12. Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. – М., 1997 – С. 57 – 62.
13. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М.: 1990. – С. 180 – 186.
14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс.... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. – 432 с.
15. Van Dijk, Teun A. Political discourse and ideology. // Paper for Jornadas del Discurso Político, UPF, Barcelona. Second draft, April 29, 2001. – 236 p.
16. www.caglecartoons.com
17. www.washingtonpost.com

CATEGORY OF INFORMATIVITY IN POLITICAL CARICATURE IN THE USA

E. V. Seredina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
seredina@bsu.edu.ru*

Political discourse is in the centre of linguistic investigations now. The study of political caricatures as genre of political discourse is interesting and actual direction in modern linguistic. This article is focused on the review of informativity in verbal part of political caricature as a genre of political discourse. American caricatures serve as the material for research. The analysis of political caricatures shows the means and ways of raising the informativity in verbal part of caricature.

Key words: informativity, political caricature, political discourse.



УДК 811.161.11

ПРОБЛЕМАТИКА СОВРЕМЕННОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ, ДОСТИЖЕНИЯ И НЕДОСТАТКИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. Н. Таранова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
taranova@yandex.ru*

В статье проанализированы и обобщены проблемы термина и терминологии, изложены точки зрения ученых относительно статуса термина в современном языкознании, раскрыты достижения и недостатки современных терминологических исследований в области терминоведения.

Ключевые слова: терминоведение, термин, терминология, терминосистема, терминологическая номинация.

Введение

Исследования по терминоведению в отечественном языкознании так же многочисленны, как и разнообразна их проблематика. И в настоящее время проблемы терминологии не теряют своей актуальности. За последние десятилетия изучение данного пласта лексики в новых аспектах изменило традиционно установленные границы их описания и значительно расширило область исследований. В условиях роста качественно новых научных достижений (компьютерных и телекоммуникационных технологий) терминология, являясь наиболее интенсивно развивающейся частью словарного состава любого языка, испытывает существенное влияние экстралингвистических факторов. Поэтому исследования терминосистем различных наук имеют непреходящее значение в широком диапазоне: от теоретических вопросов общих закономерностей развития отдельных терминосистем до решения практических проблем упорядочения, унификации и стандартизации отраслевой лексики и корректной репрезентации ее в словарях.

О значимости и интенсивности исследований проблем современного терминоведения свидетельствует рост числа научных публикаций, диссертационных исследований и научно-практических конференций. Анализ работ, посвященных проблеме термина и терминологии, показывает постоянное стремление лингвистов расширить область исследования, так как неоднократные попытки сформулировать удовлетворяющее всех определение понятия «термин» оказались малопродуктивными «вследствие многогранности этого феномена» [7].

Теоретический анализ

Проблема статуса термина вследствие своей многогранности является центральной на протяжении всей истории развития терминоведения. В современном языкознании одним из самых актуальных вопросов несмотря на достаточно длительную традицию исследований продолжает оставаться проблема дефиниции термина. Существует множество его дефиниций, иногда в чем-то противоречащих друг другу, чаще – дополняющих одна другую. Однако до сих пор в лингвистической литературе не выработано универсального и исчерпывающего определения термина.

Взгляд на внутреннюю и внешнюю структуру терминологических единиц эволюционировал вместе с тем, как происходил уход от понимания термина исключительно как единицы общеупотребительной лексики.

Следует отметить, что у представителей той школы, где терминологическая лексика включается в состав естественного языка, не сложилось единой позиции по этому вопросу. Здесь четко обозначились две генеральные линии исследования, наиболее выпукло прослеживающиеся в отечественной лингвистике.

Содержание первой линии, ведущей начало от основополагающих в советском терминоведении трудов Д. С. Лотте, можно выразить формулой «термин и слово» («термин или слово»). Противопоставление термина и слова как двух знаковых единиц терминологической и общелитературной лексики основывается на выводах Д. С. Лотте о разноположенности терминосистем и общелитературной лексики, о недоступности сферы терминологий для общеязыковых семантических законов.

Другое направление в терминоведческих исследованиях символизирует дихотомия, в которой термин и слово находятся в родовидовых отношениях: «слово как термин». В последних публикациях, посвященных данному вопросу, настоятельно проводится мысль словной (словесной) природе термина, его генетической и субстанциональной общности со словом. Эта позиция имеет своим истоком положение Г. О. Винокура: «В роли термина может выступать всякое слово... термины – это не особые слова, а только слова в особой функции». В настоящее время данное мнение разделяет большинство отечественных лингвистов (Р. А. Будагов, Г. О. Винокур, Б. И. Головин, Н. П. Кузьмин). В работах этих авторов центр исследования перенесен из сферы фиксации термина в сферу функционирования последнего, что обогатило представление о термине трактовкой его как реальной, а не идеальной, желаемой языковой единицы, выявлением в ней чисто «словных недостатков» – многозначности, синонимичности, полифункциональности, экспрессивности и пр. В рамках данного направления наметилось расширительное толкование самой сферы функционирования термина, она уже не ограничивается исключительно языком науки, но включает и другие функциональные стили – язык художественной прозы, публицистики, пропаганды и агитации и т. д. В результате принципиальная общность термина со словом проступает еще отчетливее, рельефнее. Это, безусловно, положительная тенденция в терминоведении.

Выявление связей термина не только с собственно терминологической системой, но и со всей совокупностью других языковых систем, позволяет обнаружить многообразие форм его проявления, которые раскрывают данный объект с различных сторон и в совокупности дают наиболее полное и объективное представление о его сущности. Ценность этих разработок и в закладывании основ комплексного подхода к исследованию термина: и в сфере функционирования (в синтагматическом аспекте) с охватом различных функциональных стилей, среди которых приоритетным остается язык науки, и в сфере фиксации (в парадигматическом аспекте).

Разделяя в основном в трактовке термина позицию сторонников этого направления можно предположить, что дальнейшее развитие терминологических исследований и обогащение новым содержанием терминоведения может идти успешно лишь на путях проникновения в характер взаимосвязи сторон объекта исследования, их субординации. Совокупность многих сторон, образующих термин, представляет целостную, органически связанную систему. В этой системе не все отношения равнозначны, не все находятся на одном уровне, одни имеют производный характер, другие – определяющий, испытывая в то же время на себе обратное воздействие. Способ связи сторон друг с другом, их последовательность и субординация представляют собой структуру этой системы. В ней одни стороны и связи выступают как случайные, поверхностные, быстро исчезающие. Другие стороны и связи внутренне присущи системе, выступают как необходимые, устойчивые, повторяющиеся. Они и составляют сущность системы, так как сущность есть совокупность всех необходимых сторон и связей вещи, взятых в их естественной взаимозависимости.

Термин в настоящее время рассматривается как особая языковая единица, основное средство выражения научного понятия [Д. С. Лотте, М. Н. Володина, А. С. Герд, В. А. Звегинцев, В. М. Лейчик, В. А. Татаринцев, С. Д. Шелов].

Принадлежность терминологической единицы знаковой системе языка подтверждается тем, что термин может быть словом или словосочетанием и обладать та-



кими семантическими и формальными признаками единиц языка как денотативное, сигнификативное, синтагматическое, категориальное и грамматическое значения.

В рамках семиологического подхода термины представляют собой знаки иной семиотической природы, основу которой составляет взаимооднозначное соответствие знака и означаемого. Таким образом, в структуре термина доминирует связь «имя-понятие», как отмечают В. А. Звегинцев, А. В. Суперанская, В. Д. Табанакова, Т. Sabgé и др. Своеобразие понятийности термина состоит в том, что термин-знак соотносится не просто с одним понятием, но с системой понятий, с фрагментом всей научно-понятийной системы.

Другой дискуссионной проблемой современного терминоведения является отсутствие единого мнения по поводу целенаправленности или хаотичности самого процесса терминообразования. Мнения ученых расходятся в вопросе непосредственного участия человека в создании нового термина. В лингвистической литературе распространены две прямо противоположные точки зрения относительно характера формирования терминосистем.

Ученые, придерживающиеся первой точки зрения, считают, что термины не «появляются», а «придумываются», «творяются» [Г. О. Винокур, А. Д. Хаютин] «создаются» [Е. Н. Толикина], «конструируются» [С. С. Вильчинский], по мере осознания их необходимости, а значения новым словам, по мнению Г. О. Винокура, «предписываются так, как необходимо для их использования по логике научного исследования».

А. Д. Хаютин, указывает на суть различия процесса номинации обыденных и научных понятий, которая заключается не в том, что слова – естественные единицы, а термины – искусственные, а в том, что неологизмы (как онтогенетические, так и филогенетические) не могут быть строго контролируемы. Поэтому у носителей языка отношение к ним именно такое, что они «появляются», а термины «придумываются», «творяются» т. е. имеется в виду конкретная фиксация: кем и когда создан.

Е. Н. Толикина характеризует современный процесс терминотворчества как «целиком сознательную языковую деятельность». Такого же мнения придерживается и М. Н. Володина, которая рассматривает терминологическую номинацию как «опосредованный мышлением процесс именованья специальных понятий из различных областей знания и человеческой деятельности».

Ряд ученых, являющихся сторонниками второй точки зрения, полагают, что придуманных слов практически не существует [Л. Г. Веденина], не существует исходного «нового» слова [Е. В. Розен]. Для обозначения новой возникшей реалии язык либо приспособливает имеющиеся в его арсенале слова, либо заимствует слово из другого языка. Таким образом, всегда прослеживается связь со старыми словами. Появление новых слов фиксируется носителем языка на основании предшествовавшего языкового и культурного опыта.

Ученые выделяют в качестве источника появления новых слов – переосмысление и заимствование, аргументируя тем, что иностранное слово редко входит в язык со всеми значениями. Л. Г. Веденина считает, что, заимствуя иностранное слово, язык отбрасывает ряд значений и начинает «творить слово заново», придавая ему дополнительные значения, выросшие из особенностей использования слова на новой национальной почве. Параллельно с изменением смысла происходит изменение формы (конверсия).

На сегодняшний день большинство ученых придерживаются мнения, что значительная часть терминов формируется на базе средств общелитературного языка. Используется вся вариативность языкового материала (терминологизация слов общего языка, межотраслевые заимствования, повторная терминологизация).

На наш взгляд, приведенные точки зрения не являются кардинально противоположными. С одной стороны, речь может идти, о номинации нового понятия в общественной жизни, с другой стороны о номинации в пределах сложившейся терминосистемы. Бесспорно, как для специалистов, так и для носителей языка, возникновение

нового слова или термина сопровождается эффектом неожиданности и новизны, что создает общее впечатление спонтанности формирования лексической системы.

Наиболее оживленные споры среди лингвистов ведутся по вопросу о том, какую функцию выполняет термин: называет ли термин понятие или определяет его, то есть выполняет ли он номинативную функцию или дефинитивную. Интересно привести противоположные мнения лингвистов по этому вопросу. Г. О. Винокур полагает, что «термины – это не особые слова, а только слова в особой функции. Особая функция, в которой выступает слово в качестве термина, это функция названия. В функции названия очень часто выступают и слова вполне обиходного значения, и бытовые слова могут быть терминами. Но бытовой термин есть название вещи. Между тем научно-технический термин есть непременно название понятия» [2]. Академик В. В. Виноградов выдвинул тезис о дефинитивной функции термина. Его точку зрения разделяет Л. А. Капанадзе, полагая, что «термин не называет понятие, как обычное слово, а понятие ему приписывается, как бы прикладывается к нему... Значение термина – это определение понятия, дефиниция, которая ему приписывается» [8]. Мы полагаем, что специфика термина именно в том и заключается, что он, в отличие от обычного слова, в одно и то же время и называет, и определяет понятие, то есть выполняет две функции: номинативную и дефинитивную.

Нельзя не затронуть также еще один спорный и дискуссионный вопрос. Так, в терминоведении существует некий идеал термина, в соответствии с которым, особенно в научном дискурсе, к терминам предъявляются определенные требования. Но в то же время в реальном функционировании имеется немало терминов, не всегда соответствующих теоретическому идеалу. Каковы же причины такого рода отклонений?

Во-первых, термины и терминосистемы носят не столько субъективный, сколько объективный характер. Иначе говоря, формирование терминологичности языкового знака может рассматриваться как динамическое явление, как своего рода поиск оптимального обозначаемого, не сразу дающий некое специфическое качество [20].

Во-вторых, в процессе научного поиска разными авторами на разных основаниях предлагаются не всегда одинаковые единицы специальной лексики для обозначения одних и тех же понятий: возникает множественность номинаций единого или очень близкого терминологического назначения. Вероятно, трудно было бы вообще ожидать от разных авторов единого мнения и единых принципов обозначения явлений, изучаемых ими независимо друг от друга или с явно выраженной оригинальной авторской позицией.

В-третьих, в науке доминирует принцип невмешательства кодификаторов в уже традиционно сложившиеся терминосистемы, это явление для гуманитарных наук типично. Все эти причины (как реально наблюдаемые тенденции в научном терминотворчестве) позволяют не давать оценку неидеальным терминам как априорно отрицательную, квалифицируя их как малопригодные или непригодные для полноценной научной коммуникации.

Еще одной проблемой современного терминоведения, о которой стоит упомянуть, является выделение общенаучной, общетехнической, отраслевой и узкоспециальной терминологии. «В связи с появлением новых наук и открытием новых явлений возникает потребность давать названия все новым и новым явлениям и понятиям, при этом многие слова общего языка приобретают определенную качественную специфику, происходит специализация их значений» [17]. Общенаучные и общетехнические термины – это термины, используемые в нескольких областях науки и техники. Отраслевые термины – это термины, присущие только одной какой-либо отрасли знаний. Узкоспециальные термины – это термины, имеющие значение, характерные какой-либо специальности данной отрасли.

Однако с годами интерес к различным проблемам терминологии неизменно возрастает. Это вызвано необычайным ростом значимости терминологии в современном языке, что является прямым отражением особой роли науки в современном обще-



стве. Вопросам терминологии учеными на протяжении длительного времени уделялось достаточно пристальное внимание. Так, вопросы терминологии, по мнению В. И. Сифорова и Т. Л. Канделаки, – «это не только национально-историческая, но и интернациональная проблема истории мировой науки, истории человеческих цивилизаций и поисков взаимопонимания между народами» [16, с. 47]. В современный период, как справедливо отмечает А. В. Русакова, интеграции наук перед языковедами возникает проблема необходимости согласования и адекватного восприятия терминологии не только специалистами узкого профиля, но и более широким кругом пользователей [15, с. 14].

В связи с этим становится понятно, почему вопросы теории и практики терминологии приобретают в настоящее время все большую актуальность. С одной стороны, исследователи сосредоточивают внимание на конкретных вопросах, связанных с созданием и совершенствованием бесчисленных частных терминологий, с другой стороны, что является особенно важным, они придают большое значение общей теории этого вопроса, общим принципам и методам, выработанным лингвистами в этой области.

Несмотря на большое количество работ, посвященных терминологии, многие проблемы, касающиеся термина, еще не решены. Никто из исследователей не обладает монополией на истину, поэтому терминологическая работа должна продолжаться.

Основные достижения и недостатки современных исследований в области терминоведения

В данной работе мы не ставим цель ретроспективного анализа достижений современного терминоведения и поэтому не предпринимаем серьезных историко-научных экскурсов, тем не менее, полностью обойтись без них нам не представляется возможным, так как современное терминоведение развиваясь неизбежно опирается на достижения предшественников.

Уже в период становления терминологической науки оформились два практически взаимоисключающих воззрения на термины:

а) точка зрения Д. С. Лотте и его последователей, основанная на том, что термины – это особые слова в структуре любого развитого национального языка, требующие упорядочения и целенаправленного воздействия, и

б) точка зрения О. Г. Винокура, рассматривающая термины не как особые слова, а как слова в особой функции, и что термином может быть любое слово, сколь бы тривиально оно ни было.

Нетрудно понять, что первая концепция исходит из отраслевых потребностей конкретной предметной области. Что касается второй концепции, то учитывая материальную основу терминологии, коей в подавляющем большинстве являются лингвистические единицы (слова и словосочетания естественных языков), а также то, что абсолютное большинство специалистов, исследующих сферу специальной коммуникации, это – терминологи «лингвистического происхождения», несложно догадаться, что и в период становления терминоведения, и ныне господствует лингвистическая концепция.

Можно с уверенностью утверждать, что к настоящему моменту современное терминоведение достигло больших успехов. Об этом свидетельствует обширная и многоаспектная тематика работ по терминологии за последние десятилетия.

На протяжении последних десятилетий интенсивно разрабатывались проблемы теории термина (см. труды О. С. Ахмановой [1961; 1966], В. В. Виноградова [1961], Г. О. Винокура [1939], М. Н. Володиной [1997; 2000], В. Г. Гака [1977], А. С. Герда [1978; 1986], Б. Н. Головина [1987], С. В. Гринева [1993], В. П. Даниленко [1971; 1977], Т. Р. Кияка [1987; 1988; 1989], Р. Ю. Кобрина [1977], В. М. Лейчика [1986; 1989; 1993], Д. С. Лотте [1961; 1995], Г. П. Немца [1999], А. А. Реформатского [1961], А. В. Суперанской [1989], В. А. Татарина [1996] и др.), изучались строение и процес-

сы формирования терминологий и терминосистем, в том числе обращалось внимание на факторы, влияющие на становление и развитие терминологий (см. работы В. В. Виноградова [1961], М. Н. Володиной [1996], С. В. Гринева [1982; 1994; 2001], В. П. Даниленко [1977], В. М. Лейчика [2000; 2002], Л. А. Морозовой [2004], С. Д. Шелова [1983; 1984; 2002] и др.).

Следует отметить, что термин рассматривался на разных уровнях языка и в разных аспектах: в синхронии и диахронии [Татаринев, 1996], функционально-семантическом [Канделаки, 1969, 1970, 1977; Котелова, 1976; Даниленко, 1977; Хасаншина, 2004], лексикографическом [Герд, 1981, 1986; Гринёв, 1982, 1990, 2005; Табанаква, 1999; Шелов, 1998], коммуникативно-когнитивном [Гринёв, 1990], методологическом [Климовицкий, 1969], социолингвистическом [О. А. Зяблова].

Наряду с этим исследовались вопросы взаимодействия терминологии и фразеологии [Е. А. Никулина, И. Р. Шейнин], рассматривалось взаимодействие терминологической и обиходно-разговорной лексики [В. А. Собянина], велись сопоставления терминологии двух и более языков [В. Ю. Бондаренко, Н. П. Глинская, О. А. Казачкова, Т. И. Орел, Л. В. Полубиченко, С. П. Хижняк и др.], исследовались терминологические дефиниции в терминологических текстах [Е. А. Шилова].

На сегодняшний день исследователями создана большая теоретико-методологическая база для дальнейшего изучения частных терминосистем, особенностей их строения, закономерностей и тенденций развития.

Что касается недостатков современного терминоведения, то здесь, на наш взгляд, стоило бы упомянуть отсутствие единства мнений по ряду вопросов.

В первую очередь это касается самой комплексной научной дисциплины «терминоведения» и ее составляющих. Шкала таких мнений простирается от чисто лингвистического («терминоведение» – раздел лингвистики) до комплексно множественного, когда утверждается, что терминологическая наука возникла настыке едва ли не десятка наук, среди которых и информатика, и документалистика, и науковедение, и психология, и теория познания и ряд других, с которыми, безусловно, связано терминоведение, как впрочем и многие другие науки. Однако, как нам кажется, эти науки не стали теми непосредственными «кирпичиками», из которых сложилось «здание» терминоведения. Непосредственными слагаемыми терминологической науки, с нашей точки зрения, являются четыре научные дисциплины: лингвистика, логика, общая теория систем (системология) и семиотика.

Наиболее очевидна связь терминоведения с лингвистикой, уже хотя бы потому, что у них совпадает материальный объект изучения – именно слова и словосочетания естественного языка функционируют в сфере специального общения в качестве терминов. Очевидно поэтому и многие из методов лингвистического исследования, оказываются необходимыми при изучении и упорядочении терминосистем и отдельных терминов.

Исследователями отмечается неравномерность развития данной отрасли лингвистики в различных языках. Сопоставление терминологической работы, проводимой в разных странах, свидетельствует о том, что из более чем 2000 языков мира развитую научную терминологию имеют лишь 60 языков. При этом существующие языки можно распределить по степени большей или меньшей терминологической развитости.

Следующим моментом, на котором стоило бы остановиться, является то, что на сегодняшний момент далеко не все исследователи, терминоведы и лингвисты, считают терминологию системой. По их мнению [Р. Ю. Кобрин, В. М. Лейчик], совокупность терминов той или иной области специальной (профессиональной) деятельности лишь тогда становится терминологической системой, когда подвергнется целенаправленному воздействию со стороны специалистов в плане её унификации. Такую точку зрения вряд ли можно признать справедливой уже хотя бы потому, что, если признать системность окружающего нас мира, а отказ от этого означал бы в конечном счёте отказ от диалектического мировосприятия, то термины, являющиеся знаками всех



предметов и явлений этого мира, не могут не быть системой. Можно говорить о целостности системы, если исходить из выделимости данной предметной области из понятийных систем более высокого уровня обобщения. Целостность системы терминов раскрывается через понятие связи. Критерием её целостности может служить любая семантическая (смысловая) связь между так называемыми планами содержания (т. е., упрощенно говоря, выражаемыми ими понятиями) включенных в неё терминов. Термин, семантически не связанный ни с одним из терминов системы, должен быть извлечён из неё как чужеродный и нарушающий целостность системы.

Деятельность по совершенствованию (упорядочению, стандартизации) терминов и терминосистем представляет собой процесс приведения объекта в соответствие с каким-либо эталоном или максимального приближения его к этому эталону. Таким эталоном для терминов долгое время являлись «требования к термину», сформулированные Д. С. Лотте, и во многом перенесённые в действующие методики упорядочения и стандартизации терминологии. Однако исследования последних лет [К. Я. Авербух, А. С. Герд, В. П. Даниленко, Р. Ю. Кобрин, Г. П. Мельников, А. И. Моисеев, Л. А. Пекарская] демонстрируют не только невыполнимость ряда требований, но и несостоятельность и противоречивость некоторых из них. В связи с этим, отметим, что на большинство из требований к термину можно ориентироваться, как на своего рода эталон, достижение которого проблематично, но стремиться к которому следует.

Связанные с системами понятий, естественно сложившиеся терминологии имеют обычно существенные недостатки, в них встречаются многозначные термины, термины синонимы или омонимы, неправильно ориентирующие термины, более того, многие понятия терминологических систем вообще не имеют терминов.

Список литературы

1. Авербух К. Я. К определению основных понятий терминоведения / К. Я. Авербух // Теоретические проблемы научно-технической терминологии и принципы перевода: Тезисы докладов. – Омск, 1985. – С. 3 – 4.
2. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // История отечественного терминоведения: классики терминоведения. – М., 1994.
3. Гак В. Г. Асимметрия лингвистического знака и некоторые общие проблемы терминологии / В. Г. Гак // Семантические проблемы языков науки, терминологии и информатики: Ч. 1. – М., 1971. – С. 62 – 69.
4. Гринев С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М.: Московский лицей, 1993. – 309 с.
5. Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
6. Звегинцев В. А. Проблема знаковости языка // Звегинцев В. А. История отечественного терминоведения; в 3 т. Т.2. Направления и методы терминологических исследований: Очерк и хрестоматия. – М.: Московский лицей, 1995. – Книга 1. – С. 235.
7. Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). – М.: Академический проект, 2003. – 304 с.
8. Капанадзе Л. А. О понятиях «термин» и «терминология» / Л. А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1965. – С. 77.
9. Лейчик В. М. Основные проблемы теоретического терминоведения / В. М. Лейчик // Терминология и перевод в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве. – Омск: Межвуз. типограф. ОМПИ, 1991. – С. 27 – 30.
10. Лейчик В. М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. 2000. – № 2.
11. Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – 230 с.
12. Лотте Д. С. Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов / Д. С. Лотте. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 79 – 98.
13. Мельников Г. П. Основы терминоведения / Г. П. Мельников. – М.: Изд-во РУДН, 2009. – 116 с.

14. Моисеев А. И. О языковой природе термина / А. И. Моисеев // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 127 – 138.
15. Русакова А. В. Лингвистическая модель двуязычного электронного текстоориентированного словаря юридических терминов: на материале Конституции Российской Федерации, Конституции Французской Республики и Конвенции о защите Прав человека и основных свобод: дисс. ... канд. филолог. наук. – Тюмень, 2008. – С. 14.
16. Сифоров В. И., Канделаки Т. Л. Методологические аспекты терминологической работы (из опыта КНТТ) // Международный симпозиум «Теоретические и методологические вопросы терминологии». – М.: 1979. – С. 47.
17. Судовцев В. А. Научно-техническая информация и перевод. Пособие по английскому языку. – М.: Высш. шк., 1989.
18. Табанакова В. Д. Понятие научно-технического термина и требования к его определению / В. Д. Табанакова // Термин и слово. Межвуз. сб. – Горький, 1982. – С.27.
19. Хаютин А. Д. Термин, терминология, номенклатура: учеб. пособие / А. Д. Хаютин. – Самарканд, 1972. – 129 с.
20. Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1997. – 136 с.
21. Шелов С. Д. Терминология и характерная лексика/ С. Д. Шелов // Термины и их функционирование. – Горький: ГГУ, 1987. – С. 19 – 27.

THE PROBLEMS OF MODERN THEORETICAL SCIENCE OF TERMINOLOGY, ACHIEVEMENTS AND SHORTCOMINGS OF TERMINOLOGICAL RESEARCHES

E. N. Taranova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
taranova@yandex.ru*

The article analyzes and summarizes the issues of the term and terminology, the points of view of scientists on the status of the term in modern linguistics are represented, the achievements and shortcomings of modern terminology researches are revealed.

Key words: science of terminology, term, terminology, term system, terminological nomination.



ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 070.447:78

МЕДИЙНАЯ КРИТИКА КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА (ОПЫТ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Р. П. Баканов

*Казанский
(Приволжский)
федеральный
университет*

*e-mail:
rbakanov@yandex.ru*

В статье анализируется опыт включения в учебный процесс отделения журналистики Казанского (Приволжского) федерального университета дисциплины «Медийная критика в системе современной журналистики России». В рамках данной дисциплины студенты, обучающиеся на старших курсах, имеют возможность не только ознакомиться с творчеством ведущих российских медиакритиков (в частности, телекритиков), но и подготовить собственные творческие работы, посвященные анализу и оценке как газетных публикаций, так и телевизионных передач. Автор статьи характеризует место этой дисциплины в процессе подготовки будущих журналистов, ее взаимосвязь с другими дисциплинами.

Ключевые слова: медийная критика, телевизионная критика, студент, медиатекст, оценка, анализ, обучение.

Полноценное высшее профессиональное образование невозможно без обучения навыкам критического осмысления реальности – в частности, реальности виртуальной, формируемой средствами массовой информации. Информационный поток, воздействующий на человека в современном медиатизированном социуме, неоднороден как по количественным показателям (в мегаполисе он в несколько раз мощнее, чем в сельской местности), так и по качественным характеристикам содержания.

Так, при увеличении общего количества телевизионных программ и телеканалов в постсоветский период, качество телепередач остается крайне неоднородным, велика доля низкопробного контента. При этом жители России в подавляющем большинстве телевизор смотрят. Как свидетельствует исследование зрительских предпочтений, проведенное ВЦИОМ 1 – 2 мая 2010 г., 92 % опрошенных получают информацию только посредством ТВ. Телевидение – самый популярный источник информации среди жителей малых и средних городов (93 – 94 %) и пожилых граждан (96 %) [1].

При этом формируемая средствами массовой информации картина мира не адекватна действительному положению дел, поскольку сегодня в процессе конструирования медийной «повестки дня» исключительная роль и решающий голос принадлежат пресс-службам ключевых государственных структур федерального уровня и редакторскому составу наиболее тиражных медиа. Рядовые потребители массовой информации сегодня нуждаются в надёжных, осведомленных проводниках в море медийного контента.

Вслед за А. П. Короченским [2], А. В. Федоровым [3], А. В. Шариковым [4] и другими учёными и журналистами-практиками мы считаем, что таким проводником в мире массмедиа может и должно стать такое относительно новое для России направ-

ление в журналистике, как медийная критика (медиакритика). Данное направление уже несколько десятилетий существует во многих странах мира. В России оно оформилось, как показывают наши исследования, только с 1990 г., хотя первые попытки развития такой специализации журналистской критики СМИ, как критика телевизионная, предпринимались в СССР уже в 1960-х годах.

В данном случае нам хотелось бы подчеркнуть тесную связь медиакритики и медиаобразования. А. В. Федоров утверждает: «Современная система образования в качестве приоритетных целей рассматривает использование средств массовой коммуникации и медиапедагогики для формирования умений ориентации в информационном поле, противостояния манипуляциям общественным сознанием, для адаптации людей к новым социальным условиям жизни, для позитивного развития личности» [13].

Медиакритика может быть союзником медиаобразования – направления в педагогике, в 2002 г. прошедшего государственное лицензирование в России. Существует много формулировок данного термина (в том числе и сделанное ЮНЕСКО), но мы обратимся к определению А. В. Федорова: «Медиаобразование в современном мире рассматривается как процесс развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники. Медиаграмотность помогает человеку активно использовать возможности информационного поля телевидения, радио, видео, кинематографа, прессы, Интернета, помогает ему лучше понять язык медиакультуры» [6]. На наш взгляд, ключевыми здесь являются две задачи: развитие личности через критическое восприятие и понимание журналистского творчества (практики СМИ) и обучение различным формам самовыражения посредством медиатехники. В наш насыщенный информацией век без умения критически воспринимать медиатексты, понимания принципов функционирования редакций, знания приемов и методов распространения информации вряд ли можно считать человека медиаграмотным. Поэтому такие российские ученые, как например, Я. Н. Засурский [7], Н. Б. Кириллова [8], С. К. Шайхитдинова [19], И. В. Чельшева [10], В. В. Прозоров [11] полагают, что каждый человек должен быть медийно грамотен.

Как научить граждан адекватному пониманию и оценке медийных текстов? А. П. Короченский считает, что определенную роль в решении этой проблемы должна сыграть медийная критика (медиакритика) [12]. Медиакритика – направление разноплановое, призванное анализировать и оценивать конкретные медийные тексты в актуальные проблемы функционирования средств массовой информации в современном обществе. В данной работе под термином «медиакритика» нами понимается и применяется определение, данное А. П. Короченским: «Медийная критика – особая область журналистики, которая призвана помочь обществу в познании новых реалий и тенденций в деятельности СМИ. Она является одновременно и своеобразным способом рефлексии, самопознания современной печатной и электронной прессы, и общественным зеркалом, которое призвано отражать «блеск и нищету» средств массовой информации, оказавшихся в рыночной среде» [12].

Мы считаем, что одной из задач медиакритики является содействие развитию конструктивного публичного диалога и постоянного обмена мнениями между представителями массмедиа и общественности. При этом по возможности необходимо постараться оставить вне поля диалога эмоции, взаимные упреки. По нашему мнению, редакторы как федеральных, так и местных изданий могли бы выделить место на полосах для постоянной медийной рубрики и, тем самым, содействовать такому диалогу.

Будущие журналисты должны готовиться к такому диалогу, в полной мере восприняв современные достижения медиаобразования. Чтобы развивать у студентов навыки критического восприятия медийных текстов и анализа продукции СМИ, на от-



делении журналистики Казанского университета в 2006 г. и годом позже в филиале КГУ в г. Набережные Челны нами было начато преподавание спецкурса «Медийная критика в системе современной журналистики России». В данной дисциплине акцент в подаче материала делается на ознакомлении студентов с ресурсами медийной критики. Через анализ специализированных медийных рубрик в ведущих печатных СМИ России и Татарстана большое место уделяется рассмотрению специфики телевизионной критики как в зарубежных странах, так и в России – в общероссийских и региональных СМИ. Это позволит определить место и роль медийной критики в меняющихся социально-политическом и культурном контекстах последнего десятилетия XX века – начала века XXI. Большое значение также придается вопросам рассмотрения практики СМИ через призму медийной этики и профессионального саморегулирования журналистского сообщества.

В работе над учебной дисциплиной «Медийная критика в системе современной журналистики России» можно выделить несколько этапов.

Первый, предварительный этап, начался в 2002 г., когда, будучи еще студентом отделения журналистики Казанского университета, мы приступили к работе над дипломным сочинением на тему «Телевидение в зеркале прессы Республики Татарстан». Нам не было тогда известно, что в том же году доцент факультета журналистики Ростовского госуниверситета А.П. Короченский выпустил первую в России монографию «Пятая власть?» Феномен медиакритики в контексте информационного рынка» [12], да и термин «медиакритика» ещё не вышел за рамки научных работ. Потому наше исследование базировалось на кропотливом изучении первоисточников – газет и журналов, издающихся в Татарстане. Проведя контент-анализ десяти республиканских русскоязычных газет за период с 1990 по 2003 гг., мы обнаружили более трехсот публикаций, темой которых стало местное и федеральное телевидение. Примерно пятая их часть содержала анализ передач с оценкой их социальной значимости и профессиональных достоинств.

Уже на стадии дипломного исследования нам стало понятно, что публикации с оценкой телевизионных передач составляют отдельное тематическое направление в периодической печати Татарстана. Подавляющее большинство материалов было подготовлено в таких жанрах, как заметка, анонс, интервью с работниками телевизионных студий. В связи с тем, что количество публикаций о ТВ, выполненных в информационных жанрах, постоянно увеличивалось, мы решили не включать их в исследование, а сосредоточиться на анализе специфики телевизионной критики в выступлениях местных авторов. Выявленный массив текстов можно было классифицировать по нескольким тематическим направлениям в зависимости от объекта внимания критика. А еще можно было изучить, с помощью каких средств и методов тот или иной автор формирует положительную / нейтральную / негативную оценку ТВ-передаче.

Исследование специфики телевизионной критики в периодической печати было продолжено на стадии подготовки кандидатской диссертации. Объект изучения был расширен до одиннадцати ведущих изданий России. Хронологические рамки исследования были раздвинуты и полностью охватили 1990-е годы. Таким образом, в начале 2004 г. наступил второй, теоретико-методологический, этап подготовки дисциплины «Медийная критика» к ее введению в учебный процесс.

Через два года полученные эмпирическим путем сведения стали основой для отдельного спецкурса. Проведя контент-анализ федеральных газет, мы выявили за десятилетие 6526 публикаций, в которых речь шла о телевидении [14]. Треть из них содержала анализ телевизионного контента. Исследуя практику ТВ-анализа, мы узнали, что еще в первой половине 1990-х гг. почти в каждой из выбранных для изучения газет были открыты специальные постоянные тематические рубрики, ведущие которых выступали в таких жанрах, как обозрение телепередач, рецензия, статья, реже аналитическая корреспонденция и творческий портрет известной телевизионной персоны. Сосредоточив внимание на аналитических публикациях, мы разделили их на

16 тематических направлений, каждое из которых при желании можно представить, как «историю» федерального телевидения «постперестроечного» времени. Параллельно с этим, изучали творчество авторов – телевизионных критиков: в 1990-е гг. с федеральной прессой сотрудничало примерно полтора десятка профессионалов-критиков, ранее сделавших себе имя на поприще кино- или театральной критики, а также те, кто делал первые шаги в журналистике.

На основе их постоянных публикаций был проведен анализ стиля, жанров, а также методов формирования оценок телевизионным передачам. Тогда же мы стали задумываться и об этических вопросах функционирования медиакритики, а также этических конфликтах с журналистами-практиками, которые, как выяснилось, сопровождают медийного аналитика практически ежемесячно.

Практика значительно опережала теорию и в области медийной критики. К 2006 г. (времени, когда мы вышли на защиту нашей диссертации по проблемам телевизионной критики на соискание ученой степени кандидата филологических наук) научная библиография проблемы составляла одну докторскую диссертацию [15] и монографию А. П. Короченского [12], труды известных московских ученых (С. А. Муратова [16], Г. В. Кузнецова [17], В. Л. Цвик [18], А. Г. Качкаевой [19]), посвященные современным проблемам телевидения и телекритике. Также статьи о телевизионной критике в профессиональных журналах, например, «Журналист» [20] и «Журналистика и медиарынок» [21]. Имеющаяся к тому времени практика телекритики, на наш взгляд, заслуживала большего внимания, как ученых, журналистов, так и широкой общественности.

К этому времени только в небольшом количестве вузов преподавали телекритику как учебную дисциплину либо давали основы медиакритики в целом. Данная дисциплина была введена в учебный план отделения журналистики КГУ в 2006 г. Первоначальный опыт её постановки на втором курсе был недостаточно продуктивным, поэтому было принято решение перенести дисциплину на четвертый курс (седьмой семестр) – время, когда студенты уже сдали экзамены по проблемно-аналитической журналистике, прослушали дисциплины по профессиональной этике журналиста, истории отечественной и зарубежной журналистики XVIII – XIX веков, а также имеют некоторый опыт практической работы.

Так начинался третий, практико-ориентированный, этап становления спецкурса. На одном теоретическом материале и газетных выступлениях телевизионных критиков невозможно достичь качественного образования. Поэтому сразу же встал вопрос о практической составляющей дисциплины. Мы пришли к выводу: каждый изучающий курс студент должен попробовать себя в роли пишущего медиакритика. Пришлось углубленнее изучать методы формирования оценки ведущих телевизионных критиков, обращать внимание на жанры критики (рецензию, творческий портрет, обозрение, зарисовку, статью, эссе), чтобы дать возможность студентам хотя бы на некоторое время побывать в роли «дежурного по эфиру». Побывав на занятиях по медиакритике, студенты не только знакомятся с теоретическими аспектами этого нового для российской журналистики направления, но и делают первые творческие шаги в постижении профессии критика СМИ.

Дисциплина «Медийная критика», призвана способствовать закреплению у студентов навыков подготовки аналитических материалов в таких жанрах критики, как рецензия, статья, обозрение и творческий портрет. Курс позволяет им внимательно посмотреть на тенденции, характерные для современных масс-медиа, рассмотреть актуальные вопросы формирования «повестки дня» тем или иным средством массовой информации, понять приемы воздействия информации на человеческое сознание. Практическая значимость дисциплины заключается в том, что студенты, анализируя контент того или иного СМИ, постепенно учатся понимать и различать: что будет в центре внимания конкретного издания или телеканала в зависимости от его учредителя, какой тематический акцент следует ожидать от СМИ разных типов. Помимо это-



го, студенты учатся сравнивать подходы редакций СМИ к освещению различных актуальных вопросов современности, методы и способы подачи информации. Большое значение также придается вопросам медийной этики и проблемам саморегулирования журналистского сообщества. Важно, чтобы среди участников курса были те, кто уже не понаслышке знаком с журналистской деятельностью.

Программа обучения дисциплине выстроена в соответствии с концепцией медиаобразования как развития критического мышления/автономии личности, демократического мышления аудитории. На первых занятиях, изучая теоретические основы медийной критики, студенту желательно ознакомиться с определением ключевых понятий, к которым ему придется обратиться при подготовке аудиторных и самостоятельных работ: «медийное образование», «медийная грамотность», «медийная критика», «аудитория», «оценка», «цель», «идея», «замысел», «повестка дня», «репрезентация», «точка зрения», «плюрализм мнений» и другие.

Преподаваемая нами дисциплина находится в тесном взаимодействии с некоторыми другими курсами, изучаемыми студентами отделения журналистики КФУ. Вряд ли можно стать хорошим критиком СМИ, если плохо знать систему журналистских жанров. С другой стороны, аналитика в области массмедиа требует соблюдения четких профессиональных этических критериев и норм. Поскольку деятельность медийного критика по своей сути не только междисциплинарна, но и постоянно находится под словесным «ударом» со стороны коллег по «цеху», тот, кто берет на себя смелость анализировать текущую практику деятельности СМИ, должен обладать определенными знаниями в области психологии и иметь профессиональную стрессоустойчивость.

К этому времени студенты завершают изучение таких предметов, как «Основы творческой деятельности журналиста», «Выпуск учебной газеты и телерадиопрограммы», «Новостная журналистика», «Проблемно-аналитическая журналистика», «Профессиональная этика журналиста», овладевают знаниями об истории отечественной и зарубежной журналистики прошлых столетий. Иными словами, у журналистов ко времени начала обучения нашей дисциплине должен быть полноценный набор необходимых практик и профессиональных компетенций, чтобы попробовать себя в роли начинающего медийного аналитика.

Несмотря на то, что продолжительность преподаваемой нами дисциплины всего 36 часов, она является стартом для того чтобы каждый студент задумался о качестве получаемой посредством СМИ информации и методах и способах воздействия журналистов на сознание человека для закрепления распространяемых сведений. Это будущим журналистам необходимо прежде всего потому, чтобы самим не стать жертвами информационных кампаний, преследующих определенные цели. Думается, что полученные в результате усвоения материала нашей дисциплины знания помогут студентам изучать и учитывать мнения своей аудитории, ее запросы и пожелания, а не просто предоставлять ей сведения, которые в настоящее время интересны редакции (или только одному редактору).

Описание учебного материала. Дисциплина «Медийная критика» направлена на выявление у студентов уровня медийной грамотности и его повышение, на формирование у них навыков критического осмысления освещения в средствах массовой коммуникации социальных проблем, имеющих определенный общественный резонанс.

Студенты, обучающиеся по специализации «Международная журналистика», могут провести сравнительные исследования специфики медийной критики, представленной в печатных, электронных или online-СМИ России и в определенных зарубежных медиа (наименование определяется по выбору студента при согласовании с преподавателем).

В процессе подготовки исследования в рамках данного направления студент должен научиться и продемонстрировать преподавателю следующие исследовательские навыки:

- работа с эмпирической базой, стремление отыскать все или как можно больше точек зрения на социальную проблему, выбранную для исследования;
- актуализация предмета и объекта анализа;
- знание специфики формирования «повестки дня» тем или иным СМИ, представление о политике, проводимой его учредителем в отношении данной редакции, наиболее часто освещаемых темах (проблемах), принадлежности ее к определенному медийному холдингу, а также об основных рубриках изучаемых медиа;
- показ на основе сбора эмпирической базы данных репрезентации исследуемой проблемы на страницах СМИ, выбранных для исследований разного уровня;
- корректное цитирование отдельных фраз из публикаций, подтверждающее промежуточные или основные выводы автора научной работы;
- разработка критериев для корректного сравнения публикаций из разных источников;
- разработка критериев для выявления качества (специфики) творческого почерка авторов публикаций, которые студент анализирует в своей работе;
- характеристика публикаций журналистов, чьи произведения составляют основу исследований разного уровня;
- владение информацией о научных исследованиях как напрямую, так и косвенно касающихся данной области знания, по которой готовится работа студента.

Для проведения исследований обучающиеся могут применять в совокупности следующие методы:

1. *Мониторинг средств массовой информации.* Для проведения исследования студент должен определить для себя наиболее значимые для населения данного региона или страны печатные издания;

2. *Контент-анализ* публикаций каждого из выбранных для исследования федеральных и (или) региональных средств массовой коммуникации. На его основе предполагается оперативное выявление и анализ проблем, связанных с информированием аудитории: неточности в подаче данных, присутствие (отсутствие) ссылок на компетентные источники, авторские оценки освещаемым событиям, круг проблем, анализируемых на страницах каждого исследуемого медиа, тактические и стратегические цели подготовки материалов, авторские и редакционные приемы формирования общественного мнения, трансформация функций журналистских публикаций, регулярно формируемые информационные образы отдельных сфер жизни (политика, экономика, армия страны и т. д.), а также медийные «портреты» различных социальных слоев населения России;

3. *Сравнительно-сопоставительный метод* информационной политики исследуемых СМИ. С помощью данного метода обучающиеся проводят сравнение практики информационного сопровождения социальных проблем различными средствами массовой информации. Критерии сравнения устанавливаются в процессе проведения исследования;

4. *Содержательный (текстуальный) анализ публикаций массмедиа.* Данный метод позволяет провести исследование специфики стилей авторов выступлений, выявить своеобразие их творческого почерка. Кроме того, с помощью предлагаемого метода станет возможным определение наличия/отсутствия средств художественной выразительности в отдельно взятом медиа, а также, на основе выявленных примеров средств художественной выразительности, изучение общей стилистики каждого из изучаемых средств массовой коммуникации.

Для студента важно определить свою задачу профессионального становления, которую он хочет решить при изучении спецкурса. Процесс выбора можно начать с ответов на вопросы: Что мне нужно от изучаемого предмета? Насколько учебный материал пригодится мне в профессиональной карьере? Как и где я смогу реализовать на практике полученные знания? Задача эта должна быть сугубо персонифицирована: усвоить предмет только в пределах учебной программы и успешно сдать экзамен; по-



высить уровень компетентности в проблеме функционирования отечественного медийного рынка; научиться технике аналитического обзора содержания СМИ; понять специфику журналистской критики, сопоставить ее с критикой литературной, музыкальной, театральной. При целеполагании необходимо обратить внимание именно на приобретение новых практических навыков работы с печатными, электронными или online-СМИ.

Основное содержание учебного курса можно представить в виде нескольких тематических блоков:

Блок первый. Предмет и задачи критики. Критика как особый род деятельности – 4 часа. В рамках данного блока изучаются социальный и культурный контексты критики, ее публицистическая природа. Два адресата критики: а) автор (творческий коллектив) анализируемого произведения; б) аудитория произведения. Массовое и профессиональное сознание. Объективность и конъюнктура. Специфика журнальной и газетной критики.

Блок второй. Медиакритика как новое направление в журналистике России. Медиакритика как самостоятельная область искусствоведения. Становление медиакритики в России: предпосылки возникновения, основные медийные рубрики, творчество медиаобозревателей ведущих СМИ России, функциональное, жанровое и стилистическое разнообразие публикаций о специфике деятельности масс-медиа 1990-2011 гг. – 6 часов.

Блок третий. Медийная критика как форма саморегулирования журналистского сообщества. Методика критического анализа – 4 часа.

Что необходимо учитывать при анализе медийного произведения? Контекст произведения. Соотношение экранного мира и действительности. Мультимедийные технологии и разные формы познания жизни. ТВ как творец новой реальности, медиатизация событий («правдивая ложь экранных иллюзий»), способы ее достижения.

Понятие «язык СМИ», специфика языка экрана, радио, печатных СМИ, интернет-ресурсов. Особенности работы журналиста в печатных СМИ, на ТВ, радио и в интернет-издании. Формы авторизации контакта с аудиторией.

Блок четвертый. Проблема авторского стиля в медиакритике. Анализ публикаций, творческий почерк известных критиков – 4 часа.

Здесь совместно со студентами проводится анализ практики ведущих медийных критиков России. Стилль, применение средств художественной выразительности, экспрессивность лексики и т. д. Выявление авторских приемов и творческих принципов при анализе медийных текстов.

Блок пятый. Жанровое разнообразие медийной критики. Изучение таких жанров, как реплика, зарисовка. Аналитическая корреспонденция. Творческий портрет, обозрение и рецензия. Анализ практики СМИ – 12 часов.

Студенты изучают наиболее характерные для данного направления жанры: рецензия, обозрение, творческий портрет, корреспонденция, беседа, зарисовка. Примеры из практики федеральных и республиканских СМИ.

Блок шестой. Анализ самостоятельной работы студентов. Обсуждение творческих работ, выполненных в жанре реплики, зарисовки, аналитической корреспонденции, творческого портрета, мини-рецензии на медийную передачу или обозрения телепрограмм – 6 часов.

Проводится анализ публикаций ведущих отечественных медийных критиков. Предпринимаются попытки установить общие и различные для каждого из изучаемых изданий критерии оценки медийного содержания. Классификация выявленных материалов по типам критики: рецензирующая, анонсирующая, проблемно-постановочная, описательная, «желтая» критика. Выявление преобладающей оценки в творчестве медийных критиков.

Экзамен как форма итогового контроля. Студенты в течение семестра могут подготовить несколько самостоятельных материалов в определенном жанре (на выбор

студента) с обоснованием собственной позиции по отношению к медийному продукту. Выполняя работу в течение семестра, студент набирает баллы за выполнение каждого творческого задания или выступление на семинаре. В конце курса обучения все баллы суммируются, и общее их количество сообщается студенту. Если студент удовлетворен, итоговая сумма баллов выставляется в зачетно-экзаменационную ведомость.

Во время освоения четвертого, пятого и шестого блоков дисциплины, каждый студент должен попробовать свои силы в подготовке как минимум трех материалов в разных жанрах с критическим анализом медийного произведения (теле-и радиопередачи, публикации в прессе или в Интернете). Каждая работа обсуждается в группе совместно с преподавателем и оценивается им, исходя из разработанных балльно-рейтинговых показателей. Например, информационные жанры по баллам «вешают» меньше аналитических или художественно-публицистических.

Обратимся к проблемам, которые возникают в процессе преподавания данного учебного курса:

1. Слабая заинтересованность студентов.
2. Узость тезауруса обучающихся.
3. Быстрая потеря актуальности используемого эмпирического материала.
4. Снижение количественного и качественного уровня медийной критики в прессе Республики Татарстан.

В результате анализа пятилетнего опыта проведения настоящей дисциплины, мы пришли к следующим выводам:

1. За относительно небольшой промежуток времени (один семестр, т.е. 36 часов) студенту необходимо освоить значительный объем информации как теоретического, так и практического характера. В частности, они знакомятся с целью, задачами, объектом, предметом, функциями и жанрами медиакритики, а также творчеством ведущих критиков, сотрудничающих с такими федеральными изданиями, как: «Известия», «Российская газета», «Литературная газета», «Новая газета», «Московский комсомолец», «Газета», «Коммерсантъ» и др. Важно, чтобы студенты имели представление и о медийной критике в прессе Республики Татарстан;

2. Дисциплина «Медийная критика в системе современной журналистики России» имеет практическую направленность. За время ее изучения каждый студент должен попробовать себя в подготовке материалов как минимум в двух жанрах критики. На его выбор предлагаются: реплика, рецензия, зарисовка, творческий портрет, тематическое обозрение, комментарий, аналитическая корреспонденция. На творческую работу программой дисциплины отводится до 18 часов. У студента есть возможность почувствовать себя медийным критиком, выбрав для анализа телевизионную передачу, публикацию в газете, журнале или радиовыступление. Некоторые критерии оценки рекомендуются преподавателем, иные критерии студент должен предложить самостоятельно;

3. Практическая направленность дисциплины требует пересмотра отношения к своей работе со стороны преподавателя. Его социальная функция трансформируется. Теперь он уже не просто транслятор информации, знаний в аудиторию, а, образно выражаясь, играющий тренер (эксперт). Его задачей становится не только контроль усвоенных студентами теоретических сведений, но и содействие в формировании и дальнейшем развитии у обучающихся навыков критического анализа медийных произведений;

4. Трансформируется и традиционная, субъект-объектная, форма общения студентов со своим преподавателем. На наш взгляд, в рамках настоящей дисциплины отношения двух субъектов должны строиться исключительно на партнерских доверительных отношениях друг к другу, т.е. общаться они должны на равных. Однако это произойдет только в том случае, если обе стороны будут, что называется «в теме». Такая форма взаимоотношений требует увеличения времени на освоение дисциплины:



большую часть работы придется выполнять во внеаудиторное время, а на занятиях проверять сделанное и получать консультации преподавателя.

Список литературы

1. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1499 от 21.05.2010 г. «Телевидение в нашей жизни». Доступно на: URL: <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/13518.html> (дата обращения 7.12.2010 г., режим доступа свободный).
2. Короченский А. П. Медиакритика и медиаобразование // Высшее образование в России. – 2004. – № 8. – С. 40 – 46.
3. См., например: Федоров А. В. Технология развития медиакомпетентности и критического творческого мышления в процессе медиаобразования студентов // PR в образовании. – 2007. – № 2. – С. 4 – 26; Федоров А. В. Развитие критического мышления в медиаобразовании: основные понятия // Инновации в образовании. – 2007. – № 4. – С. 30 – 47; Федоров А. В. Этический анализ процессов функционирования медиа в социуме и медиатекстов на занятиях в студенческой аудитории // Журналистика и медиаобразование-2008: сб. трудов III Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 25 – 27 сентября 2008 г.): в 2 т. Т. 1 ; под ред. проф. А. П. Короченского. – Белгород: БелГУ, 2008. – С. 269 – 273.
4. Шариков А. В. 12 «зол» телевидения. В кн.: Актуальные проблемы культурной политики современной России. – М.: Ленанд, 2008, С. 72 – 98.
5. См.: Саппак В. Телевидение, 1960: Из первых наблюдений // Новый мир. – 1960. – № 10. – С. 177 – 204; Саппак В. С. Телевидение и мы: Четыре беседы. – М.: Искусство, 1963. – 182 с.; Василенко Н. Пресса и малый экран // Советская печать. – 1966. – № 9. – С. 36 – 39; Богомоллов А. Поменьше смотрите телевизор! // Журналист. – 1967. – № 6. – С. 39 – 41; Дьяченко В. Охота к научению – признак силы // Журналист. – 1967. – № 9. – С. 38 – 40 и др.
6. Федоров А. В. Медиаобразование и медиаграмотность. – Таганрог: Изд-во Кучма, 2004. – С. 11.
7. Засурский Я. Н. Российское телевидение в 21 веке: обретения и потери // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2003. – № 3. – С. 3 – 8.
8. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. – М.: Академический Проект, 2005. – 448 с.
9. Шайхитдинова С. К. Медиа-этика. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007. – 80 с.
10. Чельшева И. В. Анализ, оценка и интерпретация медиатекста в процессе вузовского медиаобразования // Медиакультура новой России / Под ред. Н. Б. Кирилловой и др. Т. 2. – Екатеринбург–Москва: Академический Проект, 2007. – 512 с.; Чельшева И. В. Критический анализ медиатекста: теоретические аспекты проблемы // Медиаобразование. – 2007. – № 4. – С. 9 – 17.
11. Прозоров В. В. Власть современной журналистики, или СМИ наяву. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – 240 с.
12. Короченский А. П. «Пятая власть?» Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. – Ростов н/Д: Международный институт журналистики и филологии, 2002. – 272 с. Доступно также на: URL: <http://www.ksu.ru/f13/gbaka-nov/index.php?id=5&idm=0&num=23> (дата обращения 7.12.2010 г., режим доступа свободный); Короченский А. П. Медиакритика в теории и практике журналистики – Ростов н/Д: РГУ. 2-е изд. 2003.
13. Федоров А. В. Медиаобразование в педагогических вузах. – Таганрог: Изд-во Кучма, 2003. – С. 7 – 8.
14. Баканов Р. П. Телевидение сквозь призму газет 1990-х годов (на материалах изданий Москвы и Татарстана): Дис. ... канд. филол. наук; Казанский гос. ун-т. – Казань, 2006. – 248 с.
15. Короченский А. П. Медиакритика в теории и практике журналистики: Дис. ... д-ра филол. наук; СПбГУ. – СПб., 2003. – 453 с.
16. Муратов С. А. ТВ – эволюция нетерпимости (история и конфликты этических представлений). – М.: Логос, 2001. – 240 с. См. также: Муратов С. А. Телевидение в поисках телевидения: Хроника авторских наблюдений. – М.: ИПК работников телевидения и радиовещания, Изд-во Моск. гос. ун-та, 2001. – 175 с.
17. Кузнецов Г. В. Так работают журналисты ТВ. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. – 400 с. См. также: Кузнецов Г. В. ТВ-журналистика: критерии профессионализма. – М.: РИП-холдинг, 2004. – 222 с.



18. Цвик В. Л. Журналист с микрофоном. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. – 124 с. См. также: Цвик В. Л., Назарова Я. В. Телевизионные новости России. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 171 с.

19. Качкаева А. Г. Новейшая история Российского телевидения 1990 – 2002 гг. (опыт периодизации) // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2003. – № 3. – С. 20 – 32.

20. Кузнецов Г. В двух зеркалах // Журналист. – 1996. – № 12. – С. 42 – 45.

21. Петровская И. Медиакритика: «хорошие» и «плохие» мальчики. Почему телевизионщики пытаются расширить границы допустимого // Журналистика и медиарынок. – 2003. – № 2. – С. 43 – 44.

MEDIA CRITICISM AS A UNIVERSITY DISCIPLINE (THE CASE OF THE KAZAN UNIVERSITY)

R. P. Bakanov

*Kazan
(Volga Region)
Federal
University*

*e-mail:
rbakanov@yandex.ru*

The article considers the university discipline «Media criticism in system of modern journalism of Russia», which is integrated into the educational process of department of journalism of the Kazan (Volga Region) Federal University. The students have possibility not only to get acquainted with works of well-known media critics, but also to try the forces in the analysis of newspaper publications and telecasts. The author of the article distinguishes three stages of the discipline, its issues and its place in the educational process of training of the future journalists and its interrelation with other disciplines. The author claims that the disciplines which train the critical analysis of media texts are very important in the education. It's important not only for the future journalists, but also for those studying other humanities.

Key words: discipline «Media criticism», criticism, television criticism, student, media text, estimation, analysis, education.



СМИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Т. В. Вялых

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
vyalых@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются особенности развития средств массовой информации в интернет-пространстве Казахстана с момента официальной регистрации казахских интернет-сетей в 1994 г. Главные акторы, формирующие интернет-среду Казахстана, представляют собой сайты телеканалов, ведущие информационные агентства, государственные интернет-порталы.

Ключевые слова: СМИ, интернет-пространство Казахстана, интернет-ресурсы, ведущие информационные агентства, телеканалы, рейтинговые показатели, языковой контент.

Интернет-СМИ на сегодняшний день являются одной из важных составляющих медиасистемы Республики Казахстан. Однако ни состояние казахской интернет-журналистики, ни развитие и проблемы интернет-пространства республики, знание которых необходимо для объективного изучения сетевых СМИ Казахстана, пока ещё не становились объектами внимания исследователей. В данной работе мы *рассмотрим состояние казахского интернет-пространства на современном этапе, определим степень доступа населения Казахстана к Казнету, изучим содержательные и качественные аспекты ведущих казахстанских сайтов*. При этом будем руководствоваться законодательными положениями, относящимися к сфере массовых коммуникаций Республики Казахстан, а также анализировать статистические данные, отражающие состояние интернет-коммуникаций в стране.

Отсчет истории развития казахстанского интернет-пространства ведется с сентября 1994 г., когда был официально зарегистрирован национальный домен верхнего уровня (kz.). Соответствующий ему сегмент глобальной сети носит название Казнет. В том же году была основана одна из крупнейших телекоммуникационных компаний Казахстана – «Казхателеком». Далее последовали появление первого сайта на казахском языке, запуск системы онлайн-доступа к университетским ресурсам («Электронный каталог КазГУ»), осуществляется постоянная радиотрансляция через Интернет (с 1998 г.).

В последующие годы в Казахстане наблюдается возросший интерес к интернет-пространству. В 2007 г. количество пользователей Сетью в республике достигает 1,67 млн. чел. (при общем населении около 16 млн. чел) [8]. Этот год был ознаменован существенным приращением количества пользователей интернетом. Согласно исследованиям делового журнала «Казахстан», «база коммерчески активных пользователей широкополосного доступа в Интернет, предоставляемого АО «Казхателеком», составила 59885 абонентов.

В том же 2007 г. стали очевидными несколько основных причин, препятствующих дальнейшему развитию казахского интернет-пространства: *ограниченные технические возможности, слабая компьютеризация и интернетизация образования, отсутствие точных подсчетов количества пользователей Интернетом и количества сайтов, а также отсутствие качественного контента* [9]. Рассмотрим подробнее каждый из сдерживающих факторов.

Первым пунктом в решении проблемы стоит улучшение технического оснащения. Старые кабельные системы являются основной причиной торможения дальнейшего развития широкополосного доступа в Интернет. Компьютеризация и интернетизация образования – второй немаловажный пункт на пути развития интернет-пространства. Официально большинство школ и высших учебных заведений республики имеют свободный доступ к сети Интернет. АО «Казхателеком», являясь ведущим

провайдером на рынке услуг, «обеспечил школам подключение к Интернету со скидкой 50 %, а также установил льготные тарифы на абонентскую плату. А для государственных школ, финансируемых за счет бюджета, с февраля 2007 г. предоставление услуги коммутируемого доступа к Интернету (правда, только к его казахскому сектору - Казнету) вообще осуществляется бесплатно» [9]. Однако точные сведения о реальной степени компьютеризации учебных заведений на сей день отсутствуют.

Определение точного количества пользователей Интернетом также является немаловажной проблемой. По косвенным показателям (за основу были взяты статистические данные поисковика «Яндекс») [9] среднее количество казахстанских пользователей за один день равно 40 тысячам, а в среднем за неделю – 170 тысячам. Средний ежемесячный показатель составляет 750 – 800 тысяч человек, а это не более 5 % от всего населения республики.

Отдельного рассмотрения требует проблема отсутствия качественного контента на государственном языке – казахском. Следует заметить, что, несмотря на значительное развитие интернет-пространства в последние годы казахский язык по-прежнему остается неконкурентоспособным (это также объясняет, почему Казнет уступает по многим показателям Рунету). Как показывает практика, вкладывать средства в развитие качественных проектов на государственном языке попросту нерентабельно: при низкой посещаемости окупить хороший сайт за счет рекламных поступлений невозможно. Требуется господдержка таких интернет-проектов. По сообщению Счетного комитета Казахстана, только в 2007 г. было израсходовано 66 млн. тенге на создание портала «Государственный язык РК».

Проблема также кроется в переходе большинства сайтов Казахстана на двуязычный вариант подачи информации. Если языковой контент русскоязычной версии на большинстве сайтов Казахстана имеет четко структурированную систему с точными формулировками и описаниями по теме, то казахскоязычные версии значительно уступают в этом. Создание контента на государственном языке связано с большими финансовыми затратами: очень часто сайт неспособен оплачивать услуги компетентного переводчика. Кроме того, переводной казахский текст обычно уступает русскоязычному в объеме передаваемой информации и оригинальности. Как показывает практика, аудитория (независимо от своей национальной принадлежности) зачастую избегает казахского языкового контента, что в свою очередь приводит к нестабильному развитию многих ресурсов в Казнете.

Однако стремление правительства Казахстана преодолеть барьеры, препятствующие развитию Казнета, привели к увеличению числа пользователей сетью Интернет. Начиная с 2007 г. их численность возросла от 4 чел. на 100 жителей до 14 чел. (в 2008 г.) Помимо этого, проводится компьютеризация школ с последующим подключением к сети Интернет. На начало 2009 г. компьютеризировано 7458 школ (96,6 %), из которых 5845 (96,6 %) – сельские школы [9].

Интернет-ресурсы ведущих информационных агентств Казахстана

Новостные сайты казахских информагентств на сегодняшний день лидируют по популярности среди пользователей Казнета. В 2008 г. А. А. Новинкиным было проведено исследование информационных агентств Казахстана [11]. В данной работе представлена актуализированная характеристика информагентств Казахстана, с акцентом на их деятельности в Интернете.

На сегодняшний день в республике действуют следующие информационные агентства: ИА «Казинформ», ИА «Казахстан сегодня», ИА «Хабар», ИА «Интерфакс-Казахстан», ИА «Казахстанский Пресс-клуб», ИА финансовых рынков «ИРБИС».

ИА «Казинформ» принадлежит открытому акционерному обществу «Национальная компания «Казахское информационное агентство» («Казинформ»), которое начало свою деятельность 8 ноября 2002 г. на базе Республиканского предприятия «Казахское информационное агентство» (КазААГ) [11]. Государству принадлежит



100 % акций открытого акционерного общества «Казинформ», что свидетельствует о символичности его заявленного организационно-правового статуса.

Новости агентства транслируются в режиме on-line через его веб-сайт *www.inform.kz* на трех языках – казахском, русском и английском. В настоящее время вся новостная информация казахскоязычной версии воспроизводится также в латинской графике и арабскую вязи. Данный факт очень важен для казахов, проживающих за рубежом и не владеющих кириллицей.

Информационное агентство предоставляет информацию о деятельности государственных структур – администрации президента РК, Правительства, Мажалиса (парламента), региональных органов власти, национальных финансовых и промышленных структур.

«Казинформ» имеет корреспондентскую сеть в странах ближнего и дальнего зарубежья: в России, в Узбекистане, в Киргизии, США, Китае, Бельгии [15].

Агентство располагает актуальной информацией из всех областей республики. Власть и политика, экономика и финансы, общество, мировые новости, интеграция – все основные аспекты жизни Казахстана, стран СНГ и Балтии, дальнего зарубежья находятся в поле зрения ИА «Казинформ».

Задачами агентства является «оперативное информационное отражение многогранной политической, экономической и культурной жизни страны, распространение качественной аналитической информации о Казахстане. А также участие в работе по формированию положительного международного имиджа страны, популяризации Казахстана в мире, в том числе среди политических и деловых кругов, медиаструктур зарубежных стран» [11].

С октября 1996 г. на рынке информации зарекомендовало себя еще одно казахское агентство – «Интерфакс-Казахстан». Информация агентства выходит на русском, казахском и английском языках, русскоязычная версия сайта при этом содержит наиболее полный объем новостей (общественно-политические новости, финансово-экономические новости, новости агентства, цитаты дня и новости дня). «Интерфакс-Казахстан» ведет подписку на целый ряд изданий политического, финансового и экономического содержания. Помимо этого, агентство выпускает тематические издания («Горнометаллургическое обозрение», «Нефтегазовое обозрение», «Интерфакс-энергетика» и др.).

Агентство связано партнерскими отношениями с российским информагентством «Интерфакс» и пользуется его информационными ресурсами и коммуникационными возможностями: «по каналам агентства «Интерфакс» информационные сообщения из Казахстана рассылаются подписчикам во всем мире» [11].

Информационное агентство «Казахстан сегодня» функционирует на рынке информации более десяти лет (начало свою работу в 2000 г.). Занимает одно из лидирующих позиций, его материалы используют радиостанции, телеканалы и печатные СМИ. Подписчиками агентства являются национальные компании, банки и международные финансовые институты, ведущие министерства и ведомства, дипломатические миссии, зарубежные информационные агентства, газеты, радиостанции и телевизионные каналы.

Новостная лента агентства, как и других ИА Казахстана, выходит на трех языках: русском, казахском, английском в следующих рубриках: экономика, финансы, статистика, нефть и газ, промышленность, энергетика, сельское хозяйство, президент, политика, правительство, законодательство, парламент, наука, культура и т. д. Помимо этого, «Казахстан сегодня» предлагает подписку на такие информационные продукты, как общественно-политическая лента новостей, новости экономики, обзор рынков металлов.

Одним из крупнейших на казахском рынке информационных услуг с 1995 г. становится специализированное ИА «Хабар», созданное на базе службы новостей Казахского ТВ. Агентство «имеет 14 собственных корпунктов в Казахстане и 5 – в государствах СНГ» [11]. Интернет-портал ИА «Хабар» (*www.khabar.kz*) представляет читателям самую полную информацию о важнейших событиях в стране и за ее пределами.

Отдельно следует выделить ИА «Казахстанский Пресс-клуб» и ИА финансовых рынков «ИРБИС».

Отличительной чертой ИА «Казахстанский Пресс-клуб» (основанного в сентябре 1994 г. при поддержке ЮСАИД – Агентства по международному развитию США) стала ориентация на «развитие высокопрофессиональных независимых СМИ», что позволяет «расширять информационное пространство Казахстана» [11].

Информационные обзоры агентства выходят на английском и русском языках. Подписчиками новостной информации являются иностранные посольства, компании, международные организации.

Информационное агентство финансовых рынков «ИРБИС» зарегистрировано в организационно-правовой форме товарищества с ограниченной ответственностью в августе 1998 г., учреждено Казахстанской фондовой биржей (KASE). Практически полную техническую и информационную поддержку Агентству оказывает АО «Казахская фондовая биржа», которая владеет долей в размере 80% от уставного капитала «ИРБИС».

«Основная деятельность агентства – популяризация финансового рынка Казахстана, предоставление информационных и аналитических услуг в области финансового рынка Казахстана, предоставление информационных и аналитических услуг в области финансового рынка на коммерческой основе» [11].

Деятельность всех перечисленных агентств на сегодняшний день остается востребованной казахстанскими потребителями информации, которые в режиме реального времени могут получать новости из всех уголков Казахстана, стран ближнего и дальнего зарубежья. Специализированность агентств, адаптация к меняющимся условиям информационного рынка дают им возможность развиваться и предоставлять необходимые сведения.

Интернет-ресурсы телекомпаний Казахстана

В развивающейся медиасистеме Казахстана телевидение занимает одну из ключевых позиций. Активные и популярные телеканалы переходят в Интернет-среду, что позволяет им привлекать большее количество аудитории.

В телевизионном пространстве РК можно выделить следующие ведущие телеканалы: «Хабар», «CaspioNet», «31 канал», «КТК», НТК «Казахстан», МТРК «Мир», «Астана», «НТК», «СТВ».

Национальный информационный телеканал «Хабар» был создан одновременно с ИА «Хабар» в 1995 г. на базе информационной службы Казахского ТВ, его первоначальное название – Национальное Телевизионное Информационное Агентство (НТИА). Сегодня это ведущий национальный канал страны, вещающий на казахском и русском языках более чем для 13 миллионов телезрителей. Основной приоритет в вещании этого телеканала направлен на производство полноценной новостной информации.

Основные принципы подачи информации телеканала неразрывны с принципами работы ИА «Хабар» и заключают в себе «оперативность, эксклюзивность и полноту». Информационные программы занимают до трети всего эфирного времени. В Дирекции информационных программ работает свыше двухсот сотрудников. Информация собирается из 14 собственных корпунктов в Казахстане и 5 – в государствах СНГ. Репортажи готовятся собственными корреспондентами из 12 стран Северного полушария. Телеканал и одноименное информгентство обладают сегодня крупнейшей в Казахстане корреспондентской сетью. Несмотря на это, «Хабар» продолжает планомерно увеличивать количество своих зарубежных корпунктов. Помимо собственной информации, компания в рамках партнерских программ активно использует продукцию ведущих мировых информационных агентств. Большой популярностью пользуются также публицистические, развлекательные, музыкальные, спортивные и другие программы. Телевизионные сериалы, документальные и художественные фильмы,



демонстрируемые на канале, имеют высокий рейтинг. Телеканал проводит показ спортивных соревнований мирового уровня в прямом эфире. Техническое оснащение позволяет осуществлять прямую трансляцию важнейших политических и культурных акций с места события [20]. К примеру, освещение акций в поддержку референдума стало самым значимым событием в деятельности телеканала в 2011 году.

Информационно насыщенным является сайт «Хабар» (*www.khabar.kz*) (представленный тремя языками: казахским, русским и английским), в структуру которого входят следующие рубрики: политика, экономика, социум, спорт, культура, ЧП, в мире, телепрограмма, радио, блоги, форум, спецпроекты, выборы, госзакупки. Пользователь без труда может найти любую интересующую его информацию, используя базу данных сайта.

Первый национальный спутниковый телевизионный информационно-познавательный канал Республики Казахстан «**CaspioNet**» начал свое вещание 25 октября 2002 г. Он входит в структуру АО «Агентство «Хабар». «Caspionet» смотрят в 63 странах Европы, Центральной Азии, Закавказья, Ближнего Востока и северной части Африки. Охват аудитории телеканала обширен – 99 миллионов человек. Все материалы на CaspioNet выходят на трёх языках – казахском, русском и английском. В будние дни программа телеканала построена по принципу 3-х часовых языковых блоков, каждый из которых включает в себя: новости, бизнес-новости, спорт, погоду, а также тематические журналы и программы собственного производства. Некоторые передачи вызывают особый интерес. Так, телепередача «Kazakhstan: a recipe for friendship» («Казахстан: рецепт для дружбы») рассказывает о жизни диаспор, проживающих на территории республики Казахстан. В основе каждой программы – рассказ о жизни одного отдельно взятого этноса. «Steppe tales» («Степные сказки») – авторская программа Джонатана Ньюелла, представляющая Казахстан глазами иностранного журналиста [3].

Сайт спутникового телеканала по своей структуре смежен с сайтом АО «Хабар», – со всем спектром политических, экономических, социальных, культурных событий Казахстана и мира можно ознакомиться на *caspionet.kz*, выбрав один из трех языков (казахский, русский, английский).

Главной задачей спутникового телеканала на сегодняшний день является возможность представить зарубежной аудитории максимально полную картину событий в Казахстане.

Частный казахстанский республиканский «**31 канал**» начал вещание 24 октября 1992 г. как ТРК. Входит в медиахолдинг «31 канал». Вещает во всех областных центрах Казахстана. В Алма-Ате первый выход в эфир произошел 12 апреля 1993 г. В 2003 г. телеканал начал вещание в цифровом формате со спутника Intelsat 904, что позволило значительно расширить зону покрытия. А в 2008 г. вещает в обновленном формате [1].

«31 канал» – одна из самых популярных телекомпаний развлекательного направления в Казахстане. Целевая аудитория «31» представлена возрастной группой от 6 и до 54 лет. Телеканал выпускает собственные проекты на казахском языке («Әзіл-студио», «Жұлдызбен жүздесу», «Талант шоу», «Тенге-ВОХ», «Базар жок!», «Сырласайық»), уделяя тем самым внимание государственной языковой политике.

Сотрудничая с российско-американской компанией «СТС Медиа», телеканал стал транслировать популярные развлекательные телепередачи и телесериалы российского производства («Ранетки», «Папины дочки», «Самый Умный», «Жизнь прекрасна», «Хорошие шутки», «Истории в деталях», «Одна за всех», «Даешь молодежь», «Снимите это немедленно»). Особый интерес вызывает программа новостей «Информбюро». На сегодняшний день программа ведет свои репортажи из различных стран, информируя тем самым казахстанцев о последних событиях мирового значения.

Акцентирует внимание телеканал и на детской аудитории. В эфир выходят мультфильмы и детские телесериалы на казахском и русском языках (в 2008 г. популярные зарубежные мультфильмы впервые были переведены на казахский язык).

«31 канал» лидирует в Казахстане по количеству собственных проектов развлекательного характера, делающих акцент на национальную ментальность телезрителей.

Стилистическая структура сайта (*31.kz*) и его цветовое оформление во многом повторяют сайт российского телеканала «СТС». Вся необходимая информация распределена по рубрикам: программа, сериалы, кино, мультфильмы, проекты, форум. Подробно классифицирована новостная программа «Информбюро» (представлен архив за 2008, 2009, 2010 гг.).

Одним из первых частных телеканалов Казахстана, имеющих статус национального вещателя, является также «КТК» (АО «Коммерческий Телевизионный Канал»). Корреспондентская сеть телеканала охватывает около половины областных центров Казахстана. Впервые «КТК» появился в эфире в феврале 1991 г. Первоначально программы транслировались только на территории Алма-Аты, но с 1996 г. «КТК» начинают смотреть и в других городах Казахстана. Канал ориентируется на программы социальной направленности. К таковым можно отнести проекты «Неотложка» (рассказывающая о проблемах казахстанцев), программу «Портрет недели», которая за свое более чем десятилетнее существование, стала синонимом понятия социальная справедливость (программа разоблачала коррумпированных чиновников).

Телеканал развивает онлайн-вещание (*ktk.kz*). В режиме реального времени возможен просмотр новостных программ и собственных передач «КТК». Сайт удобен в использовании и содержит всю необходимую зрителю информацию. Развитие сетевого вещания руководство телеканала связывает с тем, что треть аудитории заинтересованной в потреблении продукции телеканала находится за границей [16].

Рейтинговые показатели сайтов Казнета

На современном этапе развития интерес к Казнету возрастает. С каждым годом в информационном пространстве Казнета возникает все больше разнонаправленных сайтов, отслеживать работу которых весьма проблематично. В связи с этим компанией KAZNET Media был организован проект *whois.in.kz*, благодаря которому можно фиксировать появление тех или иных сайтов, определять рейтинг посещений. Данные рейтинги ориентированы исключительно на сайты казахстанской тематики.

Статистика сайтов разбита по темам. Ведется общий рейтинг сайтов, после чего определяется десятка наиболее посещаемых сайтов. Так, за период 2011 г. лидирующие позиции занимают сайты развлекательного характера – это *Kiwi.kz* – видео в Казахстане, Киномир – онлайн-кинотеатр и Аниме портал *uzumaki.kz*. Заметим, что за год предпочтения пользователей колебались преимущественно в рамках перечисленных сайтов и порталов. Так, если на начало 2011 г. первое место занимал сайт *Kiwi.kz*, то уже к концу года лидером стал Аниме портал *uzumaki.kz*.

Наряду с сайтами развлекательного характера аудитория Казахстана выделяет несколько сайтов новостного и аналитического содержания. В десятку лидеров вошли сайты категории «новости и СМИ». К таковым относятся популярный казахстанский новостной сайт **Номад** (<http://www.nomad.su/>) и **Vesti.kz** (<http://vesti.kz/>), который довольно долго занимал лидирующие позиции в рейтинге лучших сайтов Казнета.

«**Номад**» (<http://www.nomad.su/>) (в переводе с английского - кочевник) представляет собой новостной казахстанский сайт, охватывающий значительный объем общественно-политической, социально-культурной информации. Наиболее популярными рубриками являются: аналитика, политика и общество, экономика, оборона и безопасность, экология и здоровье, культура и спорт, наука и техника, интервью, история.

В архиве собрана актуальная и востребованная информация с 2002 по 2011 гг., которая регулярно пополняется (за исключением выходных дней).

Сайт оснащен системой поиска «Яндекс», что позволяет пользователю черпать недостающую информацию из других источников. Однако сайт имеет строгую ориентацию на казахстанскую аудиторию. Заголовки, содержащиеся на сайте, отражают политические, экономические и социальные вопросы Казахстана: «Рабочий график Гла-



вы государства», «Состоялось заседание Республиканской комиссии по Государственным символам», «Краткие итоги социально-экономического развития Республики Казахстан за январь-апрель 2011 г.», «В Казахстане каждый третий брак заканчивается разводом», «Психологи призывают восстановить в Казахстане институт семьи», «Инвесторы насторожились: в Европе снова разгорается кризис» и др.

Объем рекламы на сайте не превышает допустимый уровень по сравнению с объемом рекламы других сайтов. Баннеры, двойные ссылки на сайте отсутствуют. Реклама строго ориентирована на казахстанского пользователя.

В целом же объем рынка рекламы в Казнете только на период 2009 г. составил около \$5 млн., что составило около 1% затрат на рекламу на радио, в прессе, на телевидении.

Vesti.kz (<http://vesti.kz>): **последние новости Казахстана** – национальный новостной портал, который, в отличие от казахстанского сайта «Номад», имеет более широкий охват новостной информации. «Последние новости Казахстана» располагает, несмотря на свое узкоориентированное название, новостями основных категорий: мир, Россия, Казахстан. Информация обновляется ежедневно, что позволяет пользователю получать актуальные сведения. Из всех категорий новостного портала наибольший интерес вызывает категория «Интервью». Здесь пользователь имеет права задавать интересующие его вопросы известным деятелям политики, науки, спорта. Пометка «интервью готово» свидетельствует о сформированной и доступной информации.

Рассмотрим выборочно развлекательные сайты, наиболее популярные среди пользователей Казнета. Это поможет нам определить степень ориентированности аудитории в информационном пространстве.

Uzumaki.kz (<http://uzumaki.kz>) – популярный казахстанский Интернет – портал, ориентированный исключительно на потребителя японской анимационной продукции. Об этом свидетельствует не только содержательная сторона портала, но и его дизайн, комбинирующий в себе сюжетные вырезки из различных аниме мультфильмов и сериалов. Реклама также направлена на продвижение и популяризацию японской анимации.

Любопытен в данном случае факт популярности жанра аниме среди казахских Интернет-пользователей. Однако по тому, как меняется рейтинговая таблица, видно, что анимация и кино не могут удовлетворить информационные потребности всей массы пользователей сети. Кроме того, здесь существенное влияние оказывает именно возрастные рамки населения, определение которых может быть весьма условным.

Таблица 1

Рейтинговая таблица Казнета на период 2011 г.

Название сайта	Электронный адрес	Рейтинг посещений	Охват аудитории	Рейтинг просмотров
1	2	3	4	5
Kiwi.kz – видео в Казахстане	http://kiwi.kz	32395105	Вся территория Казахстана	299498779
Киномир – онлайн кинотеатр	http://kinomir.net	5889202	Вся территория Казахстана	40127173
Аниме портал uzumaki.kz	http://uzumaki.kz	5867692	Вся территория Казахстана	51991087
Номад	http://www.nomad.su	2967580	Вся территория Казахстана	17458897
Казахстанский торрент-трекер vnete.kz	http://vnete.kz	2336867	Вся территория Казахстана	27182696
Vesti.kz: Последние новости Казахстана	http://vesti.kz	2221127	Вся территория Казахстана	5381656



Окончание табл.

1	2	3	4	5
MovieWorld.kz Фильмы Online для Megaline	http://movieworld.kz	2174418	Вся территория Казахстана	15481149
Pics.kz – хостинг картинок	http://pics.kz	1932649	Вся территория Казахстана	5524700
Фильмы онлайн для Megaline	http://tv1.kz	1777632	Вся территория Казахстана	9497587
Торрент-трекер Казахстана	http://megatorrents.org	1775575	Вся территория Казахстана	21788178

Заметим, что первые четыре сайта меняют свои позиции в рейтинговой таблице регулярно, оставаясь при этом на лидирующих положениях.

Проект «Kiwi» (<http://kiwi.kz>), характеризующийся как казахстанский видео-сервис, осуществляет доступ к видеoinформации, телеканалам, радиотрансляциям в режиме online.

Экспертная оценка видео-сервиса носит положительный характер. Его популярность обусловлена в первую очередь широкими возможностями мультимедийных услуг, простотой пользования и сбалансированной цветовой гаммой. Однако выявляется и существенная проблема – перегрузка серверов и низкая конвертируемость роликов.

Обратим внимание, что газетная периодика в Казнете представлена версиями наиболее популярных русскоязычных газет – «Известия-Казахстан» (www.izvestia.kz), «МК-Казахстан» (www.mk-kz.kz), «АИФ-Казахстан» (www.aif.kz), а также электронной журнальной периодикой, среди которой внимания заслуживают аналитические издания, например, «Эксперт Казахстан» (expert.ru/kazakhstan/). К электронным версиям данных изданий мы неоднократно обращались при анализе контента печатных СМИ Казахстана. И пришли к выводу, что сайты перечисленных газет и журналов требуют отдельного более подробного рассмотрения.

Казнет и государство

С момента развития Интернет-пространства в Казахстане наблюдается все больший интерес к нему со стороны государства, которое акцентирует свое внимание на нескольких основных аспектах, способствующих полноценному развитию Интернет-среды (Казнета): правовом (связано с развитием нормативно-законодательной базы), социокультурным (приоритетным здесь является развитие и продвижение государственного языка в Казнете), экономическим (развитие инвестиционных проектов государства в области Интернет-коммуникаций).

Помимо прочего, с постепенным внедрением Интернета в общество планируется сократить цифровой разрыв в городах и сельской местности [6].

О том, что государство принимает активное участие в процессе информационного наполнения Казнета, свидетельствуют планы по поддержке создания 30 информационных ресурсов в Интернет: 10 государственных и 20 частных. 26 сентября 2008 года в Астане состоялась презентация девяти новых познавательных порталов в зоне .kz. Среди них: информационно-познавательный портал Министерства образования и науки РК (<http://www.it-bilim.kz/>), портал АИС РК, предназначенный для повышения квалификации и тестирования отечественных специалистов в области информационных технологий (<http://www.it4u.kz/>), электронный государственный библиотечный фонд «Библиотека Казахстана» (<http://www.kazneb.kz/>), портал, популяризирующий историко-культурное наследие Казахстана (<http://www.madenimura.kz/>), портал Министерства индустрии и торговли РК (<http://www.mitportal.kz/>), портал Министерства здравоохранения РК (<http://www.info-health.kz/>), портал «Национальное наследие» (<http://www.ata-mura.kz/>).



17 апреля 2008 г. была принята Концепция формирования и развития единого информационного пространства казахстанского сегмента сети Интернет (Казнета) на 2008–2012 годы, нацеленная на разработку комплекса мер для обеспечения устойчивого, планомерного, безопасного и эффективного движения Республики Казахстан к единому информационному пространству, определение основных политических, социально-экономических, культурных и технико-технологических предпосылок и условий для развития Казнета, положений и приоритетов государственной политики, обеспечивающих динамизм и стабильность.

По данным Агентства Республики Казахстан по информатизации и связи (АИС РК), на осуществление деятельности по предоставлению услуг доступа к сети Интернет АИС РК всего выдало 776 лицензий 403 компаниям, из них 14 лицензий были приостановлены и 177 аннулированы. Всего на рынке доступа к сети Интернет в Казахстане предоставляют услуги более 39 субъектов, наибольшую рыночную долю из которых занимают АО «Казакхтелеком», АО «Нурсат», АО «Арна» и АО «Astel».

Заметим, что содержательная часть казахстанских ресурсов формируется стихийно, в соответствии с интересами и запросами распространителей информации без должного учета правовых, морально-этических и прочих норм, а также национальных интересов.

В целях изменения существующего положения правительство активными темпами поддерживает развитие инновационных проектов в области ИКТ-индустрии. Осенью 2011 г. в Астане прошла выставка-конференция Digital Communications Kazakhstan 2011, на которой компаниям, как местного, так и международного уровня был представлен инновационный потенциал ИКТ-индустрии Казахстана на 2011-2015 гг. [20].

Министерство связи и информации РК посвятило компании в процесс «выполнения отраслевой программы по развитию инфокоммуникационного сетевого сектора. В частности, были рассмотрены вопросы развития мобильной связи и телекоммуникаций, цифрового ТВ, широкополосного доступа в Интернет, решения для «Е-правительства», «Е-коммерции», интерактивной рекламы и социальных медиа» [1].

Одной из основных проблем на современном этапе развития является создание казахского поисковика, который в значительной степени облегчит пользование Казнетом. «Так, «Яндекс» технологически не может искать по-казахски. А Google не знает, что такое Казнет. Он знает только сайты в зоне .KZ, не говоря уже о том, что они не учитывают морфологические и семантические составляющие сайтов на разных языках. В результате получить полный результат на свой запрос и при этом быть уверенным, что он релевантен запросу, в Казнете невозможно» [19].

Главной причиной, по которой полноценное функционирование казахского поисковика оставалось затруднительным, являлось недостаточность финансирования со стороны государства и коммерческих структур. Однако на современном этапе развития роль Казнета неуклонно возрастает в среде казахстанского общества и интерес государства в связи с этим очевиден. Выяснилось, что современная казахстанская сеть Интернет испытывает несколько основных проблем (смешение языкового контента; нехватка финансирования со стороны государства; отсутствие контекстной рекламы, а также полноценной правовой и законодательной базы, закрепляющей за владельцами право для развития и пользования доменными зонами, и т. д.). Для устранения этих проблем необходимо тесное сотрудничество государства с частными (коммерческими) структурами как внутри государства, так и за его пределами.

Итак, информационная наполняемость Kz. по-прежнему осуществляется за счет российских и зарубежных ресурсов, что в свою очередь делает затруднительным дальнейшее беспрепятственное развитие Казнета как национального сегмента.

В настоящее время представители казахстанских ресурсов всерьез озадачены вопросами развития отечественного контента. Стремления производителей, рекламодателей и потребителей сходятся в одном – Казнету необходимо самостоятельное раз-

витие со своей экономикой и инфраструктурой [13]. Данная позиция была обозначена экспертами Клуба ИПР (Клуб Института политических решений).

Клуб ИПР – «постоянно действующая диалоговая площадка для экспертного обсуждения актуальных вопросов казахстанского и международного развития и выработки по ним профессиональных решений и рекомендаций» [13].

Клуб начал работать с августа 2009 г. За это время были проведены экспертные исследования на темы: политика, образование, наука, социальные сети, новые технологии и др.

КИПР располагает своим сайтом, который оснащен навигатором тем, в котором СМИ, PR, социальным сетям отводится отдельный раздел. Материалы на тему «медиа» регулярно обновляются.

Дмитрий Зимин, генеральный директор «MediaArt» говорит о возрастающей женской аудитории в Казнете, которая составляет основной процент пользователей на сегодняшний день: *«Сейчас интернет – это более женская среда, в среднем по Казнету (данные «LiveInternet») женская аудитория составляет 57 %. В последнее время в женской аудитории преобладает категория «старше 45 лет», которая в основном находится на женских сайтах, как правило, в социальных сетях. Если посмотреть на сеть «Мой мир», который принадлежит «mail.ru», то в их аудитории также преобладают представители женского пола»*. Помимо этого, эксперт сравнивает посещаемость казахстанских и российских ресурсов: *«Если смотреть суточную посещаемость «mail.ru», то в сутки у них около 1 млн. 700 тыс. казахстанских пользователей, когда на таких лидирующих казахстанских интернет-ресурсах, как «kiwi.kz», «nur.kz», «kolesa.kz», суточная аудитория составляет около 130-140 тысяч казахстанских пользователей»* [5].

По подсчетам экспертов, большинство казахстанских сайтов является убыточным. Прибыли получают лишь ресурсы, интегрирующие готовую новостную информацию. Законодательство в области Интернет-индустрии, как показывает практика, несовершенно. Наблюдается нехватка законов, необходимых для нормального функционирования информационной среды Казнета.

Кроме того, одной из причин слабого развития ресурсов отечественной сети называется нежелание рекламодателей размещать рекламу на нерентабельных сайтах. Лидирующие позиции занимают новостные сайты, форумы и блоги. Научные, образовательные и технологические ресурсы оказываются в проигрыше.

Согласно экспертному опросу, в котором приняли участие 120 респондентов, информация распределилась по следующей степени важности: «наибольшую важность имеют (по 5-балльной шкале): общая справочная информация – 4,2, новости – 4,2 и аналитика – 4. Среди отстающих позиций: технологические ресурсы и электронная торговля – 3,3, искусство, журналистика и публицистика – 3,4» [5].

Данная ситуация имеет ряд причин, которые препятствуют полноценному развитию казахского контента: во-первых, это преобладающая конкуренция со стороны российских ресурсов; во-вторых, низкая грамотность населения в вопросах информационно-коммуникационных технологий; в-третьих, недоступность интернет-тарифов и низкая степень инвестиционной привлекательности казахстанских ресурсов.

Однако с продвижением на рынке уровень потребления многих ресурсов Казнета увеличивается. Потребитель может позволить себе пользование не только информацией текстового формата, но и видео, а также скачивание файлов больших объемов.

Увеличение числа пользователей, как выяснилось, происходит и благодаря переходу многих печатных изданий и телеканалов в Интернет.

Таким образом, грамотное распределение приоритетов между государством, производителями и пользователями ресурсов современной отечественной сети Казахстана может сделать Казнет и электронно-сетевые СМИ в нём не только конкуренто-



способными, но и генерировать новые идеи в быстро меняющемся информационном пространстве сети Интернет.

Список литературы

1. 31 канал: <http://31.kz/about-company>
2. Breaking news.kz: <http://www.bnews.kz/ru/news/post/58402/>
3. CaspioNet: <http://caspio.net.kz/rus/series/>
4. Internet World Stats: <http://www.internetworldstats.com/asia/kz.htm>
5. SoftDeCo: <http://www.softdeco.com/index.php?uin=1207202810&id=1207202865&pg=1318314378>
6. Vesti.kz: Последние новости Казахстана: <http://vesti.kz>
7. WHOIS.1IN.KZ. Кто первый в Казнете?: <http://whois.1in.kz/>
8. Zakon.kz Информационный портал: <http://fin.zakon.kz/100571-v-konce-2007-goda-kolichestvo.html>
9. Деловой журнал «Казахстан»: <http://skazhu.kz/?p=41>
10. Журнал цифровой цивилизации DIGITAL Kazakhstan: <http://www.dgt.kz/>
11. Журналистика и медиаобразование-2008: сборник трудов III Международной научно-практической конференции. Том 1/под ред. проф. А. П. Короченского. - Белгород: БелГУ, 2008. - 368 с.
12. Законодательство о СМИ стран бывшего СССР: Т.1 / под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. - М.: Институт проблем информационного права, 2002. - 592 с. - (Журналистика и право; Вып.31).
13. Институт Политических Решений: <http://www.ipr.kz/kipr/3/1/66>
14. Казахстанский торрент трекер vnete.kz: <http://vnete.kz>
15. Казинформ: <http://www.inform.kz/indexrus.html>
16. КТК: <http://ktk.kz/art/?id=98>
17. КУРСИВ.kz: <http://www.kursiv.kz/companii-i-rinki/1195203575-kaznet-prilichno-zarabotal.html>
18. Номад: <http://www.nomad.su>
19. Самое интересное в Казнете: http://bestkz.blogstop.com/2009/08/blog-post_3153.html
20. Хабар: <http://www.khabar.kz/>
21. Энциклопедия мировой индустрии СМИ: Учеб. Пособие для студентов вузов / Е. Л. Варганова, М. И. Гутова, В. Л. Иваницкий; Под ред. Е. Л. Варгановой. - М.: Аспект Пресс, 2006. - 376 с.

MASS MEDIA IN THE INTERNET FIELD OF REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

T. V. Vyalykh

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
vyalykh@bsu.edu.ru*

The article considers the features of development of mass media in the Internet of Kazakhstan from the moment of official registration of Kazakh Internet-networks in 1994. The primary factors of the Internet field of Kazakhstan represent the sites of TV channels, main news agencies, governmental Internet-portals.

Key words: mass media, Internet field of Kazakhstan, Internet-resources, leading news agencies, TV channels, rating indicators, language content.

АУДИТОРИЯ «ПРАВОСЛАВНОГО ИНТЕРНЕТА» В РОССИИ

Н. С. Зимова

*Православный
Свято-Тихоновский
гуманитарный
университет,
г. Москва*

*e-mail:
nzimova@mail.ru*

Интернет формирует контуры единого информационного пространства Русской Православной Церкви, потому что он, как ни один другой медийный канал, адекватен её информационным нуждам. Православный сегмент Интернета развивается довольно динамично и нелинейно. Анализ данных открытой интернет-статистики, сайтов-рейтингов и интернет-каталогов позволяет изучить аудиторию православных сайтов.

Ключевые слова: Православная Церковь, православный сегмент Интернета, православные сайты, аудитория православных сайтов, пользователи православных сайтов.

Социально-экономические трансформации постсоветского общества способствовали активизации информационного запроса на религиозную тематику, актуализировали проблему доступа религиозных организаций к средствам массовой информации и использование ими средств массовой информации для распространения своего мировоззрения. Традиционные религиозные организации стали активно развивать собственные конфессиональные СМИ, что стало знаковым моментом в развитии постсоветской системы средств массовой информации.

На сегодняшний день Русская Православная Церковь имеет собственные газеты, журналы, выход на телевизионную аудиторию, православные радиопередачи. Но наиболее активно и успешно Церковь использует Интернет. «Удельный вес» православной мысли и информации в Интернете гораздо больше, чем на телевидении, радио или в газетах. Именно Интернет формирует контуры единого информационного пространства Церкви, потому что он, как ни один другой медийный канал, адекватен информационным нуждам Церкви. При использовании других типов СМИ Церкви приходится в большей или меньшей степени «переводить себя» на их язык, что неизбежно приводит к смысловым потерям. Интернет, по сравнению с другими медиа, менее стеснен идеологическими и финансовыми рамками, а также профессиональными журналистскими форматами, и потому он оказался более пригоден для нужд Церкви. Интернет позволяет максимально разнообразно представить содержание и иерархически выстроить необходимое количество тем и справок, организовать материал по принципу «сюжет в развитии», – все это помогает полнее раскрыть сложные темы, связанные с различными аспектами церковной проблематики.

Православный сегмент интернета развивается довольно динамично и нелинейно. Первый сайт по православной тематике – официальный сайт Московского Патриархата – появился в начале 1996 г. А в 1998 г. количество православных сайтов увеличилось до 150. В 2001 г. православный сегмент насчитывал более 500 ресурсов, в конце 2003 – около 1600 ресурсов, в 2006 г. – 2600, в 2008 г. – 3300 [1]. На начало 2011 г. общее количество православных сайтов достигло 5000 [2].

Несмотря на динамичный рост, доля православного сегмента в Интернете остается весьма скромной: в 2011 г. этот показатель составил 0,12 %. Связано это главным образом с тем, что интересы пользователей «всемирной паутины» обычно лежат далеко за пределами религиозной сферы. Тематическим нишевым изданиям некоммерческого сегмента Рунета, пишущим о культуре и нравственности, неизмеримо сложнее сформировать постоянную и большую аудиторию, и, тем не менее, сегодняшний уровень развития с успехом доказывает востребованность «православного Интернета».



Всестороннего статистического подсчета и качественных исследований аудитории православного сегмента сети Интернет не проводилось. Однако анализ данных открытой интернет-статистики, сайтов-рейтингов и интернет-каталогов позволяет сделать определенные выводы об аудитории православных сайтов.

Аудитория «православного Интернета» до недавнего времени состояла в основном из православной молодежи, однако в последнее время среди пользователей отмечается увеличение доли лиц старшего возраста; кроме того, коммуникационные возможности православных интернет-сайтов активно используют священники, монахи и даже епископы.

Распределение посетителей православных страниц по странам не сильно отличается от картины, характерной для русского Интернета в целом. Три четверти пользователей читают православные страницы на русском языке, пребывая в России и других республиках бывшего СССР, подавляющее большинство остальных читателей проживают в странах Запада.

На основе анализа числа сайтов, отнесенных к различным рубрикам каталога «Православное христианство.ru», можно составить представление о тематических предпочтениях посетителей «православного Интернета». 25 % последнего составляют сайты, содержащие новости официального характера. 24 % «православного Интернета» представлены ресурсами, посвященными православному искусству и научным вопросам. Далее идут, в порядке уменьшения числа сайтов, такие тематические группы, как «Православное вероучение» (9 %), «Семья, жизнь в миру» (7 %), «Образование» (7 %), «СМИ» (6 %), «Интернет-службы» (6 %), «Политика и идеология» (5 %), «Церковь и общество» (5 %), «Личные странички» (3 %) и сайты, посвященные хозяйственной деятельности православных христиан (3 %) [1].

Сопоставление количества сайтов различной тематики и читательского интереса к этим сайтам выявило, что не во всех тематических направлениях наблюдается корреляция между читательским интересом и числом сайтов. Храмовые страницы, епархиальные и монастырские сайты, имеющие в основном справочный характер, не соотносятся с их суммарной посещаемостью, читательский интерес к таким интернет-ресурсам мал. Это же характерно для таких тематик, как образование и политика. В то же время стабилен интерес читателей к музыкальным страницам, сайтам православных знакомств и сайтам, посвященным богословским и богослужебным вопросам.

Среди всех посетителей «православного Интернета» около трети приходится на небольшие сайты (с аудиторией до 250 человек в сутки); другая треть – на самые посещаемые православные порталы (с числом уникальных посетителей более 500 в сутки); остальные посещают сайты с суточной аудиторией от 250 до 500 посетителей.

Самыми популярными православными сайтами в 2011 г. стали «Православие.ru», «Православие и мир», «Патриархия.ru», «Православный Церковный календарь», «Азбука веры: православная энциклопедия», «Христианство.ru: православный каталог». Данные сайты имеют наибольшие значения индекса популярности – составного показателя, характеризующего популярность сайта на основе данных о его посещаемости. При этом только трем из названных сайтов удалось превысить полумиллионный барьер месячной посещаемости: «Православие и мир» – 676 тыс. посещений, «Азбука веры: православная энциклопедия» – 560 тыс. посещений, «Православие.ru» – 547 тыс. посещений. Для сравнения: месячная посещаемость РИА Новости – 4 млн. чел, РБК – 18 млн. чел.

По направленности на аудиторию и принадлежности, все православные интернет-сайты можно разделить на несколько групп.

К первой группе относятся сайты, ориентированные на воцерковленную аудиторию и принадлежащие к официальным административным единицам (это может быть патриархат, епархия, синодальный отдел, благочиние, приход, и т.д.) Каждый четвертый православный узел интернета представляет собой официальную страницу – храма, епархии, благочиния, иного учреждения РПЦ. Доля ресурсов данной группы в

«православном Интернете» составляет около 25 %. Основной жанр, используемый редакциями этих сайтов – информационное сообщение (новостная заметка). Примерно треть публикуемой информации подготовлена собственными корреспондентами, остальные сообщения отобраны из материалов информационных агентств или из других интернет-изданий.

Информационное поле официальных церковных сайтов состоит из нескольких тематических сегментов: служение Патриарха; деятельность Синода и синодальных учреждений; жизнь Церкви в регионах; отношения Церкви и государства; взаимодействие Церкви и общества; жизнь Поместных Церквей; отношения Православия и других религий; праздники годового круга и памятные даты церковной истории. Наиболее популярными являются официальный сайт Московского Патриархата (www.mospat.ru), сайт Церковно-научного центра (www.sedmitza.ru).

Все сайты первой группы различны по степени информативности, каждый освещает соответствующую сторону деятельности РПЦ. Отдельно стоит упомянуть портал «Епархия» (www.eparhia.ru) в число задач которого входит усиление присутствия Русского Православия в Интернете и оказание содействия епархиальным управлениям РПЦ в освоении интернет-пространства и координации их деятельности.

Вторую группу составляют сайты православной тематики, созданные с культурно-просветительской, миссионерской целью церковно-общественными организациями и ориентированные в основном на воцерковленных читателей и интересующихся православием светских лиц. Данная группа сайтов является самой значительной и в общем объеме «православного Интернета» занимает около 50 %.

На сайтах данной группы наблюдается большее жанровое разнообразие. Помимо традиционных жанров (интервью, репортажа, обзорной статьи, рецензии), здесь встречаются специфические жанры, характерные для православной прессы: проповедь, житие. Кроме того, распространены жанры, характерные для интернет-СМИ – мониторинг публикаций в Интернете, обзоры интернет-сайтов. Приоритетными тематическими направлениями являются различные аспекты культуры (повествования об исторических личностях, рецензии на книги и фильмы, просветительские и аналитические материалы об искусстве, культурных феноменах и тенденциях), семейная жизнь и проблемы нравственности, благотворительность и социальная деятельность.

Безусловными лидерами этой группы являются «Православие.Ru» (www.pravoslavie.ru), «Православный календарь» (www.days.pravoslavie.ru) «Православие и мир» (www.pravmir.ru).

К данной группе православных сайтов следует отнести также электронные библиотеки и интернет-сайты православных телеканалов, газет и журналов, сайты-каталоги православных ресурсов. Один из самых полных систематизаторов православных ресурсов в Интернете – «Православное христианство: каталог, рейтинг, поиск» (www.hristianstvo.ru).

К **третьей группе** относятся интернет-проекты отдельных верующих – персональные страницы, блоги. Доля данной группы невелика и составляет около 10%. Однако, в последние годы, наблюдается тенденция значительного роста численности данной группы. Блогосфера способствует формированию виртуальных сообществ, участники которых, оставаясь членами своих территориальных приходских общин, дискутируют на православные темы. В целом, характеризуя православную составляющую блогосферы, можно отметить самозамкнутость в ней православного сообщества. Как правило, одни и те же полторы-две тысячи пользователей взаимно подписаны на дневники друг друга. Так называемых «тысячников» – авторов блогов, у которых 1000 подписчиков и более, не больше десятка.

В **четвертую группу** входят православные интернет-форумы и социальные сети. Самым популярным православным форумом в русском Интернете является форум диакона Андрея Кураева «Человек и его вера» (www.kuraev.ru), выросший из гос-



тевой книги известного православного публициста. На форуме обсуждаются самые разные вопросы – от богословских до бытовых.

«Храмина.Ру» является социальной сетью, созданной для поддержки общения и укрепления личных связей православных пользователей и тех, кто интересуется вопросами веры. Агрегация новостей дает пользователям возможность получать полную информацию о событиях в мире и о жизни православных людей из разных источников.

Динамика роста православного сегмента русскоязычной сети приводит к быстрому устареванию даже самых исчерпывающих обзоров «православного Интернета».

Выступая на Рождественских чтениях, руководитель новостного портала информационного агентства «РИА-Новости» Наталья Лосева выделила ряд проблемных зон православных интернет-сайтов с точки зрения пользователей. Первая проблема для аудитории связана с оформлением сайтов, что выражается в неудобном или непонятном рубрикаторе, нефункциональном дизайне, в качестве загрузки страниц, «непрописанности» механизма перекрестных внутренних ссылок. Это проблема не эстетическая, а эргономическая – проблема удобства, пригодности для длительного пребывания на сайте. Вторая проблема связана с режиссурой главной страницы, на ней неравномерно распределены материалы, сервисы, интерактивные элементы, нет демонстрации обновляемости и динамичности. Третья проблема – неудобство поиска нужного сайта. Большая часть интернет-ресурсов не оптимизирована под поисковые каталоги, не включена в обмены, поэтому их трудно найти [3].

Несмотря на описанные проблемы, «православный Интернет» сегодня – это один из самых развитых некоммерческих сегментов Рунета. На данный момент немного найдется других областей в некоммерческом сегменте, которые содержали бы такое разнообразие сайтов, жанров, информации всех типов – текстовой, аудио и визуальной, для столь широкого круга пользователей. Православный сектор русскоязычного Интернета продолжает интенсивно развиваться, что дает определенное основание для оптимистичного прогноза: Интернет, с большой долей вероятности, может стать одним из главных каналов православной миссии в XXI веке.

Список литературы

1. Мазуренко И. Л. Православный интернет в цифрах и фактах. Статистическое исследование // Информационные технологии, Интернет и мультимедиа на службе Церкви и религиозного образования. 31 января - 1 февраля 2008 г. <http://www.orthonet.ru/2008>
2. Каталог православных ресурсов сети интернет «Православное христианство.ru» // <http://www.hristianstvo.ru>
3. Лосева Н. Г. Православный рунет: взгляд руководителя светского новостного портала <http://www.orthonet.ru/2006/loseva.htm>

AUDIENCE OF THE ORTHODOX SEGMENT OF THE INTERNET IN RUSSIA

N. S. Zimova

*Orthodox
Sviato-Tikhonovsky
Humanitarian
University,
Moscow*

*e-mail:
nzimova@mail.ru*

This article is devoted to the analysis of the Orthodox segment of the Internet in Russia. The author considers the audience of "Orthodox Internet", its thematic preferences. The author highlights the group of Orthodox Internet sites, depending on the direction of the audience. The author gives a characterization for the each group. In conclusion, the author points out the main contemporary problems of Orthodox sites in Russia.

Key words: Orthodox Church, Orthodox segment of the Internet, Orthodox sites, audience of Orthodox sites, subjects of Orthodox sites.

УДК 811.161.11:07

МЕДИАТЕКСТЫ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

М. Ю. Казак
А. А. Махова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
kazak@bsu.edu.ru*

В свете теории интертекстуальности специфика медиатекста, в частности журналистского текста, интерпретируется как открытость текста на уровне содержания, структуры, композиции. Прецедентность является разновидностью интертекстуальности на содержательно-смысловом уровне.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентность, модели интертекстуальности, культурный знак.

Новые перспективы в понимании медиатекста как открытого феномена – по отношению к действительности, культуре и другим текстам – формирует теория интертекстуальности. С опорой на идеи интертекстуальности в научный обиход вошли новые оппозиции: *текст – интертекст, сверхтекст, супертекст, гипертекст, прецедентный текст, поликодовый текст*, свидетельствующие о выявленных и обозначенных новых или относительно новых типах текста. По словам В. Е. Чернявской, слово «интертекстуальность» стало тем волшебным словом, которым пытаются открыть все двери, ведущие в «текстовый универсум» [20, с. 178].

Феномен интертекстуальности исследуется в различных подходах, классификациях и терминах (Р. Барт, Ю. Кристева, И. В. Арнольд, А. К. Жолковский, Е. А. Земская, Н. А. Кузьмина, Н. Пьеге-Гро, Н. А. Фатеева, В. Е. Чернявская и др.). В самом общем виде интертекстуальность предстает как межтекстовое взаимодействие, «текст в тексте», «текст о тексте», отсылая к известным исследованиям в области герменевтики и теории «чужого» слова, к проблемам литературного влияния, заимствования, подражания, пародирования, плагиата, к различным текстовым трансформам. В работе Н.А. Фатеевой, опирающейся на концепцию французского лингвиста Жерара Женнета, в границах интертекстуальности выделяется несколько ее разновидностей – это *собственно интертекстуальность*, образующая конструкции «текст в тексте»; *паратекстуальность* (отношение текста к своему заглавию, эпиграфу, послесловию); *метатекстуальность* (создающая конструкции «текст о тексте»); *гипертекстуальность* (осмеяние или пародирование одного текста другим); *архитекстуальность* (жанровая связь текстов); *интертекст* как троп или стилистическая фигура, *поэтическая парадигма* и др. [19, с. 121 – 157]. Таким образом, интертекстуальные механизмы обнаруживаются всюду, где есть следы «чужого» слова как на уровне содержания, так и на уровне формы, структуры, композиции.

Рассмотрим содержательные и структурные модели интертекстуальности в их проекции на медиатексты.

I. Собственно интертекстуальность, понимаемая как непосредственное сосуществование двух или более текстов в одном – в виде цитаты, намека или образа, является обязательным свойством медиатекстов. Характеризуя тексты массовой коммуникации, исследователи отмечают, что они существуют как гипертексты или интертексты, «в переключке с другими текстами, даже если последние явно не цитируются» [13, с. 170], медиатексты представляют собой «совокупность фраз бесконечных гипертекстов, где все является ссылкой друг на друга и бесконечным цитированием» [2, с. 110; 9; 14].

Цитатный материал в медиатекстах предстает в **двух** качественно разнородных **группах**. Первая разновидность связана с тем, что СМИ нацелены на отображение,

точнее, преобразование действительности. Журналисты черпают информацию из современной жизни, цитируя речи политиков и общественных деятелей, произнесенных накануне, отсылают к мнениям экспертов и профессионалов, дают отсылки к источникам информации (*по словам, как считает, по мнению, говорят, по непроверенным сведениям* и др.). Сама окружающая реальность является объектом цитации – **актуальной, актуализированной цитаты**, главное предназначение которой – повышать объективность, достоверность, верифицируемость текста. Именно эти цитаты и ссылки формируют в информационных и аналитических журналистских материалах описательный слой текста («содержательно-фактуальную информацию»), предъявляя «чужое» слово, т. е. мнение и позицию своего современника, в виде прямой или трансформированной цитаты.

Второй интертекстуальный слой в СМИ – это цитаты, обладающие лингвокультурологической ценностью и формирующие образ, оценку («содержательно-концептуальную информацию»). Этот цитатный фонд описывается чаще в таких терминах, как *прецедентный текст* и *прецедентный феномен*;

II. **Паратекстуальность**, или внутритекстовая открытость, как идея разложимости целого текста на его составляющие, представлена в печатных СМИ через отношения текста и заголовочного комплекса (тематическая полоса, рубрика, заголовок, подзаголовок, лид, подписи к фотографиям, «врезки» и др.). Данный аспект интертекстуальности не только раскрывает поступательное движение смыслов, развитие темы и идеи текста, но и организует на печатной полосе пространственную переключку текстов и их элементов;

III. Комментирующее, критически-оценочное обращение одного текста к другому, именуемое **метатекстуальностью**, является важным аспектом медиатекста. Массово-коммуникативные тексты относят к «вторичным текстам», в силу того что в них используются, систематизируются, сокращаются, перерабатываются и особым образом оформляются все другие виды текстов, которые считаются «первичными». Разные органы массовой информации в тех или иных формах как бы «дублируют» друг друга, создавая обзоры, перепечатывая наиболее важные материалы и формируя отдельные сообщения на одну и ту же важнейшую тему [15, с. 240].

В журналистике сложилась целая система жанров, отражающая связь оригинального текста с другими текстами, представленными в разных медийных структурах, медийных обстоятельствах и форматах (жанры аналитики и медиакритики, письма читателей, отклики на публикацию, реплики, обзоры и обозрения, дайджесты, переписка в интернет-журналах, блоги и др.). Таким образом, критически-оценочное соотнесение первичных и вторичных текстов – важнейшая черта функционирующих в СМИ текстов и характерная составляющая творческой деятельности журналистов;

IV. Одна из моделей интертекстуальности именуется **гипертекстуальностью** и, согласно литературоведческим и лингвистическим подходам, соотносится с осмеянием или пародированием одним текстом другого (Ж. Женетт, Н. А. Фатеева и др.). Подобная модель может встречаться в текстах СМИ лишь в отдельных жанрах художественной публицистики. Что касается *интертекстуальных* и *гипертекстуальных* текстовых совокупностей, то они, безусловно, имеют общую черту, поскольку «содержат отсылку к другому тексту», в которой обычно фокусируется смысловая сторона указываемого текста [6, с. 177]. Вместе с тем термин *гипертекст* («больше чем текст») в настоящее время прочно закрепился за интернет-коммуникацией как средством хранения и передачи информации в виде системы отсылок. Гипертекст характеризуется и как «нелинейный разветвляющийся текст», позволяющий читателю самостоятельно избрать путь чтения («броузинг») по его фрагментам; и как «метод» объединения документов; и как «механизм» для структурирования компьютерных текстов; и как «форма» организации текстов. По этой причине вряд ли целесообразно перенести на бумажные носители понятие *гипертекста*, в котором система отсылок есть

способ существования любой информации, отнюдь не связанный с литературным или риторическим приемом;

V. **Архитекстуальность (типологическая интертекстуальность)** предполагает воспроизводимость в открытом множестве текстов одной и той же текстовой модели и относится к универсальным признакам текста вообще. Взгляд на интертекстуальность как текстовую категорию был предложен в 1981 г. Д. Дресслером и Р.-А. де Бограндом и затем утвердился во многих зарубежных, а позднее – российских исследованиях. Данный подход учитывает открытость текста по отношению к другим текстам на структурно-композиционном уровне, на уровне текстовых прототипов или моделей, отражающих функционирование того или иного типа / жанра текста в типичных или нетипичных для него коммуникативных условиях [20, с. 186].

Под влиянием внешних факторов в реальной жизни медиатекстов обозначилась яркая тенденция к контаминации, смешению жанров, монтажу текстовых моделей. Происходит заметная эволюция традиционной системы журналистских жанров, отражающая уход одних форм, появление других, актуализацию третьих, упразднение жанровых перегородок, свободную комбинацию нескольких текстовых моделей (работы Л. Е. Кройчика, Я. Б. Мисонжникова, А. Н. Тепляшиной, А. А. Тертычного и мн. др.). Процессы интеграции охватывают медиажанры в широком диапазоне, при этом особенно выразительна жанровая гетерогенность в рекламном творчестве. Другой процесс прослеживается на стыке журналистики и PR, между которыми значительно больше принципиальных различий, нежели сходства. Исследователи предупреждают о непредсказуемых социальных последствиях сращения текстов журналистики и PR («пиарналистики», в обозначении А. П. Короченского), влияющих как на структуру и коммуникативные процессы, так и на поведение и мировоззрение массовой аудитории в целом. Таким образом, жанровая гетерогенность в массовой коммуникации, с одной стороны, свидетельствует о естественной гибкости и подвижности границ текстов, но с другой стороны, актуализирует профессионально-этические и нормативные проблемы, регламентирующие пределы жанровых свобод.

Гетерогенность медиатекстов проявляется и в активном взаимодействии публицистического стиля с другими функциональными стилями и нелитературными формами национального языка, в расширении границ языка СМИ в сторону снижения стиля. Можно отметить и тот факт, что в функциональных стилях «в снятом виде» усматривается «глобальная интертекстуальность», служащая основой порождения человеком дискурса (О. Г. Ревзина);

VI. Проблема **текстовой смешанности** прослеживается не только на уровне содержания и композиции, но и на уровне **формы**. Исследователи отмечают, что при переносе классического текста в сферу масс-медиа текст получает новые смысловые оттенки и медийные добавки [4], приобретает расширительное толкование и – в итоге – выходит за пределы знаковой системы языка, приближаясь к семиотическому пониманию текста [18, с. 15]. Современные медиатексты как по форме создания, так и по форме воспроизведения являются **мультимодальными** [21, с. 22], **креолизованными** (Н. С. Валгина, Л. Г. Кайда), **поликодовыми** (В. Е. Чернявская), интегрирующими в едином смысловом пространстве разнородные компоненты (вербальные, визуальные, аудитивные, аудиовизуальные и другие). По сути, **медиатекст** есть «новый коммуникационный продукт», «коммуникационный конгломерат», особенность которого заключается в том, что он может быть включен в разные медийные структуры (вербального, визуального, звучащего, мультимедийного планов) и в разные медийные обстоятельства (периодическая печать, радио, телевидение, Интернет, мобильная и спутниковая связь и др.) [5, с. 10]. Качественные параметры текстов, функционирующих в массовой коммуникации, оказываются, таким образом, детерминированы развитием новых информационных технологий и техническими возможностями передающего канала, которые определяют степень «мультимодальности» текста (например, телетексты, гипертексты, компьютерные игры как один из видов медиатекстов). И даже



традиционные публикации трудно обозначить только как вид письменной речи, поскольку важным элементом газетного текста выступает визуальная составляющая, его графическое, шрифтовое, цветовое оформление. Для адекватного понимания газетного материала существенным оказывается *пространственный* параметр, выполняющий «определенную смыслообразующую функцию» [21, с. 22]: размещение на полосе, объем, соседство с другими текстами.

Явление интертекстуальности, охватывающее различные содержательно-структурные и семиотические стороны текстовой гетерогенности, пересекается с прецедентными феноменами в той части теории, где интертекстуальность понимается как сосуществование в одном тексте двух или более текстов в виде цитат, реминисценций, аллюзий, образов (первый тип интертекстуальности). Теория прецедентности является достижением российской науки: впервые прецедентный текст получил определение в исследованиях Ю. Н. Караулова как явление, значимое в когнитивном и культурном отношении, имеющее «сверхличностный характер» и обладающее свойством воспроизводимости и реинтерпретируемости [8, с. 216].

Мы исходим из того, что явление прецедентности является одной из разновидностей интертекстуальности, оно связано с понятием «сильного» текста (В. Н. Топоров), обладающего культурной значимостью для языковой личности и носителей языка в целом, и с понятием «текстов влияния» (Н. А. Кузьмина), вступающих в резонанс с читателем и рождающих новые метатексты. Следует отметить, что в массовой коммуникации прецедентно «сильными» текстами выступают два основных источника. Во-первых, это «классический», «хрестоматийный» культурный фонд (художественная литература, мифы, Библия, сказки, предания, устно-поэтические произведения, виды устной народной словесности, невербальные культурные знаки и др.). Другим мощным источником популярных цитат, хорошо знакомых среднему носителю языка, является медиадискурс, через который тиражируются и усваиваются тексты из различных дискурсов современности, прежде всего, политического, молодежного, рекламного. Фразы из телепередач, кинофильмов, анекдоты, рекламные слоганы, политические лозунги, имена известных людей, события из жизни представителей шоу-бизнеса и под. находятся в статусе прецедентных текстов относительно короткий промежуток времени [16] и обречены на забвение [10]. Поддержка статуса прецедентных текстов осуществляется через каналы массовой коммуникации, обеспечивающих «тотальную их рецепцию максимально широким кругом потребителей» (Н. А. Кузьмина). Неслучайно, средства массовой информации выступают сферой влияния, порождающей прецедентные единицы и контролирующей нашу культуру [11, с. 45], и, соответственно, приобретают статус культуuroобразующего феномена, демонстрирующего «черты риторического типа культуры готового слова» [1, 16] (ср. также работы Н. Ф. Алефиренко, Г. В. Бобровской, Т. Г. Добросклонской, Н. Б. Кирилловой, Н. И. Клушиной, В. Г. Костомарова, А. В. Полонского, И. А. Стернина, Г. Я. Солганика и мн. др.).

В журналистском тексте, как уже отмечалось, соседствуют цитаты двух родов: *актуальные* (оперативные), воспроизводящие выступления наших современников (политиков, общественных деятелей и под.), и *интертекстуальные* (прецедентные, фоновые), обладающие лингвокультурной ценностью. Первые – чаще формируют «содержательно-фактуальную», описательную информацию (документально подтверждают, иллюстрируют, расширяют речевое событие), вторые – «работают» на «содержательно-концептуальную» и подтекстовую информацию, выполняя креативную, экспрессивную, парольную, развлекательную функции в тексте [2; 7; 17 и др.].

Вместе с тем подобная делимитация «чужих» голосов является довольно условной, ибо в действительности цитатные пласты (актуальные и фоновые) тесно взаимодействуют, пересекаются, налагаются, выполняя одну или одновременно несколько функций. Именно так строятся «мозаичные» тексты Максима Соколова, интегрирующие в едином пространстве цитаты из современности и культурного фонда:

К. Райс пришлось проводить в страстных мечтаниях целых три с половиной года – обетование "Ле Монд" сбылось лишь на устроенном Д. А. Медведевым торжественном заседании по случаю 15-летия со дня принятия нынешней Конституции России. Следуя ленинским сценариям, революционер Доброхотов прервал речь Д. А. Медведева криком: "Позор поправкам в Конституцию, нужны свободные выборы!", после чего имел место традиционный диалог: "Молчи, дурак! Схватите дурака!" – "Не троньте, молись за меня, блаженный!". В том смысле, что Д. А. Медведев призвал: "Пусть остается, слушает. Откровенно говоря, Конституция для того и принималась, чтобы каждый мог выразить собственную позицию". После чего в рамках выражения своей собственной позиции сотрудники ФСО вынесли великодушного Доброхотова из залы (Мечта Кондолизы. Известия, 12.12.2008).

Информационным поводом для данного пассажа является инцидент, связанный с выступлением президента Д. Медведева на научно-практической конференции, посвященной 15-летию принятия Конституции РФ. Речь президента была прервана выкриками из зала: протестующим против поправок к Конституции оказался лидер движения «Мы» Роман Доброхотов. Произошедшее на конференции описывается через разнотипный цитатный материал, по сути формирующий полифоническое звучание текста: это а) слова Доброхотова («Позор поправкам в Конституцию...»), б) фрагмент сцены из «Бориса Годунова» А. С. Пушкина и М. П. Мусоргского («Молчи, дурак! Схватите дурака!» – «Не троньте, молись за меня, блаженный!») и в) фраза Д. Медведева («Пусть остается, слушает ...»). Объемное восприятие реальной ситуации базируется на подготовленности читателя и его способности провести аналогии между событиями нашего дня и художественным текстом.

Другой фрагмент из этой же публикации воспроизводит событие, узнаваемое для многих, т. е. из области прецедентных ситуаций современной политики – «бросание» ботинок в президента США во время проведения пресс-конференции в иракской столице:

В отличие от хрестоматийных героев, которые пулям не кланялись (впрочем, про то, следует ли кланяться ботинкам, в хрестоматиях ничего не сообщается), главнокомандующий Д. Буш не стал успокаивать себя соображением «Разве пушки льются на царей?», а вместо этого, по его собственному признанию, «уворачивался и увертывался» – все ж таки 43-й размер. Увернувшись же, Д. Буш подобно Д. А. Медведеву произнес стандартные речи о пользе демократии и свободы выражения собственной позиции, однако, как и двумя днями раньше, у президента была своя собственная позиция, а у охранников – своя, причем куда более решительная, чем у сотрудников кремлевской «девятки». Т. Доброхотов покинул Кремль в полном здравии, тогда как его иракский товарищ по борьбе оказался под стражей, причем со сломанными рукой и ребрами (Мечта Кондолизы. Известия, 12.12.2008).

В первом предложении выстраиваются разные по статусу «фигуры интертекста» (термин В.П. Москвина): а) фразеологизм (кланяться пулям), б) фраза Пугачева из «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева» А. С. Пушкина («Разве пушки льются на царей?»), в) слова Д. Буша (по его собственному признанию, «уворачивался и увертывался»). «Фехтование» разностатусных цитат и онимов в конечном счете нацелено на сатирическую обрисовку темы «тираноборчества» в широком временном, культурном и геополитическом пространстве. Так, идея «тираноборчества» соединяет не только Москву, Киев, Иран, США, но Германию XV в., где произошла Крестьянская война «под знаменем Башмака». В таком же широком диапазоне сопоставляются текстовые персонажи: Р. Доброхотов – Ю. М. Слободкин (участник схожего политического прецедента 15-летней давности) – Мунтадар аз-Зеиди (корреспондент иракского телеканала «Аль-Багдадия») – бабка Параска («герой Украины», «украинская Шарлотта Корде»).

Сложноструктурированное интертекстуальное пространство текстов Соколова базируется на знаках из различных слоев культуры и не ограничивается цитатами, «хорошо знакомыми любому среднему члену национально-культурного сообщества»



(Б. Д. Гудков). Поэтому исследователи считают, что для текстов Максима Соколова особенно значима парольная функция, маркирующая отношения «свой/чужой» между автором и читателем [17, с. 34]. При отсутствии интертекстуальной или прецедентной компетентности, т. е. способности декодировать культурные знаки, анализируемые тексты остаются для читателей непонятными, зашифрованными. Например:

Тем временем отсеченный Б. Обамой страдавший член Республиканской партии США Д. Буш – кто скажет, что Егор Егорович в дни своего малоудачного правления не страдал? – поспешил тепло поздравить преемника, отправив ему телеграмму, завершающуюся словами «Желаю получить удовольствие» («and do enjoy yourself»). Склонность американского языка к расширительному употреблению слова "наслаждение" общеизвестна и часто служит для иностранцев источником соблазна. Телеграмма Егора Егоровича прямо-таки отдает «Египетскими ночами» (тоже в некотором роде африканский колорит, столь сегодня модный), могущими служить первоисточником для демократической присяги – «Клянусь... – о матер наслаждений, // Тебе неслыханно служу, // На ложе страстных искушений // Простым наемником (народа Соединенных Штатов. – М. С.) всхожу». Судя по оставляемому наследству, наслаждений будет хоть отбавляй, а Егор Егорович напоследок явил себя как изрядная язва (Вашингтонские ночи. Известия. 07.11.2008).

Этот фрагмент текста – о победе Обамы на выборах в президенты США и поздравлении от потерпевшего неудачу *Егора Егоровича* (читай: Дж. Буша-младшего). Истолковывая двусмысленность поздравления «Желаю получить удовольствие», журналист обращается к историческому анекдоту о Клеопатре, интерпретированному в повести А. С. Пушкина «Египетские ночи». Свободное переключение культурных кодов в текстах Соколова ориентировано на активную роль читателя в понимании и расшифровке текстовых смыслов.

Анализ публикаций М. Соколова, представленных в пятничном номере «Известий» под рубрикой «Фельетон», позволяет говорить о том, что тексты мыслятся интертекстуально не только с точки зрения содержания, но и в аспекте структуры и композиции.

Определяя жанровую принадлежность этих публикаций, исследователи относят их или к новой разновидности фельетона – «публицистического», или к сатирическому комментарию. Обычно предметом отображения в текстах выступает не одно, а несколько политических и околополитических событий, разных по значимости и масштабности, серьезности, эпатажности, курьезности. Нанизывание реалий на единый смысловой стержень осуществляется с опорой на отдельную деталь, образ, маргинальный признак, ассоциативную связь, общность которых также содержит непростую загадку для аудитории. Особое место в текстах занимает графическая сегментация текста – членение на абзацы и их соотнесенность с серией заголовков, например: *Мечта Кондолизы / «Бойцы поминуют минувшие дни» / Снаряды 43-го калибра / Москва, Багдад и Киев / Маниакальный санитар* (Известия, 12.12.2008); *Вашингтонские ночи / «В наш советский колумбарий!» / Собор вице-спикеров / Пифагореец Морозов / Всеобщий катарсис* (Известия, 07.11.08).

Форсирование той или иной идеи доводится порой до «логического конца» – неправдоподобной или абсурдной ситуации. Так, через тему «инноваций» объединены не всегда объяснимые шаги политиков: желание оснастить «мусорные баки системой ГЛОНАСС»; попытки использования тепловой энергии канализации для отопления зданий; решение построить на территории психиатрической больницы многофункциональный торгово-развлекательный центр (*Эту инновацию почему-то решено задуть, что явно противоречит общему принципу градостроительной политики г. Москвы, согласно которому многофункциональные торгово-развлекательные центры суть альфа и омега нашего бытия. Странно отлучать от альфы и омеги людей с альтернативными психическими наклонностями*); реше-

ние членов Ачинского горизбиркома дать заявителю открепительный талон для досрочного голосования, в связи с тем, что он «летит на Марс»:

Возможно, председатель накануне читал «Аэлику», где описывалось, как в послереволюционном Петрограде, невзирая на всю разруху, частными усилиями инженера Лося был построен аппарат для полета на Марс, а споспешествовал инженеру в полете красноармеец Гусев. Решив, что сегодня материально-техническая база уж точно более благоприятная, чем во времена Лося и Аэлики, председатель решил, что почему бы и нет и что же препятствует выдать коммунисту Гусеву бюллетень (19.03.2010).

Негативный эффект использования прецедентов устанавливают обычно в «облегченных» СМИ (массовых, «желтых», бульварных изданиях), где вовлечение в медиатексты цитатного фонда очень часто осуществляется как «перетряхивание клише», даже не связанных между собой, что «ведет к дисперсии смысла и к отсутствию единой логики. В силу этого используемые в языке СМИ слова не образуют ни смыслового поля, ни относительно единства или хотя бы непротиворечивости многочисленных информационных сообщений, поэтому концептуальное осмысление и обобщение не является необходимостью (слова-маркеры, служащие для отсылки к определенному контексту, «неподлинному и несовершенному изложению»)» [2, с. 112].

В завершение следует констатировать следующее: через теорию интертекстуальности можно объяснять взаимодействие текстов в самых разных проекциях, обращаясь к содержательно-смысловым единицам текста, структурно-композиционному построению или «материи» текста, его семиотическим кодам. Категория интертекстуальности для текстов массовой коммуникации является его онтологическим свойством и гибким исследовательским конструктом, высвечивающим специфику медиатекста на содержательном, структурном и знаковом уровнях. Не случайно «прочтение» медиатекстов через призму «интертекстуальности» становится один из важных приемов при анализе материалов СМИ.

Список литературы

1. Анненкова И. В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. – М., 2011. – 392 с.
2. Артамонова Ю. Д., Кузнецов В. Г. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / Под ред. М. Н. Володиной. – М., 2008. – С. 99 – 118.
3. Бобровская Г. В. Когнитивно-элокутивный потенциал газетного дискурса. – Волгоград, Изд-во ВГПУ «Перемена», 2011. – 319 с.
4. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. – М., 2008. – 264 с.
5. Засурский Я. Н. Медиатекст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г. Я. Солганик. – М., 2007. – С. 7 – 12.
6. Земская Ю. Н. Теория текста: учеб. пособие / под ред. А.А. Чувакина. – М., 2010. – 224 с.
7. Казак М. Ю. Медиатекст как открытый тип текста // Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах. Доклады Международной научной конференции. – М., 2010. – С. 87 – 93.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 264 с.
9. Кубрякова Е. С., Цурикова Л. В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / под ред. М.Н. Володиной. – М., 2008. – С. 183 – 209.
10. Кузьмина Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // «Медиаскоп», эл. журнал. Выпуск № 1. 2011 [Электронный ресурс]: <http://www.mediascope.ru/node/755>
11. Моль А. Социодинамика культуры. – М., 2005. – 236 с.
12. Москвин В. П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 630 с.



13. Петренко В. Ф. Психосемантика массовых коммуникаций // Язык средств массовой информации; под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проспект, Альма Матер, 2008. – С. 170 – 182.
14. Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. – М.: Высшая школа, 1979. – 224 с.
15. Рождественский Ю. В. Теория риторики: учеб. пособие. – М., 1996. – 482 с.
16. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000. – 212 с.
17. Современный медиатекст: учебное пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.
18. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. – С. 7 – 16.
19. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. – М., 2006. – 280 с.
20. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. – М., 2009. – 248 с.
21. Чичерина Н. В. Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов. – М., 2008. – 232 с.

MEDIA TEXTS IN TERMS OF THE THEORY OF INTERTEXTUALITY AND PRECEDENT TEXTS

M. Y. Kazak
A. A. Makhova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
kazak@bsu.edu.ru*

The article considers the interpretation of the openness of texts, especially journalistic ones, on the level of content, structure and composition. The interpretation of these specific features of media texts is based on the theory of intertextuality. Precedent texts share the features of intertextuality on the conceptual (content) level.

Key words: intertextuality, precedent texts, modes of intertextuality, cultural sign.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЖУРНАЛИСТОВ ИНТЕРНЕТ-РАДИОВЕЩАНИЯ

И. И. Карпенко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
KarpenkoIrina@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются изменения, которые происходят в системе профессиональных компетенций радиожурналистов под влиянием конвергентных процессов в медиасреде.

Ключевые слова: конвергенция, медиаконвергенция, журналистика, интернет-СМИ, интернет-журналистика, интернет-радиовещание.

Появление Интернета как нового средства связи и его последующая трансформация в полноценное информационно-коммуникационное пространство явили собой следствие очередной технической революции. Сегодня Интернет перестал быть технологической новинкой – он внес изменения во многие сферы человеческой действительности. «Сеть Интернет как важнейшее достояние постиндустриального общества стала не просто дополнением к имеющейся технологической базе, но открыла для СМИ новую медиасреду» [4, с. 14]. В информационное пространство глобальной Сети постепенно переходят известные нам социальные институты: посредством Интернета люди обучаются, вступают в диалоги с властью и друг с другом, участвуют в политической конкуренции, культурной жизни. «Интернет оказался средой для коммуникации в более широком смысле слова, включающей межличностную и публичную формы общения, как индивидуальную, так и групповую» [5, с. 139].

Интернет послужил катализатором развития нового явления – интернет-СМИ. Их появление и дальнейшее успешное развитие стало возможным благодаря формированию новых информационно-коммуникационных технологий. Сегодня Интернет – среда для эффективного осуществления массовой коммуникации, в первую очередь благодаря своим уникальным возможностям представления информации, главным образом – мультимедийности, интерактивности и гипертекстуальности. Одним из новейших видов такой коммуникации является радио в Интернете, открывающее новые богатые возможности для журналистской деятельности, обогащения информационной среды современного человека. Интернет-радиовещание как новейший вид средств массовой информации успешно развивается и становится все более востребованным. Подобные гибридные средства массовой информации вызваны к жизни конвергентными процессами.

Суть конвергенции медиа или медиаконвергенции¹, которую иначе исследователи называют как «конвергенция на уровне профессиональной журналистики» [2, с. 78] или «медиаконвергенция» [8], проявляется в слиянии разнородных, достаточно отдаленных и разобщенных средств массовой информации, во взаимопроникновении друг в друга различных типов СМИ с дальнейшей возможной «переменой ролей» между разными каналами коммуникации [3, с. 11].

Конвергенция традиционного вещания и новейших компьютерных технологий стала причиной ряда изменений, происходящих в системе современных средств

¹ Исследователи выделяют три типа конвергенции: технологическую, организационную и медиаконвергенцию [11, с. 55].



массовой информации в общем и радиовещании, в частности, которые не могут не отражаться на профессионально-творческой деятельности журналистов и сотрудников редакционных коллективов.

В существующих условиях активного развития новых услуг в режиме онлайн последнее вызывает существенные изменения на рынке труда в средствах массовой информации: появляются новые рабочие места, связанные с подготовкой материалов для интернет-СМИ, работающих в режиме онлайн. Стоит также отметить, что и к сохраняющимся рабочим местам в журналистике «... обозначились требования, которые сегодня Сеть предъявляет журналисту. Прежде всего, необходим достаточный опыт, чтобы постараться понять, каким образом нащупывается нить взаимопонимания между традиционной и интернет-журналистикой. Применение новых медиатехнологий позволяет решить как минимум три задачи:

- использовать их как средство передачи информации;
- обращаться к ним как к источнику информации» [6, с. 86];
- а также видеть в них реальную возможность общения типа «радиоведущий – слушатель».

Сегодня радиожурналистам, работающим в редакциях компаний, вещающих в Сети, необходимо иметь более широкий набор компетенций, нежели их коллегам из офлайн-редакции. Так, к социальным и общепрофессиональным компетенциям примыкают еще и технические.

Если первые две группы являются универсальными компетенциями, которыми необходимо владеть журналистам в любой отрасли, то последняя группа до недавнего времени оставалась уникальной для каждой области журналистики, для радиовещания в частности. На сегодняшний день способности и навыки пользования новыми информационными средствами приобретают для журналистов все большее значение.

Техническая модернизация СМИ порождает новые тенденции развития радиожурналистики. Изменение технического потенциала открывает для радиовещательных компаний новые возможности рационализации и оптимизации производственных процессов. Данные изменения затрагивают производственные процессы на различных уровнях: редакционном, структурном, экономическом, профессиональном.

В структурном плане радиовещательная организация, базирующаяся в Сети, представляет собой урезанную модель привычной нам станции. Количество штатных сотрудников в веб-редакциях сокращено до минимума, что во многом отражает существующие в условиях глобального экономического кризиса потребности рынка труда. Журналист в подобной редакции становится не просто автором материалов, но и контент-менеджером, размещающим их в Сети, и порой, что обычно происходит на региональном уровне, без дополнительных вычиток и редакционных правок. И если редакционные коллективы крупных традиционных медиа «нанимают редакторов и сверщиков фактов, чтобы убедиться в точности передаваемой информации», то «в Интернете степень надежности источников разная, можно даже сказать, что сейчас он превращается в гигантский склад информации, далеко не всегда достоверной, а иногда и преднамеренно ложной, клеветнической. Достоверность становится одной из ключевых проблем развития глобальной сети» [2, с. 28]. Несомненно, что в этих условиях средства массовой информации должны становиться поставщиками «чистой» информации. Вот почему перепроверка фактов, цифр, имен и т. п. здесь обязательна.

Специфика работы в интернет-СМИ такова, что позволяет использовать временную или случайную рабочую силу – внештатных корреспондентов, удаленных корреспондентов. Или, наоборот: редакция может использовать возможность «привлечения профессионалов самого высокого уровня» [1, с. 10].

Подобный тип найма в журналистике является самым быстро растущим. Данная тенденция оправдана техническими возможностями передачи информации на любые расстояния посредством сжатия и трансляции через Интернет, позволяющими получать от журналистов информацию в любом формате, будь то аудио-, видео- или текстовые материалы.

Названные трудовые отношения выгодны обеим сторонам, заключающим контракт. Радиовещателю нередко дешевле заключать контракты с внештатниками, чем набирать штатных корреспондентов: контрактник получает только гонорары за выполненную работу, ни о каких ставках, пособиях и прочих субсидиях речи не идет. Эта практика дает возможность руководителям столичных радиокomпаний заключать договоры с журналистами в регионах, чем расширяет тематику эфиров. Для большинства журналистов такая организация труда также имеет очевидную привлекательность: она позволяет им с большей выгодой сочетать работу с иным использованием своего времени.

Журналисту, работающему в веб-редакциях или с ними сотрудничающему, необходимо брать на себя выполнение нескольких ролей одновременно. Теперь журналисту на радио мало просто иметь хорошие голосовые данные, широкий кругозор и достаточные навыки в работе с компьютерными программами редактирования звуковых файлов. В сложившейся ситуации у радиожурналиста, работающего в веб-редакции, возникает необходимость овладевать навыками, которые ранее использовались в других профессиональных областях, другими специалистами. Ему надо быть автором, редактором, контент-менеджером, модератором. От него требуются знания из несвязанных друг с другом областей, навыки работы в графических редакторах, азы веб-дизайна и т. д.

Кроме того, сегодня перед журналистами, работающими в режиме онлайн, возникают не только новые профессиональные, но и этические проблемы. Возможность произвольно в любой момент времени публиковать, дополнять и изменять тексты ставит под вопрос общепринятые профессиональные стандарты. С одной стороны, это создает у журналистов иллюзорный эффект вседозволенности и возможности поправить недочеты, а порой и крупные фактические ошибки, с другой, – вызывает необходимость прилагать дополнительные усилия, чтобы добиться целостности информации, то есть единства ее происхождения, авторства и смыслового контекста в условиях, когда технические средства искажения, манипулирования и преобразования формы информации обладают невиданной ранее эффективностью.

Переходя в онлайн, радиожурналисты перестают зависеть от эфирных ограничений, размещая свои продукты на серверах для свободного скачивания или формирования подкастов. В подобных условиях, в цифровых архивах и депозитариях объем аудиоматериалов не имеет особого значения.

Повышение требований относительно профессиональных качеств журналистов во многом способствуют оптимизации их работы. Самое мобильное с точки зрения изменения (при необходимости) сетки вещания с привлечением в процесс производства информационно-коммуникационных технологий, радио еще больше сокращает временные рамки производственных циклов. Удобные форматы сжатия информации позволяют в считанные секунды передавать сетки вещания, текстовые файлы и файлы готовых передач из студии производства в эфирные компьютеры для дальнейшей их трансляции.

Оптимизация рабочего процесса происходит также и на техническом уровне. Если раньше на составление плей-листов и сеток вещания радио затрачивалось большое количество времени, то сегодня этот процесс полностью автоматизирован. С этой целью используются такие программы автоматического компилирования, как Selector, Power Gold, Music Master, отечественное приложение МАГ.



Стоит сказать также о создании радиоконтента, которое происходит сегодня в условиях ускорения производственного процесса. Неограниченный доступ к информации через сеть Интернет позволяет журналистам в считанные секунды получать и обрабатывать информацию. Однако некоторые исследователи взволнованы тем, что «технизация и ускорение производственных процессов в медийных организациях» угрожают традиционной журналистике. Исследователь В. Д. Фатымина утверждает, что «в условиях перманентного дефицита времени журналист оказывается перед необходимостью постоянной ускоренной обработки больших массивов входящей информации, что чревато снижением качества ее отбора, анализа, оценки и обработки, а в конечном итоге – создает угрозу качественным характеристикам конечного информационного продукта» [10].

Некоторые исследователи выделяют также в ряде причин, способных сказаться на качестве журналистских материалов в современных условиях, опасность усвоения «машинного» типа сознания: способность мгновенного переключения с одной работы на другую. Однако формирование данной способности, на наш взгляд, должно скорее положительно, чем отрицательно сказаться на функционировании журналистов в обществе и профессиональной сфере. Специфика работы журналиста в Сети, особенности информационно-коммуникационного поля требуют от человека, занятого в производстве новостей, способности мгновенного перестроения, перехода от одного вида деятельности к другому, от поиска информации и написания текста к редактированию аудио и верстке интернет-страниц.

Правильнее, на наш взгляд, искать проблему в ином: упрощение поиска информации, ее обработки и доставки потребителю ведет к примитивизации мыслительной деятельности. Линейная модель мышления, свойственная человеку, дает возможность глубинного осознания причинно-следственных связей. В контексте повседневного использования мультимедийных технологий данная модель преобразуется в параллельную, что чревато разрушением подобных связей и превращением строевого мышления в перечень разрозненных фактов. Исследователь Е. Е. Пронина назвала такую мыслительную деятельность «Net-мышлением», отнеся к чертам нового типа мыслительной деятельности отсутствие внешней логичности, использование случайных процессов в качестве основы для построения выводов, бессознательную организацию мышления, игнорирование принципа каузальности и детерминизма, параллельную обработку информации, стремление к самодетерминации, публичной субъектности и т. д. [9, с. 43].

Во многом на качество информационной продукции может влиять и фактор отсутствия дипломированных специалистов в области функционирования конвергентных средств массовой информации. Вместо того, чтобы вкладывать средства в обучение персонала, многие компании проводят сокращения расходов, которые подрывают существующие стандарты. Подобная рационализация рабочих мест без компенсирующих мер может привести к понижению качества журналистских материалов.

Система сложившегося на сегодняшний день вузовского журналистского образования пока не в полной мере отвечает подобным требованиям рынка труда и отстает от потребностей практики, диктуемых технизацией журналистского труда в конвергентных СМИ. Система подготовки журналистов, идущая на смену существующей, должна принципиально отличаться от нынешней. Из двух полярных точек зрения на данную проблему – быть журналисту универсальным или узко специализированным [7], постепенно начинает утверждаться приоритет позиции сторонников универсализации журналистской работы. Однако данный универсализм должен акцентироваться не только на овладении жанрово-тематической палитрой журналистских материалов, методиками сбора и обработки информации и филологической культуре журналиста, но и на максимально полном овладении

новейшими информационно-коммуникационными ресурсами интернет-журналистики.

Этому во многом будет способствовать насыщение образовательного процесса учебными курсами, которые не только дают теоретические знания, но и вырабатывают у студентов практические навыки работы в интернет-редакциях. Журналисту сегодня необходимо «в равной степени владеть всем богатством гуманитарного знания, и в то же время уметь работать с телекоммуникационными системами, постоянно расширяя их возможности в использовании СМИ, формируя самостоятельное поле сетевой журналистики...» [6, с. 85 – 86]. С этой целью необходимо практиковать создание образовательных вещательных интернет-студий на факультетах журналистики и налаживать сотрудничество с существующими конвергентными редакциями радио.

Список литературы

1. Акопов А. И. Некоторые проблемы журналистики электронных сетей (по материалам дискуссий в сети Интернет) / А. И. Акопов // Акценты. – 2000. – № 3 – 4. – С. 5 – 12.
2. Бакулев Г. П. Конвергенция медиа и журналистика / Г. П. Бакулев. – М.: Институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 2002. – 108 с.
3. Варганова, Е. Л. К чему ведет конвергенция СМИ / Е. Л. Варганова // Информационное общество – 1999. – Вып. 5. – С. 11 – 14.
4. Гарматин А. А. Теоретические основы и принципы организации телевизионного интернет-вещания: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. / А. А. Гарматин. – Тольятти, 2005. – 209 с.
5. Кириллова Н. Б. Медиасреда российской модернизации / Н. Б. Кириллова. – М.: Академический проект, 2005. – 400 с.
6. Кихтан В. В. Информационные технологии в журналистике / В. В. Кихтан. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. (Серия «Высшее образование») – 160 с.
7. Корконосенко С. Г. Преподаем журналистику: Профессиональное и массовой медиаобразование : Учеб. пособие для вузов / С. Г. Корконосенко. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2004. – 238 с.
8. Короченский А. П. «Пятая власть»? феномен медиакритики в контексте информационного рынка / А. П. Короченский – Ростов-н/Д: Международный институт журналистики и филологии, 2002. – 271 с.
9. Пронина Е. Е. Психология журналистского творчества / Е. Е. Пронина. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 320 с.
10. Фатымина В. Д. Экономические проблемы в ежедневной прессе ФРГ [Электронный ресурс] / В. Д. Фатымина // Научно-культурологический журнал. – Электрон. журн. – Ростов-на-Дону. – 2005. – № 10 [112] – Режим доступа : <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid =561&level1=main&level2=articles>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
11. Erdal I. J. Researching Media Convergence and Crossmedia News Production / I. J. Erdal. // Nordicom Review. – 2007. – № 28. – P. 51 – 61.

TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCES OF JOURNALISTS IN INTERNET BROADCASTING

I. I. Karpenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
KarpenkoIrina@bsu.edu.ru*

The article discusses the changes that occur in the system of professional competences of radio journalists for changes in the work of media, taking place under the influence of converged media environment in the process.

Key words: convergence, media convergence, journalism, online media, online journalism, web-radio.



УДК 81. (075.81)

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ДОВЕРИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ К РАЗЛИЧНЫМ ТИПАМ МЕДИАТЕКСТОВ

Т. Р. Красикова
Е. А. Кожемякин

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
tkrasikova@inbox.ru
kozhenyakin@bsu.edu.ru*

В работе представлены результаты эксперимента (метод семантического дифференциала), направленного на оценку доверия студентов к журналистским, рекламным и PR-текстам. Данные проведенного исследования свидетельствуют о преимущественно внетекстовом характере факторов, определяющих доверие аудитории к медийному тексту: объект повествования, медиакомпетентность, стереотипы, а не только собственно информационная организация текста, детерминируют степень доверия к нему.

Ключевые слова: доверие, медиатекст, оценка доверия, семантический дифференциал.

Проблема исследования

В современных средствах массовой информации представлены различные типы текстов. Кроме журналистских материалов, распространены так называемые коммерческие и «ангажированные» публикации. В одном источнике информации, наряду с журналистскими текстами, можно найти и рекламные, и PR-тексты. Каждый из них имеет свои функции. Если журналистские тексты «служат» общественности, удовлетворяя ее потребность в жизненно необходимой информации, то рекламные и PR-тексты руководствуются иными целями, выгодными, прежде всего, для коммуникатора или инициатора коммуникации. Таким образом, аудитория, выбирая всего один источник, оказывается под воздействием разных потоков информации, различающихся по своим целевым, содержательным и формальным характеристикам. Более того, читатели порой не находят разницы между журналистскими, рекламными и PR-текстами. Особенно подвержена гетерогенному медийному влиянию студенческая группа. Поэтому, мы считаем необходимым выяснить, как молодежная аудитория относится к медиатекстам различного типа, и главным образом – к каким из них проявляет доверие, а к каким – нет.

Понятие «доверие», выражая социально обусловленные особенности отношения аудитории к медийному контенту и информационным источникам, принадлежит к разряду социологических понятий. Соответственно, основной спектр дефиниций этого понятия представлен в работах по социологии и, в частности, социологии массовой коммуникации. В нашем исследовании мы будем опираться на определение, предложенное Э. Гидденсом. Он, различая доверие к людям и доверие к «абстрактным системам», приводит следующую дефиницию данного термина: «Доверие может быть определено как уверенность в надежности некоторой личности или системы относительно данного комплекса последствий или событий, где эта уверенность выражает веру в честность или любовь другого лица или в правильность абстрактных принципов» [1, с. 34]. Для Э. Гидденса доверие, прежде всего, выражает связь веры и уверенности, основанных на знании. К тому же, данный феномен он рассматривает как «своеобразное «погружение в веру», которая выносит за скобки игнорирование или нехватку информации» [1, с. 33].

В течение длительного периода понятие доверия рассматривалось западными социологами в рамках когнитивных процессов. Сейчас современные авторы все чаще склоняются к выводу, что доверие – это сложное социальное, культурное и психологическое явление, которое включает различные по своей природе компоненты. Многие исследователи этого феномена полагают, что доверие включает в себе различные

стороны «культурных значений, эмоциональных реакций и социальных отношений... Необходимо не только осознавать доверие, но и чувствовать его» [3, с. 25].

Применительно к предмету нашего исследования – доверию студенческой аудитории к медийным текстам различного типа – сформулируем следующую *основную гипотезу*, связанную с приведенной выше дефиницией: рецепция журналистского, рекламного и PR-текстов читателями связана не столько с оценкой ими информационного потенциала текста, сколько с социокультурными и эмоциональными установками, сформированными в сознании аудитории относительно этих категорий текстов. Осознать и «почувствовать» доверие к медийному тексту – значит не столько рационально оценить его информационную надежность, сколько иррационально воспроизвести устойчивые социокультурные стереотипы относительно той или иной категории текста. Тем более это будет характерно для «наивного» читателя (не профессионального коммуникатора, а рядового неискушенного представителя аудитории), какими и являются преимущественно студенты, в большинстве случаев недостаточно компетентные в особенностях информационной организации медиатекстов. Эта группа читателей зачастую уже разделяет определенные суждения относительно текстов до их рецепции, а сама процедура рецепции текста часто представляет собой лишь отбор эмпирических признаков, подтверждающих уже сформированные суждения.

Однако, для более полного представления о характере доверия к медийным текстам мы включили в выборку представителей «профильного» факультета – будущих журналистов, оценка которыми медийных текстов будет способствовать более точной репрезентации спектра профессиональных установок студентов.

Метод исследования

В ходе исследования мы применили метод семантического дифференциала. Признавая тот факт, что доверие в большей степени зависит от социокультурных и психологических установок, мы сочли необходимым выявить отношение респондентов к выбранным текстам с помощью обращения к оценочно-аффективной рецепции текстов. Метод семантического дифференциала как раз позволяет выявить субъективно-значимые для респондента стороны предмета; он помогает измерить коннотативное значение, увидеть бессознательные, ассоциативные связи в сознании между объектами.

Нами была выбрана авторская методика А. Купрейченко [3], в которой в качестве инструментария используются бимодальные шкалы, фиксирующие различные аспекты оценки медиатекста: *когнитивный* (непонятная / понятная; привлекающая внимание / непривлекающая внимание; оригинальная / неоригинальная; сложная / простая; запоминающаяся / незапоминающаяся), *эмоциональный* (притягивающая / отталкивающая; огорчающая / радующая; возбуждающая / успокаивающая; хорошая / плохая; враждебная / дружественная), *поведенческий* (вызывающая желание приобрести / не вызывающая желания приобрести товар), *идентификационный* (реалистичная / нереальная; герои похожи на моих друзей / не похожи на моих друзей; персонажи близки / не близки). Но доверие/недоверие к текстам массовой коммуникации зависит и от групп приведенных в них фактов, поэтому мы посчитали необходимым добавить в инструментарий еще одну группу компонентов: точная/неточная информация; надежная/ненадежная информация; убедительные/неубедительные факты.

Исследование проходило по репрезентативной выборке студентов очного отделения пяти факультетов НИУ «БелГУ», общее количество респондентов составило 100 человек. Возраст респондентов – 18 – 20 лет. Каждому участнику исследования предлагалось прочитать три текста (журналистский, рекламный и PR-текст), идентифицировать их тип и оценить их по бимодальной шкале. Все три текста были отобраны в соответствии с конвенциональными представлениями о типичных журналистских, рекламных и PR-текстах. В качестве основных типобразующих признаков медийных текстов были выбраны те, которые предложены в основных авторитетных для медийных профессиональных и образовательных сообществ типологиях за авторством



А. Д. Кривоносова [4], В. В. Ученовой [5], С. Г. Корконосенко [6]. Подчеркнем, что мы не ставили целью выявление всех возможных реакций на различные типы медиатекстов со стороны студенческой аудитории; мы, скорее, преследовали цель определения реакций доверия / недоверия на конвенциональные типологические признаки медиатекстов, именно поэтому были выбраны и предложены респондентам наиболее узнаваемые, «стандартные», характерные тексты.

Обсуждение результатов исследования

Далее рассмотрим основные результаты нашего исследования, представив их последовательно в зависимости от типа медийного текста. Заметим, что все респонденты смогли точно идентифицировать журналистский и рекламный типы текста. Некоторые затруднения вызвала идентификация PR-текста (часть студентов относила его к стандартной журналистской информационной заметке), однако это предопределено самой коммуникативной прагматикой PR и характером производимых в его рамках текстов. В целом, успешная идентификация респондентами текстов свидетельствует об адекватном выборе их нами в качестве типичных.

Наибольшее доверие со стороны студентов вызвал журналистский текст, наименьшее – рекламный текст. Показатели оценок респондентов по антонимам бимодальной шкалы приведены в Табл. 1. (данные представлены в виде средних показателей по пяти факультетам).

Таблица 1

Распределение оценок респондентов по антонимам бимодальной шкалы

Антонимы бимодальной шкалы	Рекламный текст	PR-текст	Журналистский текст
Притягивающий/Отталкивающий	2,4 ¹	2,6	2,74
Понятный/Непонятный	1,4	1,7	2,0
Простой/Сложный	2,8	2,06	2,1
Реалистичный/Нереалистичный	2,37	1,8	1,73
Дружественный/Враждебный	2,34	2,74	2,12
Персонажи мне близки/Не близки	3,1	3,3	2,96
Убедительные факты/Неубедительные	2,48	2,2	2,06
<i>Средний коэффициент доверия / недоверия</i>	<i>2,41</i>	<i>2,34</i>	<i>2,24</i>

Оценка доверия к рекламному тексту

В ходе опроса мы выявили отношение студентов БелГУ к рекламным текстам. Опрошенным предлагалось оценить рекламу фотоаппаратов фирмы «SONY». Данный текст является креолизированным. В нем содержится несколько типов сообщений: вербальное (слоган, характеристики товара), буквальное иконическое (изображение фотокамер, изображение молодежной вечеринки) и небуквальное иконическое, о котором речь пойдет позже.

Большинство респондентов (81 %) не дали однозначных ответов относительно доверия/недоверия к предложенному рекламному тексту, поэтому они попали в категорию «сомневающийся». Интересно то, как в этом отношении распределились результаты по отдельным факультетам. На факультете журналистики только 3 % опрошенных полностью доверяют предложенному тексту, а 17 % – сомневаются в своем отношении к нему. Возможно, такое числовое распределение связано со специальностью студентов, знанием секретов профессионального мастерства, в том числе и в области рекламы, критическим мышлением, которое признается профессиональной ценно-

¹ Чем выше коэффициент, тем ближе оценка к негативному антониму бимодальной шкалы.

стью в среде будущих журналистов. Самый низкий показатель у студентов факультета управления и предпринимательства: всего 14 % «сомневающихся». При этом здесь показатель доверия составляет 16 %.

Недоверие в отношении к рекламному тексту по результатам опроса не значительно (число респондентов не превышает 2 %). Можно предположить, что это связано с предметом рекламирования. Согласно исследованию, проведенному компанией comScore, изучающей IT-рынок, предметы электроники являются той продукцией, которая вызывает доверие и интерес у молодежной аудитории (возраст наших респондентов – от 18 до 20 лет) [7].

Но, тем не менее, по результатам опроса выявлено, что подавляющее большинство респондентов (81 % по 5 факультетам), сомневаются относительно доверия/недоверия к рекламным текстам. Принимая во внимание определение понятия «доверие» Э. Гидденса, мы можем сказать, что респонденты не имеют достаточной «уверенности и веры» в достоверности рекламного текста, а рекламные тексты не представляют собой ту категорию медийных продуктов, которая априори вызывает исключительно положительные реакции реципиентов. Мы предположили, с чем может быть связано неоднозначное и неуверенное отношение респондентов к данному рекламному сообщению:

1. В тексте содержатся технические характеристики предмета рекламирования. Если учесть, что подавляющее число респондентов – женщины, то становится понятной неуверенность опрошенных в достоверности рекламной информации. Учитывая, гендерные особенности в рекламе, женщины больше доверяют указаниям на внешнюю привлекательность продукта, чем на описание ее технических, функциональных и содержательных характеристик: «Если в женской рекламе рекламируется конкретный продукт (например, парфюмерия, продукты питания, аксессуары), то обязательно присутствует его фотография» [8];

2. Также установлено, что реклама зарубежных фирм (в данном тексте – «Sony») в меньшей степени вызывает доверие у женщин (по исследованиям А. Н. Лебедева-Любимова [9]). Кроме того, потенциально женщины являются потребителями другой продукции: косметики, одежды, хозяйственных товаров и т. д., а предметы электроники для них не вызывают первостепенного интереса;

3. Читая рекламное сообщение, можно отметить, что текст направлен на мужскую аудиторию. Прежде всего, это находит отражение в лексике: преобладание глаголов и существительных над прилагательными, и в характере информации – обилие прагматических данных о товаре;

4. Учитывая то, что нашими респондентами были исключительно студенты (неработающая часть населения), можно предположить, что неуверенность в достоверности рекламного текста может быть вызвана несоответствием уровня доходов конкретных респондентов уровню доходов потенциальных потребителей;

5. Сомнение респондентов также может быть вызвано существующим в обществе стереотипом: «рекламе доверять нельзя – обманут». Реклама сама по себе воспринимается как навязчивая информация, составленная с использованием различных психологических уловок;

6. Согласно исследованиям А. Б. Купрейченко недоверие к какому-либо конкретному продукту может вызвать недоверие ко всей рекламе в целом [10];

7. Сомнение в истинности сообщаемого возможно вызвано уверениями рекламодателя в том, что его продукт лучше других («Сверхвыносливая фотокамера, которая видит больше других»). Исследования Л. В. Корешнековой и В. Ю. Зельниковой показывают, что у респондентов возникает эмоционально неприятие подобных сообщений [11, с. 24 – 25]. Количество перечисленных свойств продукта может быть воспринято как преувеличение реальных его качеств;

8. В данном рекламном тексте вместо конкретного образа присутствует модель события, которая конструирует некую реальность: молодежная вечеринка у бассейна,



обслуживаемая официантами, намекает на мероприятие vip-класса. С одной стороны, эта «идеальная» реальность как отражение «Я-идеального» должна привлекать респондентов. Небуквальное иконическое изображение, наводит на мысль о том, что только обладатель подобного фотоаппарата может быть допущен в богатый социальный слой, имея такую камеру, он окажется на высоте. Но, с другой стороны, низкий социальный и материальный уровень респондентов может вызвать неприятие рекламного текста. К тому же, при заполнении анкеты, подавляющее число опрошенных выбрали параметр: «герои не похожи на моих друзей», что, вероятно, свидетельствует о том, что подобные модели поведения им не близки;

9. Исследования О. О. Савельевой показывают, что люди склонны не доверять товарному дискурсу рекламного сообщения, отражающему прагматическую информацию о товаре, так как «покупатель заранее предполагает, что реальные свойства товара в рекламе завышены» [12];

10. Кроме того, сами обстоятельства исследования могут оказать влияние на негативное отношение к данному тексту. Намеренное чтение рекламы, когда респондент не выбирает ее сам, может восприниматься как суггестивное вмешательство со стороны. Своеобразная защитная реакция заставляет респондентов придерживаться скептической позиции относительно предложенного текста.

Но, тем не менее, повторимся: однозначного недоверия опрошенные не испытывают. К тому же, при анализе конкретных параметров анкеты (притягивающий/отталкивающий, дружественный/враждебный, убедительные факты/неубедительные факты) респонденты выбрали в качестве наиболее притягивающего, дружественного и убедительного именно рекламный текст.

Возможно, это связано с несколькими аспектами:

1. Цветовое исполнение рекламы нестандартно. Использование контрастных ярких цветов синего и розового, разнообразное шрифтовое исполнение передает позитивное эмоциональное настроение;

2. Авторитетность рекламируемой фирмы, ее известность для российского потребителя;

3. Положительно может быть воспринят социальный дискурс данного рекламного сообщения. Модель поведения, реализованная в рекламе (молодежная вечеринка), может оказаться привлекательной для студенческой молодежи.

Интересно, как распределились оценки респондентов относительно текста по отдельным бимодальным шкалам. Рекламный текст стал самым «притягивающим» на факультете журналистики. Большинство респондентов определили этот текст с точки зрения фактического материала, как самый «неубедительный». «Сложным» и «нереалистичным» рекламный текст стал среди студентов факультетов негуманитарного профиля.

Оценка доверия к PR-тексту

PR-текст был представлен в жанре кейс-стори – «один из жанров медиатекстов PR, в котором публичный капитал базисного субъекта поддерживается на примере сообщения о благоприятном опыте данного базисного субъекта» [13]. Этот жанр близок к жанру «жизненная история» (по классификации А. Тертычного) в журналистской коммуникации и достаточно часто встречается в печатных СМИ. Представленный респондентам текст рассказывает об акции против продажи алкоголя несовершеннолетним, проведенной активистами одного из популярных российских молодежных движений.

Также как и в предыдущем тексте, однозначных результатов мы не получили: 82 % респондентов сомневаются в отношении доверия/недоверия к представленному тексту. «Доверие» к данному тексту незначительно отличается от «доверия» к рекламному и составляет 17 %. С чем связано доверие к данному типу PR-текста? Возможно, респонденты восприняли кейс-стори как информационную заметку, не задумываясь над способом подачи фактов в тексте. Наличие автора и фотографии также «сыг-

рало» на доверие. «Недоверие» по сравнению с предыдущим текстом уменьшилось до 1 % и выявлено только среди студентов факультета журналистики.

Рассмотрим, что в этом случае могло помешать респондентам проявить доверие к предложенному тексту, почему они не имеют достаточно «веры и уверенности» в достоверности PR-текста. Мы предположили, какие факторы могли вызвать сомнения студентов в отношении доверия/недоверия.

1. Носитель информации (газета) мог вызвать неприятие у молодежной аудитории, привыкшей получать сведения из Интернет-источников и телевизионных программ.

2. С предмета отображения внимание автора постоянно смещается в сторону молодежного движения: в заголовке, лиде, основном тексте, особенно в его заключении они упоминаются постоянно. Респонденты не воспринимают такой текст как объективный, скорее как чересчур тенденциозный. Следовательно, такой подбор фактов может восприниматься как навязчивый в отношении одного базисного субъекта.

3. Выделяется сам образ главных героев материала. Постоянное упоминание об их заслугах («Белгородские активисты в тройке лидеров по России»), выделение их образа как исключительно положительного в сравнении с другими («Ребятам грубили, отказывались возвращать деньги за продукцию», «Ряды «Наших» пополняются и ребята не намерены сдавать позиции»), иными словами, ратификация позитива в отношении деятельности одной организации может восприниматься респондентами как желание отправителя информации оказать влияние на их мнение.

Что касается результатов по оценкам отдельных параметров (притягивающий/отталкивающий, дружественный/враждебный, убедительные факты/неубедительные факты). Здесь нет ярко выраженных дихотомичных оценок, и на всех факультетах текст оценен средним баллом. Лишь для студентов факультета журналистики PR-текст показался более отталкивающим и недружественным, а факты неубедительными. Наиболее «приятен» текст для студентов управленческих специальностей. Эти же респонденты признали текст самым «убедительным», «притягивающим», «понятным», «простым» и «реалистичным».

Оценка доверия к журналистскому тексту

Эксперимент позволил выявить степень доверия студенческой общественности к журналистским текстам. Респондентам была предложена небольшая газетная информационная заметка. Предложенный текст рассказывает о назначении именной стипендии студентам одного из белгородских вузов.

Среди всех выбранных текстов журналистский вызвал наибольшее доверие: 25% респондентов. Кроме того, «недоверия» в ходе опроса не выявлено.

Попробуем предположить, почему журналистский текст имеет самые высокие показатели доверия. На наш взгляд, это может быть связано со следующими аспектами:

1. Наличие документального фото усиливает визуальный (более доверительный в условиях визуализации современной культуры) компонент информации.

2. Приведенная в тексте ситуация положительна, значит, не будет иметь негативного восприятия. По данным, полученным с помощью метода семантического дифференциала, текст вызывает скорее позитивные эмоции у респондентов.

3. Авторитетность персонажей статьи (В. Воробьев – Герой РФ) способствует повышению доверия. Все герои представлены в публикации как положительные образы (В. Воробьев, студенты – отличники и патриоты, руководство вуза).

4. В тексте переданы обычные факты действительности, конкретные имена без их оценки (к тому же, при заполнении анкеты респонденты к этому тексту выбрали параметр «убедительные факты»). Нет давления авторского «Я», насаждения субъективного мнения: читателям не с кем спорить.



5. Факты, описанные в тексте, встроены в общекультурную систему ценностей (защита Родины, патриотизм, успехи в учебе и т.д.). Читатель положительно оценивает социальное поведение героев публикации.

Тем не менее, немалое количество респондентов (75%) сомневаются в отношении доверия/недоверия к данному тексту. Здесь отдельно от других факультетов стоит журфак: лишь 1% респондентов полностью доверяют данному тексту, тогда как 19% - сомневаются. Предположим, что данные показатели связаны с профессиональным критическим восприятием будущих журналистов к деятельности своих коллег. На остальных факультетах доверие значительно выше: от 5% до 8%.

Журналистский текст был признан респондентами факультета журналистики самым «непонятным». Оценку «отталкивающий» этому тексту дали представители практически всех остальных специальностей.

Попробуем предположить, почему журналистский текст не вызвал однозначной оценки со стороны студентов.

1. Материал не подписан. Отсутствие имени автора может восприниматься читателями с недоверием: так или иначе, источник информации для них неизвестен.

2. Как и в случае с PR-текстом, носитель информации – газета, а это не самое привлекательное СМИ для молодежи.

3. Отсутствие полного доверия к данному типу текста связано с отношением к СМИ в целом: «В России, как и в ряде других стран мира, наблюдается явный кризис доверия общества к прессе» [14, с. 16]. Современные издания воспринимаются аудиторией как ангажированные источники информации;

Итак, мы можем сформулировать некоторые общие выводы по результатам проведенного исследования. Применение метода семантического дифференциала позволило выявить основные стереотипные представления студентов о трех типах медиатекстов – рекламном, журналистском и PR-тексте. Мы подтвердили нашу основную гипотезу о том, что основанная на доверии/недоверии рецепция медиатекстов непрофессиональными читателями детерминирована не только информационным потенциалом самого текста, но и широким спектром социокультурных и эмоциональных установок относительно категории, к которой причисляется текст. Собственно, даже восприятие собственно информационного потенциала зависит от ряда внетекстовых характеристик (таких как, например, медийная компетентность или характер восприятия объекта повествования) – закономерность, которая достаточно хорошо известна специалистам и которая в очередной раз подтвердилась в нашем исследовании. Вывод о том, что подтвердилась наша главная гипотеза, мы сформулировали на основании устойчивых повторяющихся выборов респондентами элементов бимодальных связей в шкале семантического дифференциала. Отсутствие затруднений, легкость и активность, которую проявили респонденты, выполняя предложенное задание, свидетельствует о действительном наличии эмоциональных установок в отношении каждого из трех типов медиатекста.

Мы определили, что наибольшее доверие из трех предложенных типов текста вызывает журналистский текст, а наименьшее – рекламный. Журналистика как важный социальный институт, по общему мнению, призвана защищать интересы граждан и ориентирована на предоставление социально необходимой и актуальной информации. Исходя из этого общего представления о сути и прагматике журналистской коммуникации, продукт журналистской деятельности – заметка, репортаж, статья и т.п. – скорее положительно воспринимается респондентами.

PR-текст, как мы выяснили, заставляет респондентов сомневаться в отношении выбора установки доверия или недоверия. Большинство жанров PR-коммуникации (в том числе и выбранный нами кейс-стори) очень похожи на жанры журналистской коммуникации. Не зная особых признаков, читатель не сможет увидеть существенных различий между PR-текстом и журналистским текстом. Только свойственная PR-

коммуникации ратификация позитива и соответствующий подбор фактов в отношении одного базисного субъекта может помешать респондентам положительно воспринять данный текст.

Несмотря на то, что информационная организация и фактологическая структура PR-текста была явным образом более тенденциозной, этот тип текста вызвал у респондентов более доверительную реакцию, чем рекламный текст. Как нам представляется, это стало возможным именно благодаря более общему недоверию к товарному дискурсу рекламы в целом, в контексте которого каждое частное рекламное сообщение оценивается аудиторией с точки зрения его соотносительности с целями рекламной коммуникации в целом.

И. Дзялошинский отмечает, что доверительному восприятию текста мешает так называемая «дистанция». Принимая во внимание его точку зрения, мы можем предположить, что между респондентами и журналистским текстом возникла подобная «дистанция». Она появляется между «субъектом в единстве его социальных, психологических и семиотических характеристик и текстом, выступающим в качестве объекта восприятия и понимания» [15, с.6], и, значит, не может способствовать исключительному доверию. Очевидно, что студенты нежурналистских специальностей в большей степени ощущают эту дистанцию, воспринимая авторов материалов, как «более информированных», «более компетентных» или же «более ангажированных», чем они сами.

Безусловно, изучение такого комплексного феномена, как доверие аудитории к медиатекстам, предполагает использование целого спектра подходов и методов. Методика семантического дифференциала занимает особое место в их ряду, позволяя определить априорные эмоциональные и социокультурные характеристики рецепции медийных текстов.

Список литературы

1. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990.
2. Fine G., Holyfield L. *Secrecy? Trust and dangerous leisure: generating group cohesion in voluntary organizations*// *Soc. Psychol. Q.* 1996. V.59. P. 22 – 38 / Цит. по: Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. - М.: «Институт психологии РАН», 2008. – С. 25.
3. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. - М.: «Институт психологии РАН», 2008.
4. Кривонос А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. – СПб.: СПбГУ, 2002.
5. Реклама: палитра жанров / В. В. Ученова, С. А. Шомова, Т. Э. Гринберг, К. В. Конаныхин. – М.: РИП-холдинг, 2000.
6. Корконосенко С. Г. Основы журналистики. – М., 2004.
7. Данные исследования компании comScore // http://blog.comscore.com/2007/05/younger_consumers_receptive_to_1.html
8. Хрулева Т. Н. Гендерный аспект типологии рекламы.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Пятигорск, 2007.
9. Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2003.
10. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. – М.: «Институт психологии РАН», 2008.
11. Корешнекова Л. В., Зельникова В. Ю. Психология доверия рекламе // Тезисы докладов Первой Всероссийской конференции «Психология в рекламе». – М., 1996. – С. 24 – 25.
12. Савельева О. О. Социология рекламного воздействия. М.: «РИП-холдинг», 2006.
13. Кривонос А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. - СПб.: СПбГУ, 2002.
14. Короченский А. П. Источники кризиса доверия. Главные причины недоверия к СМИ // Журналистика и медиарынок. – 2006. – №12. – С. 16.
15. Дзялошинский И. Эффективность восприятия и понимания текстов массовой коммуникации. Лаборатория рекламы. – 2003. – №5.



EVALUATING THE STUDENTS' TRUST FOR DIFFERENT TYPES OF MEDIA TEXTS

T. R. Krasikova
E. A. Kozhemyakin

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
tkrasikova@inbox.ru
kozhemyakin@bsu.edu.ru*

The paper presents the results of the research experiment (method of semantic differential) held to evaluate the students' trust for journalistic, advertising and PR-texts. The results show generally extra-textual nature of factors of audience's trust for media texts, since stereotypes, media competence, emotions (besides informational structure itself of a text) determine the level of trust for texts.

Key words: trust, media text, evaluation of trust, semantic differential.

ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО: ОТ ТРАДИЦИИ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ К МАССМЕДИЙНОЙ

А. В. Полонский

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Polonskiy@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются дискурсивные особенности православного слова в условиях современных российских масс-медиа.

Ключевые слова: православное слово, масс-медиа, дискурс, коммуникация, культура.

Современный человек особенно чувствителен к масс-медиа, к предлагаемым ими концептуальным формулам и метафорам. Роль масс-медиа как комплексного средства «освоения человеком окружающего мира в его социальных, интеллектуальных, нравственных, художественных, психологических аспектах» – справедливо замечает Н. Б. Кириллова – растет в обществе «невиданными ранее темпами» [13, с. 11]. Сегодня, чтобы оставаться включенным в контекст актуальной жизни и общественной мысли, необходимо быть открытым средствам массовой информации, поскольку именно они формируют общественную повестку дня и являются главными разработчиками и поставщиками содержательных и стилистических форм, которыми руководствуется современный человек в практике своей мысли и в своих поступках. Масс-медиа, фокусируя общественное сознание на тех или иных фактах, когнитивных структурах и эмоциональных реакциях, придают им статус социальной значимости и таким образом формируют особую, массмедийную картину мира, которая не всегда созвучна мыслям и идеалам духовно-интеллектуальной элиты, не всегда соответствует «праздничной» нравственности и вкусам общества. Тем не менее масс-медиа, обладая уникальной способностью наделять субъекта возможностью говорить с самой широкой аудиторией от имени общества и в его интересах, являются сегодня тем духовным пространством человека, в котором он в солидарном усилии общественной мысли разрабатывает востребованную обществом концептуальную формулу социального блага. Этим и объясняется то, что в массмедийное информационное пространство со своей духовной миссией пришло и православное слово, нацеленное на внутреннее преобразование человека посредством обретения им богооткровенной истины, на приобщение человека к высоким духовным ценностям Православия как основы нравственности и душевной гармонии. Православная Церковь таким образом предъявляет, говоря словами представителя Русской Православной Церкви протоиерея Всеволода Чаплина, свою «претензию на перемену окружающей реальности» [4].

Православная мысль в российских масс-медиа занимает сегодня значительное пространство. В 1998 году заработало православное информационное агентство «Русская линия» (rusk.ru). К 2005 г. было зарегистрировано уже около 800 православных изданий, а в целом их насчитывалось, по некоторым данным, около 18000 [5]. При этом количество православных масс-медиа постоянно растет. Издаются газеты «Правило веры», «Русь Державная», «Православная Москва», «Московский церковный вестник», «Радонеж», «Покров», «Смоленск православный», «Небесный всадник», «Татьянин День», журналы и альманахи «Русский Дом», «Духовный Собеседник», «Благодатный огонь», «Нескучный сад», «Встреча», «Новый ковчег», «Добродетель», «Славянка», «Вертикаль. XXI век» «Добродетель», «Фома», детский журнал «Божья коровка» (<http://www.bkorovka.ru/>) и многие другие. Функционируют право-



славные радиостанции «Воскресенье» (г. Екатеринбург) и «Град Петров» (г. Санкт-Петербург), радио «Радонеж». В Екатеринбурге начала работать православная телекомпания «Союз». В настоящее время в Рунете (по некоторым источникам) насчитывается более 1000 сайтов, имеющих православную направленность: *hristianstvo.ru* (каталог православных ресурсов Интернета), *mospat.ru* (официальный сайт отдела внешних церковных связей Русской Православной Церкви), *patriarchia.ru* (официальный сайт Московского Патриархата), *blagovest.bel.ru* (официальный сайт Белгородской и Старооскольской епархии), *sedmitza.ru* (сайт церковно-научного центра «Православная Энциклопедия»), *pravoslavie.ru* (сайт Сретенского монастыря), *mpda.ru* (сайт Московской православной духовной академии), *spbda.ru* (сайт Санкт-Петербургской православной духовной академии), *reshma.nov.ru* (официальный сайт Просветительского центра и издательства «Свет Православия»), *zavet.ru* («Православное чтение» – информационно-просветительский проект), *rus-svyat.ru* (русский культурно-просветительский фонд имени святого Василия Великого), *ljubo.ru* (православные знакомства) и многие другие. В 2009 г. создан Фонд поддержки православных СМИ «ТВ СПАС», нацеленный на оказание им материальной и информационной помощи в организации духовно-просветительских программ и мероприятий.

Православная тематика, кроме того, является ведущей или значимой во многих светских масс-медиа, поддерживающих идеи возрождения русских культурных традиций. Среди них: международный научно-популярный просветительский журнал «Русский Мир», журнал «Русский Дом», журнал художественной литературы и общественной мысли «Слово», литературно-художественный журнал «Всерусский собор», общенациональный «Русский журнал», «Мир Белогорья» – первое общественное телевидение и радиовещание Белгородской области и др. Показательны в связи с этим слова О. Шестинского из его журнального очерка «Самобытное слово Вологды»: «Русь создавалась и монастырями. Они обихаживали новые, неведомые земли, служили и крепостным оплотом, житницей в тяжкие годы. В монастырях для жизни сходились нравственные пришельцы, и от их долгих и бессонных молитв витала, ширясь над русским бытом, особая намоленность, без которой Россия не способна была бы жить, как без весенних дождей, материнской любви, воинской самозабвенности. И те, которые взваливали на плечи монастырские заботы, составляли спасающую прослойку среди незаурядных искателей Божьей истины» [31, с. 101].

Однако православное слово, как самобытная духовно-нравственная традиция, свято хранящая границы «высокого небесного гражданства» (А.С. Шишков), не «вписывается», как отмечают многие исследователи, «в формат современных СМИ [19]. «Поединок» СМИ и Церкви порождает ложный “публично-церковный” дискурс, который совершенно оторван от каких-либо актов веры, который не в состоянии коммуницировать те основы, из которых вытекает оценка событий» [23], поскольку высокие духовно-православные истины с трудом передаются современным массмедийным языком.

Современные масс-медиа – уникальный когнитивно-коммуникативный ресурс, отличающийся настраиваемостью на обозначенный фактом контекст текущей, быстро меняющейся жизни, на широкую аудиторию – многоликую, многоголосую, рассредоточенную по разным параметрам, мировоззренчески и духовно неоднородную, не отличающуюся единообразием социальных статусов и стандартов, жизненных установок и стилей жизни, демонстрирующую несовпадения в отношении к культурным смыслам, их иерархии и способам их освоения.

Отличительной особенностью масс-медиа является их особая чувствительность к культуре вопроса (практике спрашивания) как форме познания существенного в факте, к культуре рефлексивно-критического диалога, полемики и аргумента как формам установления истины. Истина же в масс-медиа не является самоцелью, она выступает в качестве важнейшего средства решения социальных задач и обретается в процессе поиска, накопления и обработки информации, через проверку, доказательств-

во и обоснование, через овладение социальной историей смысла и слова, через «поединок» со словом, которое может оказаться «изломанным» (Ю. Тынянов), извращенным, оторванным от своей культурной традиции. Более того, масс-медиа зачастую ориентируются не на постигаемый рациональным усилием смысл, а на культурно-идеологический контекст слова и его воздействующий эффект. «Дремучий социалдарвинизм», по меткому определению С. Г. Кара-Мурзы, оформившийся в лозунг современных масс-медиа «конкуренция – это наше всё» [10], требует простого или даже упрощенного слова, броского, такого, которое «цепляет» и воодушевляет толпу, как магический знак в ритуальных практиках.

Особенность современных масс-медиа проявляется и в их чувствительности, с одной стороны, к нравственному выбору личности как феномена мировоззренческого самосознания, а с другой – к жизненной практике «массового человека», упрощенного, усреднено-поверхностного, отчужденного от самостоятельной, критической мысли и опыта глубокого сопереживания, не нацеленного на «самостоятельное обдумывание, осмысление, понимание» [6], адаптированного к облегченным, тривиальным, стереотипизированным, тиражированным формулам мысли и речи. В массовой коммуникации «вектор развития, – пишет Г.Я. Солганик, – смешается от книжности к нейтральности... на первый план выдвигается “средний” стиль. “Высокий” теряет свои позиции, “низкий” приближается к середине... для всех сфер литературной речи характерна тенденция к снижению или исключению пафосности, к адекватной передаче информации минимальными языковыми средствами» [28, с. 19]. Ориентированные на сознание «усредненного» человека, на «общедоступность», масс-медиа не всегда являют опыт глубоких нравственных суждений и эстетических переживаний высокого: ими активно осваивается стилистика балагурства – непринужденно-шутливого разговора, зачастую лишённого какой-либо социальной мысли, оторванного от культурной традиции и срывающегося с «разговорности» в «низкие» сферы языка. Масс-медиа таким образом не только «сместают стилевые пропорции» в направлении сниженности и непафосности [17, с. 68], не только деформируют слово, разрушая его стилистику и смысловую структуру, но и упрощают, делают «плоским» интеллектуальный и чувственный опыт человека.

Масс-медиа создали, как справедливо замечает В. Д. Мансурова, «культурную среду принципиально нового типа... Равнозначным по степени выразительности оказывается ужасное и прекрасное. Реальность медиа-событий превращается в зрелище, “дебаш знаков” (по известному выражению Ж. Бодрийара)» [21, с. 5]. Утрата в масс-медиа осознания «высокой» границы и потеря иерархичности смыслов, присущей культуре [16], создает условия для аксиологической рассогласованности, в результате которой в обществе деградирует способность вырабатывать свои духовные приоритеты, осуществлять верный духовный выбор. Не случайно в Госдуму РФ неоднократно вносилось предложение создать Совет по защите нравственности в области масс-медиа. Опросы показывают, что большинство россиян выступают за введение нравственной цензуры. Как сказал протоиерей Сергей Махонин, «цензура, безусловно, нужна. Пропаганда безнравственности в СМИ – это самое настоящее безобразие, но в СМИ работают не только безнравственные и безответственные люди, но и люди, отстаивающие нравственные позиции. Если у человека есть совесть, то он в первую очередь спросит самого себя, что он делает, кому он служит, что он пропагандирует. Все дело в совести, в системе нравственных ориентиров... Если учесть нынешнее состояние нашего общества, если брать в расчет состояние массового сознания, то наше гражданское общество не способно взять на себя обязанности цензора. Нравственные принципы в нашем обществе размыты, носят неопределенный характер» [26].

Особенностью современного массмедийного языка является его повышенная эмоциональность и оценочность, что обусловлено укрупнением воздействующей функции, особенно востребованной в массовой коммуникации. С этой целью используются все возможные ресурсы языка [30; 9, с. 54 – 59]. Массмедийная оценочность



формируется на основе семантической оппозиции «свой – чужой», которая сегодня активно порождает, говоря словами Н. И. Клушиной, «агрессивную эстетику» [14, с. 151]. Речевая агрессия, свойственная современным масс-медиа, становится все более изощренной.

«Несоблюдение дистанции, заезды на чужую территорию» [29, с. 34], свойственные современным масс-медиа, свидетельствуют об их установке на завладение сознанием человека с подключением богатейшего арсенала доступных методов и средств манипулирования. Не случайно отличительной особенностью массмедийного языка становится расширение технологии выразительного, экспрессивного письма, «распространение техники “цитатного письма”, игровая стихия, интертекстуальность, совмещение голосов автора, персонажа и повествователя» [28, с. 14], а также другие средства повышения прагматического эффекта на аудиторию. Это осуществляемое масс-медиа «покушение» на адресата, похожее на вытеснение из поля смыслового обмена «встречного сознания», превращает социальный диалог в его видимость, в арену жесткого самоутверждения «я».

Православное же слово обладает иной духовно-коммуникативной традицией. Как говорил епископ Русской Православной Церкви Сергей (Королёв), «наше общение в слове безразлично. Слово имеет вечность... Надо так пользоваться словом, чтобы не ответить за него в день судный» [25]. Православное слово – просвещающее, взыскующее, похожее на наставление или поучение, увещание или утешение, уговор или совет духовного благовестника, учителя, научающего человека совестливости и праведности жизни и ведущего его от сомнений к вере. Высокий духовно-нравственный потенциал православного слова обеспечивается жестким *соблюдением семантической границы*, нормативной сфокусированностью, удержанием точности и иерархичности исконных, завещанных святоотеческой традицией нравственно неувязимых смыслов.

Особая духовная традиция православного слова обнаруживается в его отношении к *истине, красоте и добру*.

Духовно-православная традиция определяет, говоря словами диакона Андрея Кураева, «верующее отношение к *Истине*» [18]. Истина как богооткровение открывается человеку не умозрительно, не понятийным размышлением и логикой доказательств, а через личный опыт духовной жизни, через покаяние, смирение и чистоту помыслов, через личный опыт вчувствования и веры, которая, как говорил св. Максим Исповедник, есть «истинное познание, имеющее недоказуемые начала, будучи удостоверением в вещах, превышающих ум и слово» [15, с. 13]. Восхождение к богооткровенной истине является задачей всей жизни человека.

Красота в духовно-православной традиции – это не гармония, выверенная по лекалу, созданному человеком, не осознанная им целесообразность, а духовное подвижничество и нравственный поступок, соответствующий высоким смыслам призвания человека, обращенного к богооткровенной истине, долгу и дому. Здесь православное слово обретает свою особую чувствительность к пафосности, торжественности и высокой стилистике (*сладкопение, благодать, сопричастность, благоистинный, духоносный*), а также способность высоко заявлять о вере, долге, патриотизме, родине, доме и семье.

Слово, говорил епископ Русской Православной Церкви Сергей (Королёв), «должно творить нашу жизнь, собирать добро, сблизать нас, вносит единение» [25]. *Добро* в святоотеческой традиции осознается как «душевный труд» и «любовь к людям» [24, с. 59], как духовное господство над своим «я». Православное слово находит путь к человеку на основе любви, совести и нравственного долга. Именно в «любовном внимании к человеку», на что обращал внимание еще в XI веке преподобный Феодосий Печерский, игумен Киево-Печерской лавры, заключается нравственная сила православного слова, лежащая в основе его духовной миссии. Обращенность к духовному миру

другого человека задает православному слову особую прагматику, определяемую как «делikatность» [15, с. 14] и отзывчивость, призыв, а не принуждение и посягательство.

Анализ материалов, опубликованных за последние годы в российских православных и светских печатных изданиях, а также размещенных на интернет-сайтах, показывает, что православное слово активно пытается выработать свой массмедийный формат. «Труженики церковные» (по определению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II – иерархи Православной Церкви, известные богословы, православные журналисты и публицисты), а также те, для кого православное осмысление мира является движением души, кто черпает в православной культуре образцы бескорыстного служения во благо родины, кто своим словом свидетельствует о высоких духовных и нравственных ценностях православной веры, поднимают не только важнейшие вопросы веры и духовного просвещения, но и повседневной жизни, ориентируясь на рядового человека и стараясь вести диалог с ним на доступном языке, при этом сохраняя особую, подчеркивающую высокие, чистые смыслы стилистику: *служение, лик Христа, Пречистая Богородица, послабление, исповедальный, возрастающий, искусительный, преисполниться, препоручить*. Таковым, например, является слово пастыря в журнале «Славянка»: *«Наше сердце как некий чуткий прибор, реагирует на справедливость и еще более на несправедливость. Радует одной и болезненно переживает или возмущается другой... Однако, при множестве общих черт, представление о справедливом и несправедливом у разных людей – разное. И зависит оно от состояния совести... В человеческой оценке справедливо – несправедливо всегда есть сколько-то корысти...»* [27, с. 6].

Православное слово, нацеленное на заинтересованный, стилистически и жанрово выдержанный разговор как о вечном, так и о повседневном, текущем, принимает в современных масс-медиа форму не подробного или сокращенного пересказа Священного Писания, а скорее личностных свидетельств о благодатном и подвижническом, форму наставлений и нравоучительных историй, которые помогают человеку узнать сокровенное и ощутить истинное чувство собственного достоинства, совсем непохожее на *«гордое несения себя»* [20, с. 5]. Через соприкосновение с личностями – подвижниками русской земли и православной веры, простыми людьми, укорененными в своем мировоззренческом выборе, – человек приходит к осознанию своего высокого предназначения на земле, своего духовного воззвания и долга. Так, например, в очерке Елены Мирошник «Аннушкина тайна» раскрывается богатый внутренний мир простой русской женщины, по-настоящему воцерковленного человека: *«Эту маленького роста сухонькую старушку со светлыми глазами все звали просто Аннушка. Она была частью кухни, где всегда сидела у окна на белом табурете. Её голова, покрытая простеньким платочком, едва возвышалась над подоконником. Трудно сказать, видела ли она двор и обычную людскую суету, но неба было видно сколько угодно. Окно было очень высоким. Иногда, сидя на табурете, Аннушка могла задремать, и нам, детям, было смешно оттого, что бабушка “клюёт” носом. Но, вдруг очнувшись, она продолжала сидеть на своём табурете. Почему на табурете? Ведь в квартире много стульев, а табурет один. Только сейчас я понимаю, как это было неудобно. Но казалось, что бабушка не уставала, она даже не сутулилась. Спина прямая, руки спокойно лежат на коленях, так же спокойны и глаза. И в то же время не было ощущения, что она смотрит в одну точку.*

Не знаю, сколько ей было тогда лет. В детстве я об этом не думала. Мне казалось, что Аннушка очень старенькая. Иногда её просили почистить картофель, помыть посуду или пол. Я видела, как тяжело ей тащить таз с водой, чтобы вымыть пол. А когда она тёрла его тряпкой, ощущалась вся ее немоть. Но бабушка никогда не жаловалась, не отказывалась помочь. Молча сделав работу, Аннушка снова садилась на свое прежнее место...» [22, с. 24].

Особую идейно-стилистическую нагрузку православное слово обретает в массмедийном диалоге о России и родине, в котором сопрягаются высокие смыслы куль-



турной традиции, православия, державности и русского языка. Показательной, например, является публикация в журнале «Фома»: *«Официальное празднование крещения Руси – это признание того, что самим существованием наших государств, то есть России, Украины, Белоруссии, мы обязаны произошедшему в 988 году. Православие стало для наших предков не только личным духовным выбором, но и народообразующим и государствообразующим фактором. 28 июля – это, можно сказать, день рождения нашего народа.»*

В самом деле, что тысячу лет назад объединило славян в один народ? Общность крови? А разве общность крови – не фикция? Все живущие рядом племена и народы перемешиваются между собой. На востоке мы перемешались с татарами, на севере – с финнами... Одним народом нас сделала только общая культура, более того – общие духовные ценности, то есть общая вера. Вся наша культура, вплоть до начала большевистских гонений, была пронизана Православием. Даже когда отворачивалась от него. К примеру, нигилисты XIX века, при всем их антиклерикализме и материализме, вдохновлялись идеей общего блага и искренне желали добра своему народу (в отличие, кстати, от интернационалистов, совершивших Октябрьскую революцию) – а все эти умонастроения берут почву в православном мировосприятии» [8].

Обретая массмедийную чувствительность, православное слово приближается к контексту современной жизни человека, его социальным запросам, повышая свою способность включать в общественное сознание апелляции не только к вечному, не только к культурной традиции, но и к текущему, частному и даже периферийному (*молодежный глянец, паломники и туристы, рок-симфония, материнство, дом-интернат, благотворительность, православный дресс-код, политическая оперетта*).

Благодаря присущей масс-медиа практике спрашивания, рассуждения, объяснения и убеждения православное слово наращивает свою объяснительную силу – способность дать развернутый, аргументированный и доступный широкой аудитории ответ: *«Господь призывает нас к жизни в конкретной исторической и социально-культурной среде, и эта среда является хранилищем человека и местом реализации его предназначения. И родовая принадлежность помогает человеку воспринимать мир в той природной, социальной, исторической среде, в которой он призван к жизни. Это то, что позволяет человеку сформировать и осознать свою самобытность. Мы все единасущны, мы все называемся одним именем – Человек, но каждый из нас имеет свое лицо, и вот с этой точки зрения принадлежность человека к конкретному роду очень важна: так формируется индивидуальность, личность приобретает новые грани, ипостаси. И с другой стороны, родовая принадлежность помогает человеку идентифицировать себя в этом мире, среди других людей. И если учесть, насколько стремительно в современном мире идут процессы унификации людей, насколько сильна тенденция к приведению всех к одному стандарту, можно предположить, что роль кровно-родовых связей будет возрастать, потому что именно они позволяют человеку не потерять и осознать свою индивидуальность, сохранить свое лицо» [7, с. 2].*

С целью повышения своего прагматического эффекта в масс-медиа – пространстве жестко конкурирующих смыслов – православное слово расширяет практику использования

- тропеической образности (*псевдорелигиозный фастфуд, глобальный миксер, лукавая режиссура, пространство одного окна*),
- языковой игры (*родительский дым, “обкуривание” плода, «пролетая над гнездом утки», «хата не с краю»*),
- афоризации (*«Господь всякому дает душу, но не всякий ею живет», «творческие способности делают человека активным, а биологическая активность истощает», «единственный грех – отпадение от Бога, единственная добродетель – возвращение к Нему»*),

- экспрессивного дефинирования («Церковь – гарант духовной независимости», «жить – это медленно рождаться»),
- прецедентных текстов («с милым – рай», «папы всякие важны»; «любить иных – тяжёлый крест»),
- иноязычных заимствований (ноу-хау, медийный закон, месседж, имидж),
- иностилевых заимствований (фанаты, журналюги, взгромоздиться на кафедре, тупое невежество),
- архаизации орфографии (безкорыстный, мир), неологии (захожанин, поболталки) и
- «неографии» – преднамеренному изменению графического образа слова (включая возможности алфавита, шрифта, формы, наклона, размера, цвета) в целом или его фрагмента с целью активации в выделенной структуре дополнительных смыслов (про**РОК**, ЛИ**К**без, при**МАТ**, кри**Т**И**КА**, читал?КА).

Приближение православного слова к своему массмедийному адресату способствует расширению его стилистики, обращению к разным стилистически пластам языка. Как, например, история, описанная в очерке В. Кириллова «Мужицкое счастье»: «Приехал я как-то в Москву, а мне предлагают режиссёрство в Америке, в Австралии, – рассказывает Арсеньев. – Боже, что я там, вдали от Родины, забыл? – ответил им. – Мужиком я себя в деревне почувствовал, ребята. Настоящим русским мужиком! Всё теперь умею. Лес валить. Пилить, строгать, косить. Сети на озере ставить. Верхом на коне скакать. Грибы солить. Корову доить! Смотрят они на меня так, словно я с Луны свалился» [12]. Как заметила в одном из своих интервью Ю.Н. Вознесенская, известный современный православный писатель, «это попытка разговаривать с неверующими или ищущими... их языком. То есть то, о чем говорил апостол Павел (с греком я говорю по-гречески...) Это то, что делает дьякон Андрей Куряев. Он делает это очень ярко, очень заметно, может быть, для кого-то раздражающе, но он это делает. То же самое делаю и я. Гораздо более скромно, более незаметно, но я делаю то же самое» [3].

Православное слово, как показывает проведенный анализ, оказывается открытым также урокам дисфемизации (целенаправленного огрубления и стилистического снижения речи), даваемым современными масс-медиа, говорящими зачастую языком «рынка», на котором, как известно, особенно хорошо идут все формы культурной деградации (любовь с обильным слюноотделением, скотоподобные существа).

«Стилистическое диссидентство» [1, с. 61] православного слова расширяет его стилистический регистр, способствуя повышению выразительности и экспрессивности, направленной на аудиторию масс-медиа, однако одновременно создает условия для его десакрализации, разрыва связи с духовной традицией. Более того, дисфемизация, целью которой является создание негативно-оценочного эффекта, направленного на культурное пространство другого (сатанинские ценности, самодуровская выставка), задает крайне жесткий характер семантической оппозиции «свой – чужой», что создает условия для ксенологизации общественного сознания, утверждения аксиоматики иного как чуждого, которая, как известно, герметична к идеям уважения духовного выбора личности.

Массмедийная практика православного слова демонстрирует случаи использования технологии рефрейминга [2], то есть переформулирования, переосмысления и переопределения контекста или содержания номинирующего слова с целью изменения механизма восприятия и оценивания, в результате чего активизируются смыслы, зачастую оппонирующие сложившейся культурной традиции. К примеру, общечеловеческие ценности определяются не как «фундаментальные ориентиры и нормы, являющиеся эталоном для людей всех культур и эпох», а как «потеря этнокультурной идентичности», «потеря своей самобытности», «потеря границ собственного мира» и др.



Православное слово обнаруживает порой излишнюю жесткость и безапелляционность, что не воспринимается широкой аудиторией как «приглашение» к полноценному социальному диалогу. Показателем тому является жесткая, снижающая культурный статус оценочность (*духовный дебил*) и практически отсутствие в массмедийном православном диалоге таких слов, как *кажется, может быть, наверное, возможно*, при посредстве которых человек не только выражает оценку степени реальности или истинности того, что он утверждает, но и ищет «встречи» с другим сознанием с целью духовного-смыслового сотворчества.

Таким образом, православное слово, прокладывая в масс-медиа путь духовного восхождения современного человека, формирует просвещающее сознание и возвышающий душу социальный диалог, однако, испытывая на себе их репрессивно-форматирующую силу, оно становится открытым их стилистике, ослабляя связь со своей духовной традицией. Как сказал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, «говорить языком современной журналистики о смысле христианской веры получается далеко не всегда... Но в современном информационном обществе мы должны научиться говорить понятно и доступно, не утрачивая при этом важных смыслов и оттенков...» [11].

Список литературы

1. Ажгихина Н. И. Сумерки жанра / Н. И. Ажгихина // Журналист. – 2007. – № 5. – С. 61.
2. Бендлер Р., Гриндер Дж. Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевых стратегий: Пер. с англ. / Р. Бендлер, Дж. Гриндер. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 256 с.
3. Вознесенская Ю. Н. В один прекрасный день... [Электронный ресурс] / Ю. Н. Вознесенская // Правые люди. Новые имена. – 2005. – Режим доступа: [<http://pravaya.ru/ludi/451/4866>].
4. Всеволод (Чаплин), протоиерей. Жить так, как если бы конец Света наступал через полчаса [Электронный ресурс] / Всеволод (Чаплин) // Русская неделя. Вечный зов Сибири. – 14 мая 2011 г. – Режим доступа: [<http://russned.ru/hristianstvo/zhit-tak-kak-esli-by-konec-sveta-nastupal-cherez>].
5. Данилова Ю. Между миссией и медиа: православные СМИ в России [Электронный ресурс] / Ю. Данилова, В. Легойда // Полит.ру. – 12 октября 2007. – Режим доступа: [<http://www.polit.ru/article/2007/10/12/pravoslavniesmi/>].
6. Долженко, О.В., Тарасова, О.И. Образование: от масс-медиа к «урокам бытия» [Текст] / О.В. Долженко, О.И. Тарасова // Высшее образование в России. – 2009. – № 4. – С. 12 – 17.
7. Иоанн архиепископ Белгородский и Старооскольский. Все мы разные и все Христовы / Иоанн, архиепископ Белгородский и Старооскольский // Добродетель. – 2009. – № 2 (13). – С. 2.
8. Иона (Черепанов). День рождения народа / Иона (Черепанов) // Фома. – 2010. – № 7. – С. 70 – 71.
9. Казак М. Ю., Шайдарова Ю. А. Феномен разговорности в языке газеты / М. Ю. Казак, Ю. А. Шайдарова. – Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2009. – 160 с.
10. Кара-Мурза С. Г. Конкуренция – это наше всё? 27 июля 2008 г. [Электронный ресурс] / С. Г. Кара-Мурза // Режим доступа: [http://www.zanauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=804].
11. Кириллов В. Мужичье счастье / В. Кириллов // Русский дом. – 2011. – № 9. – Режим доступа: [<http://www.russdom.ru/node/4305>].
12. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Церковная жизнь должна быть служением [Электронный ресурс] / Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси // Известия. – 12 мая 2009 г. – Режим доступа: [<http://www.izvestia.ru/news/348393>].
13. Кириллова Н. Б. Медиакультура: От модерна к постмодерну / Н. Б. Кириллова. – М.: Академический Проект, 2006. – 448 с.
14. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста / Н. И. Клушина. – М.: МедиаМир, 2008. – 244 с.
15. Кобец О. Церковь, образование, культура / Олег Кобец, протоиерей // Под общ. ред. И. М. Невлевой. – Белгород: Кооперативное образование, 2005. – С. 6 – 18.

16. Кокшенева К. А. Нам не нужны тексты с бесконечными небесами и колокольчиками / К. А. Кокшенева // Русская народная линия. – 29 апреля 2009 г. – Режим доступа: [http://www.ruskline.ru/monitoring_smi/2009/04/29/nam_ne_nuzhny_teksty_s_beskonechnymi_nebesami_i_kolokolami_ptichkami_i_svechkami/].
17. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб: Златоуст, 1999. – 320 с.
18. Кураев А. О вере и знании [Электронный ресурс] / Андрей Кураев, диакон // Православная беседа. – Режим доступа: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=583>
19. Легойда В. Р. СМИ и религия: о принципиальной (не)возможности адекватного дискурса [Электронный ресурс] / В. Р. Легойда. – 2003. – Режим доступа: [http://www.religare.ru/2_2878.html].
20. Легойда В. Р. О надежде слабых и ответственности сильных / В. Р. Легойда // Фома. – 2009. – Специальный выпуск. – С. 4 – 5.
21. Мансурова В. Д. Обойдемся «голыми» фактами? / В. Д. Мансурова // Медиа-курс. – 2007. – № 2. – С. 4 – 5.
22. Мирошник Е. Аннушкина тайна / Е. Мирошник // Добродетель. – 2009. – № 3. – С. 24 – 25.
23. Морозов А. Вера в мире коммуникаций [Электронный ресурс] / А. Морозов. – Православный правозащитный центр «Территория церкви». – 2002. – Режим доступа: [http://www.religare.ru/2_309.html].
24. Невлева И. М. Одухотворение личности через приобщение к ценностям православия / И. М. Невлева // Под общ. ред. И. М. Невлевой. – Белгород: Кооперативное образование, 2005. – С. 47 – 62.
25. Сергей (Королев), епископ. Значение и сила слова. Слово должно творить нашу жизнь [Электронный ресурс] / Сергей (Королев) // Богословие. Святоотеческое наследие. – Режим доступа: [<http://www.voskres.ru/bogoslovie/sergii.htm>].
26. Сергей (Махонин), протоиерей. Наше гражданское общество неспособно взять на себя обязанности цензора [Электронный ресурс] / Сергей (Махонин) // Русская линия. – 19 сентября 2011 г. – Режим доступа: [<http://rusk.ru/newsdata.php?idar=50434>].
27. Сергей (Николаев), протоиерей. Слово пастыря / Сергей (Николаев) // Славянка. – 2008. – № 3 – 4. – С. 6 – 7.
28. Солганик Г. Я. Современная языковая ситуация – язык СМИ – литературный язык / Г. Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. – 2011. – № 1. – С. 9 – 21.
29. Суздальцева В. Н. «Дорога к храму...»: Лексика религиозной тематики в российской лингвокультурной модели мира / В. Н. Суздальцева // Журналистика и культура русской речи. – 2006. – № 3. – С. 32 – 37.
30. Чернышова Т. В. Публичная речь сквозь призму оценочности [Электронный ресурс] / Т. В. Чернышова // Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. – Режим доступа: [http://siberia-expert.com/publ/publichnaja_rech_skvoz_prizmu_ocenochnosti_t_v_chernyshova/3-1-0-63]
31. Шестинский О. Самобытное слово Вологды / О. Шестинский // Слово. – 2008. – № 4. – С. 100 – 103.

ORTHODOX WORD: FROM PATRISTIC TRADITION TO THE TRADITION OF MASS MEDIA

A. V. Polonskiy

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Polonskiy@bsu.edu.ru*

In the article the discourse features of the orthodox word in conditions of the modern Russian mass media are considered.

Key words: orthodox word, mass media, discourse, communication, culture.



УДК 070:15

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ МЕДИЙНОГО ИМИДЖА БЕЛГУ КАК ИННОВАЦИОННОГО ВУЗА

С. И. Шатохина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
shatokhina@bsu.edu.ru*

В статье представлены основные характерологические черты медийного имиджа БелГУ как инновационного вуза, поддерживаемые и продвигаемые посредством медиарелейшнз с целью их доведения до целевых адресатов.

Ключевые слова: медийный имидж, инновационный вуз, характерологические черты.

Имидж высшего учебного заведения является относительно новым явлением, привлекающим внимание отечественных исследователей. Однако отсутствие комплексной теории имиджа вуза, а также детальной концептуальной проработки его структурных и содержательных составляющих связано не столько с фактором новизны, сколько с планомерной реорганизацией и реструктуризацией самого объекта исследования. Российская система высшей школы из года в год модернизируется. В последнее время в ней происходят коренные изменения, обусловленные тем, что большинство вузов ориентируют стратегию своего развития на реализацию не только образовательной деятельности, но прежде всего научной и инновационной в интеграции с образованием. Параллельно с объективной трансформацией вуза развивается виртуальная трансформация его стратегической репрезентации – имиджа.

В научной мысли существует концепция имиджа организации, в основе которой упоминаются базовые характеристики, присущие любому типу корпораций и интерпретируемые в зависимости от их индивидуальных особенностей. Традиционно выделяют семь компонентов такого имиджа:

1. Образ руководителя организации: его способности, установки, ценностные ориентации, социально-психологические характеристики;
2. Образ персонала: социальные данные, культура, профессиональная компетентность, личностные характеристики;
3. Социальный имидж организации, представляющий ее значение и инициативы участия в политической, экономической, социальной и культурной жизни общества;
4. Имидж продукции или услуг, реализуемых организацией: цена и качество; функциональная ценность, отличительные свойства, уникальность;
5. Деловая культура организации и её стиль, социально-психологический климат;
6. Внешняя атрибутика (визуальный имидж организации), включающая в себя оформление помещений, транспорта, фирменную символику;
7. Бизнес-имидж подразумевает деловую активность организации и включает деловую репутацию, конкурентоспособность, инновационный потенциал, стабильность, надёжность для потребителей и партнеров [8].

Ряд ученых, занимающихся проблемами формирования имиджа вуза, используют комплекс представленных выше характеристик имиджа корпорации применительно к исследуемому феномену.

Белгородский государственный университет является классическим вузом и вместе с тем полифункциональным инновационным университетским комплексом, обладающим чертами вуза предпринимательского типа, «где главной целью нововведений является повышение конкурентоспособности учебного заведения и его выпускников. Необходимость нововведений здесь определяется не только их вкладом в раз-

витие фундаментальной науки, но и востребованностью результатов научных работ, а также их экономическим значением» [10, С. 16].

Ввиду возрастающей медиатизации сферы образования и жизни современного общества в целом, особый интерес представляет медийный аспект имиджетворчества вуза, развивающий и дополняющий другие его аспекты. Через средства массовой информации формируется медийный имидж вуза, который не должен радикально расходиться с корпоративным имиджем, а в идеале – способствует продвижению и усилению его ключевых характеристик.

Медийный имидж БелГУ как инновационного высшего учебного заведения представляет собой мобильный конструкт, управляемый согласно динамичному совершенствованию комплекса корпоративных факторов объективного развития инновационной деятельности и корректируемый в соответствии с характеристиками целевых аудиторных сегментов.

В период реализации инновационной образовательной программы в БелГУ была создана Концепция имиджевой работы Белгородского государственного университета на 2008 – 2010 гг., целью которой является «создание привлекательного образа вуза как ведущего университета региона, одного из новейших, активно развивающихся классических университетов Российской Федерации» [5, с. 13]. В 2011 г. разработана и принята новая Концепция имиджевой работы Белгородского государственного национального исследовательского университета. Однако в названных документах общего характера не были представлены в концептуальном единстве пути и методы формирования медийного имиджа БелГУ как инновационного вуза.

Поскольку объектом имиджетворчества в данном случае выступает высшее учебное заведение, реализующее инновационную деятельность, мы считаем целесообразным выделение специализированных структурно-содержательных характеристик медийного имиджа университета качественно нового типа, которые необходимо генерировать посредством медиарилейнз с целью их доведения до целевого адресата.

Потребителями образовательных, научно-исследовательских и прочих услуг вуза являются реальные представители различных социальных слоев, каждого из которых характеризует способность воспринимать и оценивать явления действительности сквозь призму своего мировоззрения. В брендинге эффективным признается использование «личностных профилей» – методики, согласно которой «потребители описывают сходства и отличия между брендами в терминах личностных черт человека» [9, с. 131]. Исходя из опыта имиджетворчества, мы считаем целесообразным использование приема олицетворения в номинации характерологических черт имиджа инновационного вуза. Предлагаем в качестве узловой характерологической черты, так называемого ядра имиджа, «выполняющего интегрирующую функцию по отношению к остальным элементам и создающего его концептуальную основу» [7, с. 9] выделить следующую черту: **«Генератор новых знаний и технологий»**.

Выделенная в качестве ключевой черта имиджа БелГУ, определяемая как «Генератор новых знаний и технологий», ёмко характеризует готовность и способность вуза активизировать имеющиеся ресурсные потенциалы и воспроизвести новые с целью формирования оригинальной и эффективной системы реализации образовательного процесса в интеграции с научной и инновационной деятельностью, «на основе чего происходит, с одной стороны, развитие творческих способностей обучаемых, подготовка специалистов высокого класса, а с другой – создание наукоемких технологий, внедрение этих технологий в жизнь» [4, с. 18]. При этом крайне важно отметить, что имиджевая характеристика инновационного вуза предполагает воспроизведение идеи интегративной генерации знаний и технологий, то есть без разделения познавательного и производственного субъектов воздействия.

В имиджетворческой работе это достигается путем освещения внедрения инновационных технологий в образовательный процесс, позволяющих начиная с первых курсов вовлекать студентов в научную и инновационную работу, и создания для этого



специальной инфраструктуры. В БелГУ для этого сформированы учебно-научные инновационные комплексы – главные звенья интеграционной политики, объединяющие университетские подразделения в образовательный, научно-исследовательский и научно-производственный блоки, тем самым обеспечивая практико-ориентированный образовательный процесс по широкому спектру востребованных специальностей, генерацию новых знаний, идей и технологий, проведение фундаментальных исследований, создание на их основе конкурентоспособных инновационных продуктов и последующую их коммерциализацию.

На основе комплексного анализа инновационной деятельности БелГУ мы определили спектр базовых характеристик медийного имиджа образовательного учреждения, призванных раскрыть смыслообразующее ядро имиджа (**«Генератор новых знаний и технологий»**), дополнить его при формировании цельного индивидуального, уникального стратегического образа инновационного вуза. Рассмотрим особенности каждой из них:

1. Надежный деловой партнер. Эта черта отражает специфику реализации инновационным вузом партнерской работы в двух взаимосвязанных направлениях. Первое предполагает формирование устойчивых связей с работодателями с целью подготовки востребованных специалистов, организации на местах будущего трудоустройства выпускников учебно-ознакомительных и производственных практик, а также вовлечения студентов в выполнение проектов по заданиям партнеров-заказчиков. В рамках второго направления университет вкладывает свои управленческие и интеллектуальные ресурсы в поиск, развитие и укрепление обоюдовыгодных контактов с представителями бизнес-сообщества с целью создания реальной площадки для трансфера результатов интеллектуальной деятельности в производство. На формирование вышеназванной имиджевой черты повлияли мероприятия, реализуемые в ходе выполнения приоритетных задач направлений инновационной образовательной программы.

При формировании медийного имиджа НИУ БелГУ подчёркивается, что модернизация образовательного процесса в вузе осуществляется с учетом пожеланий и рекомендаций рынка труда (реальных работодателей). В этих целях реализуются, во-первых, совместная разработка образовательных программ и индивидуальных образовательных траекторий и, во-вторых, как приложение полученных теоретических знаний – подготовка студенческими командами проектов по решению стратегических производственных задач в рамках модернизации рабочих процессов определенного предприятия: работодатели заинтересованы *«в том, чтобы студенты на договорной основе сотрудничали с их организациями. Так, к декану факультета КНиТ Евгению Жилиякову обращаются представители бизнес-партнеров БелГУ и приглашают его студентов на работу»*; *«Сотрудники «Медтехники» дали каждой группе студентов конкретное техническое задание. Оно заключалось в решении задачи, выполнение которой возможно только с привлечением студентов с разных курсов и специальностей»* (Будни. 27.11.2007).

То есть, в рамках медийного освещения мероприятий, ориентированных на развитие сотрудничества инновационного вуза с рынком труда, и, таким образом, позиционирования деловой активности университета, акценты делаются на результативность партнерства. Она выражается в интеллектуальном эквиваленте, а именно, в уровне профессиональных компетенций студенчества, позволяющих еще до получения диплома о высшем образовании государственного образца провести сложную наукоемкую работу и получить перспективные с точки зрения внедрения результаты. В имиджологии корпорации эту характеристику уместно отнести к такой составляющей комплексного имиджа, как имидж продукта.

Популяризация технологических цепочек организации партнерских взаимоотношений БелГУ с органами государственной власти, академическим и бизнес-сообществом и, в частности, использования основополагающего механизма кластеризации обеспечивает параллельную репрезентацию, на наш взгляд, главного показате-

ля делового потенциала инновационного вуза – собственно результатов интеллектуальной деятельности, полученных в ходе выполнения совместных масштабных высокотехнологичных проектов и имеющих перспективы коммерциализации;

2. Инвестор-стратег. Дальновидность и предприимчивость вуза в вопросах инвестиционной политики обусловили выделение второй базовой характеристики имиджа инновационного вуза. БелГУ инвестирует прежде всего перспективное формирование и развитие человеческого фактора, прежде всего, интеллектуального капитала. Его девиз: *«Университет развивает людей, а они, в свою очередь, развивают университет»* (Будни. 25.12.2008).

Генерирование этой имиджевой характеристики представляется возможным за счет системного освещения следующих тем:

– выделение руководством вуза средств на ежегодную организацию внутривузовского конкурса грантов для сотрудников и преподавателей в целях стимулирования системного научного поиска;

– непереносимое участие профессорско-преподавательского состава в научных конференциях, стажировках и курсах повышения квалификации;

– оснащение вуза современным научно-аналитическим, измерительным и испытательным, технологическим оборудованием и программным обеспечением, позволяющим проводить уникальные исследования и получать коммерчески привлекательные результаты;

– привлечение ведущих российских и зарубежных ученых и научных коллективов на работу в БелГУ с гарантией создания достойных условий для жизни и исследовательской работы.

Следует отметить тот факт, что в сложные постперестроечные годы, когда на региональном уровне была осознана необходимость развития БелГУ как мощного университетского комплекса, госуниверситет сам стал объектом инвестирования: *«Несколько лет назад мы выделили из регионального бюджета первые деньги на развитие нанотехнологий в БелГУ – и с тех пор ни разу об этом не пожалели, – заметил белгородский губернатор Евгений Савченко. – Уверен, в скором будущем при вузе возникнут десятки предприятий, налоги которых станут поступать в консолидированный региональный бюджет»* (Российская газета. Экономика ЦО. 2.12.2008);

3. Университет, ответственный за социальное благополучие сотрудников и жителей региона. Эта характерологическая черта представляет инновационный университет как вуз, социально ответственный перед коллективом и обществом. Социальная защищенность студентов, преподавателей и сотрудников является важным направлением университетской политики, успешная реализация которой оценена на федеральном уровне: БелГУ неоднократно становился победителем Всероссийского конкурса «Российская организация высокой социальной эффективности». В университете развита система финансовой поддержки разных социальных категорий: сирот, инвалидов; ветеранов войны и труда, тружеников тыла, пенсионеров, работающих в вузе; сотрудников и преподавателей, имеющих многодетные семьи, а также студентов из малообеспеченных семей: *«Это что-то невероятное – быть в декретном отпуске и получать ежемесячную социальную доплату – тысячу рублей на каждого ребенка!»* (прим. в семье героини публикации – 12 детей) (Будни. 28.02.2008).

Поскольку результатом инновационного процесса являются высокотехнологичные наукоемкие продукты, целесообразно рассмотреть заявленную характерологическую особенность имиджа с точки зрения социальной ответственности вуза в целом и каждого отдельного учёного в частности за последствия осуществляемой деятельности, зачастую являющиеся амбивалентными. Так, «Нанотехнологии», имеющие стратегическое глобальное значение, являются приоритетным направлением инновационной деятельности БелГУ: *«университет становится одним из центров развития не только региональной, но и российской наноиндустрии в горно-*



металлургической и медицинской отраслях» [Белгородская правда. 1.04.2008]. Однако вопрос перспектив и рисков их внедрения на сей день является дискуссионным. Поэтому социальная ответственность вуза проявляется в системном информировании общественности о положении дел в развитии направления №1, привлекая в этих целях различные коммуникативные механизмы – от внутрикорпоративных изданий до организации специальных публикаций в СМИ: «Чем лучше социальный климат, в котором будут осуществляться исследования в области нанотехнологий, тем более эффективными будут научные результаты, их применение и продвижение в обществе. Необходимо делать доступным процесс научного творчества широкой общественности, объяснять полученные результаты» [3];

4. Разработчик и внедритель идей здоровьесбережения. Уникальная характерологическая особенность имиджа Белгородского госуниверситета заключается в формировании здоровьесберегающей системы подготовки конкурентоспособных кадров для наукоемких экономических отраслей и социальной сферы региона – «программа – не дань моде, не пиар-ход, а, скорее, ответ на вызов времени» (Белгородская правда. 30.09.2008). Стратегическая миссия БелГУ как инициатора и реализатора идеологии здоровья, направленной на интеграцию образовательного, клинико-диагностического и реабилитационно-профилактического комплексов в систему здоровьесбережения [2, с. 145], выражается в том, что когда здоровы студенты, «можно говорить о полноценной, результативной учебе; когда бодры духом и инициативны преподаватели – их слова и дела всегда вызывают у аудитории живой отклик; когда полны сил ученые – их мысли способны открывать новые горизонты науки. ... когда энергичны и деятельны сотрудники – весь механизм университета работает как часы: гармонично и эффективно» [4, с. 4]. Реализация миссии является возможной благодаря масштабной инфраструктуре, развиваемой в рамках направления «Здоровьесбережение», в состав которой входят клиника лечебно-профилактической медицины, научно-исследовательская лаборатория профилактической и восстановительной медицины, конноспортивная школа, учебно-спортивный Центр БелГУ С. Хоркиной, санаторий-профилакторий (с. Титовка), лечебно-оздоровительный комплекс на побережье Черного моря. Инфраструктура вуза позволяет ему реализовывать целый комплекс уникальных мероприятий в рамках направления «Здоровьесбережение» как для внутренней, так и внешней общественности.

Сформированная в ходе информационного сопровождения инновационной программы имиджевая черта БелГУ «Разработчик и внедритель идей здоровьесбережения», по нашему мнению, не только демонстрирует отличительную особенность, преимущество образовательного учреждения, но и повышает лояльность представителей всех аудиторных сегментов, поскольку политика защиты и сохранения здоровья является одной из важнейших и привлекательных зон социальной активности и ответственности [1, с. 150];

5. Символ инновационного региона. Инновационный потенциал БелГУ, его социально-экономическое и культурное значение позволяют позиционировать вуз как стратегический важный форпост модернизации не только системы образования Белгородской области, но и экономики, социальной сферы и среды жизнеобитания в регионе: «БелГУ не только является гордостью и достопримечательностью Белгорода» (Белгородские известия. 1.02.2008); «с помощью БелГУ Белгород стал по-настоящему университетским городом» (Смена. 12.12.2009); «Кампус Белгородского государственного университета – одно из красивейших мест Белгорода. Сюда ... едут туристы, приходят молодожены... И дело, похоже, не только в привлекательности зданий и необычной архитектурной композиции» (Поиск. 25.12.2009).

Развивающийся стремительными темпами университет становится городом в городе. Так называемая корпоративная идентичность, означающая чувство принадлежности к организации, предполагающая эмоциональную привязанность индивида к значимой для него общности [6], выходит за пределы внутрикорпоративного поля.

Общая численность коллектива Белгородского госуниверситета составляет свыше тридцати пяти тысяч человек, что позволяет говорить о вузе действительно как о небольшом городе, располагающем следующей необходимой для жизни и работы инфраструктурой:

– среди научных подразделений стратегически важными являются научно-образовательный и инновационный центр «Наноструктурные материалы и нанотехнологии»; региональный центр интеллектуальной собственности, научно-исследовательский центр; научно-исследовательская лаборатория механических свойств наноструктурных и жаропрочных материалов; научно-исследовательская лаборатория проблем разработки и внедрения ионно-плазменных технологий; научно-исследовательская лаборатория профилактической и восстановительной медицины; технопарк «Высокие технологии»; центр коллективного пользования Федерально-регионального центра аэрокосмического и наземного мониторинга объектов и природных ресурсов; центр коллективного пользования «Диагностика структуры и свойств наноматериалов»; аптека; ботанический сад...

– в числе инфраструктурных подразделений – научная библиотека; молодежный культурный центр; издательско-полиграфический комплекс; международный молодежный туристический спортивно-культурный оздоровительный комплекс; учебно-спортивный комплекс С. Хоркиной...

В итоге университет позиционируется как визитная карта области, символ профессионального роста, культуры, здоровья, творчества в регионе, а также как украшение Белгородчины.

Таким образом, на формирование и развитие характерологической черты имиджа БелГУ как визитной карты региона влияет комплекс реальных осуществленных стратегических мероприятий, определенных руководством вуза в качестве приоритетных направлений университетской политики и вошедших в основу имиджевых структурно-семантических характеристик вуза. Содержательное развитие каждой характерологической черты имиджа находится на пересечении со всеми остальными. То есть, в комплексном имидже инновационного вуза все черты интегративны: модификация взаимовлияющих базовых характеристик обуславливает обогащение концептуального ядра имиджа.

Имидж БелГУ характеризуется подвижностью и динамичной трансформацией, обусловленными переменами как во внешней, так и внутренней среде. В эпоху инноватизации экономической системы концептуальная характерологическая черта имиджа классического полифункционального инновационного университетского комплекса «Генератор новых знаний и технологий» развивается сквозь призму ряда профилей деятельности вуза. Это установление взаимовыгодных партнерских отношений с представителями высшей школы, бизнеса, власти; инвестирование в интеллектуальный капитал путем создания достойных условий для научного поиска и развития исследовательской деятельности с перспективой коммерциализации полученных результатов; обеспечение здорового социального микроклимата в корпоративной среде; содействие социально-экономическому развитию области и ее жителей.

В целях формирования привлекательного медийного имиджа инновационного вуза необходима системная организация информационного сопровождения мероприятий, выступающих в качестве объективной основы для эффективного генерирования выше обозначенных имиджевых характеристик. В заключение представим коммуникативные механизмы медиарилейшнз, создающие оптимальную информационную площадку для комплексного продвижения желаемых имиджевых посылов:

– пресс-конференции с руководством вуза (озвученная на пресс-конференции информация «из первых рук» и предоставленные пресс-службой журналистам материалы являются идейной основой не только публикаций, подготовленных по факту прошедшего мероприятия, но и будущих проблемных медиатекстов, освещающих развитие инновационной деятельности в вузе под разными ракурсами);



– выставки наукоёмких продуктов и образовательных программ с распространением серии имиджевых материалов (буклетов, брошюр, каталогов инновационной продукции и образовательных услуг). Наличие такого рода материалов поможет представителям прессы лучше освоить и освещать многосложную проблематику инновационного развития;

– конкурсы для СМИ и пресс-туры, предполагающие увлекательные экскурсии представителей медийной отрасли по объектам инновационной инфраструктуры вуза (организация конкурсов и пресс-туров позволит активизировать внимание представителей медийной отрасли к инновационной деятельности вуза и, таким образом, получить серии публикаций, закрепляющих желаемый медийный образ университета);

– презентации как новых инновационных разработок, так и инфраструктурных подразделений, задействованных в инновационном процессе. Этот механизм медиарилейнз позволит акцентировать ключевые аспекты инновационной деятельности, создать дополнительные информационные поводы для привлечения внимания СМИ к ходу реализации наиболее значимых инноваций.

Список литературы

1. Васильева М. Бренд: сила личности / М. Васильева, А. Надеин. – СПб. [и др.] : Питер, 2003. – 202 с.
2. Влияние достигнутых результатов на развитие инновационного потенциала вуза [Электронный ресурс] // Отчет ГОУ ВПО «Белгородский государственный университет» по результатам реализации «Научоемкие технологии. Качество образования. Здоровьесбережение» за 2007-2008 гг. / НИУ БелГУ – Белгород, 2008. – С. 142 – 158. – Режим доступа: http://iop.bsu.edu.ru/iop/otchet/index.php?by=s_id&order=desc.
3. Володарская Е. А. Психологические приемы построения имиджа новых технологий [Электронный ресурс] / Е. А. Володарская // Корпоративная имиджология. – 2010. – 27 окт. – Режим доступа: <http://www.ci-journal.ru/article/581/imidzh-nanotekhnologii>.
4. Дятченко Л. Я. Системные эффекты реализации национального образовательного проекта «Образование» в Белгородском государственном университете / Л. Я. Дятченко // Высшее образование сегодня. – 2008. – № 11. – С. 2 – 6.
5. Концепция имиджевой работы Белгородского государственного университета на 2008-2010 гг. / БелГУ // Белгород, 2008. – 39 с.
6. Корпоративная идентичность [Электронный ресурс] // HR-Portal : Сообщество HR-Менеджеров. Словарь терминов / владелец Valeriy E. Tallin. – М., 2004-2011. – Режим доступа: <http://www.hr-portal.ru/varticle/korporativnaya-identichnost>.
7. Мажоров Д. А. Профессиональные PR-сообщества: формирование имиджа средствами массовой информации: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Д. А. Мажоров ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2008. – 18 с.
8. Метаева В. А. Имидж корпорации [Электронный ресурс] / В. А. Метаева // Имиджология : как нравиться людям : учеб. пособие / сост., науч. ред. В. М. Шепель. – М., 2002. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text9/22.htm#з_03.
9. Перция В. М. Анатомия бренда / В. М. Перция, Л. Мамлеева. – М. : Вершина, 2007. – 288 с.
10. Строгеецкая Е. В. В поисках модели современного университета / Е. В. Строгеецкая // Высшее образование сегодня. – 2009. – № 3. – С. 15 – 17.

GENERAL FEATURES OF THE MEDIA IMAGE OF THE BELGOROD STATE UNIVERSITY AN INNOVATIVE INSTITUTION

S. I. Shatokhina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
shatokhina@bsu.edu.ru*

The article presents the main characterological traits of the BSU image as an innovative University that needs to be supported through the means of media relations to bring them to the target audiences.

Key words: media image, innovative university, characterological traits.

ПЕДАГОГИКА

УДК 612.766.1:159.923-057.875

ТЕХНОЛОГИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ С УЧЁТОМ ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТИ К ДОСТИЖЕНИЮ УСПЕХА ИЛИ ИЗБЕГАНИЮ НЕУДАЧ

Е. В. Гавришова
А. А. Горелов

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Gavrishova@mail.ru*

В статье рассматривается проблема недостаточной двигательной активности студентов; раскрывается технология ее регулирования на начальном этапе обучения студентов в вузе с учётом мотивации к достижению успеха или избеганию неудач, основанная на системно-функциональном подходе.

Ключевые слова: технология, двигательная активность студентов, мотивация достижения успеха, мотивация избегания неудач.

Для достижения оптимального уровня физической подготовленности студентов на начальном этапе образовательной деятельности, с учётом предрасположенности к достижению успеха или избеганию неудач, нами была разработана технология, которая позволяла направленно регулировать их двигательную активность и тем самым эффективно решать задачи комплексного развития физических качеств, формирования двигательных навыков, укрепления здоровья и закаливания организма. Это позволило не только предсказывать результаты и управлять процессом регулирования двигательной активности, но и систематизировать на научной основе накопленный опыт, который позволял рационально использовать, имеющиеся в распоряжении вуза, ресурсы.

Разработка технологии определялась средствами, содержащимися в государственном стандарте ВПО, учебных планах и программах по физической культуре, а также учитывало личные предпочтения студентов. Кроме этого, при разработке её содержательной части мы ориентировались на те механизмы двигательной активности, которые напрямую или опосредованно формируют у студентов потребности в расширении знаний в области использования физических упражнений, развивают мотивы к самостоятельному физическому саморазвитию.

Структура, разработанной нами технологии базировалась на системно-функциональном подходе П. К. Анохина [1] и предполагала пять основных взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов: концептуальный, формализовано-описательный, процессуально-деятельностный, управляющий и координирующий.

Концептуальный компонент обуславливает наличие генерального замысла, в основе которого содержалась целевая установка, пути её достижения, принципы реализации. Их наполнение базируется на научных направлениях, разрабатываемых в таких областях научного знания, как: восполнение дефицита двигательной активности студенческой молодёжи [2; 3; 5], формирование мотивации к самостоятельному

физическому развитию путём учёта предрасположенности студента к достижению успеха и избеганию неудач [4; 6].

Формализовано-описательный компонент представляет собой описание технологии регулирования двигательной активности студентов на начальном этапе обучения в вузе в зависимости от мотивации к достижению успеха или избегания неудач в виде формализованной модели (рисунок). Данная модель включает: целевой блок; содержательный блок (средства, формы и методы двигательной активности); организационный блок с элементами планирования, мотивирования студента к регулярным физическим нагрузкам, учёта полученных воздействий и ресурсное обеспечение; блок контроля за физическим состоянием и ходом выполнения заданий; блок рефлексии и самооценивания.

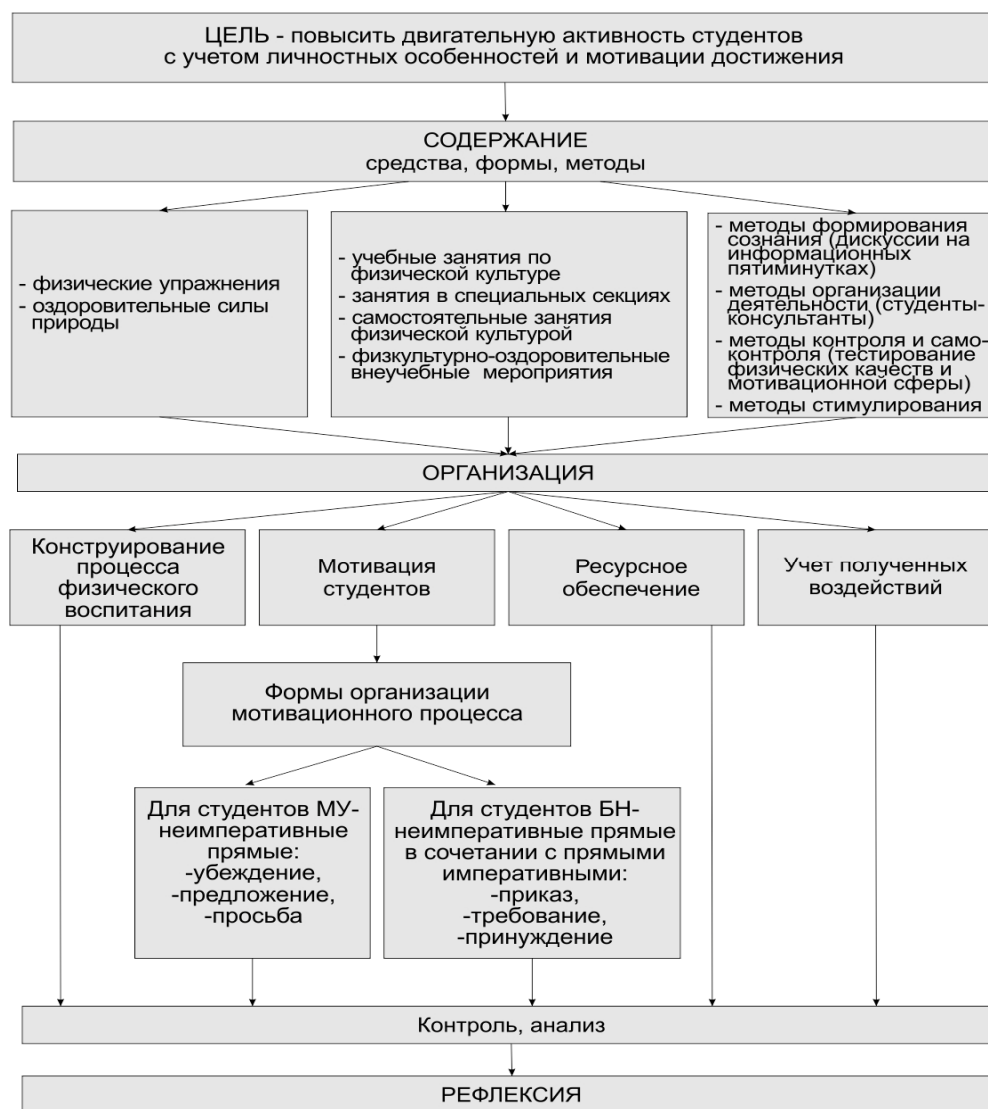


Рис. Модель технологии «Регулирование двигательной активности студентов на начальном этапе обучения в вузе в зависимости от мотивации к достижению успеха или избеганию неудач»

Процессуально-деятельностный компонент – это практическое регулирование двигательной активности студентов на начальном этапе обучения в вузе в зависимости от мотивации к достижению успеха или избегания неудач. Включает формирование системы знаний о значимости двигательной активности для укрепления здоровья, закалывания организма, улучшения телесных кондиций, повышения физи-

ческой работоспособности; практическое использование физических упражнений в образовательной и повседневной деятельности.

Управляющий компонент – это обеспечение мониторинга показателей физического состояния и физической подготовленности студентов, контроль за ходом выполнения заданий и их качеством, оценка эффективности отдельных параметров разработанной технологии. Он включает такие виды контроля, как целевой, оперативный, гибкий и этапный.

Координирующий компонент обуславливает необходимость сравнения полученных результатов с ранее запрограммированной целевой установкой и её корректировку на последующих этапах повседневной и образовательной деятельности студентов.

Мы выстраивали процесс двигательной активности с пониманием того, что средства педагогического воздействия не могут изменить организацию нейродинамических процессов человека, так как они относятся к консервативным механизмам, которые сложно изменить. Попытки же их изменения могут привести к самым разным, в том числе и неблагоприятным последствиям. Принципиально изменить тип мотивации также невозможно, однако обеспечить положительную корреляцию между выраженностью стремления к успеху и избеганию неудач, по-нашему мнению, возможно. Этому способствует максимально возможная реализация принципа свободы выбора студентами формы и вида двигательной активности во внеучебное время, что в конечном итоге обеспечит гуманное, личностно ориентированное взаимодействие со студентами, их собственное самовыражение.

Наши собственные экспериментальные исследования показали, что индивидуальные различия в суточной активности студентов достаточно велики. В группе студентов, ориентированных на успех, разброс в количестве пройденных шагов в день колеблется от 11500 до 6500; а в группе студентов, избегающих неудач – от 10840 до 5700. Отмечается и значительная разница во времени, которое затрачивают студенты на активные движения. Те, которые стремятся к успеху, активно двигаются от 8 до 6 часов в неделю; неуверенные, избегающие неудач, посвящают этому от 7,5 до 3 часов за это же время. Такой разброс в результатах связан с генетически предопределённой потребностью в активности вообще и в движениях в частности.

Интенсивность и качество освоения двигательных действий, безусловно, зависят от мотивации [4]. В учебной группе всегда присутствуют студенты, сильно отличающиеся друг от друга и по уровню физической подготовленности, и по особенностям мотивации достижения. С одной стороны, это усложняет процесс формирования целевых установок и положительной мотивации к активному освоению новых двигательных действий, в процессе которых значительная роль отводится формированию ориентировочной основы действия. Но, в то же время, студенты, стремящиеся к успеху и имеющие достаточные знания, быстрее ориентируются в учебной ситуации и «заражают» своей энергией тех, которые боятся неудач и имеют ограниченные возможности сознания, как основной направляющей силы в процессе обучения движениям. Применение системы методов организации деятельности с введением соревновательных и игровых приёмов в учебно-тренировочных занятиях повышает мотивацию занимающихся к решению поставленных двигательных задач. В этом случае многократное повторение разучиваемого упражнения не утомляет, не вызывает раздражения, повышает эмоциональный настрой и, в то же время, позволяет лучше решить двигательную задачу, устранить допущенные ошибки, более быстро и качественно освоить движение.

В основу повышения двигательной активности студентов, в представляемой нами технологии, положены самостоятельные дополнительные занятия физическими упражнениями и занятия под руководством тренера в свободное от учебы время. Опрос значительной части студентов белгородского государственного национального исследовательского университета, показал, что польза и необходимость таких занятий



большей их частью осознаётся. Однако основными препятствиями на пути их реализации, особенно в группе студентов, мотивированных на избегание неудачи, является банальная лень; нежелание или неспособность преодолевать трудности, так как слаба воля; а также отсутствие опыта физкультурной активности, прецедента личного яркого переживания, связанного с двигательной активностью. На приобретение такого опыта, формирование ценностных ориентаций и мотивов занятий физической культурой видимо и должны быть направлены плановые учебно-тренировочные занятия.

По нашим данным 66,9 % юношей и 78,2 % девушек, обучающихся на 1 курсе факультетов бизнеса и сервиса, экономического, юридического и фармацевтического, считают, что обладают необходимыми знаниями для самостоятельных занятий. В основу этого они ставят принцип свободы выбора вида двигательной активности. Однако достоверных различий в таком выборе у студентов с разными типами мотивации достижения выявлено не было. В тоже время было установлено, что предпочтения тому или иному виду двигательной активности различаются по половому признаку. Приоритеты юношей – скоростные и силовые способности девушек – координационные способности, гибкость, стремление улучшить фигуру. Такую спецификацию средств физической подготовки трудно реализовать на учебных занятиях физической культурой при выраженной разнородности контингента студентов, но возможно в ходе занятий по выбору в спортивных секциях, физкультурно-оздоровительных центрах, тренажерных залах и т. п. Индивидуальный выбор вида физкультурной деятельности под руководством тренера в свободное время сочетается с предрасположенностью студентов к определённому виду движений или физических качеств. В этом случае педагогические воздействия соотносятся с организацией нейродинамических процессов молодого человека, направлены на наиболее развитые физиологические функции, что обуславливает привлекательность этих воздействий для студентов, позволяет задать высокий уровень тренировочной нагрузки и получить выраженный эффект развития физического потенциала занимающегося. Механизм физиологической адаптации при таком подходе к организации двигательной активности студентов не только обеспечивает существенный тренирующий эффект доминирующего двигательного качества, но и приводит к широкому положительному переносу в развитии «отстающих» физических качеств.

Экспериментальная проверка эффективности разработанной нами технологии показала значимость активного внедрения в образовательный процесс индивидуального и дифференцированного подходов за счёт изучения особенностей мотивационной сферы студентов; повышение привлекательности учебной дисциплины «Физическая культура» на основе интереса занимающихся; увеличение доли самостоятельных занятий физическими упражнениями и занятий под руководством тренера за пределами учебной программы вуза; регулярный и систематический контроль над уровнем физических и психических качеств; активная пропаганда людей, находящихся в хорошей физической форме, не курящих, отрицающих алкоголь, занимающихся физическими упражнениями; включение студентов в регулярное тестирование с целью самопознания своего физического и психического потенциала.

Список литературы

1. Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем / П. К. Анохин. – М.: Наука, 1978. – 400 с.
2. Горелов А. А. О роли двигательной активности студентов гуманитарных вузов и способах ее повышения / А. А. Горелов, В. Л. Кондаков, А. Н. Усатов, В. Н. Усатов // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2009. – № 1 (47). – С. 28 – 33.
3. Горелов А. А., Румба О. Г., Кондаков В. Л. Опыт использования средств физической культуры для повышения умственной и физической работоспособности, снижения нервно-эмоционального напряжения студентов с нарушениями состояния здоровья – Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – № 6 (77), вып. 5. – С. 185 – 192.
4. Ильин Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2001.



5. Лотоненко А. В. Физическая культура и здоровье: Монография / А. В. Лотоненко, Г. Р. Гостев, С. Р. Гостева, О. А. Григорьев. – М.: «Еврошкола», 2008. – 450 с.

6. Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения/ Х. Хекхаузен. – СПб.: Речь, 2001. – 240 с.

REGULATION TECHNOLOGY OF STUDENTS' IMPELLENT ACTIVITY IN INITIAL STAGE OF STUDYING AT UNIVERSITY ACCOUNTING FOR PREDISPOSITION TO SUCCESS ACHIEVEMENT OR FAILURES AVOIDING

E. V. Gavrishova

A. A. Gorelov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Gavrishova@bsu.edu.ru*

The article is devoted to the problem of deficient students' impellent activity. Regulation technology based on system – functional approach of students' impellent activity at initial stage of studying at University accounting for motivation to success achievement or failures avoiding is described in this article.

Key words: technology, students' impellent activity, motivation of success achievement, motivation of failures avoiding.



УДК 37.011.33

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ НА ОСНОВЕ КОММУНИКАТИВНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОДХОДА

Г. А. Иванова

*Ленинградский
областной
институт
развития
образования*

e-mail: ga_iv@mail.ru

Представлены обоснование и содержание эксперимента по формированию общекультурной и методологической компетентности учащихся на основе коммуникативно-гуманитарного подхода, включающего актуальность, предмет, гипотезу, задачи, принципы, методы, формы, этапы. Описан научный тезаурус концепции, некоторые результаты эксперимента.

Ключевые слова: общекультурная компетенция, диалог культур, программа эксперимента, критерии оценки, модель выпускника.

Основные направления развития общего образования призваны обеспечить подготовку разносторонней личности гражданина, ориентированной в традициях отечественной и мировой культуры, в современной системе ценностей и потребностях современной жизни, способной к активной социальной адаптации в обществе и самостоятельному жизненному выбору, к началу трудовой деятельности и продолжению профессионального образования, к самообразованию, самосовершенствованию.

Особенностью современной эпохи является то, что накопленные российским обществом в XX в. социальные и культурные ценности и нормы сегодня подвергаются серьезной ревизии. Развитие культуры в России во многом определяется изменениями социально-экономических отношений и девальвацией духовных ценностей общества, набирает силу процесс коммерциализации духовной культуры, ориентированной на широкие слои населения. Тотальная ориентация на бизнес ведет к изменению личностных установок в сторону усиления индивидуалистического и потребительского начала, появляется угроза «разрыва» процесса передачи духовной культуры от старших поколений к младшим, потери чувства общности.

Актуальность выбора коммуникативно-гуманитарного направления в образовании обусловлена необходимостью преодолеть тенденции приоритета потребительского сознания/поведения над культуротворческой деятельностью. Анкетирование образовательных запросов учащихся гимназии показало их желание расширить и углубить область гуманитарного образования и приблизить учебную деятельность к объектам культуры. Анкетирование педагогического коллектива подтвердило готовность участвовать в долговременном эксперименте по развитию социально-педагогической системы гимназии. Анализ опыта работы школы, возможностей педагогического коллектива и инфраструктуры гимназии выявил внутренние ресурсы и перспективы обновления содержания и структуры социально-педагогической системы гимназии.

Концепция предложенного нами коммуникативно-гуманитарного подхода образованию раскрыта в ряде статей [1; 2]. Эксперимент был направлен на достижение высокого качества гуманитарного образования, то есть на системные изменения составляющих образовательного процесса, принципиально влияющих на цели образования, на диалогизацию взаимоотношений между субъектами образовательного процесса (учитель – ученик, учитель – учитель, учитель – администрация школы, учитель – родители, родители – администрация), а также на гуманизацию и гуманитаризацию содержания и результата деятельности ученика и педагога.

Объект исследования: процесс обновления содержания гимназического образования в контексте его гуманизации и гуманитаризации. Предметом исследования явилось проектирование образовательной программы на основе коммуникативно-гуманитарного подхода.



Главная цель эксперимента и ожидаемый результат – достижение нового качества гуманитарного образования за счет реализации общеобразовательных и профильных программ на основе коммуникативно-гуманитарного подхода.

Гипотеза эксперимента: формирование общекультурной и методологической компетентности учащихся на основе коммуникативно-гуманитарного подхода обеспечит новое качество гуманитарного образования, если:

- будет обновлено содержание образования за счет использования интегративного и коммуникативного потенциала предметов гуманитарного цикла в образовательной программе школы;
- будет скорректировано содержание программ гуманитарного цикла с реализацией общеобразовательного и гуманитарного профиля;
- будут определены содержание и диагностика критериев сформированности общекультурной и методологической компетенции учащихся с учетом стандартов общеобразовательной и профильной школы;
- образовательный процесс будет обеспечен профессионализмом учителей, использованием деятельности и лично ориентированных педагогических технологий в контексте «диалога культур» и эвристического диалога.

Задачи и прогнозирование результатов для проверки гипотезы и достижения цели эксперимента представлены в табл. 1.

Таблица 1

Задачи эксперимента и ожидаемые результаты

1. Управление ОЭР	
<ul style="list-style-type: none"> – создать организационно-управленческую модель развития гимназии в условиях эксперимента; – определить кадровое, финансовое, материально-техническое сопровождение экспериментальной образовательной программы 	<ul style="list-style-type: none"> – реализовано документальное, организационное и управленческое сопровождение эксперимента; – обеспечено оптимальное материально-техническое, кадровое, финансовое, сопровождение эксперимента
2. Организация образовательного процесса:	
<ul style="list-style-type: none"> – изучить социально-культурные, психолого-педагогические, организационно-методические условия реализации ОЭР; – выявить противоречия между возможностями образовательной программы гимназии и образовательными потребностями учащихся; – спроектировать модель обновленной образовательной программы гимназии; – обосновать теоретические положения и определить содержание экспериментального образования; – выбрать эффективные педагогические технологии, адекватные задачам разных ступеней и уровней гимназического образования 	<p>Создана обновленная образовательная программа гимназии, в том числе:</p> <ul style="list-style-type: none"> – скорректировано содержание программ гуманитарного цикла: «Филология», «Мировая художественная культура», «История», «Обществознание», «Изобразительное искусство» для общеобразовательной и профильной школы. – разработаны элективные курсы с учетом интеграции предметов гуманитарного цикла; – реализуются проектные, проблемные, исследовательские, игровые, дискуссионные педагогические технологии в контексте «диалога культур»
3. Оценка качества ОЭР	
<ul style="list-style-type: none"> – выбрать критерии сформированности компетентностей и выявить динамику развития субъектов эксперимента; – выбрать методику оценки качества и оценить качество реализации педагогического эксперимента 	<ul style="list-style-type: none"> – созданы модель выпускника гимназии, модель профессиональной диалоговой педагогической личности; – оценено качество обучения и воспитания учащихся; – пройдена экспертиза качества реализации эксперимента

Методологические принципы организации экспериментальной образовательной системы гимназии выявлены на основе отечественных культурологических, психологических и педагогических концепций формирования национально-культурных духовных и нравственных ценностей личности (М. М. Бахтин, В. С. Библер, Л. И. Божович, А. П. Валицкая, Л. С. Выготский, В. П. Зинченко, М. С. Каган, А. Д. Король, О. Е. Кучерова, Д. С. Лихачев, В. Г. Маранцман, А. В. Хуторской и др.) [3 – 16]:

1) принцип диалога культур в контексте культуросообразной школы (В. С. Библер) с включением личности в прошлое, настоящее и будущее культуры, установлением отношений между культурой (культурами) как связью людей и цивилизациями (цивилизациями) как связью вещей, воспитанием личности как «человека культуры» (Е. В. Бондаревская);

2) принципы гуманизма и человекоцентризма с целью формирования в сознании личности нового образа мира и человека, который является продуктом творческой деятельности человеческих сообществ и присущих им историко-культурных традиций; развитие и воспитание гимназиста как «человека культуры» в личностно-ориентированной и диалоговой педагогике (Е. В. Бондаревская, О. Е. Кучерова).

3) принцип интегративности: интеграция предметов гуманитарного цикла с целью формирования гуманитарного мышления и создания базовой целостной общенаучной и гуманитарной картины мира в сознании учащихся (А. П. Валицкая, В. Г. Маранцман, В. А. Доманский и др.);

4) принцип историзма: так как настоящее произведение культуры живет одновременно в двух временах – «малом» (время сегодня) и «большом» (время всегда), то бытование произведения в пространстве музея предполагает прочтение смыслов с позиций системы ценностей современности, актуализации, диалога зрителя (читателя) как человека нашего времени с автором данного текста культуры и через него участие в «большом диалоге культур» (М. М. Бахтин, В. В. Библер, Д. С. Лихачев);

5) принцип мультикультурности, предполагающий включение в программы широкого диапазона национально-культурных традиций с опорой на отечественную культуру на основе диалога культур (В. В. Степин, А. А. Гусейнов и др.);

6) принцип деятельностно ориентированного обучения (А. И. Якиманская и др.) на основе гармонического взаимодействия творческой и исследовательской деятельности личности в процессе учебного взаимодействия учителя и ученика; диалогического взаимодействия в эвристическом обучении (А. В. Хуторской, А. Д. Король);

7) принцип личностно ориентированного обучения (В. В. Давыдов, Б. Г. Мещеряков и др.) с учетом потребностей, интересов и приоритетов развивающейся личности как субъекта обучения.

Раскроем тезаурус научной концепции программы эксперимента. Исходным пунктом культуросообразной, человекоцентрической школы является понимание «культуры» как сложного материального и духовного бытия человека. Из многочисленных подходов к определению культуры мы остановились на комплексном определении категории культуры. Культура – 1) это совокупность искусственных порядков и объектов, созданных людьми в дополнение к природным, 2) свод способов коллективного существования, 3) выработанная людьми система норм и оценочных критериев, что представляется в единстве трех неразрывно связанных аспектов: способов социокультурной жизни, результатов этой жизнедеятельности и степени развитости личности.

В связи с тем, что материальные и духовные результаты социокультурной деятельности выступают как определенные ценности (материальные – предметы, объекты и духовные – идеи, традиции), возрастает роль объектов культуры, обладающих интегративными возможностями, к каким относится музей. В узком смысле, говоря о культуре, обычно подразумевают те области человеческой деятельности, которые связаны с искусством (художественная культура). В XX в. антропологическое понятие культуры как результата приобретенных навыков поведения стало постепенно заменяться понятием цивилизация. Понимая, что человек может окончательно удалиться

от природы в процессе технического овладения природой, важно предотвратить этот процесс и обеспечить гармоничное вхождение личности в мир.

При сопоставлении Культуры и Цивилизации культура оценивается как сфера высших человеческих действий: духовных, научных и художественных реализаций человеческой активности. Цивилизация же олицетворяет материальные формы бытия. Культура создает средства и способы духовного начала в человеке, цивилизация же олицетворяет материальные формы бытия.

Таким образом, сутью гуманитарного образования становится изучение человека в его отношении к миру и познание учеником самого себя, самоидентификации учащегося в контексте национально-культурных и общечеловеческих духовно-нравственных ценностей.

Другим аспектом гуманитарного образования является соразмерное развитие различных каналов связи души и сознания человека с окружающим миром. Поэтому акцентуация в процессе обучения визуального и словесного мышления раскрывает интегративные возможности диалога предметов гуманитарного цикла.

В основу технологии «диалога культур» положены идеи М. М. Бахтина о «культуре как диалоге», идеи «внутренней речи» Л. С. Выготского и положения «философской логики культуры» В. С. Библера. Диалог как двусторонняя информационная смысловая связь является важнейшей составляющей процесса обучения. Можно выделить внутриличностный диалог (противоречие сознания эмоций), диалог как речевое общение людей (речевая коммуникация) и диалог культурных смыслов, на котором и строится технология диалога культур (на основе внутреннего диалога, завязанного вокруг основных «точек удивления»). Диалог в культуре и диалог культур осуществляется при помощи текстов культуры (артефактов), являющих собой своеобразные представления, концепции мира, его образы.

Взаимодействие устной и письменной речи в ее развивающих функциях поднимает коммуникативно-речевые умения личности до уровня эссеистических и риторических умений, которые считаются высшим уровнем коммуникативно-речевой культуры личности. Особую функцию приобретают учебные жанры реальной и виртуальной экскурсии и жанр культуроведческого эссе (с франц. «набросок», «эюд» – жанр философской, художественной, публицистической литературы, сочетающий подчеркнута индивидуальную позицию автора с непринужденным изложением).

Основными творческими продуктами учебной диалоговой деятельности являются эссе как жанр научно-популярной речи, основанный на рефлексии автора, *реферат* как жанр самостоятельного исследования учащихся, *презентация* проекта как синтетический вербально-визуальный жанр исследовательской и творческой деятельности, что позволяет виртуально расширить образовательную среду и во временном, и в пространственном планах, что гармонизирует процесс инкультурации личности, т.е. «вращения» личности в культуру, осознания себя как части национальной культуры. Данная позиция позволяет реализовать положения Национальной доктрины образования, призванной обеспечить историческую преемственность поколений, сохранение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов.

В рамках экспериментальной работы в учебном диалоге с артефактами и ценностями культуры предполагалось обеспечить диалог с духовными ценностями, в личностном аспекте (знакомство с биографиями светочей культуры), социальном аспекте (эволюция ценностных представлений о мире в процессе развития общества), эстетическом аспекте (восприятие произведений разных видов искусства в жанрово-тематической специфике), историческом аспекте (изучение истории духовной культуры).

Методы экспериментальной деятельности: а) теоретический анализ педагогической, психологической, культурологической, искусствоведческой, филологической и методической литературы по теме; б) анкетирование, опрос учителей, учащихся, родителей; в) педагогический эксперимент; г) мониторинг результатов реализации про-



граммы ОЭР; д) статистическая обработка полученных данных; е) сравнение результатов экспериментальных и контрольных групп.

Условиями реализации Программы экспериментальной деятельности явились а) моделирование образовательного пространства в контексте «диалога культур» и «культуросообразной школы»; б) и повышение профессионализма учителя гимназии как педагогической личности в условиях обновления образования; в) моделирование выпускника гимназии:

1. Моделирование образовательного пространства в контексте «диалога культур» и «культуросообразной школы», в том числе:

- организация образовательной среды с использованием потенциала интеграции предметов гуманитарного цикла для развития культуры вербального и визуального мышления в контексте «диалога культур»;
- обеспечение мотивации и заинтересованности ученика с учетом личностных и возрастных особенностей и потребностей к общению с художественной культурой, профессиональному самоопределению;
- создание психологически комфортных условий с учетом индивидуальных возможностей учащихся и особенностей восприятия произведений искусства;
- использование педагогического диалога как способа реализации субъект-субъектных взаимоотношений;
- использование эвристического диалога (обучения) как условия формирования исследовательской (поисковой) культуры.

2. Повышение профессионализма учителя гимназии как педагогической личности в условиях обновления образования:

- совершенствование профессиональной компетентности (психологической, культурологической, предметной) учителя для реализации экспериментальной программы;
- совершенствование коммуникативной культуры учителя;
- ознакомление учителя с новыми информационными технологиями для обеспечения учебного процесса;
- личностное и культурное саморазвитие учителя как носителя культурной информации, как посредника между художественным артефактом и учеником, как экскурсовода, обеспечивающего диалог между учеником и музейной экспозицией, как собеседника, готового к педагогическому диалогу;
- формирование «Я-стратегии» - стратегии саморазвития педагогической личности;
- готовность к профессиональному самоанализу на каждом этапе работы
- совершенствование методической грамотности;
- овладение методикой экспериментальной деятельности;

3. Моделирование выпускника гимназии как разносторонней личности, сформированной в традициях отечественной и мировой культуры, характеризующейся следующими качествами:

1) *воспитанность* в традициях исторической преемственности поколений, патриотизма и гражданственности, бережного отношения к историческому и культурному наследию народа;

2) *«культурная» диалогичность:*

- готовность к межкультурному диалогу с взрослыми, сверстниками с уважением к взглядам и этнокультурным особенностям собеседников;
- уважение к выдающимся личностям – «светочам культуры», которые внесли вклад в развитие русской национальной и мировой культуры;

3) *коммуникативность:*

- развитая устная речь (внутренний и внешний диалог) и риторические умения (публичная речь);

- развитая письменная речь (умение создавать письменные тексты в разных стилях и жанрах речи, преимущественно исследовательского и творческого характера);

4) сформированная общекультурная компетенция, в том числе:

- развитая потребность в общении с артефактами материальной культуры как сохранение преемственности в сохранении достижений русской и мировой культуры;
- воспитанный устойчивый интерес к общению с произведениями художественной культуры как культурными ценностями и культурным наследием;
- развитое уважение и внимание к традициям и наследию национальной духовной культуры;
- сформированные гуманистические ценности в сознании учащихся, культурной самоидентификации личности гимназиста как носителя, хранителя культуры.
- сформированное умение воспринимать и интерпретировать артефакты русской и мировой культуры в единстве формы и содержания в историко-культурном контексте;
- воспитанность в традициях патриотизма, любви к историческому и культурному наследию предков;

5) сформированная исследовательская (познавательная) культура, методологическая компетенция, в частности:

- исследовательские умения в предметных областях и в осуществлении межпредметных связей;
- способность к самообразованию с постановкой целей в зависимости от потребностей и возможностей личности;

По каждой группе критериев использованы единые методики, показатели и инструментарий, разработанные в мониторинге качества образования и диагностическом пакете федерального эксперимента по профильному и предпрофильному обучению, в модели ЕГЭ (единого государственного экзамена), в единых требованиях оценки знаний и умений учащихся в предметных областях, в психологических диагностиках.

Научная новизна эксперимента состоит в том, что в процессе реализации Программы эксперимента создана и апробирована инновационная образовательная программа гимназии, обеспечившая формирование общекультурной и методологической компетенции учащихся,

- обновлено содержание учебных программ предметов гуманитарного цикла с учетом интеграции с музейной программой;
- определены содержание и структура гуманитарного образования на основе коммуникативно-гуманитарного подхода;
- создана модель учителя гуманитарной школы;
- создана модель выпускника гуманитарной школы;
- создан банк диагностических материалов оценки качества гуманитарного образования, банк учебно-методических материалов, обеспечивающих реализацию Программы;

Значимость ОЭР состоит в том, что результаты и методические рекомендации могут быть использованы в педагогической практике гимназий и школ области, региона, страны для обновления образовательных программ общеобразовательных учреждений. В ходе ОЭР произошло выявление места и роли программы в среднем звене образовательной системы, определились перспективы создания и созданы вариативные интегративные курсы с учетом общеобразовательного и профильного обучения в старшем звене обучения.

Содержание этапов экспериментальной деятельности:

1. Подготовительный (2004 – 2005 гг.) а) диагностика противоречий, потребностей и интересов учащихся: выявление противоречий между образовательными интересами и приоритетами учащихся, возможностями педагогической системы гимназии; б) проектирование опытно-экспериментальной деятельности гимназии: отра-



ботка методики проведения педагогического эксперимента; в) организация опытно-экспериментальной деятельности в школе;

2. Практический (2005 – 2006 гг. – 2007 – 2008 гг.) деятельность по реализации педагогического эксперимента;

3. Обобщающий (2008 – 2009 гг.) конкретизация и коррекция элементов педагогического эксперимента;

4. Внедренческий (2009 – 2010 гг.) социализация (трансляция опыта).

Можно назвать следующие результаты экспериментальной деятельности:

1. Образовательный процесс в гимназии построен так, чтобы предоставить учащимся больше возможностей для саморазвития. Индивидуализация образования обеспечена тем, что организовано педагогическое сопровождение учащегося (коучинг) в процессе обучения и воспитания. В гимназии реализуются индивидуальные образовательные маршруты, которые способствуют не только расширению гимназического образования, но и повышению качества обучения.

2. Повысился уровень профессиональной компетенции педагогов, в том числе: а) повышение общепрофессиональной компетенции педагогов в области психологии, педагогики, методики преподавания, применения в работе новых педагогических технологий;

б) повышение профессионального мастерства в реализации образовательного процесса в учебной и внеучебной предметной деятельности.

Таблица 2

Использование педагогических технологий учителями гимназии

Виды педагогических технологий	2006-2007	2007-2008	2008-2009
Интерактивные технологии	68,6	69	73
Исследовательские технологии	60,8	65,8	70
Проектные технологии	56,9	62,2	81
Программированное обучение	45,1	46	48,5
Модульное обучение	68,6	70	73
Педагогические мастерские	43,1	45,6	46
Игровое моделирование	47,1	50,2	61
Диалоговые технологии	86,3	90	91
Информационные технологии	68,6	71	75

Количество педагогов, прошедших переподготовку по освоению современных педагогических технологий: 2006 – 2007 – 30 %; 2007 – 2008 – 35 %; 2008 – 2009 – 48,2 % . К 2010 г. переподготовку по освоению современных педагогических технологий прошли все педагоги гимназии.

Представим некоторые способы формирования общекультурной и методологической компетенции учащихся экспериментальных классов. В ходе эксперимента по формированию общекультурной и методологической компетентности учащихся особое внимание уделялось формированию культуры проектной и исследовательской деятельности в разных формах: а) преподавание базовых и профильных учебных предметов, элективных курсов; факультативов и спецкурсов; в) создание Научно-исследовательского общества гимназистов (НИОГ); г) моделирование портфолио ученика; д) мониторинги по оценке качества исследовательской работы; е) осуществление социального партнерства (Попечительский совет, учреждения дополнительного образования, сотрудничество с вузами, средства массовой информации).

Условием вовлечения учащихся в исследовательскую деятельность является повышение мотивации за счет различных организационных форм:



1. Первый опыт самостоятельного исследования дети получают на уроках.
2. В системе дополнительного образования (кружки и факультативы) происходит знакомство с историей науки, методикой проведения исследований, правилами оформления реферативных работ. На факультативы и кружки приходят дети, заинтересованные в получении более глубоких знаний по предмету, т.к. них есть дополнительная возможность реализовать творческий и научный потенциал.
3. В научно-исследовательском обществе гимназистов идет настоящая исследовательская работа, которая приносит и несомненное удовольствие, и повышение статуса ученика. Проекты, созданные в рамках НОУ, проходят защиту на внутришкольных конференциях, что обеспечивает информированность учеников гимназии о проводимой исследовательской деятельности, а затем выходят на Гимназический конкурс проектов по предмету. Результаты конкурса доводятся до сведения всех учеников гимназии.
4. Выход на городские, региональные, международные конкурсы и публикация творческих работ. В гимназии сформирован и обновляется банк исследовательских и проектных работ учащихся, которые успешно используют преподаватели на уроках при объяснении нового материала (на уроках-семинарах, уроках-лекциях, практикумах и т. д.). Таким образом, инновационная деятельность дает возможность большего участия детей в исследовательской и проектной деятельности, конкурсном движении и олимпиадах, что представлено в табл. 3.

Таблица 3

Динамика вовлеченности учащихся экспериментальных классов в исследовательскую и творческую деятельность

Виды деятельности	По отношению к числу учащихся экспериментальных классов		
	2007-2008 гг.	2008-2009 гг.	2009-2010 гг.
Олимпиады	60,5 %	61 %	64 %
Конференции	41,2 %	48 %	49,3 %
Исследовательская деятельность	20,7 %	23,6 %	24 %
Проектная деятельность	35 %	40 %	41,8 %

Результатом анализа эксперимента является диагностика сформированности общекультурной и методологической компетентности (по методике О. Е. Лебедева) [15].

Наиболее значимой в мониторинге оказалась общекультурная компетентность, так как она включает в себя диалоговое общение и образованность, способствует повышению функциональной грамотности, методологической компетентности и профессиональной компетентности (в терминах О. Е. Лебедева). Были проведены мониторинговые исследования, которые включают в два круга вопросов: «Круг значимых проблем», «Освоенное культурное пространство».

В частности, полученные личностные характеристики готовности решения поставленных проблем (в сравнении по годам экспериментального и контрольного классов) показывают, что инновационная деятельность дает возможность большего участия детей в исследовательской и проектной деятельности, конкурсном движении и олимпиадах: а) учащиеся готовы ставить проблемы (60 % и выше); б) анализировать проблемы (60 % и выше); в) решать возникшие проблемы (60 % и выше); г) у учащихся сформировано культурно-образовательное пространство; д) сформирована познавательная база личности; е) учащиеся готовы использовать полученные знания в отдельных образовательных областях.

Методологическая компетентность определяется как уровень образованности, достаточный для самостоятельного исследования и творческого решения проблем



как теоретического, так и практического характера на основе выбранного мировоззрения (мировоззренческой позиции), освоения теоретического знания, методов творческой (исследовательской и преобразовательной) деятельности.

Уровень методологической компетентности может быть проявлен только в том или ином завершённом «продукте» творческой деятельности (исследовании, проекте, программе, изобретении, сочинении и т. д.) и в процессе его публичной защиты. В гимназической образовательной программе достижение уровня методологической компетентности мы определяли в образовательной области «Филология».

Достижение учащимся уровня методологической компетентности определяется при решении познавательных или практических задач: а) выбрать мировоззренческую позицию; б) использовать теоретическое знание, опираясь на первоисточники; в) применять методы творческой (исследовательской и преобразовательной) деятельности.

Выявление того, в какой мере достигнут учащимися уровень методологической компетентности, происходило на основе анализа творческой (исследовательской и преобразовательной) работы в нескольких направлениях:

1) учебно-исследовательская работа (поиск решения поставленной проблемы на основе изучения уже найденных другими решений; полученные результаты являются субъективно новыми, новыми только для ученика);

2) научно-исследовательская работа (поиск решения поставленной проблемы, решение которой не найдено другими; полученные результаты являются объективно новыми);

3) социокультурные программы-проекты;

4) успешное прохождение аттестации на основе ЕГЭ, заданий части С.

Определение уровня достижения учащимся методологической компетентности проводилось на основе совокупного анализа следующих составляющих аттестационных испытаний: творческой работы, автореферата к ней, отзыва руководителя (консультанта) учащегося, рецензии специалиста по решаемой проблеме, участия ученика в дискуссии в процессе защиты работы.

Для определения признаков проявления учащимся уровня методологической компетентности требовалось провести следующие операции:

1) выяснить круг значимых для учащегося проблем, решение которых свидетельствует о достижении им уровня методологической компетентности;

- познавательные (познания мира, самопознания, самого процесса познания);

- мировоззренческие (ценностно-эмоционального отношения к миру, себе и познанию);

- преобразовательные (преобразования мира, себя, знаний о мире и способов познания).

2) проанализировать образовательное пространство деятельности школьника, способность использовать различные виды первоисточников;

3) оценить, в какой мере освоены учащимся методы творческой (исследовательской и преобразовательной) деятельности;

4) определить, в какой мере учащийся ориентируется в теориях и концепциях, относящихся к определенной области знания.

Мониторинг показал, что реализованная экспериментальная программа дает возможность большего участия детей в исследовательской деятельности, формирует инициативность, умение выбирать профессиональный путь, готовность обучаться в течение всей жизни.

Таким образом, учитывая, что в рамках федерального эксперимента по модернизации общего среднего образования предусмотрены локальные эксперименты, позволяющие исследовать проблему усиления роли гуманитарных дисциплин в формировании личности, можно утверждать, что одним из путей совершенствования образовательного процесса выступает реализация коммуникативно-гуманитарного подхода, обеспечивающего диалог с Культурой как хранилищем духовных и материальных

ценностей и посредником между личностью учащегося и результатами национальной и мировой культуротворческой деятельности.

Список литературы

1. Иванова Г. А. Об актуальности коммуникативно-гуманитарного подхода в моделировании образовательного процесса/ Проблемы и перспективы развития образования в России: сб. мат. X Междун. науч.-практ. конф. ; под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: НГТУ. 2011. – С. 43 – 48.
2. Иванова Г. А. Коммуникативно-гуманитарный подход как условие организации образовательного процесса в юридическом вузе / Г. А. Иванова. Вестник СПГУТД. Серия 3. Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2011. – № 2. – С. 61 – 66.
3. Арнольд А. И. Введение в культурологию: Учебное пособие. – М.: НАКиОЦ. 1993.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство. 1979. – С. 285.
5. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат. 1991.
6. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М.: Просвещение. 1968.
7. Бондаревская Е. В. Гуманистическая парадигма личностно ориентированного образования. / Педагогика. 1997. – № 4. – С. 11 – 17.
8. Валицкая А. П. Культуротворческая школа: концепции и модель образовательного процесса / А. П. Валицкая. Педагогика. 1998. – № 4. – С. 12 – 23.
9. Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / отв. ред. В. В. Степин, А. А. Гусейнов. – М.: Наука. 2005.
10. Каган М. С. Философская теория ценности. – СПб.: Петрополис. 1997.
11. Король А. Д. Диалоговый подход к организации эвристического обучения / А. Д. Король. Педагогика. 2007. – №9. – С. 18 – 25.
12. Хуторской А. В. Диалогичность как проблема современного образования (философско-методологический аспект) / А. В. Хуторской, А. Д. Король. Вопросы философии. 2008. – № 4. – С. 109 – 114.
13. Лихачев Д. С. О национальном характере русских / Д. С. Лихачев. Вопросы философии. 1990. – № 4. – С. 3 – 5.
14. Маранцман В. Г. Изучение творчества А. С. Пушкина в школе: На пути к Пушкину: Пос. для учителя и учащихся. В 2 ч. – СПб.: Владос. 1999. – 256 с.
15. Образовательные результаты ; под. ред. О. Е. Лебедева – СПб.: Специальная литература. 1999.
16. Кучерова О. Е. Гуманная педагогика: взгляд в будущее. – // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – № 6 (77), вып. 5. – С. 45 – 48.

FORMATION OF COMMON CULTURAL AND METHODOLOGICAL COMPETENCE OF PUPILS ON THE BASIS OF THE COMMUNICATIVE-HUMANITARIAN APPROACH

G. A. Ivanova

*Leningrad Regional
Institute of Education
Development*

e-mail: ga_iv@mail.ru

The substantiation and the experiment maintenance on formation of common cultural and methodological competence of pupils on the basis of the communicative-humanitarian approach are presented: an urgency, a subject, a hypothesis, problems, principles, methods, forms, stages. The scientific thesaurus of the concept, some results of experiment is described.

Key words: common cultural competence, dialogue of cultures, experiment program, criteria of estimation, model of graduate.



УДК 373.24

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОСПИТАТЕЛЯ С ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА

Е. Н. Лихачева

*Карагандинский
университет
«Болашақ»*

*e-mail:
likch@mail.ru*

В настоящее время в связи с увеличением числа детей, испытывающих трудности при усвоении дошкольной образовательной программы, организация данного учебно-воспитательного процесса в детских садах должна осуществляться как на основе принципов воспитания детей младшего возраста, так и дополнительно на принципах коррекционной педагогики. Взаимодействие воспитателя с детьми должно базироваться на глубоком понимании основных причин и особенностей индивидуальных вариантов их развития; умении определять условия для совершенствования их познавательной и эмоционально-волевой сферы с целью реализации различных резервов детей, а также их эффективного обучения и воспитания.

Ключевые слова: воспитатель, взаимодействие, ребенок, задержка психического развития, диагностика, коррекция, познавательные процессы, эмоционально-волевая сфера, психолого-педагогическая помощь.

Воспитание и обучение ребенка дошкольного возраста в детском саду осуществляет воспитатель. Содержание его труда объективно отражает потребности общества. Оно направлено на формирование личности каждого ребенка в соответствии с требованиями социального заказа на ее подготовку к дальнейшему творческому труду. Учитывая руководящую роль воспитателя в процессе воспитания и обучения ребенка дошкольного возраста, общество всегда предъявляло и предъявляет к нему высокие требования, которые носят объективный характер, и касаются личности воспитателя в соответствии с моральными нормами общества, а, главное, уровня знаний в области дошкольного воспитания.

Чтобы обеспечить успешное решение воспитательно-образовательных задач, раскрыть детям основы научных знаний, общественные идеи и нравственные нормы, наставник должен знать особенности развития детей и в процессе работы учитывать их.

Особую значимость данная проблема приобретает в отношении детей, испытывающих трудности при усвоении дошкольной образовательной программы в силу задержанного темпа психического развития.

Задержка психического развития – синдром временного отставания развития психики в целом или отдельных функций (моторных, сенсорных, речевых, эмоционально-волевых), замедленного темпа реализации закодированных в генотипе свойств организма.

Основные закономерности развития индивида являются едиными как для детей с нормальным развитием, так и для детей с задержкой психического развития. Однако, эти закономерности проявляются в иные сроки, в различном темпе и качестве, и могут при отсутствии целенаправленной педагогической помощи сопровождаться образованием специфической иерархией первичных и вторичных отклонений, трудностями социальной адаптации ребенка [1].

Анализ педагогической характеристики ребенка с задержкой психического развития дошкольного возраста выявил следующие особенности. Запас знаний детей дошкольного возраста с задержкой психического развития об окружающем мире ограничен. Они плохо осведомлены даже в отношении тех явлений, с которыми неоднократно встречались в жизни: сезонные изменения в природе; состав семьи и труд ее членов; различные признаки конкретных предметов; не имеют многих элементарных математических представлений; речь детей отличается бедностью словаря и синтаксических конструкций [2]. У них недостаточно развит фонематический слух: для них характерны затруднения в понимании художественных произведений, причинно-

следственных и других связей. У подавляющего числа детей наблюдается низкий уровень элементарных трудовых умений и навыков, например, в работе с бумагой, конструктором, в самообслуживании отмечаются моторные затруднения [3].

Наряду с выделенными особенностями отмечается низкий уровень развития мелкой моторики: несформированность точных движений кистей рук и праксиса [4].

Условием успешного обучения и воспитания детей с задержанным уровнем психического развития является своевременная психолого-педагогическая помощь, учитывающая особенности данной категории детей. В то же время результаты проведенного нами анкетирования воспитателей дошкольных образовательных учреждений Республики Казахстан показали, что 80% воспитателей сталкивались в своей деятельности с детьми, имеющими трудности при усвоении дошкольной образовательной программы. Решение данной проблемы воспитатели находили: в самообразовании 41 % (при этом отмечался недостаток учебно-методической литературы по данному вопросу), в получении консультаций у специалистов – 17 % (в данном вопросе указывалась неформальная сторона получения консультаций), в предоставлении права решать эту проблему родителям – 15 %.

Как видно, многие специалисты дошкольных учреждений недостаточно вооружены знаниями об особенностях психофизического развития детей, испытывающих трудности при усвоении дошкольной образовательной программы. В практике работы детских садов не учитываются причины их возникновения. Внимание воспитателей, как правило, концентрируется лишь на несформированности того или иного навыка. Кроме того, педагоги зачастую не осведомлены в вопросах коррекционной педагогики, поэтому, если они и хотят помочь отстающим от сверстников детям, они не знают каким образом это можно успешно осуществить. Так, замечая какие-либо сложности, воспитатели стремятся помочь ребенку путем дополнительных заданий, постоянного усиленного контроля во время всего педагогического процесса. При интенсивной тренировке ребенок может усвоить знания, достигнуть определенных результатов, но это будет стоить ему больших физических и нервно-психических затрат, приводящих к переутомлению организма. В результате этого у него вырабатывается стойкое отвращение к обучению и осторожно-пассивный тип поведения, при котором теряется стремление достичь большего, исправить собственные ошибки.

Организация учебно-воспитательного процесса с детьми, испытывающими трудности при усвоении дошкольной образовательной программы, должна осуществляться с учетом принципов коррекционной педагогики и предполагать со стороны воспитателей глубокое понимание основных особенностей индивидуального варианта развития детей. Следует заметить, что именно такая форма взаимодействия воспитателя и ребенка позволяет эффективно решать вопросы обучения и воспитания детей, испытывающих трудности при усвоении дошкольной образовательной программы. Данная форма обучения и воспитания детей возможна при обычной традиционной организации учебно-воспитательного процесса в дошкольном учреждении. Итак, взаимодействие воспитателя с ребенком, с нашей точки зрения, должно включать в себя 4 основных блока.

Первый блок – это определение уровня усвоения детьми содержания программного материала детского сада. Эта работа воспитателя предполагает, во-первых, выяснение степени усвоения детьми программы обучения и воспитания и, во-вторых, выделение группы детей, испытывающих трудности при усвоении дошкольной образовательной программы.

Образовательная практика и анализ научной литературы позволяют выделить факт замедленного темпа психического развития детей дошкольного возраста, как основную причину неполного усвоения ими программного содержания детского сада. Именно это определяет задачи второго блока взаимодействия воспитателя с ребенком.

Второй блок – психолого-педагогическая диагностика группы детей дошкольного возраста, выделенной в первом блоке. Задачей этого блока является выявление



воспитателем особенностей психического развития (уровень развития познавательных и эмоционально-волевых процессов) этих детей, т.е. детей, испытывающих трудности при усвоении дошкольной образовательной программы. В свою очередь, эти знания помогают воспитателю понять причину, которая приводит к ситуации неполного соответствия намеченных целей и результатов учебно-воспитательного процесса. В связи с этим важным становится адаптация методик исследования психических процессов детей дошкольного возраста к условиям дошкольных учреждений, а также вопрос практического овладения воспитателем методами психолого-педагогической диагностики детей дошкольного возраста.

Психолого-педагогическая диагностика детей включает в себя обследование ребенка младшего, среднего и старшего дошкольного возраста. Психолого-педагогическая диагностика детей младшего дошкольного возраста имеет своей целью изучение следующих психических процессов:

- восприятие (цвет, форма, величина, целостное восприятие);
- внимание (концентрация, отвлекаемость, устойчивость, переключение и распределение);
- память (слуховая, зрительная);
- мышление (общие представления, классификация);
- эмоционально-волевая сфера (умение сохранять цель в условиях затруднения успеха, понимание эмоциональных состояний людей).

Психолого-педагогическая диагностика детей среднего дошкольного возраста включает в себя:

- восприятие (цвет, форма, величина, целостное восприятие, представление о временах года);
- внимание (концентрация, отвлекаемость, устойчивость, переключение и распределение);
- память (слуховая, зрительная);
- мышление (классификация, умение понимать связь событий и строить последовательные умозаключения, причинно-следственные связи, понимание картин «нелепиц»);
- эмоционально-волевая сфера (умение сохранять цель в условиях затруднения успеха, понимание эмоциональных состояний людей).

Психолого-педагогическая диагностика детей старшего дошкольного возраста включает в себя:

- восприятие (цвет, форма, величина, целостное восприятие, представление о временах года, частях суток, пространственные представления);
- внимание (концентрация, отвлекаемость, устойчивость, переключение и распределение);
- память (слуховая, зрительная);
- мышление (классификация, умение понимать связь событий и строить последовательные умозаключения, причинно-следственные связи, понимание смысла литературных произведений);
- эмоционально-волевая сфера (умение сохранять цель в условиях затруднения успеха, понимание эмоциональных состояний людей).

Принятая балльная система при психолого-педагогической диагностике детей дошкольного возраста позволяет устранить многовариативность, неточность причинно-следственных связей при выяснении затруднений ребенка при усвоении программы дошкольного учреждения.

Третий блок. Определение путей коррекционной работы.

Пластичность мозга ребенка дошкольного возраста, сензитивные периоды формирования эмоций, интеллекта определяют большие потенциальные возможности педагогической работы коррекционной направленности с детьми, испытывающими

ми трудности при усвоении дошкольной образовательной программы. Основными направлениями коррекционной работы с детьми являются коррекция познавательных процессов и коррекция эмоционально-волевой сферы ребенка. Коррекционные занятия обеспечивают детям успешное овладение знаниями, способствуют развитию мышления, памяти и других познавательных процессов до более высокого уровня, а также развивают эмоционально-волевую сферу и мелкую моторику ребенка. Данная работа обеспечивает повышение познавательной активности детей, уровень их работоспособности, расширяет сферу интересов ребенка, повышает мотивацию учения, способствует развитию эмоционального мира последних, а на этой основе оптимизирует уровень общения, расширяет круг взаимоотношений ребенка.

Коррекционная направленность обучения обеспечивается, помимо базовых занятий, предусмотренных типовой программой обучения и воспитания детей дошкольного возраста набором дополнительных занятий протекающих в групповой и индивидуальной форме. Такие занятия с детьми, испытывающими трудности при усвоении дошкольной образовательной программы, способствуют раскрытию и реализации их потенциальных возможностей.

Коррекционная работа должна носить занимательный характер, вызывать у него радость. В то же время нельзя все происходящее сводить только к игре, ибо одновременно с развитием психических процессов следует учить ребенка сдерживать свои желания, прилагать усилия, проявлять волю.

Продолжительность занятий с ребенком трактуется его работоспособностью и не превышает с детьми младшего дошкольного возраста – 10 минут, среднего – 15 минут, старшего – 20 минут.

Четвертый блок. Важным моментом в организации системы обучения и воспитания детей, испытывающих трудности при усвоении дошкольной образовательной программы является динамическое наблюдение за каждым ребенком. Именно это и является основной задачей четвертого блока. Наблюдение за продвижением детей осуществляется посредством двух этапов. На первом этапе осуществляется психолого-педагогическое исследование психических процессов детей. На втором этапе происходит определение уровня усвоения программы детьми. Данные исследования проводятся по методикам первых двух блоков. Исключение вариативности при использовании однотипных методик обеспечивает объективность и достоверность полученных результатов. Работу, определяемую четвертым блоком, следует проводить не реже одного раза в год. Результаты этой работы помогают решать вопрос целесообразности дальнейшего коррекционного обучения и воспитания. Так, при наличии достаточного уровня развития у детей психических процессов, их переводят в обычные, традиционные условия обучения и воспитания в детском саду и, наоборот, при недостаточно высоких показателях продолжают обучение и воспитание в системе коррекционных занятий.

Как видно, современное дошкольное образование нуждается в специалистах нового, качественно иного уровня. Это должны быть воспитатели, готовые к работе с различной категорией детей, вне зависимости от вариативности их индивидуальных возможностей (в частности, темпа их психического развития), со знанием особенностей психофизического развития детей, владеющие приемами коррекционной работы с детьми, испытывающими трудности при обучении и воспитании детей, испытывающих трудности при усвоении дошкольной образовательной программы, в специалистах, способных к проектированию собственной педагогической деятельности в зависимости от сложившихся обстоятельств. Как видно, для работы с детьми, испытывающими трудности при усвоении дошкольной образовательной программы необходимы специалисты, владеющие основами знаний в области смежных наук. Особо важным в этой ситуации становится умение специалистов использовать в своей работе широкий спектр педагогических, психологических и отчасти дефектологических мероприятий для повышения эффективности учебно-воспитательного процесса.



Список литературы

1. Мастюкова Е. М. Ребенок с отклонениями в развитии. – М.: Просвещение, 1992. – 95 с.
2. Манелис Н. Г. Формирование высших психических функций у детей с задержанным вариантом отклоняющегося развития. Нейропсихологический анализ // Школа здоровья. 2001. – № 2. – С. 27 – 32.
3. Марковская И. Ф. Задержка психического развития. – М.: Просвещение, 1993. – 160 с.
4. Вайзман Н. П. К вопросу дифференциальной диагностики олигофрении и задержек развития // Дети с временными задержками развития ; под ред. Власовой Т. А., Певзнер М. С. – М.: Педагогика, 1971. – 208 с.

INTERACTION OF CAREGIVERS IN PRESCHOOL CHILDREN: PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT

E. N. Likhacheva

*University
of Karaganda
"Bolashak"*

*e-mail:
likch@mail.ru*

At present, due to the increasing number of children experiencing difficulties in the assimilation of pre-school education program, the organization of educational process in preschools should be carried out as on the basis of pre-school education, as well as additional guidelines for Special Education. The interaction of teacher with children should be based on understanding the underlying causes and educator characteristics of individual variants of development of children, the ability to determine the conditions for the development of their cognitive and emotional-volitional in order to implement provisions on child development, as well as their effective education and training.

Key words: caregiver interaction, child, mental retardation, diagnosis, correction, cognitive processes, emotional, volitional, psychological and pedagogical assistance.

ТЕНДЕНЦИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В РАЗВИТИИ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА СТАРШЕКЛАСНИКОВ¹

Г. В. Макотрова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Makotrova@bsu.edu.ru*

В статье представлены тенденции и закономерности использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников на основе теоретических и экспериментальных исследований, показаны способы повышения результативности деятельности учителя по развитию исследовательских качеств личности школьников.

Ключевые слова: тенденции, закономерности, научный потенциал, сеть Интернет, старшеклассники, эксперимент, теоретическое обоснование.

Использование информационно-коммуникационных технологий в период переустройства системы школьного образования, перехода к новым стандартам содержания образования является инструментом кардинального совершенствования управления учебным процессом, мощным фактором интенсификации процессов творческого саморазвития личности старшеклассников. Осмысление закономерностей и тенденций использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников позволяет определить общее направление и конкретные педагогические ориентиры, разработать соответствующие педагогические принципы, обеспечить теоретическое обоснование разработки педагогических условий и технологии использования сети Интернет в индивидуализации развития научного потенциала старшеклассников, наметить пути совершенствования научно-методической готовности учителей к использованию сети Интернет в развитии исследовательских качеств личности старшеклассников.

Учитывая, что педагогические закономерности отражают многообразие взаимодействий и отношений между явлениями и процессами, мы под закономерностями использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников понимаем наличие существенных устойчиво повторяющихся связей между типичными педагогическими фактами, явлениями и событиями. Для определения тенденций использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников нами было учтено выявленное в педагогике отличие в определении понятий закономерности и тенденции (Ю. К. Бабанский, В. С. Гершунский, В. И. Загвязинский, А. Н. Звягин, В. В. Краевский, А. В. Усова и др.). Тенденция в отличие от закономерности фиксирует намечившиеся зависимости и отношения. Когда говорят о тенденции, то имеют в виду, что она «не доводится» до уровня закономерности, т.к. установленная зависимость, причинно-следственная связь не подвергается строгой формализации, качественной, статистической проверке или оценке результатов наблюдений, экспериментов в жестко фиксируемой форме, для их доказательного обоснования не сформирован еще строгий инструментарий. Поэтому наблюдаемые и фиксируемые в таком случае зависимости рассматривались нами и анализировались как тенденции.

Провести границу между тенденцией и закономерностью достаточно трудно, поэтому можно говорить лишь об их относительном различии. Тенденции и закономерности

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта «Использование сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников» Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009 – 2010 гг.)», проект 3.2.3/ 1130.



сти объединяет то, что они отражают знания и опыт высокой степени обобщенности, выражают существенные, устойчивые и необходимые связи между причиной и следствием. Тенденция выступает как предполагаемая потенциальная, будущая закономерность или закон, наблюдаемая связь между явлениями и процессами, состояниями и свойствами, которая при определенных объективных условиях может перейти в категорию закономерностей. Степень приближения тенденции к закономерностям и законам определяется ее устойчивостью, систематичностью, повторяемостью..

При поиске тенденций мы исходили из понимания сущности понятия «тенденция», опирались на ряд требований к ведущей тенденции, сформулированные Н. Ю. Посталюк (ведущая тенденция должна детерминировать все другие, более частные тенденции; определять общую структуру теоретической основы, ее категориальный строй; обуславливать приемы и методы исследования; сохранять целостность педагогической деятельности).

При поиске закономерностей мы исходили из понимания сущности понятия «закономерность», опирались на выявленные и статистически обоснованные закономерности и психологические механизмы развития научного потенциала личности (Н. И. Исаева), теоретико-методологические подходы к использованию сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассника, на педагогические условия развития научного потенциала личности старшеклассника (Г. В. Макотрова), результаты статистической обработки данных формирующего и моделирующего экспериментов.

Поиск тенденций использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников был осуществлен на основе различных сочетаний комплекса ведущих тенденций развития научного потенциала личности, выделенных Н. И. Исаевой (гуманизации, культуросообразности и природосообразности) и ведущих тенденций использования сети Интернет в обучении с целью выделения тех из них, которые максимально соответствуют задаче развития научного потенциала старшеклассников. Выделение ведущих тенденций развития научного потенциала личности (гуманизации, культуросообразности и природосообразности) связано это с тем, что в теории и практике отечественного образования постепенно происходит переход от технократической парадигмы рационализма к гуманистической, антропогенной парадигме культуросообразности и культуротворчества. Основным образовательным ориентиром сегодня становится развитие личности, ее потенциала, который обращен в будущее и, наряду с решением актуальных проблем социального и профессионального бытия человека, ориентирован на его жизненную перспективу, определяет его способность к творческому восприятию и творческому решению вновь возникающих жизненных задач, подготавливает будущие трансформации его личности.

Тенденция гуманизации состоит в ориентации исследовательской деятельности на развитие и саморазвитие личности, в признании ее самоценности, в создании условий для ее самореализации. Гуманизация в процессе развития научного потенциала утверждает полисубъектную сущность образовательного процесса, основным смыслом которого становится исследовательская культура личности.

Тенденция культуросообразности заключается в том, что процесс развития научного потенциала личности происходит через постижение других культур, рассматривается как приобщение личности к различным ценностям культуры общества, цивилизации в целом. Тенденция культуросообразности реализуется в содержании развития научного потенциала личности и в условиях формирования наукоемкой культуросообразной и культуротворческой среды, обеспечивающей каждому возможность применить свои силы, творческие способности, удовлетворить интересы, находить импонирующую атмосферу общения, гуманное отношение со стороны взрослых и сверстников.

Тенденция природосообразности в развитии научного потенциала личности проявляется в том, что процесс развития научного потенциала личности рассматривается в соответствии с общими законами развития природы и человека. Разрабатываемые технологии развития научного потенциала личности согласуются в настоящее вре-

мя с возможностями обучаемых осуществлять исследовательскую деятельность, их возрастными особенностями, с физическим состоянием, а также социокультурными условиями. В теории и практике развития научного потенциала природосообразность рассматривается и как сохранение психического и физического здоровья обучаемых, их эмоциональное благополучие.

Критерием выделения тенденций использования сети Интернет в развитии научного потенциала личности служили обозначенные А. А. Андреевым развивающиеся дидактические свойства сети Интернет (публикации учебно-методической информации в гипермедийном варианте; педагогическое общение в реальном и отложенном времени между субъектами и объектами учебного процесса; открытый во времени и пространстве дистанционный доступ к информационным ресурсам) и составляющие научного потенциала личности старшеклассника (мотивация исследования, технологическая готовность к исследованию, научный стиль мышления, творческая активность, ориентация на исследование в будущей профессии).

Анализ сочетаний ведущих тенденций использования сети Интернет в обучении и ведущих тенденций развития научного потенциала личности обучаемого позволил нам выявить следующие тенденции использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников: кооперации и сотрудничества в исследовательской деятельности; информационного обеспечения решения исследовательских проблем; обучения методам и технологиям ведения исследования; предоставления свободы в условиях исследования; педагогического сопровождения исследования.

Тенденция кооперации и сотрудничества отражает сдвиг от централизованных (иерархических) моделей взаимодействия к сетевым моделям в условиях решения исследовательских проблем, что соответствует замыслу создания сети Интернет в качестве информационной среды, предназначенной для совместной деятельности исследователей, пространственно удалённых друг от друга. Возникновение тенденции определяется совершенствованием Web-технологий, позволяющих существенно модернизировать формы, методы и средства совместной работы с текстом, аудио- или видеoinформацией, механизмы эффективной навигации в пространстве Сети, использовать нестандартные инструменты сбора, обработки, использования и передачи информации в рамках совместного решения проблем.

Тенденция информационного обеспечения решения исследовательских проблем проявляется в поиске информации в индивидуальных образовательных архивах старшеклассника, информационной среде образовательного учреждения, федеральных хранилищах информационных образовательных ресурсов; в структурировании знаний и представлении их в виде концептуальных диаграмм, карт, линий времени; в фиксации информации о процессе исследования окружающего мира; в создании гипермедиа-сообщений, включающих текст, неподвижные и движущиеся данные, созданные изображения и звуки.

Тенденция обучения методам и технологиям ведения исследования отражает динамику использования сети Интернет при отработке методов и приемов ведения исследования позволяющих, при построении моделей объектов и процессов из базовых элементов реальных и виртуальных конструкторов, при представлении моделей исследуемых объектов, при проведении уникальных экспериментов и опытов, при осуществлении междисциплинарного поиска решения проблемы в рамках заданных алгоритмов. Отработка практических навыков использования методов и приемов исследования обеспечивается использованием программных Интернет-комплексов, интерактивными ресурсами высокой сложности, современными технологиями обработки данных (например, облачные вычисления «клауд компьютеринг»), игровыми технологиями, технологиями «дополненной реальности», позволяющие соединять цифровые и реальные объекты и др. Сеть Интернет с помощью современных программ позволяет обеспечить наиболее быстрое движение от освоения способов исследования к его результатам.

Тенденция предоставления свободы в условиях исследования проявляется рос-



том неограниченного информационного обмена между школами, университетами, библиотеками, базами данных и компьютерными системами всего мира. В соответствии с этой тенденцией обучаемому предоставляется возможность проникнуть в максимальное количество учебных ситуаций и извлечь из них для себя необходимые уроки, расширяя собственный исследовательский опыт. Использование качественных web-ориентированных курсов позволяет ученику транслировать процесс и результаты учебного поиска в интерактивном режиме, сопровождая их необходимыми иллюстрациями, графиками, демонстрациями (например, демонстрацией влияния изменения параметров и условий на ход исследуемого процесса).

Тенденция педагогического сопровождения учебного исследования в сети Интернет проявляется в динамике побуждения учеников к исследованию, обеспечения их необходимыми электронными ссылками в условиях исследования, оперативного анализа их познавательных барьеров. Размещение онлайн-курсов и публикаций педагогов позволяет обучаемым получить доступ к необходимым для исследования учебным материалам в различных режимах, обеспечивает взаимный обмен информацией различного плана в условиях исследования. Автоматизированные психолого-диагностические комплексы помогают педагогам приблизиться к объективности в оценке диагностируемых способностей школьника, его психоэмоционального состояния в условиях исследовательской деятельности. Учитель и школьник могут интерактивно взаимодействовать с помощью программ, которые отражают рефлексивную деятельность старшеклассника в условиях исследования. Учитель, получая доступ к индивидуальной электронной карте ученика, может использовать научно-обоснованные рекомендации по коррекции и развитию старшеклассника. Занося собственные индивидуальные наблюдения за уровнем развития исследовательской культуры ученика в специальные программы, учитель может отслеживать динамику ее развития. Расширение возможностей сети Интернет для выбора различных форм проведения и представления результатов исследования позволяет переходить педагогам к более обоснованному соотношению педагогических задач развития научного потенциала личности с выбранной формой мероприятия.

Выявленные нами тенденции использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников находятся в полном соответствии с ведущими тенденциями развития научного потенциала личности, а также с компонентами модели использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников, представленной нами в виде системы педагогических условий (формирование ценностного отношения учащихся к исследовательской деятельности и ее результатам; организация субъект-субъектного взаимодействия в системе «ученик – учитель» в процессе учебно-исследовательской деятельности; развитие творческой активности каждого учащегося на основе предоставления свободы выбора тематики исследования, использования интегративного характера содержания исследовательской работы и учета индивидуально-познавательного опыта; обучение научным методам познания и технологиям решения исследовательских задач и проблем; создание в общеобразовательном учреждении исследовательско-творческой среды, обеспечивающей единство углубленного изучения учебных дисциплин и работу секций ученического научного общества).

Выделенные тенденции использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников получили отражение в материалах наших экспериментальных исследований. Так, нами на основе анализа опроса представителей администрации 21 общеобразовательных учреждений, результатов экспериментальной работы в школе МОУ «Средняя школа с углубленным изучением отдельных предметов» г. Грайворона, материалов других психолого-педагогических исследований был получен ряд данных, позволяющих оценить объективность выделенных тенденций использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников.

Результаты ранжирования представителями администрации общеобразовательных учреждений меры проявления тенденций использования сети Интернет в развитии

научного потенциала старшеклассников показали, что мера проявления выделенных нами тенденций использования сети Интернет, выраженная в значении рангов, по мнению педагогов выглядит так: педагогическое сопровождение исследований с помощью сети Интернет (3,5 балла), обучение методам и технологиям ведения исследования (3,4 балла), информационное обеспечение решения исследовательских проблем (2,9 баллов), предоставление свободы в условиях исследования (2,7 балла) (приложение А).

Изучение динамики использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассниками также позволило экспериментально обосновать выделенные нами тенденции. О наличии тенденции кооперации и сотрудничества в исследовательской деятельности свидетельствовала положительная динамика (25 – 50 %) за 2005 – 2010 гг. следующих проявлений показателей научно-методической готовности учителей экспериментальной школы к использованию сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников: организации рефлексии учащихся в условиях исследования, подготовка учащихся к работе в сети Интернет, предоставление возможности учащимся выбора текста, на котором будет построена проблемная ситуация, прогнозирование помощи учащимся в планировании исследования и его выполнении с учетом возможностей сети Интернет, обучение методам познания в ходе исследования с учетом возможностей сети Интернет.

Существование тенденции информационного обеспечения решения исследовательских проблем подтверждает высокий уровень положительной динамики (30 – 60 %) за 2005 – 2010 гг. использования сети Интернет учителями экспериментальной школы при составлении познавательных задач и вопросов на основе материалов сети Интернет, при сборе информации о конференциях, конкурсах и грантах, при систематической работе с информацией по выбранным школьникам проблемам в процессе углубленного изучения учебных дисциплин.

Рост использования сети Интернет при обучении методам исследования, в том числе с помощью программных Интернет-комплексов, позволяющих отрабатывать методы и приемы ведения исследования, как тенденция использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников, не имеет такого высоко темпа развития. Но данные опроса педагогов экспериментальной школы показывают, что происходит прирост на 10 – 30 % за 2005 – 2010 гг. использования ими программ сети Интернет, обеспечивающих процессы моделирования, построения анимационных изображений, дидактических игр, позволяющие отслеживать динамику изучаемых процессов, строить алгоритмы проведения исследований.

Тенденция предоставления свободы в условиях исследования показана нами количественными и качественными результатами участия школьников старших классов в исследовании с участием сети Интернет. Так, с 2005 по 2010 гг. в экспериментальной школе МОУ «Средняя школа с углубленным изучением отдельных предметов» г. Грайворона в результате активного использования в исследованиях сети Интернет произошел рост спектра познавательных потребностей участников образовательного процесса в использовании Сети Интернет при решении творческих познавательных задач от 16% до 76. В 2004 – 2005 учебном году число победителей всероссийских конкурсов и олимпиад составило 1,2 % от общего числа школьников, в том числе дистанционных олимпиад – 0,9%, в 2009 – 2010 учебном году число победителей международных познавательных турниров составило 7,6 % от общего числа учеников, победителей всероссийских конкурсов и дистанционных олимпиад – 4,7 % от общего числа школьников, победителей областных конкурсов – 1,7 %, победителей Всероссийских дистанционных олимпиад и конкурсов по учебным дисциплинам – 7,4 %. О том, что эта динамика будет увеличиваться свидетельствуют данные об использовании сети Интернет в различных конкурсах и олимпиадах школьниками средней ступени обучения и учениками начальной школы в 2009-2010 учебном году: 26,1 % школьников от общего количества учащихся средней ступени обучения приняли участие в международном математическом



конкурсе «Кенгуру», 7,2 % школьников от общего количества учащихся средней ступени обучения – во всероссийском конкурсе по русскому языку «Русский медвежонок»; 26 % школьников от общего количества учащихся средней ступени обучения – в международной олимпиаде по основам наук, 10,5 % школьников от общего количества учащихся средней ступени обучения – в московском международном форуме «Одаренные дети», 9,5 % школьников от общего количества учащихся средней ступени обучения – во Всероссийском конкурсе «Познание и творчество», 50,4 % школьников от общего количества учащихся начальной школы – в международном конкурсе по различным предметам начальной школы «Эрудит – марафон учащихся»

Результаты смежных исследований также показывают наличие выделенных нами ведущих тенденций использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников. Так, о тенденции использования информационного обеспечения решения исследовательских проблем свидетельствуют следующие данные Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011 – 2015 гг.: число посещений портала федерального центра информационных образовательных ресурсов увеличилось с 47 тыс. посещений в месяц в 2008 г. до 173 тыс. посещений – в 2009 году; с 2006 г. свыше 52 тыс. российских школ получили доступ в сеть Интернет.

О тенденции кооперации и сотрудничества свидетельствует положительная динамика участия старшеклассников в различных Интернет-программах, позволяющих создавать совместные познавательные продукты. В 2006 г. участников создания гипертекстовой энциклопедии Letopisi.ru среди школьников было 1358, в 2011 гг. – 46460.

Тенденция педагогического сопровождения исследований с помощью сети Интернет может быть подтверждена на примере посещения Центра дистанционного образования «Эйдос». Ежедневное посещение Центра дистанционного образования в 2001 году составляло 1027 раз, в 2011 – более 4000 раз в день. На сайте этого центра видна динамика разнообразия форм педагогического сопровождения учебных исследований. Известно также, что растет с каждым днем число персональных сайтов учителей, среди которых есть те, которые отражают педагогическое руководство учителей учебными исследованиями.

Тенденции обучения методам и технологиям ведения исследования, в том числе с использованием программных Интернет-комплексов, позволяющих отрабатывать методы и приемы ведения исследования еще не имеет быстрых темпов роста. Но о ней свидетельствует положительная динамика внедрения интерактивных ресурсов высокой сложности, которые позволяют осуществлять различные методы поисковой деятельности. Содержание названных процессов представлено в работах Р. И. Ивановского, Ю. Г. Карпова, В. Т. Тормозова, И. В. Трайнева, С. А. Христочевского.

Тенденция свободы в условиях исследования иллюстрируется множеством образовательных сайтов, предоставляющих школьнику, возможность реализовать учебный поиск в различных формах, в том числе под руководством ведущих ученых. Среди них мы выделили сайты в виде научных журналов для юношества, научно-популярные сайты, сайт «Глобальная школьная лаборатория», сайты ведущих вузов и др. О динамике их использования свидетельствуют работы А. М. Кондакова, А. Л. Семенова, Т. А. Фиалкова, Н. С. Станченко и др.

Таким образом, представленные нами ведущие тенденции использования сети Интернет в развитии научного потенциала личности (кооперации и сотрудничества в исследовательской деятельности; информационного обеспечения решения исследовательских проблем; обучения методам и технологиям ведения исследования; предоставления свободы в условиях исследования; педагогического сопровождения исследования) получили теоретическое и экспериментальное обоснование.

При разработке закономерностей использования сети Интернет в развитии научного потенциала личности нами были использованы теоретические основы дистанционного эвристического образования (Е. С. Полат, А. В. Хуторской и др.); педагогического сопровождения школьников в сети Интернет (Ю. Н. Долгов, А. С. Коловой,

Г. Н. Малюченко, В. Н. Смирнов и др.); создания электронных учебных пособий (Е. Г. Антошкина, А. В. Бездомников, Т. М. Ковалева, И. В. Шалыгина, Р. В. Шульмина, Л. А. Сидоренко и др.); результаты исследования процессов индивидуализации в условиях использования сети Интернет (Е. В. Зачесова, Н. Л. Сомова, Е. А. Троицкая и др.); теоретические исследования культуротворческой модели развития научного потенциала личности (Н. И. Исаева, И. Ф. Исаев, Е. И. Ерошенкова, Г. В. Макотрова и др.); исследования различных аспектов развития научного потенциала личности: ценностного отношения к познанию (Т. В. Бондарук, В. П. Зинченко, А. К. Маркова, Т. А. Матис, А. Б. Орлов и др.), технологической готовности к исследовательской деятельности (В. А. Бухвалов, В. В. Гузеев, А. В. Муравьев, П. Ю. Сухов, Л. Л. Тимофеева и др.), развития научного стиля мышления (Г. А. Балл, Л. Я. Зорина, И. Б. Новик, В. Ф. Паламарчук, А. И. Ракитов, Е. Н. Селиверстова, Ю. В. Сенько и др.), творческой активности учащихся (А. Э. Симановский, И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов, Т. И. Шамова и др.); обоснования педагогических условий развития учебно-исследовательской культуры школьников (Г. В. Макотрова), а также выделенные нами методологические подходы к разработке проблемы использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников (культурологический, информационный, деятельностный, компетентностный, семиотический, конструктивистский, конструктивистский), модель использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников.

Для теоретического обоснования закономерностей использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников нами также использованы результаты психологических исследований, выявленные Н. И. Исаевой психологические механизмы, психологические условия, закономерности развития научного потенциала личности. Психологические механизмы развития научного потенциала личности включают ряд механизмов: системные механизмы развития научного потенциала личности, в структуру которых входят: ценностно-смысловые механизмы, включающие подсистемы ценностей и смыслов; механизмы самореализации, включающие подсистемы самопознания; идентификации, отчуждения и их связи; самоактуализации, удовлетворенности и их связи; рефлексивные механизмы, включающие подсистемы мета-рефлексии, системной и предметной рефлексии; конкретные механизмы развития научного потенциала личности, в структуру которых входят: принятие обучаемыми ценностей культуросоциализации исследовательской деятельности как руководства к действию; осознание необходимости ориентироваться на культуросозидание и культуротворчество в деятельности; ориентированность на культурно-исследовательский модус поведения; овладение методами и средствами развития научного потенциала; социально-психологические механизмы развития научного потенциала личности, в структуру которых входят: вовлеченность в совместную исследовательскую деятельность; готовность эффективно взаимодействовать в разных коммуникативных ситуациях; готовность позитивно воздействовать на других в малой социальной группе.

В качестве психологических условий развития научного потенциала Н. И. Исаева и др. выделяют ресурсы личности, которые обеспечивают успех в исследовании и способствуют развитию личности в рамках научно-исследовательской деятельности: оптимальность информационной культуры, креативный тип мышления, мотивация достижения, культура Я, оптимальное состояние эмоциональной культуры. Мы при разработке закономерностей использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников рассматривали эти условия с позиции актуализации внутренних ресурсов при использовании ими сети Интернет в исследованиях [1; 2].

Нами приняты во внимание для формулирования и обоснования закономерностей использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников те известные закономерные связи развития научного потенциала личности, которые отражают процесс внедрения сети Интернет в дидактический процесс развития научного потенциала старшеклассников: «эффективность развития научного потенциала личности зависит от индивидуальных и коллективных усилий и ресурсов субъектов научно-



исследовательской среды; включение обучающихся в проектную деятельность влияет на развитие исследовательской компетентности и творческих способностей; научный потенциал наиболее ярко проявляется в ситуациях свободного выбора и ценностно-значимого события; результат развития научного потенциала личности зависит от ее ценностей, мотивации, компетенции и творческой активности, а также от социальной востребованности продукта научно-исследовательской деятельности обучающихся» (Н. И. Исаева).

С учетом теоретических основ развития научного потенциала личности, выделенных нами методологическими подходами, разработанной моделью использования сети Интернет в развитии научного потенциала личности старшеклассников нами определены следующие закономерности:

1. Построение проблемных ситуаций по аналогии с научной, профессиональной деятельностью и жизненными реалиями на основе погружения старшеклассников в проблемно-ситуативное информационное пространство сети Интернет ведет их к формулированию исследовательских проблем и задач, осознанию целей и ценностей исследования, выбору технологических элементов, построению и реализации стратегий поиска.

2. Выбор старшеклассником на основе своего субъектного исследовательского опыта и личностной рефлексии в результате взаимодействия с образовательной средой сети Интернет ресурсов и технологий для появления новых идей и построения индивидуальных программ исследования позволяет наиболее ярко проявиться составляющим научного потенциала личности старшеклассника.

3. Сотрудничество и кооперация при создании социально-востребованных исследовательских продуктов в сети Интернет интенсифицирует развитие научного потенциала старшеклассников на основе реализации их готовности эффективно взаимодействовать в разных коммуникативных ситуациях; готовность позитивно воздействовать на других в малой социальной группе.

4. Обучение старшеклассников научным методам и приемам исследования с помощью программных комплексов, текстовых, графических и видеоматериалов сети Интернет позволяет заметно ускорять исследование окружающего пространства и осуществлять последовательное усложнение исследовательской деятельности от исполнительства к культуросотворчеству.

5. Использование сети Интернет при решении исследовательской проблемы в условиях взаимосвязи урочной и внеурочной деятельности старшеклассников обеспечивает единство исследовательско-творческой среды, глубину исследования и более высокий уровень освоения дидактических единиц учебной дисциплины.

6. Педагогическое сопровождение реализации личностного роста старшеклассника в условиях исследования с помощью сети Интернет позволяет интенсифицировать процессы творческого саморазвития составляющих научного потенциала личности.

7. Использование сети Интернет при изучении способов построения стратегий междисциплинарного поиска и при реализации их выбора в условиях учебного поиска обеспечивает получение творческих продуктов исследования, обогащает индивидуальный исследовательский опыт старшеклассников.

8. Вооружение старшеклассников стратегиями поиска информации в сети Интернет обеспечивает быстрое освоение старшеклассниками понятийного аппарата исследуемой проблемы, оперативное получение ответов на информационный запрос, формулирование новых задач и проблем, превращение информации в объект для наблюдений в результате чего происходит интенсификация развития составляющих научного потенциала личности.

Для статистического обоснования выделенных закономерностей мы использовали полученные ранее результаты формирующего эксперимента по отработке модели использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников, а также результаты моделирующего эксперимента, в котором старшеклассники с креа-

тивным и эвристическим уровнем развития научного потенциала выполняли задания в условиях работы с научно-популярным текстом сети Интернет. Проведенный моделирующий эксперимент предполагал увидеть проявления закономерностей использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников при погружении их в проблемные ситуации при работе с текстом.

Работа старшеклассников с научно-популярным текстом сети Интернет моделировала на разных уровнях абстракции вполне типичные для исследовательской практики с использованием сети Интернет действия: постановку проблемы, определение задач исследования, формулирование гипотезы, определение способов ее доказательств, решение информационных задач, определение возможных способов исследования и др. Предполагалось, что результаты ответов на вопросы и выполнение заданий к тексту позволят экспериментатору определить меру реализации педагогических условий, закономерностей развития научного потенциала при погружении в проблемные ситуации с помощью сети Интернет.

Выбор группы испытуемых был связан с наличием у них опыта получения культуротворческих результатов в познавательной деятельности. В эксперименте приняли участие старшеклассники 10 экспериментальных общеобразовательных учреждений г. Белгорода и Белгородской области (135 школьников старших классов). Выделенный нами уровень развития научного потенциала старшеклассников для участия в моделирующем эксперименте основывался на их опыте культуротворческой (исследовательской) деятельности в условиях работы с текстом, что могло обеспечить выявление максимального количества корреляционных связей, необходимых для установления закономерностей.

При анализе полученных познавательных продуктов испытуемыми в условиях смоделированной проблемной ситуации мы использовали подготовленную заранее информацию из сети Интернет о культурных аналогах, находках ученых в рамках решения познавательных проблем, которые были неявно обозначены в предлагаемых участнику эксперимента текстах с ограниченной информацией.

Погружение участников эксперимента в проблемную ситуацию в условиях работы с текстом, отражающим ограниченность исходных данных, позволило обеспечить получение результатов, с помощью которых было проведено экспериментальное обоснование закономерных связей между их предполагаемыми действиями в сети Интернет в условиях проблемной ситуации и их исследовательскими действиями при работе с научно-популярным текстом в группах школьников, разделенных нами по уровню культуротворчества (опыта исследования) на три группы (высокий, средний, низкий).

Для выявления указанных закономерных связей между действиями старшеклассников с различным опытом культуротворческой деятельности в проблемной ситуации нами был осуществлен корреляционный анализ с помощью расчетов коэффициентов корреляции по К. Пирсону на уровне точности 0,05. Выбор метода расчета коэффициентов корреляции был обусловлен проверкой нормальности распределения данных.

Для определения направлений анализа данных нами были выявлены максимальные корреляционные связи между умениями старшеклассников выделять возможности сети Интернет и различными действиями в проблемной ситуации, между направлением использования сети Интернет в проблемной ситуации и конкретными действиями в проблемной ситуации. В зависимости от опыта исследования (культуротворчества) мы наблюдали положительную динамику статистического веса различных действий старшеклассников в проблемной ситуации, связанных с использованием сети Интернет. Изучение количества корреляционных связей показало, что в системе культуротворческих действий в решении проблемной ситуации в каждой из групп с различным опытом исследования, наиболее весомыми являются следующие действия: указание ключевых слов, которые могли бы быть использованы для поиска в условиях исследования, построение предложений по конкретному использованию сети Интернет в усло-



виях выделенной проблемы, предложений по определению возможностей сети Интернет в условиях решения проблемы [3; 4; 5].

Особый интерес для экспериментального обоснования закономерностей вызвал ряд ответов при выполнении заданий к научно-популярному тексту. Так, для обоснования причинно-следственной связи между построением проблемных ситуаций на основе погружения старшеклассников в проблемно-ситуативное информационное пространство сети Интернет по аналогии с научной, профессиональной деятельностью и жизненными реалиями и формулированием ими исследовательских проблем и задач являются важными ответы старшеклассников (для $n=135$), в которых они объясняют свой интерес к выбору ими текста сети Интернет. Выбор текста связан у них прежде всего с интересом к учебному предмету (73 %), с практической направленностью выделенной проблемы (51 %), с интересом к разделу научной области (43 %), с возможностью задуматься над проблемой (40 %), с интересом к теоретической направленности выделенной испытуемым проблемы, с необычным содержанием, представленным в тексте (33 %); менее связан с возможностью получения ответа на конкретный вопрос (21 %); с возможностью критически осмыслить заявленную проблему (13 %), с числом данных (с небольшим количеством неизвестных данных у 8 % испытуемых, с большим количеством неизвестных данных у – 18 %). Полученные ответы свидетельствуют о верном акценте на характеристике проблемно-ситуативного информационного пространства, призванного строить проблемные ситуации по аналогии с научной, профессиональной деятельностью и жизненными реалиями.

О существовании причинно-следственной связи между выбором старшеклассником в результате взаимодействия с образовательной средой сети Интернет на основе своего субъектного исследовательского опыта и личностной рефлексии ресурсов и технологий и появлением новых идей, построением индивидуальных программ исследования, позволяющих наиболее ярко проявиться составляющим научного потенциала личности старшеклассника, свидетельствуют следующие данные выполнения заданий общей выборкой испытуемых старшеклассников: школьники при ранжировании личностных качеств проявляемых при работе с текстом на первое место поставили инициативность как проявление черты своего Я в проблемной ситуации (2,6 баллов); в проблемной ситуации стремление к познавательным достижениям по данным самооценки реализовали 56 % испытуемых школьников, креативный тип мышления – 44 %. Наблюдения в ходе эксперимента показали, что большая часть школьников стремилась тут же получить доступ к полным аналогам научно-популярных текстов. В то же время при сравнении результатов опроса старшеклассников с разным уровнем опыта исследования мы увидели, что для них примерно одинаково значима свобода выбора исследовательской задачи, метода исследования (40 – 47 %). Мы также обратили внимание на следующий факт: проявление инициативности занимает у старшеклассников самый высокий ранг (2,2 – 2,8 балла).

Хотя в моделирующем эксперименте мы не создавали специальных условий, позволяющих реализовать сотрудничество и кооперацию при создании социально-востребованных исследовательских продуктов в сети Интернет, но результаты контент-анализа работ старшеклассников над заданиями к тексту, данные опроса после их выполнения, а также наши наблюдения свидетельствовали об их высокой направленности на обсуждение выделенных ими проблем с другими участниками эксперимента, о стремлении выявить меру познавательных затруднений для запроса педагогической помощи в условиях исследования. Так, при ранжировании личностных смыслов участия испытуемых в исследовательской работе смысл «возможность обсудить решение проблемы» составил у школьников 4,9 балла; в условиях исследования 80 % школьников считают, что обучаемый может вырабатывать собственную позицию при обсуждении хода решения исследовательских задач; 57 % школьников указывают на важность учиться понимать, что в исследовании могут быть использованы различные соображения; 56 % школьников считают, что могут приобрести опыт критического анализа различных взглядов, 39 %

школьников видят особую важность погружения в активные формы совместного исследования.

Полученные результаты эксперимента показали, что интенсификация развития научного потенциала старшеклассников с помощью сети Интернет на основе реализации их готовности эффективно взаимодействовать в разных коммуникативных ситуациях; готовности позитивно воздействовать на других в малой социальной группе действительно происходит при реализации сотрудничества и кооперации в условиях создания социально-востребованных исследовательских продуктов в сети Интернет. В условиях работы с текстом школьники старших классов получили возможность, прежде всего, выработать определенную позицию при анализе различных гипотез (58 %), понять, что в исследовании могут быть использованы различные соображения (техническая реализуемость, экологический аспект, политические и религиозные соображения и др.) (58 %), приобрести опыт критического анализа различных взглядов (42 %).

О том, что обучение старшеклассников научным методам и приемам исследования с помощью программных комплексов, текстовых, графических и видеоматериалов сети Интернет позволяет заметно ускорять исследование окружающего пространства и осуществлять последовательное усложнение исследовательской деятельности от исполнительства к культуротворчеству свидетельствуют следующие результаты моделирующего эксперимента: школьники с более высоким опытом исследовательской деятельности (3 уровень) в меньшей степени ориентируются на использование сети Интернет при поиске методов для решения проблемы при работе с текстом (0 % выборов сценария применения сети Интернет для самых креативных старшеклассников) по сравнению с группой, имеющей наименьший опыт исследования (1 уровень) – 7 %; при определении возможностей сети Интернет для решения выделенной проблемы в третьей группе незначительно выше (46 %), чем в первой отмечается понимание и опыт использования возможностей сети Интернет в моделировании (41 %); 59 % старшеклассников от общей выборки указывают, что в условиях исследования обучаемый может изучать методы и технологии исследования, предполагающие несколько способов решения и получение различных результатов; 51 % старшеклассников от общей выборки указывают на возможности сети Интернет математически обработать результаты исследования.

К предложению изучать теоретические методы исследования, необходимые для решения проблемы, проявляют эмоционально-положительное отношение высокого уровня 33 % старшеклассников, эмоционально положительное отношение среднего уровня – 58 % к предложению изучать экспериментальные методы исследования проявляют эмоционально-положительное отношение высокого уровня – 49 % старшеклассников, эмоционально положительное отношение среднего уровня – 42 %. Но в условиях исследования только 28 % старшеклассников считают, что следует специально изучать методы поиска. Такое распределение ответов говорит о недостаточном уровне использования сети Интернет в условиях учебного поиска в практике обучения, о необходимости повышения уровня научно-методической готовности учителей к использованию сети Интернет в развитии научного потенциала личности.

О создании единства исследовательско-творческой среды, реализации глубины исследования и более высокого уровня освоения дидактических единиц учебной дисциплины с помощью сети Интернет на основе взаимосвязи урочной и внеурочной деятельности старшеклассников свидетельствуют следующие ответы испытуемых после проведенной работы с текстом: 33 % старшеклассников от общей выборки считают, что при работе с текстом их сомнения касались возможности дальнейших поисков, 28 % – методов исследования, 28 % объяснения фактов, 23 % изложенных результатов наблюдений, 12 % – усомнились в приведенных фактах; 40 % – усомнились в полноте представленной информации, 34 % – в теоретических допущениях, 28 % – в методах исследования, 25 % – в экспериментальных допущениях.

Выявление учителем с помощью сети Интернет возможностей для соединения составляющих учебного исследования на уроке, на занятии секции ученического науч-



ного общества позволяет ответить на ряд возникших сомнений школьников, создать исследовательско-творческую среду, повысить уровень глубины исследования, добиться более высокого уровня освоения дидактических единиц учебной дисциплины, а значит и повлиять на развитие научного потенциала старшеклассников.

О том, что педагогическое сопровождение развития личностного роста, составляющих научного потенциала личности старшеклассника в условиях поиска с помощью сети Интернет позволяет интенсифицировать процессы творческого саморазвития его личности свидетельствуют результаты опроса групп старшеклассников, имеющих разный уровень опыта исследования. Так, старшеклассники из группы с высоким уровнем опыта исследования предпочитают меньше (30 %), чем старшеклассники с низким уровнем опыта исследования (63 %) помощь учителя в понимании возможных познавательных и личностных затруднений. В группе с высоким опытом исследования при ранжировании значимости стремления к развитию собственного «Я» в условиях учебного поиска составляет 3,2 балла, в группе с самым низким уровнем опыта исследования – 2,6 балла. Об этом же свидетельствуют данные их опроса (о большей важности в условиях исследования выбора меры помощи говорят старшеклассники с более низким опытом исследования (38 %) и значительно меньше говорят о ее необходимости старшеклассники с более высоким опытом исследования (23 %). При сравнении результатов опроса старшеклассников с разным уровнем опыта исследования мы увидели, что для них примерно одинаково значима помощь педагога в осмыслении хода исследования и получаемых результатов: об этом заявили 60 % старшеклассников с высоким уровнем и 64 % с низким. Приведенные данные отразили выявленную закономерность.

Полученные результаты моделирующего эксперимента подтвердили также закономерную связь между использованием сети Интернет при изучении способов построения стратегий междисциплинарного поиска и при реализации их выбора в условиях получения творческих продуктов исследования. Нами было установлено, что чем выше уровень научного потенциала старшеклассников, тем значимее для них использование стратегий междисциплинарного поиска: 38 % школьников из группы старшеклассников с невысоким опытом исследования и 46% из группы старшеклассников с высоким уровнем опыта исследования убеждена, что в условиях исследования обучаемый получает возможность осознавать значимость междисциплинарного творческого научного поиска. В то же время в осознании драмы и привлекательности научного поиска в условиях учебного исследования видят смысл незначительное количество испытуемых (21 % из группы старшеклассников с невысоким опытом исследования и 18% из группы старшеклассников с высоким уровнем опыта исследования).

При выполнении задания, связанного с формулированием проблемы с позиции другой научной области, на языке другой науки мы наблюдали затруднения школьников, хотя построения ассоциативных цепочек из основных понятий научно-популярного текста при его изложении отражали связи междисциплинарного характера (выполнить предложенное задание смогли 43 % старшеклассников с высоким уровнем опыта исследования; 27 % старшеклассников – с низким уровнем опыта исследования). Работа с текстом, которые выбирали в ходе эксперимента испытуемые, позволила 26 % старшеклассникам от общей выборки пережить привлекательность научного поиска и 39 % старшеклассникам осознать значимость междисциплинарного научного поиска. Полученные данные свидетельствуют о существовании выделенной закономерности в условиях поисковой деятельности школьников.

О том, что вооружение старшеклассников стратегиями поиска информации в сети Интернет закономерно ведет к быстрому освоению ими понятийного аппарата исследуемой проблемы, оперативному получению ответов на информационный запрос, формулированию новых задач и проблем, превращению информации в объект для наблюдений свидетельствуют полученные наблюдения за школьниками в ходе моделирующего эксперимента и их ответы на вопросы специальных заданий. Так, задание, состоящее в представлении научно-популярного текста в виде ассоциативной цепочки из

ключевых слов, вызвало практически у всех старшеклассников высокий интерес. Но построение перечня количества слов, которые школьники могли бы использовать для поиска в сети Интернет информации в условиях начала исследования позволили увидеть их разную подготовку к использованию стратегий поиска в Сети (у школьников с высоким уровнем опыта исследования среднее значение количества слов, составленных для поиска в Сети составило 3,45, у школьников с невысоким опытом исследования – 2,76).

В то же время для оперативного формулирования новых понятий Сеть предлагают использовать только 9 % старшеклассников с высоким уровнем опыта исследования и 20 % с низким; для определения смыслов используемых понятий предлагают использовать Сеть 20 % старшеклассников с высоким уровнем опыта исследования и 39 % с низким. Полученные различия в потребностях использовать возможности сети Интернет для работы с понятиями мы связываем с различиями в активном понятийном запасе у разных групп старшеклассников.

При рассмотрении статистических отличий в понимании старшеклассниками спектра информации, которая может быть найдена в сети Интернет старшеклассники выделенных нами групп не отличаются. Также не имеет статистических отличий среднее значение ранга смысла старшеклассников «использование информационно-коммуникационных технологий для формулирования и решения исследовательских задач» (4,5 – 4,6 балла). Полученные данные отражают педагогический опыт использования сети Интернет в получении тематики исследований и выборе подходов к решению исследовательских задач.

В моделирующем эксперименте мы обратили внимание на творческую активность и интерес школьников при работе с ассоциативными сетями понятий, которые они выстраивали после прочтения текста. Использование сети Интернет позволяет реализовать поиск информации по линиям, включающим ряд понятий, формулировать новые вопросы и задачи, а значит вести старшеклассников к новым достижениям в научном и учебном поиске.

Проведенный нами ранее формирующий эксперимент в школе с высоким уровнем использования сети Интернет позволил нам определить наиболее развитые в выявленных педагогических условиях составляющие учебно-исследовательской культуры и ориентации на исследование старшеклассников на основе статистической обработки данных с точностью 0,05 и соотнести их с выделенными закономерностями. Данные формирующего эксперимента также подтвердили выделенные нами закономерности использования Сети в развитии научного потенциала старшеклассников. Так, рассчитанные в ходе его коэффициенты К. Пирсона на уровне значимости $p=0,01$; $r>0,254$ для $n=100$ показали следующие наиболее значимые связи: между частотой использования сети Интернет в учебной работе и желанием старшеклассников использовать ее ресурсы для получения новой познавательной информации, между уровнем владения способами навигации с помощью поисковых систем и частотой использования сети Интернет при проведении учебных исследований; между показателем интереса школьников к возможностям Интернет для продуктивной познавательной деятельности и желанием использовать Сеть на уроке; между частотой участия старшеклассников в телекоммуникационных проектах, конкурсах, конференциях и частотой использования сети Интернет на уроке, а также частотой использования Интернет-технологий в учебных исследованиях. Полученные результаты свидетельствуют прежде всего о тесной связи целевых установок школьников в условиях продуктивной познавательной деятельности с возможностями Сети, а также о происходящей динамике осознания школьниками познавательных возможностей ресурсов и технологий сети Интернет.

В условиях формирующего эксперимента нами также была изучена приращение развития составляющих научного потенциала старшеклассников. При сравнении с генеральной выборкой старшеклассников нами было обращено внимание на значительное приращение показателей творческой активности и мотивации исследования у старшеклассников экспериментальной школы, в которой наблюдается высокий уровень



использования сети Интернет в продуктивной познавательной деятельности. Отставание в развитии таких составляющих научного потенциала старшеклассников как технологическая готовность к исследованию и научный стиль мышления свидетельствовало о еще недостаточном уровне использования сети Интернет для обучения методам и приемам решения исследовательских задач и проблем, задействовании личностной рефлексии в условиях использования Сети для осмысления познавательных действий.

Таким образом, проведенное нами экспериментальное исследование подтвердило ряд выявленных нами закономерностей, которые отражают устойчивые, повторяющиеся, объективные и необходимые отношения. Следование выявленным закономерностям использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников позволит учителю в практике обучения значительно повысить его составляющие.

Зная тенденции и основные закономерности использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников можно предвидеть, проектировать и корректировать различные явления и процессы его развития. Теоретическое и экспериментальное обоснование тенденций и закономерностей использования сети Интернет в развитии научного потенциала личности дает возможность в дальнейшем более глубоко рассмотреть проявления причинно-следственных связей, отражающих влияние использования сети Интернет на развитие отдельных составляющих научного потенциала личности старшеклассника, выявить синергетический эффект использования закономерностей и тенденций в различных педагогических практиках, дидактических и образовательных системах, разработать педагогические принципы использования сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников для наиболее оптимального и эффективного внедрения педагогических технологий.

Использование полученных результатов позволит более обоснованно и широко внедрять в практику обучения ряд наших научных и научно-методических разработок (педагогических технологий использования сети Интернет на уроке и на занятиях ученического научного общества; педагогической технологии использования сети Интернет в процессе индивидуализации развития научного потенциала старшеклассников; компьютерных диагностик для оценки развития составляющих научного потенциала личности старшеклассников, научно-методической готовности педагогов к использованию сети Интернет в развитии научного потенциала старшеклассника; научно-методических разработок, помещенных на нашем сайте (<http://scool.bsu.edu.ru>); учебного пособия для старшеклассников «Сеть Интернет ученику-исследователю»; электронного учебного пособия в сети Интернет «Портфель достижений старшеклассника»); учебного пособия для студентов педагогических специальностей и педагогов общеобразовательных учреждений «Сеть Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников»; научно-методических подходов для разработки учебных пособий для старшеклассников и студентов педагогических специальностей вузов, отражающих проблемы использования сети Интернет в обучении.

Список литературы

1. Богданова Е. В., Болотова Е. А., Исаев И. Ф., Исаева Н. И. Опыт исследования психологических условий развития научного потенциала личности в контексте культуротворческого подхода // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – № 12 (107), вып. 10. – С. 242 – 246.
2. Исаев И. Ф., Ерошенкова Е. И., Кролевецкая Е. Н. Особенности развития научного потенциала личности на различных уровнях высшего профессионального образования // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – № 6 (101), вып. 9. – С. 311 – 316.
3. Макотрова Г. В. Портфель достижений старшеклассника: учеб пособие. – 2-е изд., перераб. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. – 111 с.
4. Макотрова Г. В. Сеть Интернет ученику-исследователю: учеб пособие для школьников / Г. В. Макотрова, Е. Н. Кролевецкая. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 184 с.
5. Макотрова Г. В. Сеть Интернет в развитии научного потенциала старшеклассников / Г. В. Макотрова / учеб. пособие для студ. пед. спец. / под общей ред. проф. И. Ф. Исаева. – Белгород: Изд-во «ЛитКараВан», 2010. – 276 с.



TENDENCIES AND LAWS OF USE OF THE NETWORK INTERNET IN DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC POTENTIAL OF SENIOR PUPILS

G. V. Makotrova

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Makotrova@bsu.edu.ru*

The article discusses the tendencies and laws of the use of network Internet in development of senior pupils' scientific potential on the basis of theoretical and experimental researches, ways to increase of productivity of the teacher's activity in development of research qualities of the pupil's personality.

Key words: tendencies, laws, scientific potential, network Internet, senior pupils, experiment, theoretical substantiation.



УДК 808.5:81'1

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КУРАТОРИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

А. П. Пересыпкин

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
peressypkin@bsu.edu.ru*

Статья посвящена теоретическому обоснованию нового подхода к решению проблемы организации оптимального коммуникативного высказывания с выделением аналитического комплекса исследования речевого акта, именуемого лингвистической кураторией.

Ключевые слова: риторика, прагматика, речевой акт, энергеальное языкознание, лингвистическая куратория, лингвистика текста.

Из истории риторики известно, что основными терминами в области функционирования языка являются «этос», «пафос», и «логос». Первым из них принято называть условия, которые получатель речи предлагает ее отправителю. Эти условия распространяются на время, место, сроки ведения речи. Тем самым определяется часть содержания речи, по меньшей мере, ее тема, которую получатель может полагать уместной или неуместной. Неуместную речь получатель высказывания всегда вправе отклонить. При этом главным критерием уместности является именно тема речи, при том условии, что время, место и сроки коммуникации согласованы между ее участниками.

Пафосом традиционно обозначается намерение, замысел создателя речи, который стремится развить перед собеседником определенную интересующую его тему. Пафос всегда ограничивается категорией этоса с одной стороны, то есть может реализоваться только в пределах условленного места и времени. Другим ограничением пафоса выступают вербальные средства, которыми располагает отправитель речи для установления контакта с собеседником.

Логосом именуются словесные средства, использованные отправителем высказывания в рамках конкретной речи при реализации ее замысла. Логос категорично требует использовать для воплощения замысла такие вербальные средства, адекватное понимание которых стало бы доступным получателю речи.

Таким образом, этос выступает базисным условием для речи, пафос – является источником создания смысла речи, логос выступает словесным воплощением пафоса на условиях этоса.

Выделение комплекса факторов, оказывающих влияние на структуру и содержание речевого высказывания, оптимального в рамках конкретной коммуникативной ситуации, при наличии весьма продолжительной истории этой проблемы можно обнаружить и в настоящее время.

Так, Н. В. Бардина [1996] препринимает попытку модифицировать приведенную античную классификацию с позиций конфигуративно-энергеального направления исследования единиц речевого потока. Основанием для модификации явились «четыре связанных между собой постулата:

«Постулат 1. Наука о языке как неотъемлемом атрибуте человека возможна только в сфере релятивного антропоцентризма, что предполагает рассмотрение языка как панобъекта, покрывающего три реальности: мир тел, мир духа и мир человека. Адекватности в определении языка, следовательно, можно достигнуть, лишь выйдя из смежное гносеологическое пространство.

Постулат 2. Мир идеального представляет собой сложную динамическую полисистему общечеловеческих, национально-культурных, социальных и личностных стереотипов отражения и актуальной ориентации человека в окружающем мире, циклическую гармонию в разной степени объективированных феноменов.

Постулат 3. Научный анализ сферы идеального возможен лишь постольку, поскольку она принципиально материализуема.

Постулат 4. С позиций антропоцентризма язык представляет собой систему гармонизации субъективного сознания упорядочивающего сопряжения индивидуального и социализированного отражения. Именно язык дает возможность осознать себя как *Homo sapiens*, включая его в систему себе подобных» [1, с. 3].

Признание автором гармонизирующей способности языка содержательным основанием системы привело его к принятию следующих принципов моделирования: «энергеальность (от введенного Аристотелем в научный обиход термина энергеяй 'становление сущности предмета'), конфигуративность (от латинского *configuratio* 'совместное представление') и функциональность.

Принцип энергеальности – это принцип описания языка как соединения изменчивого и стабильного, как движение от идеального к материальному и наоборот» [1, с. 4].

В соответствии с этим принципом, который представляет собой один из вариантов преодоления известной дихотомии Ф. де Соссюра, Н. В. Бардина выделяет «три составляющие языка силы: номос (реч. 'закономерность, лад, напев'), типос (греч. 'отпечаток') и праксис (греч. 'судьба', 'свершение')» [1, с. 4].

По мнению автора, «к номосу можно отнести принципы перцептивного (основанного на непосредственном восприятии материального мира), когнитивного (строящегося на вторичной языковой реальности) и коммуникативного отражения... Типос – система личностных стереотипов языкового отражения... Соединение номоса, типоса и актуального восприятия реальности становится возможным благодаря праксису – акту типизации отражаемого фрагмента мира, «подгонки» его под известные стереотипы лингвальной диакретизации [1, с. 4].

Очевидно, что Н. В. Бардина, выделяя свои три категории языкового описания, лишь в некоторой степени отклоняется от античного представления о «движущих силах» функционирования языковой системы. Новым можно признать лишь определенную «глобализацию» проблемы, расширяющую диапазон языковых исследований от номоса – возможностей, «которые даются всему человечеству» [1, с. 4], до типоса (личностных стереотипов). Более того, теория стереотипов входит в противоречие с представлением сторонников синергетики. К примеру, Г. Хакен утверждает, что «...построение семантики требует высокой степени кооперативности внутри системы и повторного взаимодействия с внешним миром. В этом отношении семантическая информация является не статическим свойством, а процессом, в котором контексты и их соответствие проверяются, усиливаются или отбрасываются снова и снова.... Сознание правильнее считать не статическим состоянием, а процессом, в ходе которого информация непрерывно передается между различными частями мозга и многократно в них обрабатывается.

Очень часто предполагается, что поступающий образ сравнивается с некоторыми шаблонами. Но хранение шаблона потребовало бы весьма большого количества информации. Следовательно, можно представить себе картину в духе синергетики и считать, что только наиболее характерные отличительные черты хранятся в виде параметров порядка и могут быть в случае необходимости вызваны для воссоздания целиком всего образа во всех деталях» [8, с. 52 – 53].

Поиск иных комплексных категорий языковых исследований можно обнаружить в работе [6]. Авторы концентрируют свое внимание не на общей проблеме языка, а на одном из направлений его исследования – лингвистической прагматике. После анализа частных аспектов этого направления они отмечают, что «для общей теории прагматики... приемлема категория *презюмпта*. При этом мы исходим из принятого в правоведении понятия презюмции, как предположения о существовании факта, который считается истинным до тех пор, пока не доказана его ложность. Исходя из этого, под прагматическим презюмptom предлагается понимать любое коммуникативно

значимое и грамматически верно оформленное высказывание, адекватно воспринимаемое реципиентом в сложившейся ситуации общения... В нашем понимании презумпт может учитывать любые, нормативные и окказиональные, проявления успешного речевого общения. С другой стороны, эта категория полностью согласуется с отмеченным еще Г. Хельбигом спектром возможных выражений одного и того же явления в конкретном коммуникативном акте» [6, с. 192].

Из приведенного определения презумпта не совсем ясно, какие конкретно факторы, оказывающие влияние на успешность языкового коммуникативного акта, комплексно формируют эту категорию. Кроме того, следовало бы указать на то, что подобные категориальные единицы предлагались неоднократно и ранее для частных исследований языка в его функциональной сфере. Скажем, для прагматического анализа текста как основной единицы прагматики была предложена такая категория, как «*прагматема*, под которой следует понимать завершённую речевую последовательность, однозначно идентифицирующую определённый сегмент отображаемой внеязыковой действительности с точки зрения места, времени, участников события, авторской модальности» [7, с. 15 – 16].

Действительно, «коммуникация осуществляется через текст, а не через предложение или другие единицы более низкого уровня. Важно при этом то, что этот рефлексивный смысл существует на фоне сложной сети ассоциативных связей и богатой системы коннотаций, которые, с одной стороны, затемняют рефлексивные компоненты смысла, а с другой – позволяют реконструировать этот смысл. Такая постановка вопроса не оригинальна. Однако при его решении исследователи впадают в одну из двух крайностей.

Одна из них связана с обращением к простейшим высказываниям бытовой речи, когда предлагаемые специализированные процедуры воспринимаются как излишние. Однако в этом случае удастся сконструировать ту основу, которая служит базой для моделирования сложных ситуаций. Принципиально при этом то, что при таком подходе предполагается функционирование тех же механизмов, которые присущи и простейшим ситуациям.

Вторая крайность при решении обсуждаемой проблемы проявляется в обращении к текстам, которые включены в крайне неопределённую коммуникативную ситуацию и отличаются большой сложностью структуры. Это беллетристика, сакральные, фольклорные и некоторые другие тексты. Сам материал в данном случае зачастую ведёт к расплывчатости и даже «невыразительности» исследования, порождает сильную зависимость результатов исследования от ценностных ориентаций и вкуса исследователя, которые остаются не эксплицированными» [9, с. 4 – 5].

Последнее утверждение даёт особый стимул к поиску категории, релевантной изучению параметров порождения и восприятия текстов художественной беллетристики на основе анализа частных коммуникативных ситуаций. По нашему мнению, таковой может выступать *лингвистическая куратория*. Этот термин вводится впервые, поэтому требует развернутого пояснения. В его основу положено латинское слово *curator* «тот, кто наблюдает за ходом определённой работы или иным процессом». Словарные материалы немецкого языка указывают на исходное значение «представитель, опекун» и связывают существительное с глаголом *curare* („Sorge tragen“, „sorgen um“) – «опекать, заботиться».

Изначально по-латыни слово *curator* означало легального представителя умиротворённых [4]. В современном мире слово *куратор* используется во многих областях деятельности: говорят о кураторе академической группы (он же тьютор), курирующем врача, кураторе того или иного направления в деятельности банка, биржевой и инвестиционной деятельности, предприятия, политической организации и т. п. Однако наибольшее значение фигура куратора приобрела в области современного искусства.

Куратор не просто технически организует выставки, работу музея или иные арт-проекты, но и является соавтором, так как именно он определяет актуаль-

ность той или иной темы, активно сотрудничает с авторами, помогая им воплощать их идеи и проекты. Сфера деятельности куратора зависит от масштабности проекта. В современном искусстве куратор чаще всего выступает как организатор художественного процесса в рамках конкретного проекта. Куратор создает общую концепцию проекта, разрабатывает стратегию его развития, собирает группу художников под выбранную концепцию и организует условия для воплощения проекта в том или ином виде (публикации, выставки, мастер-классы и т. д.) [11].

Несколько в ином ракурсе содержание этого термина представлено в «Викизнание»: «Куратор (лат.) – попечитель. При учреждении московского университета (1755 г.) поставлены были два куратора в качестве защитников и ходатаев университета перед верховной властью. Впоследствии название это присвоено попечителям учебных округов. В Германии кураторами назывались должностные лица, приставленные к университетам в видах осуществления той части карлсбадских постановлений, которая была направлена против высших учебных заведений. Ныне кураторы – должностные лица, служащие посредствующей инстанцией между министерством и университетами; существуют при прусских и некоторых других германских университетах».

Выбор опорного члена предлагаемого термина обусловлен компонентом значения «посредствующая инстанция», поскольку лингвистическая куратория в нашем представлении выступает посредником между замыслом высказывания и его речевой реализацией в конкретной коммуникативной ситуации. Предлагаемый подход определяется содержанием прагматического направления в языкознании. Для пояснения этого обстоятельства обратимся к пространной выдержке из работ В. В. Богданова: «Исходным для... понимания прагматики будет представление о том, что любое речевое произведение – устное или письменное – является компонентом некой совместной деятельности людей, в силу чего речевое произведение выполняет некоторую практическую функцию. Эта функция и будет квалифицироваться как прагматика в широком смысле. Очевидно, что при таком понимании прагматика может выявляться только в ходе некоторого междисциплинарного исследования, в центре которого будет анализ соответствующего вида деятельности».

В каждом виде деятельности с помощью как внелингвистических, так и лингвистических средств можно вычленишь речевые (коммуникативные) акты. В этих актах участвуют коммуниканты – два или более: один выступает как автор сообщения, а другой (другие) – как реципиент, адресат, слушатель. Между коммуникантами существуют определенные отношения: субординации, эквивалентности и т. д., – однако в любом случае есть асимметрия между автором как отправителем сообщения и реципиентом как его получателем. Предметом собственно лингвистического анализа является текст письменного или устного сообщения, особенности организации его языка. Вместе с тем для прагматики существенно то, какие действия, перлокутивные эффекты производит данное речевое произведение» [2].

На инструментальный характер языка в деятельностном аспекте неоднократно указывал и Г. Хельбиг [12]. В этом смысле язык-инструмент ничем особым (кроме подвижности функциональных элементов) не отличается от любого инструментария. Если, грубо говоря, обратиться к примеру перекапывания грядки, то человек станет выбирать тип лопаты, руководствуясь особенностями почвы, размерами черенка, условиями погоды и пр., то есть кураторией между замыслом перекапывания и выбором орудия труда будет именно комплекс факторов, приведенных выше. В языковой деятельности кураторией будет выступать наличие замысла высказывания (в эллинской трактовке – пафос; типос – в понимании Н. В. Бардиной), коммуникативная ситуация (этос у эллинов, праксис у Н. В. Бардиной), собственная языковая компетенция, языковая компетенция коммуниканта, иллокутивный и локутивный акты, перлокутивный эффект и пр. Собственно весь этот далеко не полный набор факторов (поскольку каждая из названных категорий языкового общения имеет сложную структуру) и соединяется в единую панкатеорию – лингвистическую кураторию, которая и



«диктует» выбор лингвистических средств общения. В этом смысле лингвистическая куратория косвенным образом сопрягается с известной гипотезой Сепира-Уорфа о влиянии языка на сознание его носителей. Кроме того, справедливость выделения этого феномена в известной степени подтверждается нейрофизиологическими исследованиями деятельности человеческого мозга при восприятии речевого высказывания. Об этом свидетельствует опыт специальной лаборатории Лейпцигского института им. Макса Планка:

«Группой, возглавляемой Ангелой Фридрици, установлены три основных фазы понимания высказывания. На первой, занимающей 160 миллисекунд, – мозг анализирует грамматическую структуру предложения. «Тысячекратно повторяясь, грамматическая информация постепенно образует замкнутую систему. Мозг превращает это знание, так сказать в hardware, чтобы больше над ним не задумываться», – так Фридрици объясняет поразительно высокую скорость первой фазы. Зато обращение к внутреннему словарю происходит не так быстро. Значения слов анализируются на второй фазе уже 200 – 600 миллисекунд. На третьей фазе в течение 700 миллисекунд идет взаимная подгонка значений слов и структуры предложения. Если система находит ошибку, процесс анализа начинается с начала. Пример «сбоя» в анализе иллюстрируется следующим примером: «Мы предлагаем испытуемым выслушать предложения и измеряем мозговые токи... Возьмем типичное начало предложения "Он сел на..." Далее все ждут существительного, скажем, "стул". Вместо него мы подставили глагол "стал": "Он сел на стал". Идея была в том, чтобы спровоцировать мозг на возмущение. Эксперимент удался. Через 160 миллисекунд, еще не распознав значение слова, мозг с повышенной активностью реагировал на ошибку» [5, с. 48].

Далее автор публикации, ссылаясь на высказывание А. Фридрици, сообщает: «Экспериментальные данные дают основание полагать, что синтаксис, грамматика – вот суть языка. Если вообще какая-то часть языка заложена в нейронах, то скорей всего именно эта. Слова, как полагает А. Фридрици, могут выучить и обезьяны, и попугаи. Известно, некоторые ученые полагают, что грамматика – врожденное качество человека, вернее, его мышления. Однако А. Фридрици утверждает, что сама по себе грамматика не врождена, но, несомненно, врожденной является способность усвоить ее как систему правил. Как показало изучение быстроты процесса распознавания, маленькие дети реагируют не так быстро, справляясь с анализом грамматики в среднем за 260 миллисекунд. Отсюда следует постулат о том, что грамматике мы учимся так же, как езде на велосипеде. Наступает момент, когда мы больше не задумываемся о структуре языка, а просто им пользуемся. Более того, результаты экспериментов дают А. Фридрици основание для довольно категоричного утверждения: «Для меня очевидно, что именно синтаксис отличает человеческий язык от других коммуникативных систем. Но распознавание синтаксических структур происходит как раз совершенно бессознательно. Если же мы заявляем, что человек обладает сознанием потому, что использует язык, а главное, что отличает язык, бессознательно, то здесь что-то не сходится» [5, с. 49].

Перспектива дальнейших исследований функциональной стороны языка с использованием комплексов-лингвистических кураторий, на наш взгляд, может пролить свет на то, что «здесь не сходится». Более того, эти исследования должны сделать уклон на отправителя высказывания и соотнести показатели с параметрами деятельности его получателя.

Список литературы

1. Бардина Н. В. Конфигуративно-энергеальные единицы речевого потока / Н. В. Бардина // Семантика языковых единиц: Доклады V Международной конференции. – М.: Физкультура, образование и наука, 1996. – Т.1. – С. 3 – 5.
2. Богданов В. В. Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 88 с.
3. Богданов В. В. Текст и речевое общение / В. В. Богданов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1993. – 68 с.



УДК 37.018

ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ СПОРТИВНЫХ ЕДИНОБОРСТВ

В. Д. Сен

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
fighter45@yandex.ru*

В статье рассматриваются результаты экспериментальной работы по реализации технологии нравственно-волевого воспитания подростков, занимающихся спортивной дисциплиной кудо. Технология разработана с учетом комплекса педагогических условий средствами спортивного единоборства кудо.

Ключевые слова: технология нравственно-волевого воспитание, спортивные единоборства, педагогические условия.

Большое значение в воспитании современных российских школьников имеют занятия спортивными единоборствами: как ставшими уже классическими видами, которые входят в программу олимпийских игр, так и относительно новыми дисциплинами. Количество детей занимающихся единоборствами измеряется сотнями тысяч. Государство, обращая внимания на этот факт, в целях координации и систематизации деятельности различных федераций боевых искусств создало организацию «Российский союз боевых искусств» (РСБИ).

РСБИ занимается популяризацией и развитием боевых искусств во всех регионах России, регулярно проводит крупные мероприятия всероссийского и международного уровня. Важнейшей задачей функционирования РСБИ и отдельных федерации единоборств является воспитание подрастающего поколения. Занятия боевыми искусствами призваны развивать не только физические кондиции воспитанников и силу воли, но в первую очередь должны служить целям морального, духовного становления личности. В противном случае изучение навыков ведения рукопашного поединка школьниками может привести к нежелательным последствиям для общества.

Необходимость педагогического обоснования преподавания боевых искусств детям школьного возраста и внесения нового содержания в систему дополнительного образования определяют актуальность проведенного нами исследования, в ходе которого были выявлены педагогические условия, разработана и апробирована технология нравственно-волевого воспитания подростков средствами одного из новых видов единоборств – кудо.

Анализ литературы по проблеме воспитания спортсменов показал, что еще основоположник отечественной системы физического образования и воспитания П. Ф. Лесгафт указывал на тесную связь нравственного воспитания с физическим, на возможность формирования нравственных качеств в процессе занятий физической культурой и спортом [5].

Идеи П. Ф. Лесгафта получили дальнейшее развитие в отечественной науке. Различные аспекты нравственно-волевого воспитания в спортивной деятельности исследовали В. В. Белорусова, А. А. Деркач, Т. Т. Джамгаров, К. П. Жаров, Е. Л. Журкина, Ю. И. Зотов, Е. П. Ильин, В. Н. Казанцев, Н. В. Могильный, М. Я. Набатникова, Н. Г. Озолин, А. Ц. Пуни, П. А. Рудик, И. Н. Решетень, А. А. Тер-Ованесян, Е. П. Ильин, Н. Б. Стамбулова и др.

Несмотря на то, что спортивная деятельность обладает большим воспитательным потенциалом, на практике она не всегда используется в качестве средства воспитания и развития детей [2].

Органическая связь нравственных и волевых свойств личности определила появление в педагогике такого направления воспитания как нравственно-волевого. Нравственно-волевого воспитания подростков средствами восточного единоборства

мы рассматриваем как целенаправленный процесс формирования нравственно-волевых качеств и опыта поведения подростков, на основе преодоления трудностей спортивной деятельности, изучения традиций боевых искусств, общения подростка в разновозрастном спортивном коллективе, положительного влияния личности тренера. Структура нравственно-волевого воспитания представлена единством когнитивного, эмоционального, волевого, мотивационно-потребностного и поведенческого компонентов.

В результате воспитательного взаимодействия в личности подростка происходят изменения, проявляющиеся в формировании и развитии нравственно-волевых качеств. М. Я. Виленский, В. Н. Казанцев определяют нравственно-волевые качества личности как сложные социально-детерминированные личностные образования, позволяющие личности разрешать внутренние противоречия между собственными чувствами и желаниями, осознанными требованиями общества и реальными поступками [2].

Теоретический анализ литературы по проблеме нравственно-волевого воспитания подростков в физкультурно-спортивной деятельности, изучение опыта нравственно-волевого воспитания детей в системе дополнительного образования, анализ собственной педагогической деятельности автора в качестве тренера кудо и руководителя Белгородской региональной Федерации кудо, данные экспертов позволили нам выделить комплекс педагогических условий нравственно-волевого воспитания подростков средствами восточного единоборства кудо: формирование у подростков представлений об эталоне нравственно-волевого поведения спортсмена-единоборца; организация деятельности подростков, направленной на формирование опыта нравственно-волевого поведения; обеспечение педагогического взаимодействия тренера с семьей и школой по созданию целостной воспитательной среды; диагностика и учет индивидуальных особенностей нравственно-волевой сферы подростков; создание воспитательных ситуаций, стимулирующих формирование нравственно-волевых качеств [4; 8].

С учетом выделенных педагогических условий нами была разработана и экспериментально апробирована технология нравственно-волевого воспитания подростков средствами восточного единоборства кудо.

Технология нравственно-волевого воспитания подростков средствами восточного единоборства кудо, включает три этапа: ценностно-ориентационный; развития и гармонизации; совершенствования и генерализации нравственно-волевых качеств. На всех этапах смещаются акценты преимущественного воздействия на структурные компоненты нравственно-волевой сферы: когнитивный, эмоциональный, волевой, мотивационный и поведенческий. Цели и задачи этапов определяют специфику спортивной деятельности, роль и позицию педагога, формы и методы воспитания, а также особенности педагогического взаимодействия с родителями и школой, направленного на повышение эффективности нравственно-волевого воспитания юных спортсменов.

I этап – ценностно-ориентационный. Продолжительность первого этапа – шесть месяцев. Этап сопряжен с начальным периодом обучения спортивной дисциплине и предполагает: ознакомление воспитанников с историей кудо, традициями боевых искусств, обучение базовой технике кудо, основным упражнениям разминки и общей физической подготовки, освоение специализированной терминологии, ознакомление с этикетом восточных единоборств, правилами поведения спортсмена школы кудо, приучение к самостоятельному планированию спортивного режима. Первые дни, недели и месяцы занятий кудо имеют важнейшее значение для нравственно-волевого воспитания подростка. Первый этап технологии получил название – ценностно-ориентационный, потому что его целью стало создание в спортивном коллективе ценностно-значимой среды.



Таблица 1

Характеристика этапов технологии нравственно-волевого воспитания подростков средствами единоборства кудо. Целевой и деятельностный аспекты

Этапы технологии	Основные цели и задачи этапов	Акценты в воздействии на компоненты нравственно-волевой сферы	Виды коллективной деятельности, направленные на развитие нравственно-волевых качеств	Виды спортивной деятельности, направленные на развитие нравственно-волевых качеств
I. Ценностно-ориентационный	Актуализация нравственно-волевого потенциала	Когнитивный и эмоциональный	Совместное усвоение этикета кудо, дисциплинарных правил и организационных требований	Изучение разминочного комплекса, базовой техники кудо, ОФП
II. Развития и гармонизации	Закрепление нравственно-волевых качеств в чертах характера	Мотивационный и волевой	Участие в творческих проектах (праздниках, акциях, мероприятиях различного уровня), организация летнего лагеря	Боевая практика, аттестационные мероприятия, соревнования
III. Совершенствования и генерализации	Создание условий для реализации нравственно-волевого потенциала в спортивной и неспортивной деятельности	поведенческий	Инструкторская подготовка, выполнение обязанностей командиров отрядов в летнем спортивном лагере	Подготовка и участие в соревнованиях высокого уровня, опыт судейской практики

Таблица 2

Инструментальный и интерактивный аспекты

Этапы технологии	Позиция педагога, определяющая специфику межличностного взаимодействия педагог-воспитанник	Ведущие формы и методы воспитания	Педагогическое взаимодействие с родителями и школой
I. Ценностно-ориентационный	Педагог-сенсей (учитель в широком смысле, носитель традиций боевых искусств)	Убеждение, приучение, личный пример тренера	Родители содействуют созданию непротиворечивой ценностной среды
II. Развития и гармонизации	Педагог-тренер	Требование, поощрение и наказание, сравнение, создание преднамеренных педагогических ситуаций	Родители и учителя стимулируют нравственно-волевое становление
III. Совершенствования и генерализации	Педагог-наставник	Педагогическое общение, поручение, доверие	Родители и учителя поддерживают стремление к достижению высоких результатов, делегируют выполнение ответственных поручений

Ведущим на первом этапе выступало выявленное нами педагогическое условие – формирование у подростков представлений об эталоне нравственно-волевого поведения спортсмена-единоборца. Осуществлялась коррекция представлений воспитанников о целях занятий восточным единоборством. Подросткам объяснялось, что занятия в школе кудо необходимы им, в первую очередь, как инструмент самосовершенствования физических и нравственно-волевых качеств, воспитания характера, гуманного и уважительного отношения к людям. Большую роль в нравственно-волевом воспитании подростка на данном этапе технологии играет формирование спортивного коллектива. Сплочение вокруг общих целей и ценностей создает из членов спортивной команды референтную группу для подростка. Это способствует воспитанию чувства долга и ответственности перед коллективом.

II этап – развития и гармонизации нравственно-волевых качеств. Второй этап технологии направлен на развитие нравственно-волевых качеств, закрепление их в чертах характера, гармонизацию нравственного и волевого потенциалов личности.

Если на первом этапе технологии преобладало влияние на когнитивный и эмоциональный компоненты нравственно-волевой сферы, то на втором этапе акценты смещались на мотивационную и волевою. Воспитательное воздействие на личность на этом этапе проявляется в формировании потребностей в нравственно-волевом поведении. Ведущими на втором этапе являются такие педагогические условия, как: организация деятельности подростков, направленной на формирование опыта нравственно-волевого поведения; создание воспитательных ситуаций, стимулирующих формирование нравственно-волевых качеств. Включение в социальную коллективную деятельность на этом этапе направлено на мотивирование подростков к нравственно-волевым поступкам. На волевою сферу преобладающее влияние оказывает физкультурно-спортивная деятельность и преодоление связанных с ней трудностей.

На втором этапе технологии решающее значение в нравственно-волевом становлении юных спортсменов приобретает собственно спортивная деятельность: преодоление физических нагрузок, соблюдение спортивного режима, участие в соревнованиях и технических аттестациях.

Для одновременного решения технико-тактических и воспитательных задач на тренировках использовались преднамеренные педагогические ситуации. Содержание преднамеренных педагогических ситуаций определялось воспитательными целями, которые ставили педагоги, но наиболее универсальной являлась ситуация поединка неравных соперников.

Преднамеренные педагогические ситуации моделировались и для направленного развития того или иного нравственно-волевого качества. Например, воспитанник по команде тренера развивал атаку, несмотря на действия соперника, что требовало от него проявления решительности и т. д. Моделирование преднамеренных педагогических ситуаций также использовалось в целях повышения самооценки менее одаренных или неуверенных в себе воспитанников.

Большое значение для нравственно-волевого воспитания подростков, занимающихся спортивной дисциплиной кудо, имеет участие в аттестационных поединках и соревнованиях. На соревнованиях педагог может сделать выводы об уровне и особенностях развития нравственно-волевых качеств подростка. Основные трудности во время соревнований по кудо, использовавшиеся для формирования нравственно-волевых качеств юных спортсменов были следующие: необходимость переносить большие физические и психологические нагрузки; соблюдение регламента соревнований, ожидание поединков, переодевание в кимоно синего или белого цветов на фоне нарастающего утомления; строгость правил, система наказаний за их



нарушения; возможность необъективного судейства; адаптация к новым условиям и месту проведения соревнований; непредсказуемость в действиях соперника; волнение.

На втором этапе тренеры расширяли знания подростков о нравственности, воле, нравственно-волевых качествах. Был проведен ряд бесед на темы морали, обсуждались такие категории этики, как добро и зло, справедливость, достоинство, честь, ребятам пояснялось, как эти явления социальной жизни проявляются в спорте.

Важнейшими задачами, стоящими перед педагогами на втором этапе технологии были включение подростков в коллективную социальную деятельность и создание ситуаций воспитывающей деятельности. Коллектив юных кудоистов был задействован в спортивных, детских, молодежных праздниках, пропагандистских акциях, концертах, и других мероприятиях различного уровня и масштаба. Большой воспитательный эффект имели ситуации, когда подростки выступали не только в качестве объекта, но и в роли субъекта воспитания.

Погружение подростков в общественно-полезную деятельность было направлено на формирование у них опыта общественного поведения. Интерес к социальной жизни, признание сверстников и взрослых, вызывали у ребят желание соответствовать декларируемому ими же идеалу человека – здорового телом и духом. Особое значение для нравственно-волевого воспитания подростков на этом этапе технологии имела организация летнего спортивного лагеря.

III Этап – совершенствования и генерализации нравственно-волевых качеств. Этот этап по времени сопряжен с периодом спортивного совершенствования. Тренировочная нагрузка возрастает, ребята выступают на соревнованиях различного ранга. Лучшие спортсмены выходят на всероссийские и международные соревнования.

Задачи третьего этапа технологии заключаются в дальнейшем совершенствовании нравственно-волевых качеств, формировании таких сложных нравственно-волевых качеств личности, как мужество, отвага, героизм. Педагоги ставили задачу добиться проявления нравственно-волевых качеств в различных сферах жизни воспитанников, в том числе в семье и школе, что является показателем их генерализации. Содержание третьего этапа технологии определило смещение акцента педагогического воздействия на поведенческий компонент нравственно-волевой сферы личности подростка.

Педагог на этом этапе технологии выступает и в качестве тренера, и в роли наставника, старшего товарища. Старшие ученики в кудо называются сэмпаями, они помогают сенсею – учителю в организации занятий, воспитании младших учеников. Они уже не просто участвовали в различных выступлениях, а отвечали за их подготовку. Привлечение старших учеников к педагогическому процессу распространялось и на спортивную деятельность. Начиная с зеленого пояса, до которого ученики доходят за 4 – 5 лет, спортсмены проходили инструкторскую практику. Она заключалась в помощи тренеру при проведении занятий в своей группе или в группах младших учеников. Таким образом, реализация третьего этапа технологии была направлена на создание условий, когда старший подросток сам распространял нормы этики кудо, делился с младшими товарищами опытом нравственно-волевого поведения в различных обстоятельствах спортивной деятельности.

Особенности физкультурно-спортивной деятельности на третьем этапе технологии, влияющие на совершенствование нравственно-волевого потенциала спортсмена были обусловлены высоким уровнем сложности и ответственности соревнований, на которых участвовали юные спортсмены в этом периоде. Кроме соревновательной и инструкторской, старшие подростки осваивали и судейскую практику. Выступление в роли судьи на тренировочных поединках и клубных соревнованиях требовало от подростков высокой организованности, дисциплинированности, самостоятельности, честности, принципиальности,

независимости и деликатности. В различных ситуациях оценивания спортсменов, подростки сталкивались с этическими проблемами справедливости и несправедливости и необходимостью их разрешения. Таким образом, на третьем этапе технологии осуществлялось совершенствование нравственно-волевых качеств и опыта нравственно-волевого поведения. Уровень развития нравственно-волевых качеств, с одной стороны, определяет успешность осуществления физкультурно-спортивной деятельности подростков, с другой – сам изменялся в процессе ее осуществления.

В ходе формирующего эксперимента были проведены контрольные срезы (начальный, промежуточный и итоговый) для отслеживания динамики изменений нравственно-волевой воспитанности юных спортсменов. Для объективной оценки нравственно-волевой воспитанности подростков нами были разработаны критерии и показатели, обусловленные целями деятельности по формированию нравственно-волевой сферы личности подростка. В качестве критериев нравственно-волевой воспитанности мы определили сформированность нравственно-волевых качеств и опыта нравственно-волевого поведения подростка.

Критерий «сформированность нравственно-волевых качеств» характеризует нравственно-волевой потенциал личности. Критерий раскрывается показателями: сформированность простых (первичных) и сложных (вторичных) нравственно-волевых качеств. Простые (первичные) нравственно-волевые качества: чувство долга; ответственность; целеустремленность; настойчивость; упорство; смелость; решительность; выдержка; самообладание. Сложные (вторичные) нравственно-волевые качества: самостоятельность; инициативность; дисциплинированность; организованность; принципиальность; самоотверженность; мужество; героизм.

Критерий нравственно-волевой воспитанности подростка – «сформированность опыта нравственно-волевого поведения», введен нами для определения возможностей подростка к реализации нравственно-волевого потенциала. Критерий определяется следующими показателями: опыт нравственно-волевого поведения в физкультурно-спортивной деятельности (в ходе тренировочного процесса, на соревнованиях, в творческой и общественной деятельности спортивного коллектива) и опыт нравственно-волевого поведения вне физкультурно-спортивной деятельности (в школе, в семье).

Диагностика сформированности нравственно-волевых качеств осуществлялась с помощью методики Н. Е. Стамбуловой, диагностика сформированности опыта нравственно-волевого поведения осуществлялась с помощью метода экспертных оценок [3].

В результате исследования был разработан ряд практических рекомендаций педагогам для обеспечения процесса нравственно-волевого воспитания подростков, занимающихся кудо:

1. С первых дней занятий кудо ученик должен получить правильную, с точки зрения нравственно-волевого воспитания установку на смысл его занятий боевым единоборством. Тренер должен сформировать у подростков представление о том, что занятия в школе кудо необходимы им, как инструмент самосовершенствования физических и нравственных качеств; воспитания сильного, волевого характера; гуманного, великодушного и уважительного отношения к людям;

2. Важнейшими источниками нравственно-волевого становления подростков на начальном этапе занятий являются изучение истории, этикета, девиза школы кудо. Коллективное освоение этикета вызывает групповую саморегуляцию. Ученики охотно включаются в процесс самоконтроля и контроля поведения членов группы, чем педагог создает предпосылки для усиления роли коллектива в нравственно-волевом воспитании его членов;

3. Воспитание дисциплинированности, самостоятельности и организованности на первом этапе технологии осуществляется через обучение подростков правильно планировать режим дня, готовить инвентарь спортивного зала к занятиям. Изучение

базовой техники необходимо использовать для формирования у занимающихся выдержки, терпения, настойчивости и целеустремленности;

4. Для усиления воспитательного воздействия на нравственно-волевую сферу юных спортсменов, тренер должен организовать педагогическое взаимодействие с родителями и учителями. Цель его создание непротиворечивой ценностной среды;

5. Необходимо использовать индивидуальный подход к воспитанию: предоставлять максимум возможностей для проявления и развития нравственно-волевых качеств каждого воспитанника, с уважением относиться к своеобразию личности подростка, воспитывать у юных спортсменов умение учитывать особенности друг друга в различных видах совместной деятельности, использовать возможности и способности каждого ребенка в интересах коллектива;

6. Обязательным моментом воспитательной работы является диагностика нравственно-волевой воспитанности подростков, отслеживание динамики развития их личности;

7. Спортивный коллектив кудоистов необходимо задействовать на спортивных, детских, молодежных праздниках, пропагандистских акциях, концертах, и других мероприятиях. Совместное коллективное творчество, участие в общественной жизни сплочает команду, воспитывает у них такие нравственно-волевые качества, как ответственность, организованность, самостоятельность, инициативность, дисциплинированность;

8. Необходимо мотивирование воспитанников к продолжению занятий кудо на длительный срок. Для этого педагог должен помочь подросткам поставить конкретные отдаленные и промежуточные цели деятельности;

9. Для одновременного решения технико-тактических и воспитательных задач необходимо использование преднамеренных педагогических ситуаций во время тренировочных занятий: в целях направленного развития того или иного нравственно-волевого качества, повышения самооценки менее одаренных или отстающих воспитанников;

10. Старших подростков необходимо привлекать к инструкторской и судейской практике. Выступление в роли судьи на тренировочных поединках и клубных соревнованиях требует от подростка высокой организованности, дисциплинированности, самостоятельности, честности, принципиальности, независимости и деликатности. В различных ситуациях оценивания спортсменов, подростки сталкиваются с этическими проблемами справедливости и несправедливости. Это способствует более глубокому совершенствованию нравственно-волевых качеств;

11. Выступления на соревнованиях высокого уровня сопряжены с высокими физическими и психологическими нагрузками. Педагог должен оказывать психологическую поддержку воспитанникам, мотивировать их на высокий результат. Выдающиеся успехи спортсменов необходимо освещать в средствах массовой информации, чтобы они чувствовали общественную значимость своего спортивного труда, а другие ребята равнялись на них. Это стимулирует у подростков дальнейшее развитие чувства долга и ответственности.

Список литературы

1. Белорусова В. В. Воспитание в спорте. – М. : Физкультура и спорт, 1974.
2. Виленский М. Я. Нравственно-волевое воспитание учащихся ДЮСШ: теория и практика / М. Я. Виленский, В. Н. Казанцев // Физическая культура. – 1997.
3. Ильин Е. П. Психология воли : учеб. пособие для пед. учеб. заведений. – СПб. : Питер, 2000.
4. Исаев И. Ф., Сен В. Д. Нравственно-волевое воспитание подростков средствами кудо/ Исаев И. Ф., Сен В. Д.: Монография – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 160 с.
5. Лесгафт П. Ф. Избранные педагогические сочинения. М. : Педагогика, 1988.
6. Озолин Н. Г. Молодому коллеге. – М. : Физкультура и спорт, 1988.



7. Пуни А. Ц. Воспитание воли спортсмена. – Ленинград, 1958.
8. Сен В. Д. Педагогические условия нравственно-волевого воспитания подростков в процессе занятий кудо // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – № 6 (11), вып. 5. – с. 169 – 176.
9. Тер-Ованесян А. А. Педагогика спорта. – Киев : Здоров'я, 1986.

EDUCATION OF PUPILS BY MEANS OF FIGHTING ARTS

V. D. Sen

***Belgorod National
Research University***

***e-mail:
fighter45@yandex.ru***

The article reviews the results of experimental work on realization of technology of will-power and morality cultivation of teenagers, who are going in for kudo. Technology is elaborated with taking into consideration the complex of pedagogical conditions of will-power and morality cultivation of teenagers by means of kudo as sports combat.

Key words: technology of will-power and morality cultivation, sports combat, pedagogical conditions.



ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923-053.67

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ КАРТИНЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЖЕНЩИНЫ НА ЭТАПЕ ПОЗДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

А. Н. Афанасьева

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
afasasha87@mail.ru*

Статья посвящена изучению особенностей субъективной картины жизненного пути женщины в поздней взрослости. Раскрывается сущность понятия субъективной картины жизненного пути с позиции событийного подхода к исследованию жизни личности, выделяются её основные функции и структурные компоненты. Выявлены особенности жизненного пути личности на этапе поздней взрослости, которые проявляются во временной ориентации, в событийно-содержательной структуре жизненного пути и в отношении личности к нему и к себе, как его субъекту.

Ключевые слова: субъективная картина жизненного пути личности, событие, временная ориентация, ретроспектива, перспектива, метафоры жизни и субъекта жизненного пути.

Эпоха социальных и экономических перемен и кризисов, сложные условия общественной жизни, высокий темп жизни, часто неадекватный её глубине и содержанию, требуют от современного человека выбора правильной жизненной линии, способствующей достижению самореализации в будущем. Поэтому актуальными становятся проблемы ценностного отношения человека к времени жизни, своевременности, организации и выстраивания личностью собственного жизненного пути.

Психологии жизненного пути личности является одним из наиболее динамично развивающихся направлений современной психологии. Её самостоятельный статус среди отраслей и разделов современной психологии конституируется собственным предметом и оригинальным методом его познания [1]. Жизненный путь личности выступает в качестве объекта междисциплинарного познания, в структуре которого свой предмет находит психология жизненного пути [там же]. На сегодняшний день в отечественной психологии существуют различные трактовки предмета и метода психологии жизненного пути личности. Н. А. Логинова считает, что предметом - жизненный путь и личность как субъект жизнедеятельности-жизнетворчества, а методом психологии жизненного пути является биографический метод [2]. К. В. Карпинский утверждает, что неверно было бы думать, что сам по себе жизненный путь личности является предметом психологического исследования [1]. В субъектном подходе к исследованию жизненного пути личности в качестве предмета психологии жизненного пути выступают способы организации времени конкретной деятельности и жизни в целом (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульхановой-Славская, В. И. Ковалев, В. Ф. Серенкова, Н. Ю. Григорьевская, Т. Н. Березина и др.), в событийном – субъективное восприятия времени жизни и субъективная картина жизненного пути личности (А. А. Кроник, Е. И. Головаха, Р. А. Ахмеров, Н. А. Логинова, В. В. Нуркова и др.).

В контексте нарративного подхода ведутся исследования культурнообусловленного процесса создания человеком истории собственной жизни (Д. Макадамс, Т. Сарбин, Е. Е. Сапогова, Д. А. Кутузова и др.) Наше исследование жизненного пути личности в период поздней зрелости опирается на основные положения событийного подхода.

В концепциях, которые относятся к событийному подходу к жизненному пути личности, исследуются внутренняя репрезентация жизненного пути как последовательности событий, субъективное восприятие, осознание и переживание времени жизни. Поэтому центральными понятиями данного подхода являются понятия «жизненное событие» и «субъективная картина жизненного пути». Данный подход к исследованию жизненного пути предложен и развит, прежде всего, в причинно-целевой концепции жизненного пути А. А. Кроника, Е. И. Головахи и Р. А. Ахмерова [3; 4]. В русле событийного подхода к жизненному пути личности проводятся биографические исследования Н. А. Логиновой, В. В. Нурковой и Е. Ю. Коржовой и др. [5; 2; 6].

Одним из центральных понятий событийного подхода к исследованию жизненного пути личности является «жизненное событие». Существуют разные подходы к определению сущности данного понятия. Так, С. Л. Рубинштейн в качестве события рассматривает «узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути человека, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется жизнь человека» [7, с. 112]. В исследованиях Н. А. Логиновой, ученицы Б. Г. Ананьева, под событием, как единицей анализа жизненного пути личности, понимаются «изменения в условиях жизни человека, его внутреннем мире и состоянии здоровья, в поступках, семье и быту, на работе, учебе, в сфере досуга» [2, с. 34]. В. В. Нуркова считает, что автобиографическим является только такое событие, которое изменяет ценностную структуру личности [6, с. 67]. Е. Ю. Коржова говорит о том, что событие – «это поворотный этап жизненного пути, когда принимаются важные решения на длительное время» [5, с. 47]. В концепции А. А. Кроника и Е. И. Головахи под событием понимается «изменение во внешней среде (природной и социальной), во внутреннем мире человека (мыслях и чувствах), в его действиях и поступках» [3, с. 34]. Таким образом, все авторы в качестве основного признака события выделяют жизненные изменения, существенные в контексте всей жизни человека.

В основе событийной концепции психологического времени лежат представления о жизненном пути личности Б. Г. Ананьева, который впервые осуществил синтез собственно жизненной и возрастной периодизации [8]. Б. Г. Ананьев выдвинул проект новой науки о целостном психобиосоциальном развитии, которую назвал "онтопсихология". Таким образом, психологическое исследование бытия человека представляет собой исследование онтогенеза индивида и социально-исторического жизненного пути личности [8, с. 39]. Онтогенез и жизненный путь личности представляют собой формы индивидуального развития человека. Б. Г. Ананьев считал, что именно исследования жизненного пути личности дают возможность выявить и описать обстоятельства, поступки, виды деятельности и отношений, в которых данная личность сформировалась. Понятие субъективная картина жизненного пути также впервые было предложено Б. Г. Ананьевым. Он не дал развернутого определения понятию, но выделил несколько его существенных моментов. Субъективная картина жизненного пути, во-первых, представляет собой важнейшую характеристику самосознания человека; во-вторых, всегда развернута во времени, в ней отражены вехи социального и индивидуального развития, которые фиксируются в биографо-исторических датах главных событий жизненного пути и, в-третьих, связывает для человека в единой системе отсчета биологическое, психологическое и историческое время [9].

В причинно-целевой концепции А. А. Кроника и Е. И. Головахи под субъективной картиной жизненного пути понимается «психический образ, в котором отражены социально обусловленные пространственно – временные характеристики жизненного пути (прошлое, настоящее, будущее), его этапы, события и их взаимосвязи. Этот образ выполняет функцию долговременной регуляции и согласования жизненного пути



личности с жизнью других людей» [4, с. 29]. Данного определения субъективной картины жизненного пути мы будем придерживаться в нашем исследовании.

В рамках данного подхода проводились исследования особенностей субъективной картины жизненного пути инвалидов (Т. Ч. Зунг и др.), людей с наркотической и алкогольной зависимостью (В. С. Хомик и др.), людей различных национальностей и конфессий (Р. А. Ахмеров и др.) [3; 4]. В то же время недостаточно внимания уделяется исследованию возрастных особенностей и возрастной динамики субъективной картины жизненного пути личности. Значимость подобных исследований связана с особым статусом понятия жизненного пути в психологии развития, а не только в психологии личности. И. С. Кон отмечает, что термины, в которых психология развития описывает возрастные процессы, уходят своими корнями в биологию и подразумевают, прежде всего, онтогенез, а реальная биография, жизненный путь индивида значительно богаче и шире онтогенеза. Они включают также историю формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения. Он указывает, что содержательная характеристика процессов, свойств и стадий индивидуального развития возможна либо в системе онтогенеза, либо в системе жизненного цикла, либо в системе жизненного пути. Однако эти системы не рядоположены: жизненный путь личности включает в себя жизненный цикл индивида, а он, в свою очередь, включает онтогенез. Помимо таких объективных, внешних параметров как биологический, социальный и психический возраст, существует и такое субъективное, переживаемое измерение, как психологический возраст, который зависит от напряженности, событийной наполненности жизни и субъективно воспринимаемой степени самореализации личности. Поэтому возрастные различия — не просто «следствие универсальных этапов онтогенеза, а результат сложного переплетения траекторий индивидуального психического развития, общественно-производственной, трудовой карьеры и брачно-семейного цикла» [10, с. 47]. В основе периодизации жизненного пути взрослой личности лежат не линейные, раз и навсегда определенные фазы, а конкретные жизненные события [там же].

К. А. Абульханова отмечает, что возрастная периодизация Л. И. Божович, Д. Б. Эльконина и др. недостаточно связана с особенностями жизненного пути личности. Кроме того, сосредоточенность отечественной психологии в основном на становлении личности ребенка, привела к тому, что фактически не проводились исследования достижений взрослой личности [11]. Если в детской психологии развитие рассматривается в рамках выделенных и описанных стадий, то в психологии развития взрослого человека стадиями развития становятся индивидуальные этапы жизненного пути. К.А. Абульханова также указывает, что исследование в масштабах жизненного пути противостоит традиционному исследованию личностных «черт» и структур и, в целом, бессубъектному подходу к личности [11; 8]. Модель всевозрастного развития, в которой развитие взрослого человека представлено взаимосвязями онтогенеза и жизненного пути личности, обосновали Б. Г. Ананьев, Л. И. Анцыферова, М. Д. Александрова, О. В. Кранова, Т. Д. Марцинковская, П. Балтес, Г. Томе.

Взрослость — самый длительный из всех периодов развития человека, который делится на этапы ранней, средней и поздней взрослости. Особый интерес в плане анализа особенностей жизненного пути личности представляет поздняя взрослость, так как многие авторы считают период от 45 до 60 лет периодом расцвета личности, самоактуализации, достижения акме. Это поколение руководителей, пик социальных достижений, устойчивой идентичности и генеративности. С другой стороны, поздняя взрослость — период подведения людьми некоторых итогов пройденной жизни, её переосмысления, сопровождающийся осознанием утраты молодости и угасания физических сил. Однако исследования, посвященные изучению особенностей субъективной картины жизненного пути личности на этапе поздней взрослости, практически отсутствуют. Это подчеркивается некоторыми авторами [10; 11].

В данной статье представлены результаты исследования особенностей субъективной картины жизненного пути женщин в поздней зрелости.

В исследовании приняли участие 90 женщин в возрасте от 23 до 55 лет, которые были разделены на три группы согласно делению на возрастные этапы зрелости. В 1 группу вошли испытуемые в возрасте от 23 до 35 лет (этап ранней зрелости), во 2 группу – испытуемые в возрасте от 35 до 45 лет (этап средней зрелости), и в 3 группу - испытуемые в возрасте от 45 до 55 лет (этап поздней зрелости).

Методы исследования: методы сбора эмпирических данных (опрос, тестирование); методы количественной (среднее арифметическое, стандартное отклонение, однофакторный дисперсионный анализ) и качественной обработки данных (классификация, систематизация); интерпретационные методы (генетический и структурный). В работе использовались следующие диагностические процедуры: опросник временной перспективы Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой и О. В. Митиной [12], методика «Психологическая автобиография» Е. Ю. Коржовой [5] и методика «Метафоры жизни» А. А. Бочавер [9].

Мы предположили, что субъективная картина жизненного пути женщины на разных этапах периода зрелости имеет особенности, проявляющиеся во временной ориентации, в событийно-содержательной структуре жизненного пути и в отношении личности к собственному жизненному пути и к себе, как его субъекту. Событийно – содержательные особенности субъективной картины жизненного пути представляет собой рациональный и осознаваемый уровень конкретных представлений о собственной жизни. Особенности малоосознаваемого, эмоционального отношения испытуемых к собственному жизненному пути и себе как его субъекту были изучены нами с помощью типичных метафор, используемых женщинами для описания собственной жизни и себя как её субъекта и выявления временной ориентации личности (на прошлое, настоящее или будущее).

Анализ средних показателей по временным ориентациям позволил выделить как общее, так и отличия для разных этапов периода зрелости. К общим особенностям временных ориентации относится, во-первых, доминирование ориентации на будущее (рис. 1).

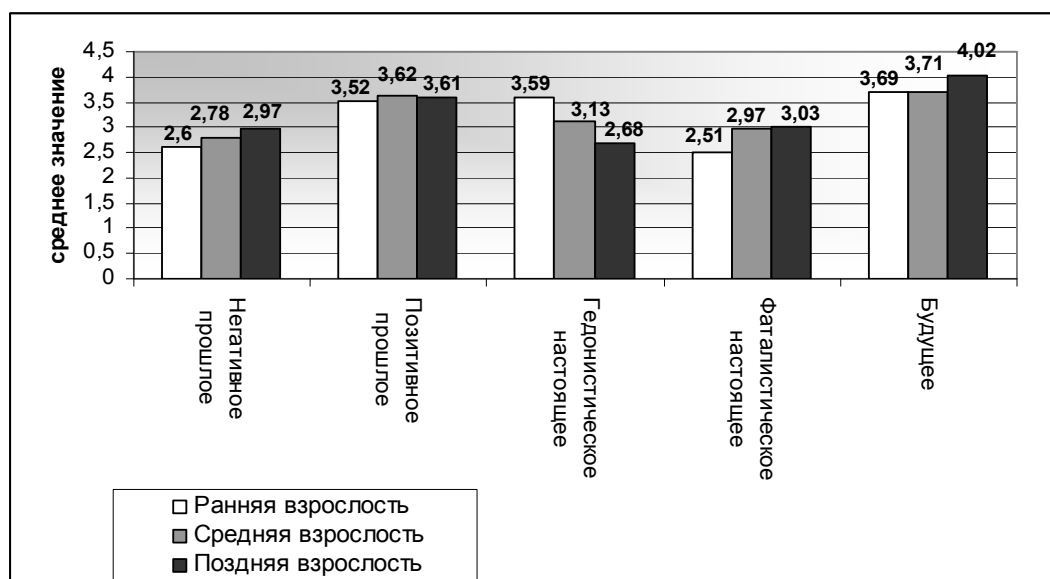


Рис. 1. Средние значения показателей временных ориентаций испытуемых на разных этапах периода зрелости



На протяжении всего периода взрослости будущее значимо для женщин, но при этом, его значимость увеличивается к поздней взрослости. Различия при переходе от одного этапа взрослости к другому статистически значимы на уровне $p < 0,05$ ($F=4,007$; $p=0,042$). Это, возможно, связано с преодолением «кризиса середины жизни», увеличением значимости будущего ввиду его объективного сокращения. Во-вторых, при наличии негативной оценки прошлого, у женщин доминирует позитивное восприятие собственной прошлой жизни. То есть, на всех этапах взрослости прошлое женщинами вспоминается преимущественно позитивно, с теплотой и сентиментальностью, что отражает свойственное для человека стремление опираться на позитивный опыт.

Были выявлены отличия во временных ориентациях женщин. В целом по временной ориентации «настоящее» ориентация на гедонистическое настоящее, доминирующая на этапах ранней и средней взрослости, сменяется в поздней взрослости ориентацией на фаталистическое настоящее. Относительно временной ориентации на фаталистическое настоящее выявлены различия в её выраженности при переходе от этапа ранней взрослости к этапам средней и поздней взрослости статистически значимы на уровне $p < 0,01$ ($F=9,565$; $p=0,003$). То есть, растет убеждение женщин в том, что настоящее следует переносить с покорностью и смирением. Растет тенденция довольствоваться тем, что они имеют в жизни, и меньше думать о вещах, которые, скорее всего, уже никогда не удастся достичь. Люди в поздней взрослости видят свою жизнь более предсказуемой и предопределенной.

Относительно временной ориентации на гедонистическое настоящее выявлены различия в её выраженности при переходе от этапа ранней взрослости к этапам средней и поздней взрослости. Различия статистически значимы на уровне $p < 0,01$ ($F=8,707$; $p=0,007$). Ориентация на получение удовольствия, на переживании волнения, возбуждения, наслаждения в настоящем, «здесь и сейчас», более характерна для молодых женщин. В период ранней взрослости сохраняется характерное для юности стремление к самоопределению, опытам и экспериментам. Это период постоянного желания испытывать новые эмоции, получать новые впечатления, когда при принятии решений преобладает импульсивность. Далее значимость настоящего момента и отношение «будь что будет» уходят на второй план, к поздней взрослости возрастает роль мыслей о будущем: в профессиональной, в семейной и других сферах жизни.

Таким образом, особенностями временных ориентаций как показателя субъективной картины жизненного пути женщины в поздней взрослости являются: рост ориентации на будущее, фаталистическое отношение к настоящему и позитивное отношение к прошлому.

Показателями событийно-содержательной структуры жизненного пути женщин являются – продуктивность воспроизведения испытываемыми жизненными событиями, продуктивность воспроизведения испытываемыми событиями различной степени субъективной значимости, удаленность жизненных событий субъекта (в прошлое и будущее) и частота встречаемости различных типов и видов жизненных событий.

Средние значения продуктивности воспроизведения различных категорий жизненных событий у женщин на разных этапах периода взрослости отражены на рис. 2.

Установлено, что продуктивность воспроизведения женщинами жизненных событий прошлого выше продуктивности проектирования событий будущего на всех этапах периода взрослости. Это свидетельствует о том, что на всех этапах взрослости испытываемые испытывают трудности в актуализации образов конкретных событий планируемого будущего (статистически значимых различий между разными этапами взрослости не выявлено). При этом, для поздней взрослости, по сравнению с ранней и средней взрослостью, характерны более высокие показатели продуктивности воспроизведения прошедших событий. Различия при переходе от одного этапа взрослости к другому статистически значимы на уровне $p < 0,01$ ($F=9,964$; $p=0,001$). Это обусловлено, с одной стороны, объективным увеличением прошлого к этапу поздней взросло-

сти, а с другой стороны, возможно, ростом его субъективной значимости. Осознание насыщенности и полноты жизни характерно для испытуемых на этапе средней и поздней зрелости, о чем свидетельствует высокая продуктивность воспроизведения ими событий жизни.

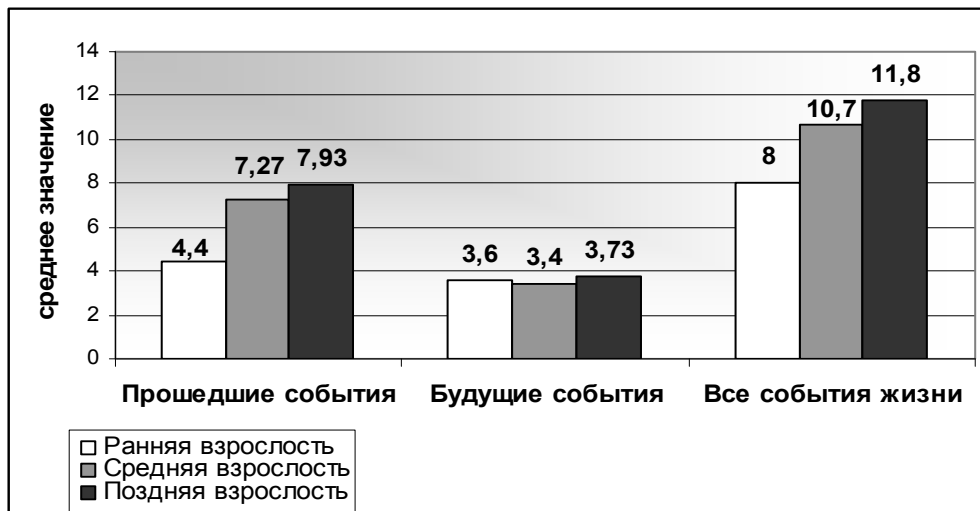


Рис. 2. Средние значения продуктивности воспроизведения испытуемыми различных категорий жизненных событий на разных этапах периода зрелости

Анализ средних показателей ретроспекции и антиципации жизненных событий на разных этапах периода зрелости показал, что при переходе женщин от ранней зрелости к поздней жизненная ретроспектива увеличивается, а перспектива будущего сокращается (рис. 3). И по показателю удаленности жизненных событий в прошлое (ретроспекция), и по показателю удаленности жизненных событий в будущее (антиципация) обнаружены статистически значимые различия при переходе от одного этапа зрелости к другому на уровне (соответственно $F=8,518$; $p=0,002$ на уровне значимости $p<0,01$ и $F=5,783$; $p=0,027$ на уровне значимости $p<0,05$).

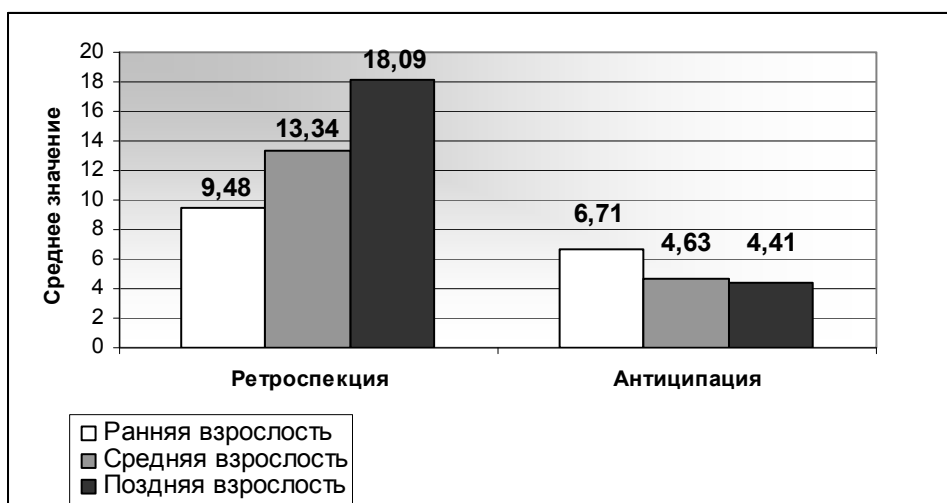


Рис. 3. Средние значения показателя удаленности жизненных событий субъекта (в прошлое и будущее) на разных этапах периода зрелости у женщин

Таким образом, в поздней взрослости, по сравнению с ранней и средней взрослостью, люди строят менее дальние планы на жизнь, более актуальными для них становятся события ближнего будущего и события прошлого.

Выявлено, что в период поздней взрослости увеличивается количество индифферентных жизненных событий, о чем свидетельствует редкое использование женщинами крайних эмоциональных оценок событий собственной жизни (рис. 4). По показателю продуктивности воспроизведения событий умеренного значения различия при переходе от одного этапа взрослости к другому статистически значимы на уровне $p < 0,01$ ($F=6,188$; $p=0,012$). К этапу поздней взрослости значимо снижается эмоциональность и повышается рациональность женщин в отношении оценки событий собственной жизни.

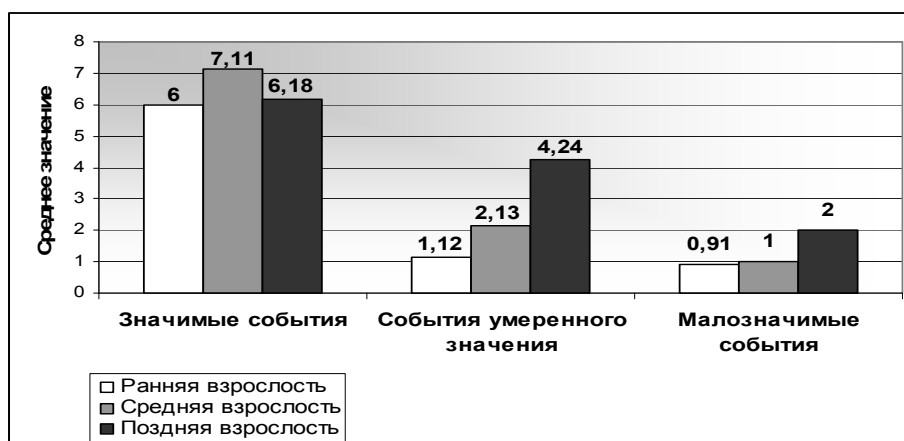


Рис. 4. Средние значения показателя продуктивности воспроизведения испытуемыми событий различной степени субъективной значимости на разных этапах периода взрослости

Рассмотрим событийно-содержательные особенности субъективной картины жизненного пути личности в период поздней взрослости по частоте встречаемости различных типов и видов жизненных событий (табл. 1).

Таблица 1

Частота встречаемости различных типов и видов жизненных событий для личности на разных этапах периода взрослости

№	Тип, вид событий / Этап периода взрослости	Частота встречаемости		
	Тип жизненных событий	ранняя взрослость	средняя взрослость	поздняя взрослость
1	2	3	4	5
1	Тип событий, относящихся к изменениям социальной среды	142	126	138
2	Личностно-психологический тип	44	68	74
3	Биологический тип	43	49	55
4	Тип событий, относящихся к изменениям физической среды	4	6	5
	<i>Вид жизненных событий</i>			
1	Учеба, повышение квалификации	41	36	32
2	Дети	37	42	63
3	Работа	32	29	37
4	Брак	26	48	28
5	Материальное положение	29	23	27
6	Межличностные отношения	27	18	11



Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
7	<Я>	18	28	43
8	Здоровье	7	13	16
9	Общество	6	7	2
10	Родительская семья	4	10	9
11	Место жительства	2	2	4

Система представлений женщин о жизненных событиях у испытуемых на разных этапах периода взрослости имеет как сходства, так и различия. Общим является то, что на всех этапах периода взрослости первое место по частоте встречаемости и субъективной значимости занимает социальный тип событий, то есть события, связанные с изменением социальной среды и связанными с ними личностными изменениями. Эти события, вероятно, наиболее непосредственно характеризуют особенности социальной адаптации. На втором месте - события лично – психологического типа, связанные с выбором жизненного пути, личностными изменениями в течение жизни. Затем следуют изменения так называемого «биологического» типа, в основном за счет событий, касающихся рождения детей и внуков. Наименее значимыми для женщин являются изменения физической среды. Что же касается динамики типов называемых событий, то выявлено, что с возрастом падает субъективная значимость событий социального типа, и растет значимость лично-психологических событий и биологических событий.

Относительно видов событий, выявлено, что наиболее значимыми для женщин на всех этапах периода взрослости являются события, связанные с детьми, учебой и повышением квалификации. Различия заключаются в том, что если в период ранней взрослости к значимым событиям жизни испытуемые так же относят работу, а в период средней взрослости – брак, то в период поздней взрослости – сферу «Я». При переходе от ранней взрослости к поздней значимость событий, связанных с детьми, со сферой «Я» и здоровьем возрастает, а значимость событий, связанных с учебой, повышением квалификации и межличностными отношениями - падает. Показатели значимости событий, связанных с работой и браком, возрастают от этапа ранней взрослости к средней и снижаются от этапа средней к этапу поздней взрослости.

Таким образом, особенностями системы представлений женщин о жизненных событиях на этапе поздней взрослости является повышение значимости событий, связанных с детьми и со сферой «Я», и снижение значимости событий, связанных с учебой, повышением квалификации и межличностными отношениями. При этом наиболее значимыми являются события, связанные с детьми, учебой и повышением квалификации и сферой «Я».

Охарактеризуем особенности метафор, которые женщины используют для описания собственно жизненного пути и себя как субъекта этого пути (табл. 2).

Таблица 2

Распределение категорий метафор жизненного пути и субъекта жизненного пути, употребляемых испытуемыми разных этапов взрослости, %

№	Категории метафор жизненного пути	Ранняя взрослость	Средняя взрослость	Поздняя взрослость
1	2	3	4	5
1	Путь	25,5	24,2	14,7
2	Радость	21,6	18,8	20,2
3	Угроза	11,9	13	16,5
4	Мгновение	9,8	8,2	14,7
5	Норматив	9,3	5,4	3,6



Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
6	Развлечение	11	11,4	13
7	Задача	3,4	3,3	0
8	Потребление	2,5	2,7	1,7
9	Изменчивость	2	2,7	12,8
10	Развитие	1,5	7,6	1,7
11	Таинство	1,5	2,2	1,2
12	Наказание	0	0,5	0
	Всего	100	100	100
	<i>Категории метафор субъекта жизненного пути</i>			
1	Жертва	34,1	12,2	25
2	Взрослый	29,5	26,8	32,1
3	Ребенок	13,6	12,2	8,3
4	Автор	11,4	21,9	15,6
5	Агрессор	6,9	12,4	8,4
6	Победитель	4,5	4,9	2,3
7	Персонаж	0	9,6	8,3
	Всего	100	100	100

Исходя из данных, представленных в табл. 2, мы можем сделать вывод, что испытуемые на протяжении всего периода взрослости сравнивают свою жизнь с путем, полным радости, но в то же время и несущим для них угрозу. При переходе от ранней к поздней взрослости отношение личности к жизненному пути становится менее конвенциональным, о чем свидетельствует снижение количества метафор жизни как норматива, задачи и пути.

Критическим возрастом в оценке женщинами себя как субъекта жизненного пути является предшествующая поздней средней взрослости. В этот период происходит изменение частоты использования различных метафор: частота одних увеличивается к поздней взрослости («взрослый», «жертва»), частота других - уменьшается («ребенок», «победитель», «агрессор», «персонаж»). Люди на этапе ранней взрослости сравнивают себя с жертвой, ощущая себя при этом и взрослым, и ребенком; на этапе средней взрослости - со взрослым и автором собственной жизни, считая, что достигают этого благодаря напористости («агрессор»); на этапе поздней взрослости - также со взрослым, но который является жертвой благодаря самому себе («автор»).

В результате анализа полученных в исследовании результатов, выявлено, что поздняя взрослость имеет как общее, так и особенное в когнитивных и эмоциональных характеристиках субъективной картины жизненного пути по сравнению с этапом ранней и средней взрослости. Учет этих особенностей в практике деятельности психологических служб будет способствовать повышению качества психологической консультации женщин этого возраста (поздняя взрослость) по проблемам личной, семейной и профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Карпинский К. В. Психология жизненного пути личности / К. В. Карпинский. - Гродно: ГрГУ, 2002. - 167 с.
2. Логинова Н. А. Жизненный путь человека как проблема психологии / Н. А. Логинова // Вопросы психологии. - 1995. - № 1. - С. 32 - 41.
3. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. - Киев: Наукова думка, 1984. - 208 с.
4. Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути / А. А. Кроник, Р. А. Ахмеров. - М.: Смысл, 2003. - 310 с.

5. Коржова Е. Ю. Психологическое познание судьбы человека / Е. Ю. Коржова. – СПб.: Питер, 2001. – 225 с.
6. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности / В.В. Нуркова. – М.: Издательство УРАО, 2000. – 218 с.
7. Рубинштейн С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн // Проблемы общей психологии. – СПб.: Питер, 2000. – 712 с.
8. Ананьев Б. Г. Человек как объект познания / Б. Г. Ананьев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 340 с.
9. Бочавер А. А. Метафора как способ внутренней репрезентации жизненного пути личности: дисс. ... канд. психол. наук / А. А. Бочавер. – М., 2010. – 220 с.
10. Кон И. С. Жизненный путь личности как предмет междисциплинарного исследования / И. С. Кон // Психология личности в трудах отечественных психологов: Хрестоматия. – СПб.: Питер, 2000. – С. 269 – 279.
11. Абульханова К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 365 с.
12. Сырцова А. А., Соколова Е. В., Митина О. В. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе / А. А. Сырцова, Е. В. Соколова, О. В. Митина // Психологическая диагностика. – 2007. – № 1. – С. 85 – 106.

FEATURES OF THE SUBJECTIVE PICTURE OF LIFE OF THE WOMAN AT THE STAGE OF LATE ADULTHOOD

A. N. Afanaseva

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
afasasha87@mail.ru*

The article considers the features of a subjective picture of life of the woman at the stage of late adulthood. The essence of concept of a subjective picture of life is regarded from the event-driven approach, its basic functions and structural components are observed in the paper. Features of a subjective picture of personal life in late adulthood which are shown in time orientation, in the event- substantial structure of a course of life and relation the person to own course of life and to itself as to its subject are revealed.

Key words: subjective picture of a course of life of the person, event, time orientation, retrospective show, prospect, metaphors of a life and the subject of a course of life.



УДК 159.9 (075.8)

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПРИ ШИЗОФРЕНИИ

**О. В. Рычкова
Н. А. Соина**

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
rychkova@bsu.edu.ru
natalia.soina@yandex.ru*

Статья посвящена изучению нарушений эмоциональной сферы у больных шизофренией, проявлений социальной ангедонии с учетом клинической симптоматики. В статье представлен обзор различных теорий эмоций в психологии, включая современную модель «эмоционального интеллекта». Все большее внимание уделяется экспериментальному изучению патологии эмоциональной сферы, и данная работа следует указанной традиции. У больных шизофренией были выявлены значительные по интенсивности негативные эмоциональные переживания. Также были обнаружены дефициты социального познания, восприятия эмоций, запрет на выражение чувств; описан ряд связей, важных для понимания структуры нарушений эмоциональной сферы при шизофрении.

Ключевые слова: шизофрения, эмоциональный интеллект, социальная ангедония, депрессия, социальное познание, восприятие эмоций, запрет на выражение чувств.

На протяжении истории существования психологии как отдельной науки, одной из сложнейших проблем является психология эмоций. Реальность эмоциональной сферы, состоящая из переменчивых, всегда субъективных, крайне сложно измеряемых явлений, именуемых чувствами, эмоциями, переживаниями, плохо поддается описанию и систематизации. Попытки создания теории эмоций предпринимались неоднократно, причем авторами, стоящими на разных теоретических позициях. Первые концепции отчетливо абсолютизировали физиологический компонент эмоций, интерпретируя их в духе идеи Ч. Дарвина, а для него эмоции человека были рудиментами целесообразных приспособительных реакций животных, или У. Джемс и К. Г. Ланге, рассматривающих эмоции как следствие тех или иных фактически рефлекторных физиологических проявлений. В психоаналитической психологии З. Фрейд в качестве основного эмоционального переживания рассматривал аффект тревоги, выводимый им непосредственно из влечений (запретных, инстинктивных), и представляющий собой форму инстинктивной энергии. Такое сужение взгляда помешало психоанализу создать систематическую теорию аффектов, а понимание коммуникативного значения эмоций нашло отражение в психоаналитических разработках много позднее.

Важнейшим вкладом в психологию эмоций стали когнитивно-ориентированные теории эмоций как зарубежных (Arnold M., Pribram K., Schachter S., Lazarus, R.), так и отечественных авторов (П. В. Симонов). Наибольшее значение в этих моделях отводится процессам оценки и контроля, которые определяют знак эмоции. Роль эмоций в регуляции деятельности человека также зафиксирована в теоретических моделях - как признание эмоции в качестве актуального отражения потребности человека (С. Л. Рубинштейн), через отражение в эмоции смысла действия (А. Н. Леонтьев), признание их регулирующего или дезорганизующего влияния (В. К. Вилюнас). Эвристичная идея о единстве интеллекта и аффекта сформулирована Л. С. Выготским, который говорил об «обобщении переживаний», «аффективном обобщении» или «логике чувств». Подчеркнем также, что у Л. С. Выготского умственные процессы, включая осознание переживаний («смысловое осознание»), то есть интеллектуализация чувств, проявляются в первую очередь во взаимодействии с людьми. Авторитетные западные исследователи также подчеркивают коммуникативные функции эмоций (К. Изард), их роль в межличностном взаимодействии и регуляторных процессах во внутреннем плане личности.

Логическим продолжением когнитивных теорий эмоций, представлений о некоем наборе операций, обеспечивающих эффективность оценки переживаний и успешную регуляцию своего эмоционального состояния, стала модель «эмоционального интеллекта». Эта модель имеет уже достаточную историю, формировалась постепенно на протяжении XX – XXI вв., начиная с обособленного рассмотрения эмоций и интеллекта, через понимание их связи, взаимовлияния, так или иначе отмечаемого многими авторами, до возникновения собственно данного понятия и его определения в качестве отдельного предмета психологического исследования. Родилось понятие «эмоциональный интеллект» в рамках модели более широкого концепта «социальный интеллект», предложенной P. Salovey, J. Mayer в 1990 г. (заметим, что понятие «социальный интеллект» известно психологии с 1920-х гг. XX в., с работ E. Thorndike, и также активно разрабатывается в современной психологии). Однако настоящую популярность и признание как предмета, достойного изучения, понятие «эмоциональный интеллект» приобрело с 1995 г., после выхода ставшей бестселлером одноименной книги D. Goleman. На сегодняшний день можно говорить об активных разработках с целью прояснения психологической сущности данного феномена, его соотнесения и разграничения с другими, более традиционными понятиями научной психологии, создания обобщающей концепции. Можно говорить о нескольких моделях эмоционального интеллекта, претендующих на статус интегративной и общепризнанной. Это модель автора концепта D. Goleman, который интерпретирует его как широкий набор компетенций и черт, необходимых для эффективного совладания и адаптации. Известной стала модель «эмоционально-социального интеллекта» R. Bar-On (3), которую иногда называют смешанной, поскольку автор рассматривает эмоциональный интеллект как широкий круг когнитивных, мотивационных, волевых, личностных черт, социальных умений и навыков, обеспечивающих адаптацию субъекта. Более признанной вследствие обоснованности и разработанности, равно как оснащенности измерительным инструментарием, является модель J. D. Mayer, P. Salovey, D. Caruso. Указанные авторы описывают (и измеряют) эмоциональный интеллект как ряд когнитивных способностей, ориентированных на переработку эмоциональной информации, выделяя способность воспринимать, понимать эмоции, использовать их для осуществления деятельности (как мышления, так и поведения), и сознательно управлять эмоциями.

Вопрос о том, почему шизофрения привлекла исследователей нарушений эмоционального интеллекта в последние годы, также требует своего освещения. Дело не только в высокой социальной значимости данного психического расстройства, обусловленной часто ранним началом болезненного процесса (шизофрения – болезнь молодых) и тяжелыми, несмотря на психофармакологическое лечение, социальными последствиями. Важнее другое – в психиатрии и клинической психологии идет постепенная смена модели самого шизофренического расстройства, с переходом от трактовки данного заболевания как имеющего сугубо биологическую основу, к пониманию психосоциальных механизмов развития расстройства, пусть даже и на эндогенно измененной почве. В связи со сменой биологической парадигмы на биопсихосоциальную, наиболее последовательно воплощаемую в диатез-стрессовой модели, правомерен отказ от фрагментированного описания изолированных дефектов у больных шизофренией, что ранее имело место как в феноменологически ориентированной психиатрии, сосредоточенной на описании симптомов и систематизации синдромов, так и в экспериментальной патопсихологии. Последняя всегда была более центрированной на изучении нарушений мыслительной сферы у больных, поскольку именно их полагали ядром патопсихологического шизофренического симптомокомплекса. В варианте отечественной патопсихологии это наиболее ярко отражено в подходе Ю. Ф. Полякова и его соавторов, описавших нарушения избирательности актуализации информации, в меньшей степени – в работах школы Б. В. Зейгарник, где нарушения мышления рассматривали в контексте личности больного. Необходим переход к пониманию заболевания в динамике, исходя из факторов, повышающих вероятность



развития психоза, и протективных факторов. И это касается как уже заболевших пациентов, так и имеющих высокий генетический риск. В этой связи роль эмоциональной жизни пациента, его способов реагирования на стресс и совладания с ним нельзя переоценить.

Зарубежные авторы (кроме психоаналитически ориентированных) также посвятили необозримое число работ изучению и описанию дефектов когнитивных процессов (часто именуемых «исполнительскими функциями»). Были описаны многочисленные дефициты познавательных процессов самых разных – от времени реакции, параметров внимания, памяти, интеллектуальных, регуляторных дефицитов. Что же касается нарушений эмоциональной сферы у больных шизофренией, они также нашли свое отражение в работах в первую очередь клинических, поскольку нельзя не заметить проявления сопутствующей основному заболеванию депрессии, равно как признаков оскудения, уплощения, своеобразия эмоциональной жизни больных шизофренией. Но изучение этих феноменов клиницистами всегда носило тенденциозный характер: они интерпретировались только как вторичные в структуре основного синдрома (галлюцинаторного, бредового, кататонического или иных), сопутствующие, а иногда и медикаментозно обусловленные, самостоятельного значения фактически не имели.

Постепенно, в связи со сменой представлений о генезе шизофрении, особую роль приобрели дефициты, связанные не просто с познавательными процессами, но именно с познанием объектов социального мира: нарушения восприятия социальных стимулов, социальной компетентности, коммуникативных навыков, всего того, что препятствует адаптации. Нарушения социального познания перестали рассматриваться как часть более общего дефицита когнитивных способностей, но стали интерпретироваться как отдельный, особый вид нарушений, значимый для понимания шизофренического дефекта (P. W. Corrigan, D. L. Penn). Сложилось целое направление исследований, использующее для описания нарушений социального познания у больных шизофренией ряд моделей. В контексте темы настоящей статьи особое значение имеют исследования нарушений восприятия лицевой экспрессии, эмоций, как собственных, так и других лиц (Е. И. Елигулашвили, Д. Н. Хломов, Н. С. Курек, Н. Г. Гаранян, D. L. Penn, P. W. Corrigan, D. Combs, S. Mohamed, др.), автобиографической памяти, как тесно связанной с эмоциональным опытом и его переработкой, и потому претендующей на статус механизма, обуславливающего дефициты социального взаимодействия (S. Blairy, A. Neumann, F. Nutthals, L. Pierret), нарушения «прагматики речи», затрудняющие построения социального взаимодействия больными шизофренией (W. I. Fraser, K. M. King, P. Thomas, R. E. Kendell, R. Goldfarb, J. Eisenson). Термин «social cognition» (социальная когниция) приобрел широкое звучание и стал повсеместно использоваться для описания дефицитов и проблем больных шизофренией.

Именно в этом контексте все более широкую известность приобретает модель «эмоционального интеллекта», как соединяющая воедино когнитивные процессы, обслуживающие социальное познание и параметры эмоциональности. Эта модель привлекает четкостью, удивительной в такой плохо структурируемой области психологических феноменов, которой являются эмоции, чувства. Исследования эмоционального интеллекта при психопатологических состояниях только начались, но уже ведутся как за рубежом, так и в нашей стране (А. Ш. Тхостов, И. В. Плужников, С. D. Frith, T. A. Russell, K. Rubia, R. Bar-On, др.), хотя число работ невелико.

Как видно из краткого обзора, эмоциональный интеллект представляет собой способность к опознанию, пониманию эмоций и управлению ими, причем имеются в виду как собственные эмоции субъекта, так и эмоции других людей – распознавание и понимание их необходимо для успешного социального взаимодействия. Поэтому мы решили в качестве основных исследуемых аспектов эмоционального интеллекта на исследуемой нами выборке изучить, во-первых, способность адекватно проявлять свои чувства (**экспрессивный компонент эмоционального интеллекта**), что

дает возможность человеку донести до других информацию о своем состоянии, отношении, потребностях, а также научиться самому более полно осознавать свои эмоциональные состояния и управлять ими; во-вторых, способность определять эмоции других людей (**импрессивный компонент эмоционального интеллекта**) по различным проявлениям невербального поведения – выражению лица, взгляду, позе и жесту, – на чем базируется возможность правильно реагировать на эмоциональные состояния других людей и учиться изменять их, меняя свое поведение.

Проведенный анализ литературы позволил сформулировать ряд **гипотез**:

1. Нарушения эмоциональной сферы у больных шизофренией представлены широко и включают такие составляющие как проявления депрессии, тревоги, враждебности, социальной ангедонии;

2. У больных шизофренией значительно страдает эмоциональный интеллект как группа способностей, обеспечивающих распознавание эмоций – собственных и других людей, и регуляцию своего эмоционального состояния;

3. Весомым фактором стабилизации нарушений эмоциональной сферы больных является социальная ангедония как мотивационная установка, препятствующая социальному взаимодействию.

Целью проведенного исследования стало выявление нарушений эмоциональной сферы у больных шизофренией и индекорреляций внутри этих нарушений для проверки заявленных гипотез.

Материал и методы исследования:

Выборка включала 60 человек (30 мужчин, 30 женщин) больных шизофренией, находящихся в состоянии ремиссии, в возрасте от 20 до 55 лет. Критерием включения являлся установленный врачами-психиатрами диагноз «Шизофрения, параноидная форма», критерием исключения – наличие психотического состояния, диагностических сомнений. В качестве группы сравнения мы обследовали группу психически здоровых испытуемых (30 человек: 15 мужчин, 15 женщин), не имевших существенных отличий от больных по возрасту. Исследование проводилось на базе филиала № 5 МСЭ по г. Белгороду.

В исследовании нами использовались следующие группы методик:

1. Для оценки психопатологической симптоматики – Шкала позитивной и негативной симптоматики PANSS (оценка проводилась клиницистом);

2. Для квалификации параметров эмоционального состояния больных: Шкала депрессии (А. Бек), Шкала тревоги (А. Бек), Шкала оценки уровня социальной ангедонии (M. L. Eckblad, L. J. Chapman, J. P. Chapman, M. Mishlove), Проективный тест враждебности (А. Б. Холмогорова, Н. Г. Гаранян);

3. Для выявления нарушений эмоционального интеллекта: Опросник «Запрет на выражение чувств» (В. К. Зарецкий, А. Б. Холмогорова, Н. Г. Гаранян), методики Н. С. Курека «Распознавание эмоций» (стимульный материал – лицо человека, переживающего определенную эмоцию) и «Поза и жест» (эмоции должны распознаваться по выразительному жесту); «Тест глаз» (S. Baron-Cohen).

Статистическая обработка эмпирических данных проводилась путем сравнительного, корреляционного, кластерного и факторного анализа. Использовались программы: Microsoft Office Excel, Stadia, SPSS.

Результаты исследования:

Начальным этапом оценки результатов стал анализ психопатологического состояния больных исследованной группы. На основе усредненных показателей по субшкалам PANSS можно видеть, что позитивная симптоматика у больных исследованной группы присутствует в минимальной степени, поскольку суммарный показатель по «Шкале позитивных симптомов» чуть превышает 11 баллов. Это понятно, поскольку больные обследованы в состоянии ремиссии, многие принимают поддерживающую психофармакотерапию, признаков обострения симптоматики никто из них не обнаруживал. По «Шкале негативных симптомов» показатель выше – 20, 2 балла, причем повышение достигается в основном за счет субшкал Н1 («Притупленный аффект») и



Н6 («Нарушения спонтанности и плавности речи»), где средние значения достигают 3 баллов, субшкалы Н2 («Эмоциональная отгороженность») и Н3 («Трудности в общении») – соответственно 2,5 балла. По «Шкале общепатологических симптомов» показатель довольно высокий – около 57 баллов, и повышение достигается за счет таких субшкал как О6 («Депрессия»), О7 («Моторная заторможенность»), О11 («Нарушения внимания»), О12 («Снижение критичности к своему состоянию»), О13 («Расстройство воли»), О15 («Загруженность психическими переживаниями»), О16 («Активная социальная устраненность»), усредненные значения по которым около 3 баллов. Приведенные данные свидетельствуют о значительном фоновом клиническом неблагополучии больных исследованной группы, хотя параметры не выходят за пределы обычных для данного заболевания значений. Содержательный анализ указанных шкал позволяет оценить пациентов исследованной группы как замкнутых, отстраненных от окружающего, в том числе – от социальной жизни, избегающих общения, которое тяготит их, с устойчиво сниженным настроением. При этом свои проблемы, собственную измененность больные осознают недостаточно, критика снижена.

Проведем более детальный анализ состояния эмоциональной сферы с использованием Шкалы депрессии и Шкалы тревоги А. Бека (табл.1).

Таблица 1

Усредненные показатели эмоционального состояния больных шизофренией исследованной группы

Испытуемые	Показатель по Шкале депрессии	Показатель по Шкале тревоги
<i>Больные</i>	<i>28,63±11,8**</i>	<i>19±11,66**</i>
<i>Здоровые</i>	<i>3,23±1,85</i>	<i>5,97±8,16</i>

*** степень достоверности различий по U-критерия Манна-Уитни $p < 0,01$.*

При статистическом сравнении уровня тревоги и депрессии больных и здоровых людей были обнаружены существенные различия: эмоциональное состояние больных шизофренией характеризуется резким повышением измеряемых параметров, за которым стоит преобладание негативных переживаний в виде чувства потери энергии, безрадостности, утраты прежних интересов, утомляемости, раздражительности, безнадежности, с пессимистической оценкой перспектив. Также больные часто испытывают беспокойство, неспособность расслабиться, ощущение страха или даже ужаса перед окружающим миром. Наши данные подтверждают как приведенные выше показатели по общепатологическим шкалам, так и данные клинических наблюдений, свидетельствующих об эмоциональном неблагополучии больных шизофренией.

На следующем этапе мы изучили показатели Шкалы социальной ангедонии. Эта практически не применяемая в отечественных исследованиях методика определяет готовность (а в случае нашей выборки, неготовность) получать удовольствие от общения с другими людьми. Концепция социальной ангедонии как основного предиктора психоза (в том числе шизофренического) была предложена довольно давно (Meehl P. E., Rado S.), и, как любая односторонняя концепция, впоследствии отвергнута. Однако на наш взгляд, вместе с водой выплеснули и ребенка, поскольку идея невозможности получения больными шизофренией удовольствия от общения с другими людьми прекрасно дополняет модель шизофрении, основанную на констатации дефицита социальных навыков и социального познания. Социальная ангедония здесь выполняет роль мотивационной составляющей нарушенной деятельности межличностного общения, находится в круговой каузальной связи с иными социальными дефицитами. Расшифровать кольцевую причинность в данном случае можно так: ситуация неуспеха в межличностных отношениях, обусловленного дефицитами социального познания, препятствует построению больными удовлетворяющих их отношений и приводит к переживанию неудовольствия (социальной ангедонии), что, в свою очередь, ведет к отказу от общения, и лишает возможности получения больными нового



опыта, совершенствованию своих социальных навыков, и вновь ведет к неудаче. Именно поэтому мы сочли необходимым изучить параметр социальной ангедонии и его связи с другими нарушениями эмоциональной сферы у больных.

Приведенные ниже данные (табл. 2) свидетельствуют о том, что у больных резко повышен уровень социальной ангедонии и довольно заметно повышены показатели по проективному тесту враждебности. Использованный нами тест, основанный на проективной процедуре и потому относительно свободный от искажений, позволяет определить вклад в показатель враждебности таких параметров как видение других людей как «склонных возвышаться за счет принижения окружающих» (фактор 1), как приписывание другим «презрения к слабости» (фактор 2), и как «холодных и равнодушных» (фактор 3). Полученные на выборке больных результаты очевидно свидетельствуют о наличии у больных приписываний всех трех типов характеристик, что предопределяет значительные искажения в мотивации межличностного взаимодействия – с фактически неизбежным отказом от него.

Таблица 2

Показатели социальной ангедонии и враждебности больных шизофренией

Испытуемые	Данные «Проективного теста враждебности»			Показатель шкалы «Социальная ангедония»
	1 фактор	2 фактор	3 фактор	
Больные	45,75* ± 19,62	56,78** ± 17,71	57,83* ± 14,63	23,75 ± 8**
Здоровые	27,27 ± 11,83	47,77 ± 10,52	41,43 ± 11,2	4,87 ± 1,98

** степень достоверности различий по U-критерия Манна-Уитни $p < 0,01$.

* степень достоверности различий по U-критерия Манна-Уитни $p < 0,05$.

В рамках нашей работы был проведен анализ импрессивного компонента эмоционального интеллекта – по данным трех тестов, направленных на оценку способности распознавать эмоции другого человека. Ниже (табл. 3) мы видим не просто плохие, но катастрофически плохие результаты по всем использованным методикам, что свидетельствует о резком снижении способности больных определять эмоциональное состояние партнера по общению. Качественный анализ данных (не приведен в статье подробно) показал, что наибольшие затруднения вызывает распознавание таких негативных чувств, как страх, презрение, гнев, и гораздо меньше ошибок больные допускают при распознавании радости. Аналогичные по сути, но еще более низкие показатели были получены у больных при решении задачи распознавания эмоций по позе и жесту. Здесь повсеместно отмечались затруднения, отказы от ответов, использование описательных формулировок и неэмоциональных суждений, типичное для больных по данным ранее проведенных исследований. «Тест глаз» как оригинальная, ранее не апробированная на российской выборке методика, отличается более широким набором предложенных для распознавания чувств, но результаты ее аналогичны, и число верно распознанных пациентами, больными шизофренией, эмоций крайне мало.

Таблица 3

Показатели импрессивного компонента эмоционального интеллекта у больных шизофренией

Испытуемые	«Распознавание эмоций»	«Поза и жест»	«Тест глаз»
Больные	7 ± 3,03**	4,85 ± 3,21**	10,7 ± 6**
Здоровые	14,7 ± 2	14,43 ± 1,7	24,6 ± 3,08

** степень достоверности различий по U-критерия Манна-Уитни $p < 0,01$.

* степень достоверности различий по U-критерия Манна-Уитни $p < 0,05$.



Экспрессивный компонент эмоционального интеллекта оценивался нами на основе методики, измеряющей запрет на выражение чувств, поскольку очевидно, что чем более отчетливо выражен запрет, тем менее вероятным будет как спонтанное, непосредственное, так и произвольное выражение эмоций. Данные по тесту ЗВЧ (табл. 4) демонстрируют выраженный, в части случаев почти предельный запрет на выражение базовых эмоций, особенно гнева, страха и печали, а также общий запрет на выражение чувств.

Таблица 4

**Показатели экспрессивного компонента эмоционального интеллекта
больных шизофренией**

Испытуемые	Запрет на выражение отдельных эмоций				Общий запрет
	Печаль	Радость	Гнев	Страх	
<i>Больные</i>	2,16** ± 0,65	1,9 ± 0,8	2,47** ± 0,59	2,27** ± 0,58	1,81* ± 0,68
<i>Здоровые</i>	1,8 ± 0,73	1,59 ± 0,72	1,72 ± 0,47	1,83 ± 0,5	1,75 ± 0,63

** степень достоверности различий по U-критерия Манна-Уитни $p < 0,01$.

* степень достоверности различий по U-критерия Манна-Уитни $p < 0,05$.

Мы полагаем необходимым проинтерпретировать приведенные в таблице результаты следующим образом. Запрет на выражение гнева отражает, на наш взгляд, боязнь больными собственных агрессивных импульсов, своей враждебности и ее разрушительных последствий, в том числе – в виде ответной агрессии, осуждения со стороны окружающих. Также высок уровень запрета на выражение страха, который оценивается больными как проявление слабости, неуверенности, возможно – свидетельство психической патологии. Если учесть удельный вес переживаний страха и смежной с ним тревоги в психическом состоянии больных, то данный запрет представляется еще более фатальным по своим последствиям. Наименьшим оказался уровень запрета на выражение радости как положительной эмоции, проявление которой достаточно безопасно и не влечет за собой негативных последствий. Относительно невысокий показатель общего запрета на выражение чувств при измерении с помощью данной методики не является результирующей других показателей, но зависит от признания того, что эмоции в целом вредят здоровью, затрудняют общение и мешают продуктивной деятельности. Больные не склонны соглашаться с этими высказываниями, что еще раз подтверждает значимость для них эмоциональной сферы.

Возвращаясь к данным по частным эмоциям и запрету на их выражение, отметим, что отчуждение большого пласта своих генуинных, внутренних переживаний, отрицание их не могут не сказываться на психическом состоянии больных, порождая дискомфорт, растерянность из-за невозможности точного осознания собственного состояния, а в тяжелых случаях – симптомы деперсонализации. Кроме того, запрет на выражение чувств не дает возможности справляться с ними, перерабатывать и отреагировать эмоции, что приводит к эффекту кумуляции, особенно негативных переживаний, запрет на выражение которых выше. Тем самым вновь ухудшается эмоциональное состояние больных, стабилизируются и хронифицируются нарушения эмоциональной сферы.

На следующем этапе анализа полученных данных мы оценили значимость корреляционных связей между измеряемыми параметрами, используя коэффициент ранговой корреляции Спирмена (поскольку данные использованных шкал не являются нормализованными). Были выявлены многочисленные значимые связи между показателями, характеризующими эмоциональное состояние больных (ангедонией, депрессией, тревогой), шкалами психопатологических симптомов, а также отдельных параметров эмоционального интеллекта. С целью интеграции корреляционных связей мы осуществили факторный анализ, позволивший выделить четыре основных по на-

грузке фактора. Это дало нам возможность выделить основные группы параметров нарушения эмоциональной сферы у больных шизофренией, объединенных отдельными факторами, и выявить наиболее значимые для каждой группы показатели.

Группа параметров, объединенных влиянием **первого фактора**, включает в себя показатели распознавания всех видов эмоций, оказавшиеся тесно связанными между собой, что логично, поскольку они отражают одну способность – к перцепции социальных эмоциональных стимулов. Однако еще интереснее то, что в данный фактор с отрицательным знаком и максимальным значением вошел параметр социальной ангедонии (-0,639). Этот факт доказывает, что точность распознавания эмоций других людей по мимическим и пантомимическим проявлениям снижается у больных шизофренией по мере повышения уровня социальной ангедонии. Поэтому мы условно назвали данную группу параметров «Социальная ангедония как фактор нарушения эмоционального интеллекта», и роль социальной ангедонии как мотивационной составляющей нарушенной деятельности межличностного общения также нашла свое подтверждение. Справедливости ради скажем, что кроме социальной ангедонии в данный фактор с отрицательным знаком вошли показатели клинического неблагополучия больных (шкалы общепсихопатологических (-0,52) и негативных (-0,48) симптомов) и депрессии (-0,469). Однако для нас роль социальной ангедонии имеет особое значение, и в том, что ее повышению сопутствуют депрессия и нарастание негативной симптоматики противоречия мы не видим. В отношении содержательных связей перцептивных способностей больных и социальной ангедонии можно указать на данное выше пояснение о кольцевых закономерностях или «порочном круге», где каждый компонент состояния усиливает и стабилизирует иные составляющие, хронифицируя патологические феномены (в данном случае социальная ангедония, депрессия препятствуют осуществлению деятельности и совершенствованию навыков социальной перцепции эмоционального состояния).

Второй фактор объединил практически все составляющие экспрессивного компонента эмоционального интеллекта, и запрет на выражение основных эмоций, включая общий запрет (0,727), оказались связаны значимыми корреляционными связями. Также в данную группу параметров вошли показатели депрессии (0,332) и тревоги (0,576), что дало нам возможность условно назвать ее «Нарушения экспрессивного компонента эмоционального интеллекта вследствие аффективных расстройств». Исходя из анализа составляющих данной группы параметров, можно утверждать, что больные вследствие высокого уровня тревоги склонны воспринимать большинство ситуаций как угрожающие, что вновь ведет к повышенной настороженности и замкнутости в общении. Депрессивные переживания, во многом связанные с собственным болезненным состоянием, а также опытом прошлых неудач в межличностном взаимодействии, также способствуют повышению запрета на выражение разных видов эмоций, в частности, страха и гнева. При анализе составляющих данной группы стоит заметить, что тревожно-депрессивные состояния, способствующие нарушению экспрессивного компонента эмоционального интеллекта, и сами усугубляются по мере усилению запрета на выражение чувств, так как больные, боясь выразить через проявление чувств свое отношение к происходящему, теряют возможность отреагировать собственные эмоции, повлиять на поведение окружающих и изменить ситуацию.

Следует отметить, выделение первого фактора, объединившего практически все показатели распознавания эмоций, и второго фактора, влияющего на все показатели запрета на выражение чувств, подтверждает правомерность предложенной нами модели эмоционального интеллекта, включающей его импрессивный и экспрессивный компоненты.

Третий фактор обуславливает группу «Клинической симптоматики», состоящей из связанных между собой психопатологических симптомов разных групп, которые характеризуют общее клиническое неблагополучие больных исследуемой выборки. Клинические симптомы также связаны положительной корреляционной связью



с распознаванием эмоции страдания (0,392), что вполне объяснимо восприятием больными своего состояния как болезненного, неприятного, и отрицательно связано с видением окружающих как «презирающих слабость» (один из показателей Теста враждебности (-0,453)). Полагаем, что больные, переживающие клиническое неблагополучие как собственную слабость и беспомощность, легче распознают страдания другого человека, и в меньшей степени боятся презрения других людей по отношению к себе. Можно предполагать возрастание готовности принимать помощь других людей по мере ухудшения клинического состояния, и болезнь может иметь некое коммуникативное значение для наших пациентов, становится определенным «мостиком» между ними и другими людьми. Положительное значение такой роли клинической симптоматики вызывает сомнения.

Но значение третьего фактора мы видим еще и в относительной независимости параметров эмоционального интеллекта от клинической картины основного заболевания. Установленная в исследовании независимость подтверждает для нас невозможность понимания состояния больного и оценку его проблем только на основании клинических характеристик, требует учета собственно психологических составляющих дефицита различных составляющих эмоциональной сферы. Фактически это требует иной организации помощи больным, с опорой на обязательную психологическую, психотерапевтическую поддержку, которые не могут быть заменены психофармакотерапией, поскольку имеют различные по сути мишени воздействия.

Под влиянием **четвертого фактора** оказались отдельные параметры эмоционального интеллекта, характеризующие распознавание негативных эмоций – гнева (0,632), презрения (0,482), показатели социальной ангедонии (0,341), депрессии (0,51), два фактора теста враждебности («видение других людей как «доминантных и завистливых»» (0,449) и «видение других людей как «холодных и равнодушных»» (0,444)), а также суммарный показатель общих психопатологических симптомов (0,322). Поскольку все перечисленные показатели связаны положительной корреляцией, можно видеть, что улучшение распознавания негативных эмоций других лиц, безусловно не доставляющее больным удовольствия, обязательно будет сопровождаться нарастанием социальной ангедонии, видением окружающим как «холодных и равнодушных», «доминантных и завистливых». Также этому будут сопутствовать экзацербация клинических симптомов, включая депрессию. Эти данные видятся нам интересными по двум причинам. Во-первых, это подтверждает большую роль связанного с межличностными отношениями стресса в ухудшении клинического состояния больных. Во-вторых, роль клинической симптоматики здесь может быть истолкована особым образом – как защитного маневра, призванного ухудшить восприятия социальной информации, травмирующей пациента. Мы полагаем поэтому возможным назвать обусловленную четвертым фактором группу показателей «Клинические симптомы как защита от негативных переживаний», и данная функция относится по крайней мере к части выявленных у больных симптомов из числа общепсихопатологических. Понимая полемический характер сделанного утверждения, отметим, что уточнение и детализация его требует дальнейших исследований.

Выводы

1. У больных шизофренией по сравнению со здоровыми испытуемыми наблюдаются значительные повышения показателей по шкалам тревоги, депрессии, враждебности и выраженные проявления социальной ангедонии. Данные показатели связаны корреляционными связями между собой, отражают глобальный испытываемый больными эмоциональный дискомфорт, причастны к его хронификации, способствуют отказу больных от активного социального взаимодействия;

2. У больных параноидной шизофренией выявлены резко выраженные нарушения импрессивного компонента эмоционального интеллекта, представленные за-



трудностями в распознавании эмоций других людей по мимическим и пантомимическим проявлениям;

3. Для больных шизофренией характерны высокие показатели по методике «Запрет на выражение чувств», особенно часто наблюдается запрет на выражение эмоций отрицательного спектра, что свидетельствует о нарушении экспрессивного компонента эмоционального интеллекта;

4. Снижение показателей эмоционального интеллекта у больных параноидной шизофренией имеет связь с отдельными клиническими проявлениями болезни, в частности, с позитивными симптомами (подозрительность, враждебность), негативными симптомами (притупленный аффект, эмоциональная отгороженность, малоCONTACTность, пассивно-апатическая социальная отгороженность), общими психопатологическими проявлениями (тревога, вина, напряженность, депрессия);

5. Тревожно-депрессивные состояния, выявленные у исследованных пациентов, и часто трактуемые как клинические проявления болезни, в большей степени связаны с нарушениями эмоционального интеллекта и сопутствующей им социальной неуспешностью больных. Такой подход к пониманию генеза нарушений требует обязательного психологического сопровождения медикаментозного ведения больных, использования специализированных психокоррекционных вмешательств;

6. Изучение нарушений эмоционального интеллекта и анализ их связей с клинико-психологическими параметрами исследуемой группы является адекватным способом описания нарушений эмоциональной сферы больных шизофренией и дает возможность расшифровать механизмы стабилизации нарушений эмоциональной сферы.

Список литературы

1. Андреева И. Н. Об истории развития понятия «эмоциональный интеллект» // И. Н. Андреева. Вопросы психологии, № 5. – М, 2008 – С. 14 – 19.
2. Плужников И. В. Эмоциональный интеллект при аффективных расстройствах. Авт. дисс ... к. псих.н., М., 2010 – 34 с.
3. Bar-On R. Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory (EQ-i). In R. Bar-On and J. D. A. Parker (Eds.), Handbook of emotional intelligence. San Francisco: Jossey-Bass.
4. Corrigan P. W., Penn, D. L. (Eds.). «Social Cognition and Schizophrenia». – Washington: APA, 2001 – 332 p.
5. Goleman D. Emotional intelligence. New York: Bantam Books. 1995
6. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. Models of emotional intelligence. In R. J. Sternberg (Ed.), Handbook of intelligence. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 2000.
7. Meehl P. E. Schizotaxia, schizotypy, schizophrenia. American Psychologist, 1962, 17, – P. 827 – 838.
8. Rado S. Psychoanalysis of behavior: The collected papers of Sandor Rado (Vol. 2). New York: Grune and Stratton. 1962.

EMOTIONAL INTELLIGENCE IN SCHIZOPHRENIA

O. V. Rychkova
N. A. Soina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
rychkova@bsu.edu.ru
natalia.soina@yandex.ru*

This article is devoted to investigation of emotional symptoms and social anhedonia in the clinical context. The article describes the most important theories of emotion including modern concept of “emotional intelligence”. Growing attention is paid to investigation of the emotional experience in laboratory settings, and the study follows this tradition. Schizophrenia subjects experienced more intense and more variable negative emotions than controls. Our findings suggest that patients with schizophrenia have social cognitive deficits, difficulties in perception of emotions and high level blocking of emotions. Finally, analyses of results suggested the possibility of a shift in the structure of emotional diseases in schizophrenia.

Key words: schizophrenia, emotional intelligence, social anhedonia, depression, social cognition, perception of emotions, blocking of emotions.



СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Агафонова О. И.** – ассистент кафедры английского языка и методики преподавания факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Афанасьева А. Н.** – аспирантка кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии Белгородского государственного исследовательского университета
- Багана Ж.** – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Баканов Р. П.** – доцент кафедры журналистики Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат филологических наук
- Бахтиозина М. Г.** – заместитель заведующего кафедрой по научным вопросам кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук
- Бородько Д. А.** – преподаватель кафедры немецкого языка Пятигорского государственного лингвистического университета, г. Кисловодск
- Воробьева А. Е.** – ассистент кафедры английского языка и методики преподавания факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Вялых Т. В.** – учебный мастер кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, соискатель
- Гавришова Е. В.** – аспирант кафедры теории и методики физической культуры факультета физической культуры Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Горелов А. А.** – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры факультета физической культуры Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Данилова Е. С.** – ассистент кафедры теории и практики перевода факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Зимова Н. С.** – доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва), кандидат социологических наук
- Иванова Г. А.** – доцент кафедры филологического образования и междисциплинарной интеграции Ленинградского областного института развития образования, кандидат педагогических наук
- Казак М. Ю.** – профессор кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук

- Карпенко И. И.** – доцент кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Кожмякин Е. А.** – профессор кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Колесников С. А.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Красикова Т. Р.** – студентка 4 курса факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Липич В. В.** – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Лихачева Е. Н.** – доцент кафедры педагогики и психологии Карагандинского университета «Болашак», кандидат педагогических наук
- Лукьянова Е. В.** – ассистент кафедры английского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Макотрова Г. В.** – доцент кафедры педагогики факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Махова А. А.** – аспирант кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Михайлова Ю. С.** – аспирантка кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Нагорный И. А.** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Озерова Е. Г.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Пересыткин А. П.** – доцент кафедры 2-го иностранного языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Полонский А. В.** – профессор кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук



- Плужникова Д. А.** – ассистент кафедры иностранных языков Белгородского университета потребительской кооперации, магистрант Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Позднякова К. С.** – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ретинская Т. И.** – доцент кафедры французского языка Орловского государственного университета, кандидат филологических наук
- Рычкова О. В.** – доцент кафедры общей и клинической психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат психологических наук
- Сен В.Д.** – доцент кафедры педагогики факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Середина Е. В.** – ассистент кафедры английского языка и методики преподавания факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Соина Н. А.** – магистрант кафедры общей и клинической психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Соколова Т. С.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Таранова Е. Н.** – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Харченко В. К.** – заведующая кафедрой русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Черкашина Е. В.** – аспирантка кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Чумак-Жунь И. И.** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шатохина С. И.** – аспирант кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ярощук И. А.** – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Русская филология» – nagornyy@bsu.edu.ru (Нагорный Игорь Анатольевич – заместитель главного редактора); «Романо-германская филология» – prokhorova@bsu.edu.ru (Прохорова Ольга Николаевна – заместитель главного редактора); «Методологические проблемы гуманитарных наук» и «Журналистика и связи с общественностью» – korochensky@bsu.edu.ru (Короченский Александр Петрович – главный редактор); «Педагогика» – Isaev@bsu.edu.ru (Исаев Илья Федорович – заместитель главного редактора); «Психология» – NIsaeva@bsu.edu.ru (Исаева Надежда Ивановна – заместитель главного редактора).

Ответственный секретарь серии журнала – vedomosti@nm.ru (Карпенко Ирина Ивановна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ» СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология»

В материалы статьи включается следующая информация:

- | | |
|--|---|
| <ol style="list-style-type: none"> 1) УДК научной статьи; 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков); 3) ключевые слова; 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны); 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки. | <div style="font-size: 3em; line-height: 1;">}</div> <p style="text-align: center;"><i>на русском
и английском
языках</i></p> <div style="font-size: 3em; line-height: 1;">}</div> <p style="text-align: center;"><i>на русском
языке</i></p> |
|--|---|

Технические требования к оформлению текста статьи

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4. Без переносов.
2. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
 - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
 - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.



4. Абзац:
 - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
 - межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
 - номер ссылки размещается в квадратных скобках перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная;
 - текст сноски внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – **10 пт.**
6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт).**
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.



Приложение 1. Оформление статьи

УДК 808.2-318+802.0-318

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ДИХОТОМИЯ
ЗНАКОВ ЯЗЫКА И РЕЧИ¹**

Н. Ф. Алефиренко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru*

Вопреки принятой в современной лингвистике знаковой теории языка в статье предлагается решение одной из важнейших проблем теоретического языкознания: разграничение знаков языка и знаков речи. Методологической основой такого разграничения служит концепция языка как явления психики и опирается на дихотомию «язык – речь».

Ключевые слова: язык, речь, знак, функции языка и речь, когнитивно-дискурсивная деятельность.

Если исходить из основного положения дихотомии языка и речи, утверждающего, что единицы речи объективируют (реализуют) единицы языка, будет уместно, как мне представляется, использовать данную аксиому во благо развития современной лингвосомиотической теории. Кстати, не лишним было бы упомянуть, что, пожалуй, впервые идею о целесообразности различения знаков языка и знаков речи высказал Ф.Ф. Фортунатов...

COGNITIVE-DISCURSIVE DICHOTOMY OF LANGUAGE AND SPEECH SIGNS

N. F. Alefirenko

*Belgorod National
Research University*

e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

Contrary to the present-day sign theory in linguistics in the article it's proposed a solution for one of the principal issues of theoretical linguistics: distinction between language signs and speech signs. Methodologically this distinction is based on the assumption that language is a mental phenomenon and it is rested upon language/speech dichotomy.

Key words: language, speech, sign, language and speech functions, cognitive-discursive activity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алефиренко Н.Ф. – профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук.

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.



Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская обл.	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская обл.	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру рисунка.

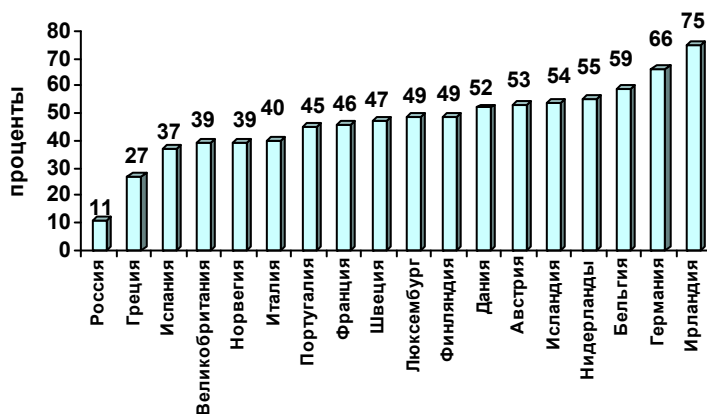


Рис. 1. Уровень активности медиапотребителей в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

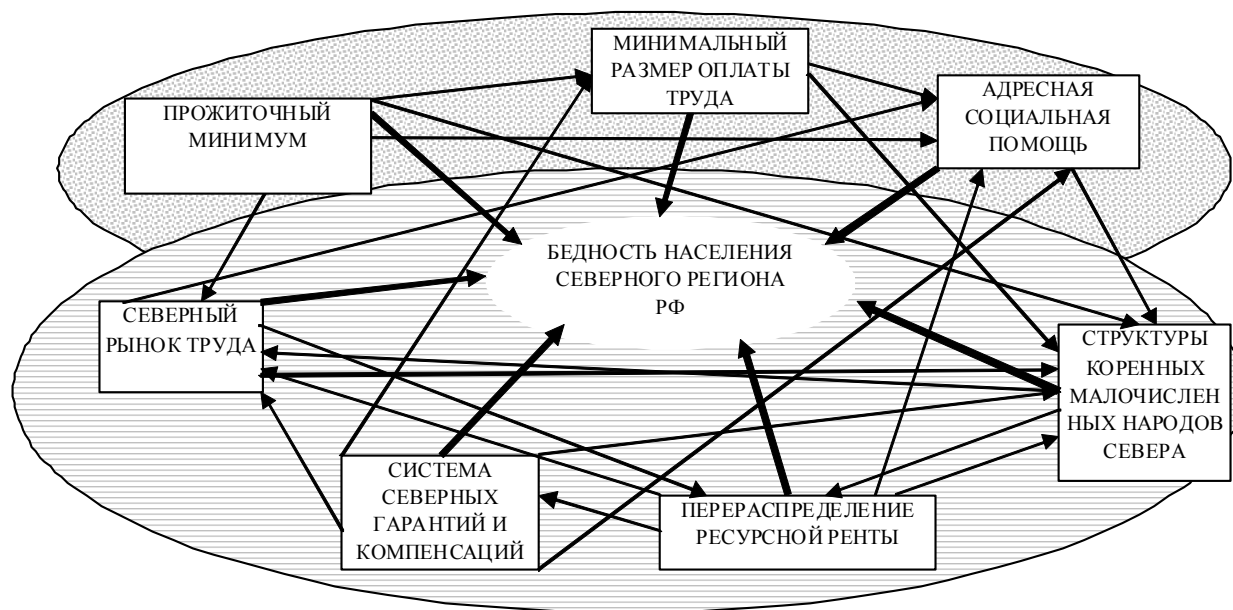


Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.